

КАК ИЗУЧАТЬ КНИГУ В.И. ЛЕНИНА
«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»

Б.М. Кедров

КАК ИЗУЧАТЬ
КНИГУ
В.И. ЛЕНИНА
«МАТЕРИАЛИЗМ
И ЭМПИРИО-
КРИТИЦИЗМ»

Б.М. Кедров

**КАК ИЗУЧАТЬ
КНИГУ
В.И. ЛЕНИНА
«МАТЕРИАЛИЗМ
И ЭМПИРИО-
КРИТИЦИЗМ»**

*Издание четвертое,
дополненное*

Москва
Издательство
политической литературы
1983

Существуют книги с разными судьбами. Многие книги, и их громадное большинство, не выдерживают испытания временем: они стареют, уходят в прошлое вместе с теми событиями, в условиях которых они создавались, их перестают читать, о них забывают. Но есть совершенно иные книги, хотя их и не очень много, которые остаются актуальными, современными, несмотря на то что меняются времена и люди, что на смену одной исторической эпохе приходит новая, существенно от нее отличная. Такие книги причисляются к никогда не стареющим классическим трудам человеческого гения. К числу таких классических трудов философской мысли как раз и принадлежит книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»¹.

Это не значит, конечно, что все, что в ней сказано, сегодня так же актуально и современно, как и 75 лет назад, когда она рождалась. Разумеется, отдельные частности не могли в ней не устареть, например те или иные критические замечания, сделанные по адресу того или иного махиста, или, скажем, некоторые рассуждения, касавшиеся специально физических открытий тех лет. Подобные частности неизбежно носят преходящий характер. Но исторически непреходящим, вечно живым и неуклонно обновляющимся является общий боевой настрой ленинской книги, написанной с позиций воинствующего материализма, творческий дух диалектического материализма, которым она пронизана, метод научной диалектики, лежащий в ее основе. Изучение ее под углом зрения материалистической диалектики составляет одну из главных, если не главную задачу, которая встает перед каждым, кто

¹ В дальнейшем мы называем ее ленинской книгой или же книгой В. И. Ленина.

приступает к штудированию книги В. И. Ленина. Это означает, что читать ее и вдумываться в ее содержание нужно так, чтобы все время видеть в ней главное и непреходящее. Такую именно мысль высказал сам В. И. Ленин в предисловии ко второму изданию своей книги (сентябрь 1920 г.), спустя 12 лет после ее написания. Он сказал, что надеется, что новое ее издание «будет бесполезно, независимо от полемики с русскими «махистами», как пособие для ознакомления с философией марксизма, диалектическим материализмом, а равно с философскими выводами из новейших открытий естествознания» (12)¹.

Теперь надо себе представить ту конкретную историческую обстановку, в которой создавалась ленинская книга. В. И. Ленин закончил ее в сентябре 1908 г. Она писалась в сложных исторических условиях. Под влиянием поражения русской революции 1905—1907 гг., под воздействием разгула в России политической реакции начался идейный разброд в среде русской интеллигенции, ранее примкнувшей к революции, к марксизму. Такой разброд проявился, в частности, в отходе от марксизма людей, на словах объявлявших себя марксистами, в выступлениях философских ревизионистов, нападавших с открытым забралом на основы марксистской философии. Особенно модными у ревизионистов стали эклектические попытки «соединять» философию марксизма с махизмом — путаной разнovidностью субъективного идеализма — или же открыто «подменять» философское учение Маркса и Энгельса взглядами Маха, варианты которых именовались то эмпириокритицизмом, то эмпириомонизмом, то эмпириосимволизмом или каким-либо иным вычурным словечком. При этом ревизионисты заявляли, что они будто бы борются против устарелых догм в марксизме, за творческое развитие марксистской философии.

В этих условиях перед подлинными марксистами встала насущная задача — защитить марксистскую теорию, и в первую очередь философию марксизма, от подрывной деятельности ревизионистов, проводивших линию буржуазной реакционной философии, отстоять чистоту и целостность философии марксизма как идейного оружия рабочего класса и его партии, пресечь попытки исказить и загрязнить ее чужеродными субъективистскими «концепциями» махизма или ему подобными.

¹ Здесь и далее в тексте в круглых скобках указываются страницы 18 тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Ссылки на другие тома даются в квадратных скобках: первая цифра означает том, вторая — страницу.

ВЛ. ИЛЬИНЪ.

МАТЕРІАЛИЗМЪ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМЪ

**критическія замѣтки объ одной
реакціонной философiи.**

ИЗДАНИЕ „ЗВЕНО“

МОСКВА

1909

Обложка первого издания книги В. И. Ленина
«Материализм и эмпириокритицизм». —
1909 г.

Уменьшено

За решение этой неотложной задачи взялся В. И. Ленин, и он блестяще решил ее. Уже в самом названии книги подчеркнут боевой, воинствующий, сугубо полемический ее характер: как острое идейное оружие, она всем своим глубоко материалистическим содержанием направлена против опасного философского противника — эмпириокритицизма (махизма), маскирующегося под марксизм.

Однако задача В. И. Ленина не ограничивается только тем, чтобы разоблачить и разбить противника, показать, что все его новаторство в философии является мнимым и лживым, что в действительности махистская ревизия есть не что иное, как пересказ на новый лад старых идеалистических идей. Ревизионисты пытались уцепиться за новые, еще не решенные философские проблемы, поставленные ходом самой истории и новейшими открытиями естествознания. Поэтому В. И. Ленину пришлось, разоблачая предлагаемые ревизионистами «решения» такого рода проблем, дать свое, подлинно научное их решение и этим обогатить, развить, двинуть вперед все философское учение марксизма.

То новое, что внес В. И. Ленин в марксистскую философию в ходе ожесточенной схватки со своими философскими противниками, составило ядро ленинского этапа в развитии диалектического материализма.

Книга В. И. Ленина остается сегодня такой же животрепещущей и актуальной, какой она была в момент своего создания. Ее и сейчас надо признать лучшим пособием для ознакомления с философией марксизма на современном уровне ее развития. Всем своим острием эта книга неизменно оказывается направленной против самых новых изданий и переизданий старого махизма, против всякого рода неопозитивистских и постпозитивистских течений в современной буржуазной философии.

Небывалый дотоле рывок вперед сделала физика за последние три четверти века. Однако книга В. И. Ленина и здесь находится на высоте положения, конечно, не в частных вопросах, касавшихся конкретного состояния физики того времени, а в общеметодологической постановке кардинальных проблем физики XX в. К числу таких проблем относится ленинская идея о неисчерпаемости электрона, о бесконечности материи вглубь, которая фактически стала программой развития всей современной физики, в особенности же ее переднего края — физики элементарных частиц.

Хотелось бы пожелать читателям научиться прочесть ее так, чтобы увидеть в ней прожектор, осветивший на многие десятилетия магистральный путь развития философской и ес-

тественнонаучной мысли, почувствовать живую душу, творческий характер марксистско-ленинской теории. «Марксизм — не догма, а живое руководство к действию, к самостоятельной работе над теми сложными задачами, которые ставит перед нами каждый новый поворот истории... Такое отношение к нашему бесценному идейному наследию, образец которого дал Ленин, только такое непрерывное самообновление революционной теории под воздействием революционной практики и делает марксизм подлинной наукой и искусством революционного творчества. В этом — секрет силы марксизма-ленинизма, его неувядающей свежести»¹.

¹ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР. М., 1983, с. 29.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КНИГИ В. И. ЛЕНИНА

Я ставлю себя на место читателя, который впервые взял в руки ленинскую книгу и углубился в ее изучение. Читатель сразу же включается мысленно в обстановку идейной, философской борьбы, которая развернулась в те годы между В. И. Лениным и ревизионистами-махистами. Чтобы не растеряться сразу из-за обилия критикуемых В. И. Лениным высказываний своих противников, современному читателю нужно серьезно разобраться в тех исторических обстоятельствах, которые вызвали необходимость создания ленинской книги. В этом отношении читателю должна помочь глава I.

Очень важно с самого же начала понять общий характер ленинской критики, ее партийность, проникнуть в ее существо, в ее историко-философское обоснование. Ориентироваться в этом вопросе читателю призвана оказать содействие глава II.

Далее следует раскрытие и изучение непосредственной философской тематики ленинской книги, комментирование основного содержания ее глав. Задача состоит в том, чтобы помочь читателю научиться, во-первых, умению вычленять из полемического контекста книги положительное содержание оригинальной, творческой ленинской постановки философской, естественнонаучной и общественно-исторической проблематики, а во-вторых, умению проследивать проходящую сквозным образом через всю книгу линию разработки В. И. Лениным тех или иных проблем. С этой стороны должны помочь читателю остальные четыре главы первой части книги, освещающие ее общеполитическую тематику (главы III и IV), естественнонаучную (глава V) и общественно-научную (глава VI).

КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КНИГИ

Труды Маркса, Энгельса и Ленина нельзя читать догматически, по-школярски, запоминая наизусть отдельные фразы и формулировки без понимания их сущности, без раскрытия их связи со всем содержанием данного произведения и теми историческими условиями, в которых оно создавалось. Такому формальному, догматическому ознакомлению с трудами Маркса, Энгельса и Ленина противостоит глубокое, творческое их изучение, основанное на выяснении и тщательном рассмотрении идей и положений, составляющих главное содержание изучаемого произведения, на понимании целей и задач, которые ставил перед собой автор при его создании в данной исторической обстановке. Такой конкретно-исторический подход необходим также и при изучении книги В. И. Ленина.

1. Историческая обстановка

Историческая полоса, в которую человечество вступило на рубеже XIX и XX вв., известна как эпоха империализма и пролетарских революций. В. И. Ленин подчеркивал, что империализм принес с собой реакцию по всей линии. Буржуазия, напуганная приближением пролетарской революции, хватается в сфере идеологии за различные формы идеализма и религию, видя в них средство духовного воздействия на массы, позволяющее оградить от влияния революционных идей.

Поражение русской революции 1905 г. вызвало, как уже было сказано, не только политическую реакцию, но и идеологический разброд в идейно неустойчивых слоях русской интеллигенции, примкнувших в годы подъема к революционному движению и отошедших от него в годы реакции. С этим было связано усиление всякого рода ревизионистских, ликвидаторских, оппортунистических течений, проявление прямого ренегатства и «духовного мародерства» (по выражению В. В. Воровского). В области философии это нашло отражение в отступлениях от марксизма и материализма вообще, в ревизии диалектического и исторического материализма с позиций махизма, в проповеди более или менее явных религиозных концепций (богоискательство, богостроительство).

Философская ревизия марксизма проводилась так, словно это было не отречение от марксизма и вообще от материализма

ма, а дальнейшее творческое развитие марксизма в соответствии с новыми данными науки. Ревизионисты заявляли, что нужно очистить марксизм от якобы устарелых положений, от «догматически» воспринятых утверждений, к числу которых они относили основные принципы марксистской философии.

С этой ревизией нужно было решительно бороться, как с отступничеством от великого учения К. Маркса, как с попыткой взорвать его изнутри под предлогом необходимости его развития. «...Ревизия «формы» материализма Ф. Энгельса, ревизия его натурфилософских положений,— писал В. И. Ленин,— не только не включает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом. Махистам мы ставим в упрек отнюдь не такой пересмотр, а их *чисто ревизионистский* прием — изменять *сути* материализма под видом критики *формы* его, перенимать основные положения реакционной буржуазной философии без всякой попытки прямо, откровенно и решительно посчитаться с такими, например, безусловно крайне существенными в данном вопросе, утверждениями Энгельса, как его утверждение: «...движение немислимо без материи» (265—266).

Характеризуя существо и тактику философских ревизионистов марксизма, В. И. Ленин говорил в Предисловии к своей книге: «На деле — полное отречение от диалектического материализма, т. е. от марксизма. На словах — бесконечные увертки, попытки обойти суть вопроса, прикрыть свое отступление, поставить на место материализма вообще кого-нибудь одного из материалистов, решительный отказ от прямого разбора бесчисленных материалистических заявлений Маркса и Энгельса... Это — типичный философский ревизионизм, ибо только ревизионисты приобрели себе печальную славу своим отступлением от основных воззрений марксизма и своей боязнью или своей неспособностью открыто, прямо, решительно и ясно «рассчитаться» с покинутыми взглядами» (10).

Книга В. И. Ленина направлена против философского ревизионизма махистов, ставшего серьезной опасностью для марксизма, особенно в годы реакции, когда для русских марксистов настоящей была задача сохранить чистоту революционной теории, отстоять идеи марксизма от нападок врагов, с тем чтобы, руководствуясь теорией Маркса, готовить пролетариат и его партию к грядущей решающей битве за победу социалистической революции в России. Ленинская критика махизма имела огромное международное значение.

Кроме отмеченных выше особенностей, касающихся политической и идейно-теоретической сторон общественной жизни, обстановка, в которой пишется тот или иной труд, характеризуется также и развитием научной мысли, в частности связанной с экспериментальными и теоретическими открытиями в области естествознания.

Нередко возникает следующий вопрос: почему в своей книге Ленин главное, почти исключительное внимание из всех отраслей естествознания уделил физике, причем из всех разделов и проблем этой науки он остановился преимущественно на учении о строении материи? Объясняется это тем, что в конце XIX в. физика и прежде всего физическое учение о строении материи выдвинулись на первое место среди всех остальных естественных наук с их проблемами и надолго заняли ведущее место в современном естествознании.

История науки свидетельствует о том, что в различные эпохи в области естествознания выдвигается на первый план в качестве ведущей та или иная его отрасль, с которой особенно тесно переплетаются соответствующие философские выводы и концепции. В XVII — XVIII вв. такой отраслью была механика, наложившая отпечаток на всю науку того времени. Именно с расцветом механики в качестве ведущей в то время отрасли естествознания связано возникновение механического естествознания тех веков и механицизма как мировоззрения в виде механистического материализма.

Механика, изучавшая простейшие по тому времени формы движения материи, ее свойства и закономерности, выступила тогда как своего рода трамплин для развития всех других наук. Отталкиваясь от нее, они сделали гигантский бросок вперед в XIX в., став на вполне уже самостоятельный путь развития. Так, уже в начале XIX в. выдвинулись вперед химия и биология, к которым в середине XIX в. присоединилась и физика. Это произошло благодаря открытию кислорода и созданию химической атомистики, открытию закона сохранения и превращения энергии, созданию клеточной теории, возникновению дарвинизма и другим великим естественнонаучным открытиям.

На рубеже XIX и XX вв. общая ситуация в развитии естествознания повторилась, но, разумеется, на новой, более высокой основе: теперь вновь выдвинулась или, лучше сказать, вырвалась вперед в качестве ведущей одна отрасль науки, на этот раз физика, изучавшая простейшие объекты природы. С этого момента физика все дальше проникает в глубь материи; своими открытиями она ломает старую, механистическую картину мира и связанные с нею положения метафи-

зического материализма о неразрушимости «элементов», о вечности и неизменности фундаментальных физических свойств материи.

Но если уже на рубеже XIX и XX вв. физика начала играть в естествознании ведущую роль, то и выдвигаемые в ходе ее бурного развития философские вопросы, связанные именно с новыми физическими открытиями, стали привлекать к себе особенное внимание и философов, и естествоиспытателей. Отсюда борьба между материализмом и идеализмом в естествознании сосредоточивается прежде всего вокруг новейших открытий физики.

Все это и объясняет, почему, анализируя борьбу между материализмом и идеализмом в естествознании начала XX в. и философски обобщая с позиций диалектического материализма важнейшие достижения науки о природе того времени, В. И. Ленин в своей книге остановился главным образом на новой физике, т. е. на физике микроявлений, совершающихся в области атомного мира. Несколько позднее (в 1911 г.) он прямо указывал на то, что именно новая физика поставила на очередь дня новые философские вопросы, с которыми диалектический материализм должен был справиться, т. е. должен был дать на них обоснованные философские ответы.

Анализируя открытия в физике, начавшиеся на рубеже XIX и XX вв., необходимо было учитывать то, что они происходили в особых исторических условиях — в условиях резкого обострения идеологической борьбы.

До тех пор в физике и во всем естествознании господствующие позиции прочно занимал материализм, который, как правило, носил форму механистического или же стихийного материализма. В середине и второй половине XIX в. идеологи буржуазии, ведя борьбу против марксизма, обрушивались в первую очередь на материалистическую *диалектику* и сравнительно терпимо относились к материализму метафизическому.

В этих исторических условиях великие открытия естествознания середины XIX в., как правило, не влекли за собой усиления идеалистических поветрий *внутри* самого естествознания, хотя такого рода поветрия время от времени появлялись уже и в то время.

Положение коренным образом изменилось к концу XIX в., когда буржуазное общество вступило в стадию империализма, т. е. загнивающего, умирающего капитализма. Буржуазная философия по-иному стала реагировать на новые открытия в области науки о природе. Идеалистическая

реакция стала цепляться за каждое новое открытие, сущность которого еще не была раскрыта и понята, пытаясь повернуть его против материализма, выдавая его за мнимое опровержение материализма и за «доказательство» правоты философского идеализма. Такая ярко выраженная реакционная тенденция не была случайным эпизодом в развитии естествознания и философии конца XIX — начала XX в., а закономерно вытекала из особенностей новой исторической обстановки. Для того чтобы «научно» подтвердить и подкрепить сильно пошатнувшиеся еще раньше позиции религии и идеализма, идеологам буржуазии требовалось во что бы то ни стало создать видимость оправдания этих позиций новейшими данными науки. Не случайно поэтому махисты, на деле, объективно выполнявшие эту задачу, заявляли, что в своей борьбе против материализма они представляют будто бы «философию современного естествознания» или даже «философию естествознания XX в.».

«Физиологические» идеалисты в XIX в. пытались использовать новейшие данные физиологии для «опровержения» материалистической теории отражения и утверждения кантианского агностицизма (к их числу принадлежал и Гельмгольц, «теорию символов» которого критикует Ленин в своей книге). Подобно этому среди физиков конца XIX — начала XX в. возникло особое течение идеализма, появление которого свидетельствовало о глубоко противоречивом характере развития естествознания в период империализма.

Бурное развитие физики привело к изменению многих прежних представлений о строении материи и ее свойствах, к открытию новых ее видов и форм ее движения. В связи с этим подверглись коренной ломке и пересмотру многие ранее принятые в физике понятия, физические теории, формулировки физических законов.

Идеологическая реакция делала отчаянные попытки использовать в своих интересах ломку старых понятий, теорий, представлений в физике, истолковав ее как «опровержение» материализма и «доказательство» правоты идеализма. Успехи науки использовались философами-идеалистами в весьма реакционных целях. Ленин писал, что «нельзя взять в руки литературы махизма или о махизме, чтобы не встретить претенциозных ссылок на новую физику, которая-де опровергла материализм и т. д. и т. п.» (265). Основательны ли были эти ссылки — вопрос другой, но, как подчеркивал В. И. Ленин, несомненны попытки идеалистов «связать» свои взгляды с новой физикой, использовать ее достижения и трудности в интересах реакционной философии.

Итак, в развитии естествознания и в характере борьбы материализма и идеализма, развернувшейся вокруг новейших физических открытий, появились на рубеже XIX и XX вв. новые тенденции, которые внесли весьма существенные изменения в общий ход познания природы и в процесс философского обобщения его результатов.

Учитывать эти новые обстоятельства, которых не было в XIX в., когда выступали со своими философскими трудами Маркс и Энгельс, Ленин считал необходимым. Он писал: «...связь новой физики или, вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению. Разбирать махизм, игнорируя эту связь, — как делает Плеханов, — значит издеваться над духом диалектического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса» (265). И в этом отношении книга В. И. Ленина представляет собой замечательный образец творческого подхода к анализу событий, совершавшихся в то время в науке.

Ленинская книга, как и следовало ожидать, нашла самое горячее одобрение и поддержку у сторонников Ленина; напротив, у его противников она встретила бессильную злобу.

Верные ученики Ленина, истинные большевики-ленинцы полностью разделяли философские взгляды своего вождя и учителя, активно помогали ему разоблачить его идейных противников, в том числе и тех партийных интеллигентов, которые в годы реакции отошли от марксизма и ударились в идеалистическое поветрие махизма. Большевик И. Дубровинский публично выступил против А. Богданова на его реферате, который состоялся в Женеве в 1908 г., причем Ленин написал предварительно свои «Десять вопросов референту» (5—6) в качестве тезисов для выступления Дубровинского. Горячо и страстно выступал против махизма В. Воровский.

Раскритикованные В. И. Лениным махисты из числа русских социал-демократов встретили ленинскую книгу в штыки. А. Богданов ответил на нее пасквилем, в котором, пытаясь выгородить свои ошибочные взгляды, дошел до такого абсурда, что приписал Ленину проповедь и защиту... фидеизма! При этом вера в бога и уверенность («вера») в реальном существовании внешнего мира и его познаваемости ставились А. Богдановым на одну доску и попросту отождествлялись.

По-разному откликнулись на нее философствующие меньшевики. Л. И. Аксельрод (Ортодокс) в рецензии на эту

книгу поставила своей задачей обелить Плеханова, ряд серьезных философских ошибок которого Ленин подверг принципиальной критике в своей книге. Она тщательно старалась доказывать, что отмеченные Лениным ошибочные положения Плеханова не содержат ошибок и полностью согласуются с марксизмом. Особенную неприязнь у нее вызвал принцип партийности в философии, красной нитью проходящий через всю ленинскую книгу. Другой сторонник Плеханова — А. М. Деборин, не ссылаясь прямо на книгу В. И. Ленина, взял на себя задачу показать, как с позиций философии надо оценивать достижения и состояние современного естествознания, в том числе физики. Но Деборин не сумел этого сделать, не смог отвести ленинского обвинения, выдвинутого против Плеханова, в том, что он, Плеханов, критикует махизм абстрактно.

Даже среди большевиков, как известно, оказались люди, которые не разбирались глубоко в философских разногласиях и спорах между Лениным и русскими махистами, не понимали существа этих споров и разногласий, не видели их связи с животрепещущими вопросами политики, задачами революционной борьбы пролетариата. Им казалось, что поднятый Лениным спор с махистами в значительной степени надуман, что он похож на «бурю в стакане воды». Между тем книга В. И. Ленина решала важнейшую задачу, вставшую тогда перед партией большевиков, — защитить во всей его чистоте марксистское учение как теорию революционного пролетариата, как его боевое мировоззрение.

2. Что нового внес Ленин

После возникновения марксизма идеологи буржуазии свой главный удар направили против революционной диалектики вообще, против ее распространения на общество в особенности. Основным средством борьбы против диалектики служила метафизика. Во второй половине XIX в. получили распространение взгляды вульгарного материалиста Бюхнера и его последователей. Среди естествоиспытателей подвизались всякого рода механисты, в области социологии стали модными позитивизм О. Конта, плоский эволюционизм Г. Спенсера и так называемый социальный дарвинизм, сводивший в духе грубого механицизма законы общественного развития к биологическим законам.

В этих исторических условиях Марксу и Энгельсу пришлось в первую очередь защищать и развивать в борьбе с

врагами марксизма именно диалектику — ту сторону марксистского философского учения, которая касается его научного метода и составляет душу всего марксистского учения. Разумеется, развитие этой стороны философии марксизма шло в неразрывной связи со всеми ее остальными сторонами, причем сама диалектика развивалась именно как материалистическая, как включающая в себя логику и теорию познания материализма. Итак, в центре внимания философских исследований основоположников марксизма стояли в первую очередь вопросы диалектики, диалектического метода.

В новую историческую эпоху узловым пунктом борьбы марксизма с его идейными врагами стали проблемы теории познания (гносеологии). В силу этого В. И. Ленин в своей книге сосредоточил главное внимание именно на этих проблемах, разрабатывая марксистскую философию с теоретико-познавательной ее стороны и в неразрывной связи с диалектическим методом, более того, разрабатывая теорию познания как составную часть самой материалистической диалектики.

Например, проблема истины была разобрана Энгельсом в плане соотношения абсолютной и относительной истины, исходя при этом из того неоспоримого для материалиста положения, что всякая истина есть отражение (полное или частичное) вне нас существующей реальности, т. е. носит объективный характер. Но такой гносеологический вопрос Энгельс не разрабатывал специально, так как эта сторона проблемы истины в его время не выдвигалась как главная в ходе идеологической борьбы.

Обстоятельства существенно изменились в новую эпоху, которая наступила после смерти Энгельса. Теперь проблема истины ставилась врагами марксизма в плане философского релятивизма: признание относительности истины стало толковаться махистами и их союзниками как отрицание объективности истины, т. е. в смысле приписывания ей только чисто условного, произвольного характера, как положения, якобы введенного в науку лишь в целях удобства, «экономии мышления» и т. п.

В связи с этим Ленин, развивая дальше идеи Энгельса и целиком опираясь на них, разработал в борьбе с махистами гносеологическую сторону этой проблемы. Он вскрыл соотношение между абсолютной, относительной и объективной истиной, показав, что нельзя смешивать, как это делают махисты, два разных, но тесно связанных между собой вопросов:

Первый: существует ли объективная истина, т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит ни от человека, ни от человечества?

Второй: если да, то могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно?

Отвечая на оба эти вопроса, Ленин развивает дальше философию марксизма.

По-новому решается вопрос и о соотношении материи и движения. Во времена Энгельса это соотношение Е. Дюринг рассматривал с позиций метафизического материализма, отрывая материю от движения, т. е. пытаясь мыслить какое-то первоначальное состояние материи, когда она была будто бы лишена движения. Метафизический подход Дюринга не давал ему возможности объяснить, как же совершился переход материи от этого статического состояния к динамическому. Дюринг сползал на позиции «первоначального толчка», следовательно, признания бога-творца. За это и критиковал его Энгельс.

После смерти Энгельса идеалистическая реакция, используя данные учения об энергии, привела к созданию особого идеалистического течения — энергетизма; энергетизм пытался оторвать движение от материи, т. е. мыслил движение идеалистически и метафизически, без материи. Хотя подобные взгляды высказывались и в XIX в. и тогда же подвергались критике со стороны материалистов (Ленин ссылается, например, на критику И. Диченном спиритов и прочих «духовидцев»), однако как особое философское течение энергетизм оформился лишь на рубеже XIX и XX вв. в связи с общей идеологической реакцией, которую принес империализм.

Критикуя энергетизм и развивая диалектический материализм, Ленин вскрыл противоположность материализма и идеализма в понимании соотношения материи и движения и вместе с тем противоположность материализма диалектического и метафизического: «Идеалист может считать мир *движением* наших ощущений... материалист — движением *объективного* источника, объективной модели наших ощущений. Метафизический, т. е. антидиалектический, материалист может принимать существование материи (хотя бы временное, до «первого толчка» и т. п.) без движения. Диалектический материалист не только считает движение неразрывным свойством материи, но и отвергает упрощенный взгляд на движение и т. д.» (285).

Новые положения, внесенные В. И. Лениным в философию марксизма, также обнаруживаются в решении Лениным философских вопросов естествознания, о чем будет сказано ниже.

В своей книге Ленин прекрасно показал, в чем состояло различие двух исторических эпох: эпохи домонополистического капитализма, двигавшегося по восходящей линии развития (XIX в.), и эпохи монополистического капитализма, вступившего в стадию загнивания и начавшего уже двигаться по нисходящей линии (XX в.). В зависимости от новой исторической обстановки в марксистской философии, т. е. в диалектическом и историческом материализме, делались акценты на различные стороны (моменты) единого, цельного философского учения марксизма.

Такая различная акцентировка была вызвана не личными, преходящими соображениями, не вкусами и настроением авторов, а коренными, строго объективными условиями той и другой исторической эпохи. И сама эта акцентировка осуществлялась при полном сохранении внутренней цельности всего учения, глубокого и нераздельного единства всех его сторон и составных частей.

В соответствии с этим Ленин писал: «Маркс и Энгельс, вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с кропателями, естественно обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории. От этого Маркс и Энгельс в своих сочинениях больше подчеркивали *диалектический* материализм, чем диалектический *материализм*, больше настаивали на *историческом* материализме, чем на *историческом материализме*» (350).

Так В. И. Ленин охарактеризовал ту историческую эпоху, в которой жили и творили Маркс и Энгельс. Новая эпоха, наступившая после их смерти, как показал далее Ленин, существенно отлична от предшествующей эпохи. «Наши махисты, желающие быть марксистами, — продолжает Ленин, — подошли к марксизму в совершенно отличный от этого исторический период, подошли в такое время, когда буржуазная философия особенно специализировалась на гносеологии и, усваивая в односторонней и искаженной форме некоторые составные части диалектики (например, релятивизм), преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма вверху... Наши махисты не поняли марксизма, потому что им довелось подойти к нему, так сказать, *с другой стороны*, и они усвоили — а иногда не столько усвоили, сколько заучили — экономическую и историческую теорию Маркса, не выяснив ее основы, т. е. философского материализма» (350).

В свете ленинской характеристики новой исторической эпохи, в которой создавалась разбираемая книга, вырисовы-

ваются яснее особенности этой книги, причем не только ее содержания, но и стиля, формы изложения, а главное, раскрывается полнее и ярче то новое, что было внесено В. И. Лениным в развитие марксистской философии.

3. Связь с другими произведениями основоположников марксизма-ленинизма

Творческий подход к изучению книги В. И. Ленина предполагает также рассмотрение ее в связи, во-первых, с основными философскими произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса, дальнейшим развитием которых она является, тем более что сам ее автор постоянно ссылагается и опирается на них; во-вторых, с другими сочинениями самого Ленина, в которых поднимаются и решаются те же философские вопросы, что и в изучаемом произведении. Возьмем, например, ленинское положение о неразрывности и единстве диалектики, теории познания и логики в марксистской философии. В ленинской книге это единство отражено уже в самих названиях первых трех глав, в которых рассматривается теория познания *диалектического* материализма, а не просто материализма. Это значит, что все вопросы гносеологии Ленин разбирал с точки зрения материалистической диалектики, применяя к их решению диалектический метод. Он писал: «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным» (102). Это значит, по Ленину, стать на точку зрения исторического развития человеческого познания.

В «Философских тетрадах» это важное положение марксистской философии специально исследуется Лениным и получает дальнейшее развитие.

Сопоставление книги В. И. Ленина с «Философскими тетрадами» и другими его философскими произведениями позволяет выяснить и то, как именно понимал Ленин положение, гласящее, что диалектика и есть теория познания марксизма, что диалектика, логика и теория познания материализма — это одно и то же. Эти ленинские формулировки не могут быть истолкованы как доказательство того, будто Ленин вообще не видел никаких различий между логикой, диалектикой и теорией познания, а полностью их отождествлял. Весь ход изложения ленинской книги доказывает обратное.

В. И. Ленин постоянно выделял и прослеживал именно гносеологические, теоретико-познавательные вопросы, трактуя их с позиций диалектики, а не смешивая со специальными вопросами логики и диалектики.

Характеризуя диалектику, логику и теорию познания как различные стороны марксистской философии, считая возможным и даже необходимым выделять и ставить специально гносеологические вопросы, В. И. Ленин вместе с тем не допускал того, чтобы эти вопросы ставились вне и независимо от диалектического метода. Напротив, он показывал, что только с позиций марксистской диалектики можно дать правильный ответ на любой гносеологический вопрос. В свою очередь, любой вопрос марксистского метода может и должен ставиться лишь в неразрывной связи с материалистической теорией познания, т. е. как вопрос *материалистической* диалектики. То же касается и логики, все вопросы которой в марксистской философии ставятся и решаются в единстве с диалектикой и теорией познания материализма, иначе говоря, как вопросы марксистской диалектической логики. Это становится особенно ясным, если сопоставить ленинскую книгу не только с «Философскими тетрадами» В. И. Ленина, но и с его работой «Еще раз о профсоюзах...» (1921 г.).

Сравнительное изучение книги Ленина, в связи с основными философскими произведениями Маркса и Энгельса и другими трудами самого Ленина, дает возможность исторически подойти к ее содержанию. Такой подход позволяет понять ее замысел, направленность, новизну положений, увидеть все это в перспективе прогресса марксистской философии, всей современной науки и вместе с тем в свете творческого развития философской мысли самого ее автора.

Некоторые идеологи ревизионизма и открытые враги марксизма-ленинизма пытаются противопоставить идеи, высказанные Лениным в работах до 1914 г. и более поздних. Ведя ожесточенную борьбу против теории отражения, они голословно обвиняют ее в пассивной созерцательности, в механицизме и даже в конформизме, в приспособленчестве к обстоятельствам. Они лишают ее подлинного смысла и значения, объявляя, что будто бы теория отражения принижает роль преобразующей и созидательной практической деятельности человека, лишает само человеческое сознание его творческого характера.

Противники марксизма-ленинизма утверждают, что до 1914 г. Ленин якобы стоял на позициях *так* понимаемой теории отражения, более того, что он будто бы в то время вообще разделял философские взгляды Каутского и поддерживал

плоский эволюционизм. Это, так сказать, первый этап, по их мнению, философской эволюции Ленина.

Второй этап начинается с 1914 г., когда вспыхнула мировая война и стала реально приближаться социальная революция в России. Тогда, дескать, Ленин круто повернул от своих первоначальных воззрений к признанию, что теория отражения недостаточна, что ее нужно дополнить или развить в теорию творческой деятельности (практической и познавательной); на смену каутскианству и идее плоской эволюции приходят якобы идеи революционной диалектики, и Ленин становится тем мыслителем-революционером, которого знает весь мир. Таков, по заявлениям ряда ревизионистов и открытых наших врагов, второй этап философской эволюции В. И. Ленина.

С этой совершенно ложной точки зрения, книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» наиболее полно отражает первый из этих этапов (теория отражения, каутскианство, плоский эволюционизм), а «Философские тетради» — второй этап (теория творения, антикаутскианство, революционная диалектика).

Так, фальшиво изображая развитие марксистской философии в трудах Ленина, путем грубых искажений и бесчисленных передержек наши идейные противники пытаются противопоставить два ленинских философских труда. Это им нужно для того, чтобы «доказать», будто Ленин не всегда был творческим марксистом, а стал таким только накануне 1917 г., что до этого он был, дескать, таким же догматиком, как и Каутский, а потому ленинские труды, написанные до 1914 г., следует рассматривать сугубо критически.

Но нельзя доказать недоказуемое. В действительности нелепые выдумки, будто бы до 1914 г. Ленин был каутскианцем, стоял на позициях плоского эволюционизма, лишал человеческое сознание способности активно участвовать в творческой деятельности людей, обрекая его лишь на пассивное отражение объекта, разбиваются вздребезги при первом же соприкосновении с подлинными фактами.

В частности, обнаруживается глубокая преемственная связь между обоими философскими трудами Ленина, они исходят целиком и полностью из одних и тех же общих философских принципов и посылок, причем в «Философских тетрадях» развиваются дальше те же самые положения, которые были высказаны за пять с лишним лет до этого. Ни о какой отмене в «Философских тетрадях» каких-либо принципиальных положений марксистской философии, выдвинутых ранее, не может быть и речи.

Это касается и вопроса об активной роли сознания, о правильном уяснении понятия «отражение». Только враги марксизма-ленинизма, утверждающие, что теория отражения будто исключает творческую деятельность человека и его сознания, не хотят признать, что это грубая фальсификация ленинских взглядов. Для того чтобы как-то оправдать свои утверждения, придать им хоть видимость аргументации, противники марксизма-ленинизма начинают приписывать Ленину выписанные им в «Философских тетрадах» из сочинений Гегеля идеалистические положения, которые, разумеется, оказываются несовместимыми с тем, что он говорил в 1908 г. в своей книге. С этой неблагоприятной целью, например, используется та запись Лениным гегелевской мысли, где сказано, что «сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его». На таком «основании» делается поспешный вывод, что в 1914 г. Ленин, дескать, показал ограниченность теории отражения (сознание не только отражает мир) и дополнил ее теорией творения (но сознание творит объективный мир).

В итоге готово противопоставление ленинской книги с изложенной в ней теорией отражения «Философским тетрадам» с будто бы выдвинутой в них «теорией творения». Однако анализ ленинских записей в «Философских тетрадах» неоспоримо доказывает, что никакой «теории творения», якобы превосходящей теорию отражения, Ленин не выдвигал. Творческий характер органически присущ процессу отражения, как и всей человеческой деятельности. Отражательная и творческая функции сознания не суть две различные его функции, а одна и та же, благодаря которой сам процесс отражения происходит в результате творческого преобразования мира человеком.

4. С точки зрения современности

Творческий, исторический подход к изучению книги В. И. Ленина предполагает умение связывать высказанные в ней положения с современным уровнем развития науки, состоянием идеологической борьбы в области философии в настоящее время, с критикой современных врагов марксизма-ленинизма.

При таком подходе перед читателем раскрывается непреодолимое значение ленинской книги, полностью сохранившей свою актуальность, злободневность для современных условий развития философии; более того, читатель найдет в ней ар-

гументы для разоблачения и критики основных направлений современной буржуазной философии.

В своей книге В. И. Ленин показал, что махизм есть не что иное, как повторение в основном субъективного идеализма Беркли, скептицизма Юма, а также агностицизма Канта, освобожденного от элементов материализма (от «вещи в себе»). Современный позитивизм есть также повторение в своей сути старого идеализма и вместе с тем махизма конца XIX — начала XX в. Например, положение о какой-то принципиально отличной с теоретико-познавательной точки зрения роли измерительного прибора, какую якобы установила квантовая механика, приводит, по существу, к повторению применительно к новым фактам науки старого тезиса махистов о «принципиальной координации» субъекта и объекта, об их мнимой нераздельности.

Тезис о мнимом уничтожении материи (ее «аннигиляции») в связи с переходом одного ее вида (пары электрически заряженных частиц — электрона и позитрона) в другой ее физический вид (в фотоны, т. е. электромагнитное излучение, или свет) есть не что иное, как повторение, применительно к новым открытиям ядерной физики, старого тезиса махистов об исчезновении материи, о ее замене электричеством и т. д.

Разоблачение В. И. Лениным аргументации махистов того времени сохраняет свою силу и в современных условиях; оно помогает находить ахиллесову пяту у новоявленных опровергателей материализма. «Материя исчезает», — писал Ленин, — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже» (275). Электроны, которые, как оказалось, входят в состав атомов, столь же материальны, как и сами атомы, это лишь различные физические виды материи, а потому лишено всякого основания утверждение о превращении материи в электричество или о замене ее электричеством.

Приведенные ленинские положения позволяют вскрыть философскую порочность довода о мнимой «аннигиляции» материи: ведь фотоны, в которые превращается пара частиц (электрон и позитрон), столь же материальны, как и все другие виды материи, хотя они и обладают особыми физическими свойствами, присущими свету. Поэтому говорить об «аннигиляции» материи столь же нелепо, как было нелепо заявлять о сведении материи к электричеству полвека назад.

Точно такая же картина наблюдается и в других областях современной науки. Всюду, где буржуазные философы пытаются опровергать материализм на основании якобы но-

вейших научных открытий, на проверку оказывается, что они на новый лад повторяют аргументацию своих предшественников, разоблаченную Лениным в его книге. Весьма наглядно это можно видеть на примере современных энергетиков, которые на основании ложно истолкованных данных ядерной физики пытаются вновь возродить основные положения энергетики В. Оствальда. Оствальд в своих попытках мыслить движение без материи опирался на идеалистически понятое учение об энергии. Его нынешние последователи делают то же самое, когда говорят о превращении материи в энергию, которое якобы происходит при ядерных реакциях, в частности при взрыве атомной и водородной бомб. В действительности же эти процессы только доказывают неразрывность материи и движения, которая конкретизируется как неразрывность массы и энергии, причем для раскрытия философской стороны данного вопроса незаменимым теоретическим оружием служит ленинская критика оствальдовского энергетизма. Критика Лениным Богданова, Суворова и прочих махистов за их отрицание неразрывности материи и движения, за их переход на позиции идеалистической энергетики вооружает современных материалистов на борьбу против тех, кто в наши дни пытается идти по стопам своих незадачливых предшественников — махистов и энергетиков начала XX в.

Что же касается естествознания наших дней, то за последние годы в нем произошли глубокие сдвиги, которые следует учитывать при изучении книги В. И. Ленина. Практически до середины нашего века место лидера современного естествонаучного прогресса прочно удерживала физика, как это отмечалось выше. Но уже в 50-х годах, отталкиваясь от бурных успехов физики, стали вырываться вперед вновь возникшие науки, связанные с задачами создания самоуправляющихся систем (кибернетика), биосинтеза и управления наследственностью (молекулярная биология и физико-химическая генетика, биохимия и биофизика, бионика и биокрибернетика), освоения космоса, новых синтетических материалов, особенно полимеров (химия высокополимерных соединений, макрохимия), и т. д. Все эти отрасли науки уже фактически испытали на себе воздействие предшествующего развития современной физики как в ее экспериментальной, так и в теоретической части. Так, электронный микроскоп и способ «меченых атомов» (радиоактивных изотопов легких и некоторых тяжелых элементов) дали громадный толчок развитию биологии и химии, позволив им проникнуть во внутренние «механизмы» сложнейших химических, биохимиче-

ских и физиологических процессов, в структуру химических и биологических микрообъектов.

Это значит, что в первой половине XX в. физика по отношению ко всему естествознанию сыграла, по сути дела, роль познавательного трамплина, какую в XVII и XVIII вв. сыграла по отношению к нему же механика. В итоге обнаруживается известная закономерность в развитии научного познания: сначала в качестве лидера естествознания выдвигается одна отрасль науки, изучающая для данного момента простейший объект (форму движения, свойства, тип закономерной связи, причинности и т. д.).

Так как эти простейшие формы повторяются во всех более сложных объектах природы, то их открытие и изучение дает возможность затем глубже и полнее познать и все более сложные объекты природы.

Когда же развитие ведущей отрасли науки, временно вырвавшейся вперед, достигнет достаточно высокого уровня, начинается на ее основе быстрое продвижение всего комплекса остальных отраслей естествознания, которые получают разбег и делают рывок вперед, используя в качестве «трамплина» предшествующее развитие той одной отрасли науки, которая до тех пор играла роль лидера всего научного движения.

В настоящее время особенно важные философские вопросы выдвигает перед диалектическим материализмом прогресс всего комплекса наук, изучающих явления и законы жизни. Разбор этих вопросов сегодня столь же важен, как был важен в начале XX в. разбор философских вопросов, поставленных физикой. Принципиальные вопросы марксистской философии в ее связи с естествознанием, рассмотренные и решенные в книге В. И. Ленина, могут и должны быть применены, в частности, к области современной биологии; это позволит дать верный философский анализ ее успехов и достижений, а также возникающих в ней трудностей.

Рассмотренные выше обстоятельства, определяющие в своей совокупности то, что именуется конкретно-историческим подходом к изучению трудов марксизма-ленинизма, в том числе и разбираемой книги В. И. Ленина, следует учитывать не порознь, а *в их взаимной связи, в их взаимодействии*. Все они вместе образуют тот конкретный исторический и историко-научный фон, который не только налагает свой отпечаток на все данное произведение, но и объясняет те причины, которые вызвали необходимость его создания и его характерные особенности.

Поэтому нельзя стать подлинным марксистом, настоя-

щим воинствующим материалистом, если не изучить глубоко ленинской книги.

Изучать эту книгу конкретно, с учетом современности, значит постоянно «советоваться» по каждому новому вопросу естествознания, философии и общественной науки с ее автором, с тем чтобы представлять себе мысленно, как бы он отвечал сам на те философские вопросы, которые выдвигают сегодня новая историческая обстановка, особенности идеологической борьбы в области современной философии, новейшие успехи естественнонаучного знания. Сам Ленин говорил о себе, что именно так он «советуется» с Марксом, обращаясь к его трудам и ища в них не какого-то готового ответа на новые вопросы, поставленные развитием науки и всего общества, а подход к этим вопросам, умение ставить и решать их диалектически, исходя из того, что диалектика была, **есть и всегда будет душой всего марксистского учения.**

Глава II

ХАРАКТЕР ЛЕНИНСКОЙ КРИТИКИ. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Книга В. И. Ленина, как и многие другие труды классиков марксизма-ленинизма, написана в остро полемическом стиле. Поэтому в ней критика махистов и других представителей враждебных марксизму философских течений все время перемеживается с изложением Лениным своих собственных взглядов по тому или иному вопросу. Это обстоятельство затрудняет чтение ленинской книги, особенно для тех, кто впервые приступает к знакомству с ней. Но затем, когда читатель уже освоится с характером ее изложения и вчитается в нее, он сумеет преодолеть эту трудность и освоится с особенностью самой книги. Более того, он увидит, что полемический характер книги не только не мешает усвоить ее содержание, но, напротив, помогает этому и облегчает понимание и усвоение сложных вопросов философии. В самом деле, полемический характер книги в каждом отдельном случае и в целом постоянно заставляет видеть то, как Ленин неправильным положениям противопоставляет марксистские, верные положения, и такое противопоставление позволяет яснее и глубже понять существо развиваемых Лениным взглядов, поскольку они противопоставлены ошибочным воззрениям махистов и других идеалистов и метафизиков.

1. Аргументированность, содержательность и конкретность критики

При чтении ленинской книги с первых же ее строк обнаруживается глубокая *аргументированность анализа* воззрений критикуемых В. И. Лениным авторов. Этот анализ сопровождается иногда весьма резкими эпитетами («черносотенец», «урядник от философии» и т. п.), но всюду и везде резкость критики основывается на глубоком и детальнейшем разборе аргументации противника по существу, на выяснении всей его концепции, его мировоззрения.

Серьезная ошибка, которую допускали и нередко допускают еще и теперь некоторые наши философы, занимающиеся критикой современной буржуазной философии, состоит в том, что аргументация противников не разбирается ими по существу; критикуются не концепции, не взгляды, а отдельные, иногда случайно вырванные фразы, слова и выражения. В противоположность такой «критике», когда отсутствие аргументации возмещается общими крикливыми рассуждениями, Ленин в своей книге дал образец подлинно марксистской, т. е. научной критики философских противников диалектического материализма. При этом Ленин цитирует, иногда весьма пространно, высказывания своих противников из лагеря реакционной философии. Он объясняет это тем, что надо *знать* противника, против которого воюешь. В связи с этим он перефразирует гётевский стих: «кто желает знать *врага*, тот должен побывать во *вражеской* стране» (336).

Здесь Ленин формулирует важное условие, необходимое в борьбе со всяким противником в области философии: изучить его и знать его. Разумеется, в не меньшей мере необходимо знать и понимать существо вопроса, по которому взялся выступать публично. Ленин на многочисленных фактах показывает, что русские махисты на каждом шагу нарушали это элементарнейшее требование всякой полемики. Например, он ставил им в упор вопрос: «Если Плеханов вам показался неясным или противоречивым и т. п., отчего не взяли вы других материалистов? Оттого, что вы их не знаете? Но невежество не есть аргумент» (81).

Критикуя аргументацию противников философии марксизма, Ленин никогда не обходит самых трудных, запутанных идеалистами вопросов и не стремится ограничиться простейшими примерами, позволяющими легко и быстро разделаться с критикуемыми авторами. Напротив, он с особой тщательностью разбирает как раз те доводы, которые сами

идеалисты считают наиболее убедительными аргументами в пользу своей теории.

По вполне понятным причинам Ленин по-разному критиковал своих философских противников из лагеря идеализма и тех мыслителей, которые хотя и не стоят на позициях диалектического материализма, но в основных вопросах теории познания так или иначе разделяют общие положения материализма. В этом отношении Ленин следовал за Марксом и Энгельсом, которые «всегда осуждали *плохой* (и, главным образом, антидиалектический) материализм, но осуждали они его с точки зрения более высокого, более развитого, диалектического *материализма*... О плохих материалистах Маркс, Энгельс и Дидген разговаривали, считаясь с ними и желая исправить их ошибки...» (252).

Для понимания ленинской критики и ее аргументированности необходимо выяснить, как Ленин представлял основные лагеря в философии — лагерь материализма и лагерь идеализма. Эти лагеря весьма неоднородны. На крайнем «правом» крыле лагеря идеализма стоят фидеисты, теологи, теософы, представляющие собой течения воинствующей поповщины. Служение этому течению определяет реакционный характер всех остальных школ и школок, входящих в лагерь идеализма. Далее идут «дипломированные лакеи поповщины», как их вслед за И. Дидгеном именует В. И. Ленин. Это всякого рода профессора казенной идеалистической философии: имманенты, спиритуалисты и прочие откровенные защитники и проводники открытого философского идеализма. Среди них имеются более последовательные в философском отношении школы со всеми противоречиями, свойственными данному направлению в философии, и менее последовательные. За откровенными философскими идеалистами следуют такие течения, которые пытаются скрыть и замаскировать свое основное идеалистическое содержание. Такой разновидностью идеализма является, например, махизм.

Лагерь материализма представлен прежде всего наиболее последовательной его формой — диалектическим материализмом. Далее идут философы-материалисты, примыкающие к различным школам механического и вообще метафизического, т. е. ограниченного, материализма; сюда же относятся и сторонники упрощенного, вульгарного материализма. Среди материалистов, которые разделяют вполне осознанно основные положения материализма, могут находиться и такие мыслители, которые выходят за рамки метафизического материализма и вплотную приближаются к диалектическому материализму. Такими мыслителями были представители русской

революционной демократии (например, Н. Г. Чернышевский). Затем идут стихийные, или, по выражению Ленина, естественноисторические, материалисты, которые стоят на позициях материализма бессознательно, а потому не могут последовательно проводить материалистические воззрения и постоянно «спотыкаются» в вопросах философии.

Таковы по своему составу два основных философских лагеря. Между ними Ленин ставит агностицизм различных оттенков, следуя в этом отношении за Марксом и Энгельсом. Различие оттенков агностицизма проявляется прежде всего в том, что одни из них стоят ближе к материализму («стыдливые материалисты»), другие — ближе к идеализму.

Вполне понятно, что критическое отношение Ленина (так же как и Энгельса) неодинаково к различным оттенкам агностицизма: против одного их типа (идеалистического) Ленин борется, как против всякого идеализма; материалистов же, допускающих ошибки в духе агностицизма, Ленин поправляет, указывая им направление в сторону более последовательного, сознательного и открытого материализма, борясь при этом против всякого отступления от материализма.

Содержательность ленинской критики, как и критики, которой подвергали Маркс и Энгельс своих идейных противников, характеризуется также и тем, что Ленин в каждом случае доводит свой анализ до раскрытия существа дела и не ограничивается рассмотрением лишь его внешней, в частности терминологической, стороны. Ленин великолепно умеет вскрывать истинное содержание и смысл критикуемых им воззрений, несмотря на любые словесные ухищрения их авторов. Это умение сыграло особенно важную роль в обстановке, когда представители буржуазной философии пытались обмануть доверчивых читателей своей мнимой прогрессивностью, заявляя о своей борьбе против «догматизма» и «метафизики» материалистов. В условиях разгула идеалистической реакции особенно важно было умение разоблачать сущность и корни того или иного реакционного течения, маскирующегося под наивный реализм или стихийный материализм большинства людей. Именно поэтому Ленин тщательно отмечает все случаи, когда при помощи новой заумной терминологии махисты пытаются спрятать сущность своих философских взглядов, представляющих собой перепевы старого субъективного идеализма. Вскрывая путаницу махистов по коренным вопросам теории познания, Ленин писал:

«Вода на земле, земля на ките, кит на воде. «Элементы» Маха, координация и интроекция Авенариуса несколько не

устраняют этой путаницы, а только затемняют дело, замечают следы посредством учено-философской тарабарщины.

Такой же тарабарщиной, о которой достаточно сказать два слова, является особая терминология Авенариуса, создавшего бесконечное обилие разных «ноталов», «секуралов», «фиденциалов» и пр. и пр. Наши русские махисты стыдливо обходят по большей части эту профессорскую галиматью, лишь изредка стреляя в читателя (для оглушения) каким-нибудь «экзистенциалом» и т. п.» (91).

В качестве примера разберем одно место в книге, где Ленин подробно анализирует и разоблачает маскировочный прием махистов. С помощью словечка «интроекция» Р. Авенариус пытался замести следы, завуалировать субъективно-идеалистическую сущность своей философии. Он делал вид, что борется против идеализма, а на самом деле воевал против материализма (называя его «господствующей психологией»).

Для того чтобы глубже и полнее вскрыть всю фальшь позиции Авенариуса, Ленин сначала дает ему возможность как бы развернуть свою аргументацию и предстать перед читателем в своем философском облике. Только после этого Ленин начинает наносить один сокрушительный удар за другим по своему противнику, беспощадно разоблачая его действительную философскую позицию, прикрываемую вымученной терминологией.

Приведя все высказывания Авенариуса, необходимые для выяснения его подлинной философской физиономии, Ленин переходит к критическому разбору данного вопроса. При этом он высмеивает русских махистов (в частности, Богданова), которые не заметили *мистификации* и усмотрели опровержение идеализма там, где имела место новая его защита, а вовсе не его опровержение. Подвергнув критике махистскую позицию по данному вопросу, Ленин делает общий вывод: «Учение об интроекции есть путаница, протаскивающая идеалистический вздор и противоречащая естествознанию, которое непреклонно стоит на том, что мысль есть функция мозга, что ощущения, т. е. образы *внешнего мира*, существуют *в нас*, порождаемые действием вещей на наши органы чувств» (88).

Мы изложили критику Лениным рассуждений Авенариуса об «интроекции», с тем чтобы показать конкретно и наглядно, как докапывался Ленин до самых основ критикуемых им философских концепций, подчас спрятанных за вычурной, претенциозной терминологией, за игрой в новые словечки, призванные прикрыть старый-престарый идеализм.

Изучение книги Ленина прививает умение видеть суще-

ство дела за любым словесным прикрытием. В этом отношении Ленин следовал за основателями марксизма. Он писал: «Гениальность Маркса и Энгельса и проявилась, между прочим, в том, что они презирали геллертерскую игру в новые словечки, мудреные термины, хитрые «измы», а просто и прямо говорили: есть материалистическая и идеалистическая линия в философии, а между ними разные оттенки агностицизма. Потуги найти «новую» точку зрения в философии характеризуют такое же нищенство духом, как потуги создать «новую» теорию стоимости, «новую» теорию ренты и т. п.» (150). Такими потугами явился махизм с его нарочито вычурной терминологией.

При чтении книги В. И. Ленина может возникнуть вопрос: почему свой главный удар Ленин направил именно против махистов, которые путали основные философские линии материализма и идеализма, старались, по их словам, подняться выше ограниченности как материализма, так и идеализма? Ведь наиболее открытыми врагами философского материализма, выступающими против него с особой яростью и ненавистью, были фидеисты, теологи, имманенты, спиритуалисты и т. д.

Дело в том, что, маскируясь и подлаживаясь под стихийный, т. е. неосознанный, материализм большинства людей, и прежде всего большинства естествоиспытателей, под их «наивный реализм», махизм играл роль предателя по отношению к естествознанию.

Когда Мах убеждал философски не искушенных читателей, что он якобы воюет в равной степени против всякого «догматизма» как материалистов, так и идеалистов, когда он заявлял, что следует ограничиваться лишь тем, что дает наш опыт, наши ощущения, то он мог этим ввести в заблуждение и соблазнить гораздо большее число читателей, нежели это могла сделать откровенно идеалистическая философия. Мах говорил, что надо отказаться от всего, что не дано нам в опыте, так как все это чуждо науке, поскольку, дескать, нам даны лишь наши ощущения; они-то и составляют, по Маху, действительные и единственные «элементы» мира. Отсюда следовал вывод о том, что вещи суть лишь комплексы наших ощущений.

Таким образом, отправляясь якобы от намерения включить в число достоверного знания только то, что дает нам наш опыт, Мах в действительности вел читателя к субъективному идеализму, но вел замаскированными путями. Вот почему в тех исторических условиях эта сумбурная, эклектическая школа, соединявшая в себе кусочки противополо-

ложных философских направлений и окрашенная в основном в субъективно-идеалистический цвет, известная под именем махизма, представляла собой бóльшую опасность для дела материализма по сравнению даже с теми открыто реакционными течениями, которым она объективно прислуживала и в руки которых предавала естествознание.

Ревизия марксистской философии, предпринятая под флагом махизма, делала эту школу еще более вредной и опасной. Как и всякое ревизионистское направление, философская ревизия марксизма в начале XX в. представляла собой беспринципное, по самому своему существу эклектическое течение: его цель состояла в том, чтобы извратить коренные положения марксизма, но при этом замаскироваться рассуждениями о «развитии» марксизма, об освобождении его от некоторых якобы устарелых положений. Вот почему Ленин и посвятил свою книгу разоблачению махизма, именуемого иначе эмпириокритицизмом.

Ленинская критика махизма служит образцом и руководством к действию при разоблачении также и современного ревизионизма, который пытается под флагом «развития» марксизма выбросить за борт его коренные, краеугольные положения и тем самым идейно разоружить партии рабочего класса.

2. Строгая логичность против алогичности и школярства ревизионистов

Всякий ревизионизм глубоко эклектичен. Он лишен внутренней цельности и последовательности уже в силу своей собственной природы, в силу стоящих перед ним задач: изменять сути учения под видом его «развития» и «улучшения». Опирируя и жонглируя словами, которые заимствуются из ревизируемого учения, ревизионисты вкладывают в эти слова другой, нужный им смысл, находящийся в вопиющем противоречии с действительным их содержанием.

Но особенно излюбленным приемом ревизионистов являются попытки эклектического соединения, смешения, дополнения ревизируемого учения (под видом его «развития») чуждыми ему в корне взглядами.

Все это делает воззрения ревизионистов кашеподобными, лишенными элементарной логической последовательности и аргументированности. Полнейшая алогичность махистских рассуждений выступает во всей своей неприглядности, поскольку махисты постоянно смешивают самые различные понятия, подменяют одни другими и в итоге этого приходят к

логическим несуразностям. Их взгляды, как показал Ленин, есть винегрет, состряпанный из абсолютно несовместимых между собой, внутренне противоречивых элементов. «Отрывать учение Энгельса об объективной реальности времени и пространства от его учения о превращении «вещей в себе» в «вещи для нас», от его признания объективной и абсолютной истины,— писал Ленин о махистах,— ...это значит превратить целостную философию в крошку. Базаров, как и все махисты, сбился на том, что смешал изменяемость человеческих понятий о времени и пространстве, их исключительно относительный характер, с неизменностью того факта, что человек и природа существуют только во времени и пространстве, существа же вне времени и пространства, созданные поповщиной и поддерживаемые воображением невежественной и забитой массы человечества, суть большая фантазия, выверты философского идеализма, негодный продукт негодного общественного строя» (192—193). Эклектизм проявляется у махистов, как показывает Ленин, в самых различных формах, по самым различным поводам. Они смешивают не только материализм с идеализмом, но и гносеологическую постановку вопроса с естественнонаучной, философские проблемы со специально-физическими, природное с социальным, подменяют одно другим, произвольно жонглируют понятиями, вкладывают в них по своему собственному усмотрению то тот, то другой смысл, в зависимости от преследуемой цели, словом, допускают самые невероятные логические ошибки и софизмы.

Именно на такой логической «основе» строятся все махистские рассуждения и все их концепции, за что В. И. Ленин подвергает их поистине сокрушительной критике.

В вступительном разделе своей книги Ленин приводит слова материалиста Дидро, направленные против метафизико-теологической галиматии и ее полнейшей нелогичности: «Может быть половина круглого тела, но не может быть половины круглости... Будьте логичны и не подставляйте под ту причину, которая существует и которая все объясняет, какой-то другой причины, которую нельзя постичь...» (30).

Продолжая мысль Дидро, что весь идеализм и вся теология построены на нарушении общечеловеческой логики, Ленин иронически замечает в конце вступительного раздела своей книги: «Дидро отчетливо противопоставил основные философские направления. Валентинов спутывает их и при этом забавно утешает нас: «мы не считаем,— пишет он,— за философское преступление «близость» Маха к идеалистическим воззрениям Берклея, если бы таковая и в самом деле суще-

ствовала»... Спутать два непримиримые основные направления в философии,— какое же тут «преступление»? — замечает Ленин.— Ведь к этому сводится вся премудрость Маха и Авенариуса. К разбору этой премудрости мы и переходим» (32).

В дальнейшем Ленин постоянно вскрывает невероятную эклектичность всех махистских построений и рассуждений. Например, он показывает, каким образом махисты смешивают содержание закона и форму его выражения: «...наши русские махисты с поразительной наивностью подменяют вопрос о материалистическом или идеалистическом направлении всех рассуждений о законе причинности вопросом о той или иной формулировке этого закона» (163).

Ленин бичует махистов за то, что они постоянно в своих интересах используют двусмысленность тех или иных слов и выражений, опять-таки эксплуатируя ради «опровержения» материализма допускаемые ими же самими логические ошибки и софизмы. Обращаясь к махисту Базарову, он ставит в упор вопрос: «Вы хотите уцепиться за двусмысленность русского слова: *совпадать*? Вы хотите заставить несведущего читателя поверить, что «совпадать» — значит здесь «быть тем же самым», а не «соответствовать»? Это значит построить всю подделку Энгельса под Маха на искажении смысла цитаты, не более того» (114).

Ленин прослеживает нелогичность махистов в самой различной связи. Так он показывает их полнейшую неспособность мыслить строго последовательно: «Богданов примиряет свою теорию с выводами Маркса, принося в жертву этим выводам элементарную последовательность» (345).

Далее Ленин вскрывает пустую тавтологию, которая выдается махистами за высшее достижение философской мысли. Так, по поводу глубокомысленных рассуждений Суворова Ленин саркастически замечает: «Производительные силы выполняют экономическую функцию по отношению к процессу труда! Это все равно, как если бы сказать: жизненные силы выполняют жизненную функцию по отношению к процессу жизни. Это не изложение Маркса, а засорение марксизма невероятным словесным сором» (355).

Разоблачая логическую несостоятельность махистской аргументации (тавтологичность, непоследовательность, внутреннюю противоречивость и т. д.), Ленин вместе с тем показывает невозможность опровержения идеализма с помощью одних только логических аргументов. Он приводит слова Дидро по поводу учения солипсистов: «Экстравагантная система, которую, на мой взгляд, могли бы создать только сле-

пые! И эту систему, к стыду человеческого ума, к стыду философии, всего труднее опровергнуть, хотя она всех абсурднее».

Здесь, как отмечает Ленин, Дидро вплотную подходит «к взгляду современного материализма (что недостаточно одних доводов и силлогизмов для опровержения идеализма, что не в теоретических аргументах тут дело)...» (28).

Например, Ленин указывает на то, что идеалист и не думает отрицать того, что мир есть движение, а именно: движение моих мыслей, представлений, ощущений. Вне меня ничего нет, движется же мое «я», «движется», и баста. «Более «экономного» мышления нельзя себе представить,— резюмирует Ленин.— И никакими доказательствами, силлогизмами, определениями нельзя опровергнуть солипсизма, если он последовательно проводит свой взгляд» (282).

Опровергнуть же идеализм может только человеческая практика, данные естествознания, итоги развития всего человеческого познания.

Опровергая махизм, раскрывая несостоятельность его самой элементарной логической основы, Ленин вместе с тем показывает недостаточность формально-логического рассуждения, не выходящего за рамки правил школьной логики. Эти правила надо строго соблюдать: их нарушения свидетельствуют лишь о полной несостоятельности соответствующих рассуждений, как это имеет место у махистов. Но ограничивать себя лишь соблюдением условий и правил формальной логики нельзя, так как наука и сама жизнь требуют того, чтобы идти дальше узких рамок школьной логики, иначе говоря, элементарного изложения формальной логики.

На примере определения научных понятий, в частности понятия «материя», можно показать диалектико-логический подход Ленина, преодолевающий ограниченность формально-логического определения научных понятий. Известный школьный прием определения понятий состоит в указании родового (общего) признака и видового (специфического) признака у определяемого предмета (или понятия). Этот прием именуется определением через род и видовое отличие. Им обычно и пользуются в повседневном обиходе.

Когда же речь идет о предельно широких понятиях, таких, например, как материя и сознание, то их определение, как показывает материалистическая философия, состоит в указании на то, что одно из них (материя) выступает как первичное по отношению к другому (сознанию) как вторичному.

С первого взгляда тут получается логический круг, запре-

щаемый формальной логикой: ведь сначала одно определяется здесь через другое, а затем это другое в свою очередь определяется через первое. На самом же деле здесь имеет место выход за рамки школьной логики с ее примитивным приемом определения понятий и переход в область диалектической логики с ее более глубоким приемом раскрытия содержания определяемых понятий.

Ленин показывает, что Богданов возмущается подобными определениями, которые, по его мнению, «оказываются простыми повторениями» той «формулы», что для одного направления в философии материя есть первичное, дух — вторичное, для другого направления — наоборот. «Все российские махисты в восторге повторяют богдановское «опровержение»! — замечает Ленин. — А между тем самое небольшое размышление могло бы показать этим людям, что нельзя, по сути дела нельзя дать иного определения двух последних понятий гносеологии, кроме как указания на то, которое из них берется за первичное. Что значит дать «определение»? — спрашивает далее Ленин и отвечает: — Это значит, прежде всего, подвести данное понятие под другое, более широкое. Например, когда я определяю: осел есть животное, я подвожу понятие «осел» под более широкое понятие. Спрашивается теперь, есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это — предельно широкие, самые широкие понятия, дальше которых по сути дела (если не иметь в виду *всегда* возможных изменений *номенклатуры*) не пошла до сих пор гносеология. Только шарлатанство или крайнее скудоумие может требовать такого «определения» этих двух «рядов» предельно широких понятий, которое бы не состояло в «простом повторении»: то или другое берется за первичное» (149).

Здесь мы видим, что Ленин обосновывает особый прием диалектической логики определения научных понятий в тех случаях, когда обычная формальная логика отказывается служить или приводит к неверным результатам (кажущемуся логическому кругу). Разработанный Лениным на примере определения понятия «материя» диалектико-логический прием может быть охарактеризован как определение научных понятий через отношение к своей противоположности, или, короче, через противоположность (через «свое другое», как сказал бы Гегель). Этот прием широко известен в науке и часто применяется в педагогической практике. Например, в области географии предельно широкими географически-

ми понятиями служат противоположные понятия «вода» и «суша». И определение понятий более частного характера, таких, как «остров» и «озеро», здесь может быть дано через свою противоположность: остров есть часть суши, окруженная водой со всех сторон, озеро — часть водной поверхности, ограниченная со всех сторон сушей.

Такого рода примеров каждый сможет привести большое количество; все они подтверждают недостаточность обычного формально-логического приема определения понятия через род и видовое отличие и необходимость прибегать к приему диалектической логики, разработанному Лениным применительно к определению понятий «материя» и «дух».

Для взглядов Ленина особенно существенно то, что он постоянно подчеркивает необходимость учитывать объективную логику вещей, которая отражается в логике понятий, в логике мыслей. «...Законы мышления соответствуют законам природы...» — отмечает Ленин мысль Энгельса (160).

Как видим, логическую проблему, касающуюся законов мышления, Ленин ставит и решает здесь с позиций материалистической теории познания, теории отражения, демонстрируя этим единство логики, диалектики и теории познания материализма. Выяснение объективно-необходимой цепи событий, открытие законов изменений общественного бытия Ленин связывает с познанием *объективной* логики этих изменений. Говоря о взглядах Чернышевского на логику и ее объективные основы, Ленин пишет «к сведению путаников-махистов»: «...для Чернышевского, как и для всякого материалиста, законы мышления имеют не только субъективное значение, т. е. законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются, с этими формами...» (383).

Это показывает, как тесно, неразрывно сливаются у Ленина воедино логика с диалектикой и теорией познания материализма. Было бы неверно полагать, будто вопрос об их единстве рассмотрен им только в «Философских тетрадах». Нет, его постановка и разработка даны уже в развернутой форме в книге, вышедшей в свет более пяти лет до того, как он стал работать над «Философскими тетрадами».

3. Применение диалектического метода в критике. Принцип историзма

Диалектический характер ленинской критики предполагает прежде всего *историзм*, т. е. *исторический подход к воз-*

взрениям противников и в своей собственной аргументации, которую В. И. Ленин основывает на всем, что дала передовая мысль — марксистская и домарксистская.

Исторический подход к критике проявляется, во-первых, в том, что Ленин тщательно прослеживает философские истоки критикуемых им воззрений. Вскрывая генезис идей махизма, он показывает, что махисты на рубеже XIX и XX вв., по существу, высказывают те же основные философские положения, какие мы находим у представителей идеалистической философии XVIII — начала XIX в.: у Беркли (субъективный идеализм), Юма (скептицизм), Канта (агностицизм), Фихте (субъективный идеализм). В связи с этим Ленин подробно разбирает перечисленные философские учения.

Разбор взглядов названных философов позволяет рассмотреть воззрения Маха и его сторонников как эпигонские по отношению к их предшественникам и тем самым использовать высказывания прежних материалистов против основных положений философии Беркли, Юма, Канта и других идеалистов и агностиков прошлого. Показывая, что по коренным вопросам теории познания представители домарксистского материализма (например, Дидро и особенно Фейербах) высказали положения, общие для всего философского материализма, Ленин опирается в своей работе против махизма на этих материалистов.

Но, разумеется, наиболее полно и решительно Ленин опирается на основоположников диалектического материализма, чьи философские взгляды он сам отстаивает от нападков и извращений со стороны врагов марксизма и развивает дальше. Вместе с тем он широко использует высказывания современника Маркса и Энгельса — Диггена, который самостоятельно пришел к открытию диалектического материализма, несмотря на известную непоследовательность своих взглядов.

Ленин посвятил особый раздел своей книги рассмотрению философских взглядов Чернышевского и его борьбы против кантианства. «Чернышевский, — писал Ленин, — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (384).

Здесь мы видим очень важную, имеющую огромное принципиальное значение характеристику Лениным материализма представителей русской революционной демократии XIX в.,

двигавшихся по пути к диалектическому материализму, но не имевших объективных возможностей дойти до него.

Изучающему книгу В. И. Ленина можно порекомендовать при ее чтении выделить особо все вопросы, имеющие отношение к истории философии, начиная с борьбы двух основных линий в философии древней Греции — линии Демокрита (материализма) и линии Платона (идеализма) — и кончая борьбой марксизма против современных ему течений буржуазной философии. Тогда яснее станет то положение, что, подобно тому как вся история классового общества есть история борьбы классов, так вся история философии в конечном счете есть отражение борьбы классов в области идеологии, в области мировоззрения, и по своему главному содержанию она есть история борьбы материализма и идеализма. Это марксистско-ленинское положение всегда противопоставлялось буржуазному объективизму, который притуплял остроту борьбы материализма против идеализма и выхолащивал ее подлинное содержание.

В этой связи особо важное значение приобретает следующий вывод, сделанный Лениным: «...за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества. Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой геллертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм» (380).

Развитие философии через ее раздвоение (поляризацию) на диаметрально противоположные части (стороны, направления) — материализм и идеализм — выступает как определенная, если даже не основная ее закономерность. А если так, то неизбежно борьба этих непримиримых направлений обнаруживает себя, как только мы начнем рассматривать движение философской мысли не поверхностно, как делают многие историки философии в буржуазных странах, а проникая в самую глубь совершающихся в ней процессов, в их скрытую сущность, как это всегда делал Ленин.

Подходя к концу своей книги, он писал: «В течение всего предыдущего изложения, на каждом из затронутых нами вопросов гносеологии, на каждом философском вопросе, поставленном новой физикой, мы прослеживали борьбу *материализма и идеализма*» (356).

Удавалось это сделать потому, что если такая борьба составляет основную *закономерность* развития философской мы-

сли во всех областях человеческого знания, куда бы эта мысль ни проникала, то, значит, нельзя, немислимо ее спрятать под нагромождением вычурной терминологии, невозможно ее замаскировать высокопарными разглагольствованиями насчет мнимого преодоления этой борьбы путем поднятия куда-то выше материализма и идеализма. Как ее ни прячь, как ее ни маскируй, она закономерно выступит, даст о себе знать, пробьется через всякие выверты в области терминологии.

Ленин ставил своей задачей вскрыть эту закономерность развития философии, показать, что она действительно представляет собой таковую, а потому проявляется в самых различных областях философии в связи с самыми различными проблемами, категориями и положениями. Поэтому те, кто отрицают наличие отмеченной закономерности и ставят себя якобы выше «устарелого» деления философии на материализм и идеализм, создают голые фикции, иллюзии. Только люди, не способные правильно философски мыслить и проникать в анализируемые процессы глубже их внешней, поверхностной стороны, могут поверить в то, что, дескать, махистское учение не есть ни материализм, ни идеализм, а есть нечто стоящее выше их, преодолевающее их традиционное противопоставление. Марксистская философия позволяет разоблачать несостоятельность подобных потуг.

Именно такую цель ставил перед собой Ленин, и он блестяще достиг ее. Вот почему с такой тщательностью и скрупулезностью он разбирал всякого рода терминологические ухищрения махистов, счищая их, словно скальпелем, с истинного, тщательно скрываемого нутра махистского учения, обнажая и фиксируя это его нутро с такой же основательностью, с какой хороший врач ставит диагноз после глубокого исследования заболевшего пациента.

Этот способ ленинского анализа враждебного марксизму философского поветрия полностью сохраняет свое значение и в современных условиях. Потому он сохраняет свою силу и действенность, что ныне продолжают попытки еще более хитро и тщательно замаскировать истинное нутро идеализма всякими цветистыми словесными вывесками. И еще потому, что с возросшим упорством некоторые ревизионисты и открытые враги марксизма-ленинизма пытаются ныне доказать «устарелость» и вообще полную «несостоятельность» деления современной философии на два основных лагеря — материализм и идеализм. В этой связи они стремятся «обосновать» безнадежную будто бы устарелость книги В. И. Ленина.

При этом они широко используют некоторые грубо упрощенные, а потому неверные представления о делении философии на отдельные направления. Такие представления сводились к признанию того, что, дескать, существуют вообще только два указанных философских лагеря и что ничего третьего, ничего среднего между ними нет и быть не может.

В соответствии с такой грубо упрощенческой установкой, принятой за исходную, весь агностицизм безоговорочно зачислялся в идеализм. В итоге получались только два крайних цветовых тона — белый и черный — для окраски любых философских направлений вообще, а все полутона, все переходные, серые, сероватые и прочие оттенки и эклектические, смешанные окраски попросту отбрасывались, поскольку они представляли то или иное сочетание двух основных крайних тонов.

Используя такую доведенную до абсурда картину расстановки философских направлений и выдавая ее за позицию марксизма-ленинизма в этом вопросе, ревизионисты легко ее опровергают, так как она и в самом деле не соответствует реальной действительности. На этом «основании» объявляется об «опровержении» всей марксистско-ленинской концепции, касающейся деления философии на два основных лагеря, об «устарелости» такого деления.

Между тем такая трактовка вопроса не имеет ничего общего с тем, что писал Ленин. Именно Ленин не только выделял и подчеркивал наличие промежуточных течений и переходных форм, на существовании которых всегда настаивает материалистическая диалектика, но и дал в своей книге всестороннюю критику таких промежуточных, часто межеумочных, явно эклектических форм и течений, и прежде всего махизма (эмпириокритицизма). Об этом говорит само название его книги.

Уже второй «вопрос референту» Ленин записал так: «Признает ли референт основное деление философских систем у Энгельса на *материализм* и *идеализм*, причем средними между тем и другим, колеблющимися между ними считает Энгельс *линию* Юма в новой философии, называя эту линию «агностицизмом» и объявляя кантианство разновидностью агностицизма?» (5).

Отвечая на этот вопрос в духе ответа Энгельса, Ленин подчеркивает, что между материализмом и идеализмом реально существует особая *линия* агностицизма и что игнорировать этот факт недопустимо для философа-марксиста.

Только люди, способные замечать лишь крайние, резкие тона и неспособные разглядеть множество переходных оттен-

ков и полутонов, могли утверждать, будто всю современную философию и всю ее историю можно втиснуть в прокрустово ложе, для которого исключено все переходное, промежуточное.

Разумеется, констатация наличия подобного рода промежуточных, смешанных, эклектических философских течений, основанных нередко на попытках «примирить» материализм и идеализм, найти некую среднюю линию между ними, отнюдь не означает их оправдания. Напротив. Как мы видим, вся мощь ленинской критики обрушивается именно на такие эклектические философские «похлебки», на эту «презренную партию середины», на «примиренческое шарлатанство» в философии.

Но ясно, что для того, чтобы раскритиковать, разбить противника, надо уметь проанализировать его позицию, а не отбрасывать ее как невозможную, а потому и не существующую.

Конечно, характер любых промежуточных, эклектических течений в конечном счете определяется двумя основными направлениями в философии, между которыми попадают или из кусочков которых строятся любые промежуточные, смешанные, эклектические системы, вроде махизма или неомеханизма (неопозитивизма) в наше время. Поэтому к их анализу нужно подходить обязательно с учетом главных философских направлений и характера их борьбы между собой. Но, повторяем, это не дает никакого повода объявлять промежуточные течения (агностицизм) не существующими и механически включать их, как философскую *линию*, прямо и непосредственно в идеализм.

Таким образом, изучая книгу В. И. Ленина, можно составить ясное и связанное марксистское представление не только о важнейших вехах и линиях развития философской мысли в различные исторические эпохи и о сущности отдельных философских систем, но и об общих закономерностях самой истории философии.

Характеризуя особенности ленинской критики, ее принцип историзма, необходимо остановиться, далее, еще на одной ее весьма важной черте. Ленин рассматривает взгляды своих противников *не статически, не как застывшие раз навсегда на определенных позициях, а в их движении и развитии, в их эволюции, обусловленной изменением как самой исторической обстановки и накоплением новых научных данных, так и позиций критикуемого автора.* Особенно это касается, конечно, того случая, когда критикуется не отдельное лицо, а целое философское направление. В связи с этим большой ин-

терес представляет параграф «Куда растет эмпириокритицизм?» главы IV ленинской книги. Здесь Ленин специально подчеркивает, что «эмпириокритицизм, как всякое идейное течение, есть вещь живая, растущая, развивающаяся, и факт роста его в том или ином направлении лучше, чем длинные рассуждения, поможет решить *основной* вопрос о настоящей сути этой философии» (228).

Итак, критика Ленина направлена на то, чтобы за всякого рода мелочами и внешними сторонами данного философского течения раскрыть его суть, его подлинное лицо, а для этого Ленин анализирует данное течение в его развитии, т. е. применяет диалектический подход к нему, как движущемуся и изменяющемуся во времени явлению. Но что же может и должно служить критерием для определения того, в каком направлении действительно эволюционирует то или иное философское течение? Таким критерием, как показывает Ленин, должны служить не слова, а дела философов. «О человеке,— пишет Ленин,— судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по делам его. О философах надо судить не по тем вывескам, которые они сами на себя навешивают («позитивизм», философия «чистого опыта», «монизм» или «эмпириомонизм», «философия естествознания» и т. п.), а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы, с кем они идут рука об руку, чему они учат и чему они научили своих учеников и последователей» (228).

Показав, куда действительно рос и продолжает расти махизм, Ленин специально останавливается на эволюции воззрений Богданова. Он отмечает, что «философию Богданова едва ли правильно было бы рассматривать, как законченную и неподвижную систему. За девять лет, с 1899 по 1908 год, Богданов прошел четыре стадии своего философского блуждания» (243). От стихийного материализма через энергетику Оствальда Богданов перешел к Маху; затем он попытался устранить некоторые противоречия махизма, создав подобие объективного идеализма. «Теория всеобщей подстановки» (последняя по тому времени концепция Богданова) показывает, что Богданов описал дугу почти в 180°. «Дальше ли отстоит эта стадия богдановской философии от диалектического материализма, или ближе, чем предыдущие стадии?» — спрашивает Ленин и отвечает: «Если он стоит на одном месте, тогда, разумеется, дальше. Если он продолжает двигаться вперед по такой же кривой линии, по которой он двигался девять лет, то тогда ближе: ему нужен теперь *только* один серьезный шаг, чтобы снова повернуть к материализму, именно — универсально выкинуть вон свою универсальную

подстановку. Ибо эта универсальная подстановка так же собирает вместе, в одну китайскую косу, все грехи половинчатого идеализма, все слабости последовательного субъективного идеализма, как (*si licet parva componere magnis*) — как «абсолютная идея» Гегеля собрала вместе все противоречия кантовского идеализма, все слабости фихтеанства. Фейербаху оставался *только* один серьезный шаг, чтобы повернуть снова к материализму: именно — универсально выкинуть вон, абсолютно удалить прочь абсолютную идею, эту гегелевскую «подстановку психического» под физическую природу. Фейербах отрезал китайскую косу философского идеализма, т. е. взял за основу природу без всякой «подстановки» (243—244).

Здесь мы снова обнаруживаем определенную диалектическую закономерность, на которую в данном случае опирается Ленин: повторение на более поздней стадии некоторых черт и особенностей процесса развития, имевших место на более ранней его стадии. Так, движение философской мысли в ее классической форме шло от непоследовательного субъективного идеализма к последовательному объективному идеализму Гегеля и от него к непоследовательному материализму Фейербаха, а от Фейербаха к последовательному, т. е. диалектическому, материализму Маркса. Поэтому, опираясь на идею о диалектической повторяемости, можно было ожидать, что и в XX в. в отношении эволюции взглядов отдельного философа может при определенных условиях совершиться такой же скачок от объективного идеализма, к которому он пришел от субъективного идеализма, непосредственно к материализму.

Можно было бы определить эту закономерность как специфическое проявление известного биогенетического закона в применении к духовному развитию человека: индивидуальное развитие (онтогенез) в сжатой форме как бы повторяет основной путь, пройденный всей человеческой мыслью (филогенез).

Известная повторяемость имеет место и в отношении любой эпигонской философской системы: то, что когда-то получило в классической философии прогрессивное развитие и было шагом вперед, повторяется эпигонами в ухудшенном, утрированном виде, причем повторяются не сильные стороны копируемого учения, а его самые слабые, ошибочные стороны.

В приведенных выше случаях развитие философского течения рассматривается со стороны раскрытия заложенных в нем внутренних противоречий, их углубления и обострения,

поисков способов их разрешения, со стороны раскрытия тенденций его дальнейшей эволюции.

Ленин специально останавливается на вопросе о критическом отношении к такого рода внутренние противоречивым философским системам, для которых характерна непоследовательность по принципиальным вопросам. Прогрессивные и реакционные ученые по-разному оценивают данное половинчатое течение. Например, каково отношение представителей основных философских направлений к Канту? Пользуясь политической терминологией, Ленин характеризует это отношение заголовком первого параграфа главы IV — «Критика кантианства слева и справа». Он отмечает, что основная черта философии Канта — это стремление примирить материализм с идеализмом, сочетать в одной системе противоположные направления. «Махисты критикуют Канта за то, что он чересчур материалист, а мы его критикуем за то, что он — недостаточно материалист. Махисты критикуют Канта справа, а мы — слева» (207). Такой же двойкой является критика Дюринга (см. 251).

В ходе развития раскрываются внутренние противоречия, заложенные в данной философской системе, которая в дальнейшем может эволюционировать в материалистическом или в идеалистическом направлении. Например, отбрасывание элементов материализма («вещи в себе») у Канта приводит к субъективному идеализму. Аналогично этому от непоследовательного материализма Локка можно было идти и направо и налево. Направо от него пошел Беркли, отбросивший все материалистические положения Локка и пришедший к идеалистическому сенсуализму, т. е. субъективному идеализму. Налево от него пошли французские материалисты XVIII в., сочетавшие материализм с сенсуализмом. «И Беркли и Дидро вышли из Локка» (127).

Умение критически раскрывать важнейшие тенденции развития философской мысли, которое совершается диалектически, через противоречия — через их возникновение и разрешение в том или ином направлении, имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Тот, кто правильно учитывает тенденцию развития анализируемых философских воззрений, может предвидеть и то, куда они пойдут в ближайшее время. Учет этого обстоятельства позволяет помочь их разрешению в желаемом направлении, а именно подтолкнуть соответствующей критикой данного философа к правильной позиции, если это, конечно, возможно.

Так, критикуя энергетику Оствальда, Ленин показал, что при наличии основной идеалистической посылки (допуще-

ние движения без материи) у Оствальда в массе случаев под энергией «разумеется *материальное* движение» (288). Это означало, что противоречия энергетизма могли быть разрешены не только в сторону идеализма, как это получилось у Богданова, но и в направлении материализма, тем более что элементы материализма были в энергетике Оствальда гораздо заметнее, нежели в махизме.

Такого рода предвидение, вытекавшее из всего хода ленинской критики энергетического мировоззрения Оствальда, блестяще подтвердилось: как раз в том же 1908 г., когда Ленин писал свою книгу, Оствальд признал (к сожалению, Ленин не знал об этом факте) реальное существование атомов и молекул, которое он так упорно отрицал в течение почти двух десятилетий. Тем самым он признал поражение своей энергетики, так как отрицание реальности частиц материи, а вместе с ними и самой материи он основывал именно на посылах чистой энергетики. Несомненно, что если бы Ленин узнал об этом факте, то он его использовал бы в своей книге в качестве яркого примера победы материализма и поражения идеализма.

Умение диалектически подходить к анализу позиций своих противников особенно необходимо в таких исторических условиях, когда под влиянием внешних событий и эволюции своих собственных убеждений некоторые наши вчерашние идейные противники переходят на близкие нам философские позиции и становятся нашими союзниками и друзьями. В этих случаях чрезвычайно важно вовремя подметить тенденцию развития их воззрений, чтобы помочь им скорее стать на правильные философские позиции. Разумеется, речь идет не об уступках в принципиальных вопросах, а о том, чтобы, находясь на самых последовательных материалистических позициях, завоевывать новых союзников, ослабляя тем самым лагерь своих философских противников.

4. Конструктивность критики и ее партийный характер

Буржуазному объективизму, пытающемуся прикрыть маской мнимой беспартийности классовую сущность своего мировоззрения, В. И. Ленин противопоставил марксистский принцип партийности философии. Этот принцип в ленинском понимании означает *открытую и последовательную борьбу за материализм*, за подлинно научное объяснение мира и его революционное преобразование. Он требует всестороннего анализа любых концепций в связи с конкретными историческими условиями, умения вскрывать их социально-классовые

корни и смело становиться на защиту классовых интересов пролетариата.

Борьба против реакционных философских воззрений, идеализма и поповщины, против любых отклонений и отступлений в их сторону от последовательного материализма органически вытекает из марксистско-ленинского принципа партийности философии. Этот принцип Ленин развил в борьбе с ревизионистами, которые, рабски следуя за модной реакционной философией, старались примирять и соединять марксизм с махизмом и другими аналогичными течениями, представленными Махом, Пуанкаре, Оствальдом и другими профессорами. *«Ни единому из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, нельзя верить ни в едином слове, раз речь заходит о философии»*, — подчеркивает Ленин и спрашивает: *«Почему? По той же причине, по которой ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же партийная наука в современном обществе, как и гносеология. В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые приказчики теологов»* (363—364).

Некоторые наши философы в свое время поняли принцип партийности философии односторонне. Они подменяли глубокую критику крепкими эпитетами, требовали безоговорочного отвержения вообще всего, что было написано и пишется учеными буржуазных стран. На этом «основании» нацело отвергалась некоторыми нашими философами и физиками теория относительности, поскольку ее автор Эйнштейн склонялся одно время к махизму. Делались попытки отбросить квантовую механику в связи с тем, что ее основатели (Шредингер, Гейзенберг и др.) истолковывали с позиций неомахизма некоторые ее основные положения.

Отдельные философы и математики встретили в штыки и кибернетику, поскольку за нее «ухватились» представители реакционной философии и социологии.

Между тем принцип партийности в его правильном, ленинском понимании предполагает глубоко диалектический подход к анализу философских течений и систем, враждебных материализму вообще и марксистскому, т. е. диалектическому, материализму в особенности. Он требует решительно отсекаать все реакционное и усваивать в критически пере-

работанном виде все ценное, положительное, что содержится в трудах ученых буржуазных стран. Эту двуединую задачу Ленин сформулировал следующим образом: «Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими «приказчиками» (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и *уметь* отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов. Вот этого-то и не сумели наши махисты, *рабски* следующие за реакционной профессорской философией» (364).

Особо следует подчеркнуть творческий, конструктивный характер ленинской критики. Всякая критика включает в себя момент негативный — отрицание критикуемых положений или взглядов. Но в диалектике критика безотносительно к характеру критикуемых положений не сводится к простому отрицанию. Задача марксистской критики — добиться не только, а иногда и не столько доказательства неправильности или устарелости критикуемых взглядов и положений, сколько их преодоления, исправления, а что касается прогрессивных воззрений, то их дальнейшего развития. Еще Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» указывал, что в диалектике отрицать — не значит сказать просто «нет». Развивая это положение марксизма, В. И. Ленин писал в «Философских тетрадах», что для марксистской диалектики характерно и существенно не голое, не зряшное (скептическое) отрицание, не колебание или сомнение, а отрицание как момент связи и развития (т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики), как удержание всего ценного и положительного. Следовательно, по самому своему существу диалектика требует того, чтобы критикуемым и отрицаемым воззрениям были противопоставлены лучшие, преодолевающие их недостатки и ошибки.

Классическими образцами такой диалектической критики служат труды Маркса, Энгельса, Ленина, в том числе рассматриваемая ленинская книга. Уже ее подзаголовок — «Критические заметки об одной реакционной философии» — говорит о том, что положительное содержание книги неразрывно связано с ее критической направленностью. И действительно, в ней творческое развитие диалектического материализма сочетается с защитой его основ от ревизионистов, с разоблачением его идейных врагов.

Критикуя писания махистов, окрашенные в основном в субъективно-идеалистический цвет, и отбрасывая их, как в корне ложные, неверные, противоречащие всей человеческой

практике и научным знаниям, Ленин одновременно противопоставляет им по каждому без исключения пункту свое положительное решение обсуждаемого вопроса. Например, в каждом случае, когда речь заходит о понимании «опыта» как источника наших знаний, Ленин показывает, где именно начинается отступление у Маха и его сторонников от материализма и от науки. «Первая посылка теории познания, несомненно, состоит в том,— пишет Ленин,— что единственный источник наших знаний — ощущения. Признав эту первую посылку, Мах запутывает вторую важную посылку: об объективной реальности, данной человеку в его ощущениях, или являющейся источником человеческих ощущений» (127—128). Распутывая то, что было запутано махистами, Ленин обосновывает марксистское понимание материи как объективной реальности.

При этом свое определение материи Ленин дает в порядке прямого ответа на происки философских противников материализма. В начале главы III своей книги он отмечает, что с вопросом: «Что такое материя?» — постоянно пристают идеалисты и агностики, в том числе махисты, к материалистам. Дав определение материи (см. 149), Ленин вслед за тем блестяще развивает положение марксистской диалектической логики об *определении* научных понятий на примере предельно широких (для данной отрасли знания) и соотносительных между собой понятий, о чем уже было сказано выше.

Книга Ленина содержит образец того, как нужно исследовать философские и естественнонаучные теории. Например, ленинский анализ развития современной физики показал, что это процесс двусторонний, глубоко противоречивый, в нем сочетаются и взаимосвязываются два момента: коренная плодотворная перестройка физической науки и реакционные философские выводы, которые делаются из нее некоторыми людьми.

Если видеть в современной теоретической физике в капиталистических странах только одну реакционную сторону, то из поля зрения выпадает прогрессивная ломка физических понятий и теорий, т. е. подтверждение современной физикой диалектического материализма. Отвергая вместе с идеалистическими выводами и самое содержание современных физических теорий, мы тем самым неизбежно пойдем назад, к устарелым теоретическим представлениям физиков XIX и даже XVII—XVIII вв., а это будет означать разоружение диалектического материализма перед лицом дальнейшего прогресса науки вместо его обогащения результатами этого

прогресса. Если же, напротив, в странах современного капитализма видеть только один рост, только прогресс физической науки и не обращать внимания на идеалистические выводы из нее, объявляя их случайным, внешним привеском к самой физике, то в результате этого принцип партийности философии будет нарушен явным образом; в итоге вместе с ценными по своему содержанию данными современной физики неизбежно просочатся и реакционные, идеалистические выводы, которые делают некоторые современные ученые в странах капитализма. Задача должна решаться диалектически, на основе учета обоих противоположных моментов в их внутренней связи.

Здесь, как и везде в ленинской книге, мы обнаруживаем, что в основе рассуждений Ленина, всей его критики противников марксистской философии, всех конструктивных решений, к которым он приходит в результате анализа современной ему науки — философии и естествознания, лежит материалистическая диалектика — душа всего марксистского учения, как называл ее Ленин. Именно диалектика служит ему замечательным теоретическим оружием в борьбе с идейными врагами и незаменимым теоретическим инструментом при дальнейшем развитии марксистского учения и его обогащении философскими обобщениями новейших данных общественно-исторической практики и современного естествознания, особенно физики.

Проблемы истории философии, которым В. И. Ленин уделил исключительно большое внимание, рассматриваются в его книге не как самодовлеющие, относящиеся лишь к прошлому, но как сугубо актуальные, связанные живыми нитями с современностью, с процессами, происходящими в философии, с ее борьбой между различными ее школами и направлениями.

Материалы, относящиеся к философским учениям прошлого, Ленин привлекает с той целью, чтобы извлечь из них уроки для современной борьбы материализма против идеализма и показать на конкретных примерах, чему учит история философии. Особое внимание Ленин уделяет таким важным особенностям развития философской мысли, как ее раздвоение на полярно противоположные, непримиримые между собой философские течения — материализм и идеализм; как возникновение между ними острой борьбы; как повторение на более высоких этапах развития философской мысли ситуаций и тенденций, сходных с теми, которые имели уже место на более ранних этапах ее развития, хотя и отличных по масштабам и значению.

Ревизионисты и эпигоны, провозглашающие: «Назад к Канту!», «Назад к Гегелю!», «Назад к Беркли и Юму!» — повторяют, но лишь в значительно ухудшенном виде те воззрения, возврат к которым они осуществляют. Поэтому историко-философский анализ становится совершенно необходимым для того, чтобы показать всю фальшь заявлений ревизионистов и всякого рода эпигонов о мнимой «новизне» и «оригинальности» их философских воззрений.

Глава III

ПРЕДМЕТ И ХАРАКТЕР МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЕЕ РАЗВИТИИ

Предмет науки и его определение — это то, с чего начинается ее изложение и на чем основывается дальнейший анализ ее проблем. Рассмотреть его необходимо особенно в тех случаях, когда противники разворачивают наступление на самые основы защищаемой науки, на ее предмет. Это полностью относится к марксистской философии. Но тут встает еще один очень важный вопрос — о ее характере, о ее внутренней структуре как общей науки в отличие от всех вообще частных наук. В прямой связи с этим следует выяснить, каким образом происходит развитие марксистской философии, какие изменения совершаются в ее предмете, характере и внутренней структуре.

1. Философия марксизма есть диалектический материализм

В. И. Ленин начинает свою книгу и предшествующие ей «Десять вопросов референту» с определения марксистской философии. Это вполне естественно: ведь прежде чем защищать что-либо и развивать его дальше в процессе защиты, необходимо точно установить, что именно защищается и что именно развивается. В данном же случае вопрос о предмете философии марксизма встал сразу же со всей остротой, поскольку махисты, объявив себя марксистами в философии, одновременно с этим выступили против диалектического материализма. Поэтому первый же вопрос референту (махисту А. Богданову) В. И. Ленин сформулировал так: «Признает ли референт, что философия марксизма есть *диалектический материализм*? Если нет, то почему не разобрал он ни разу бесчисленных заявлений Энгельса об этом? Если

да, то зачем называют махисты свой «пересмотр» диалектического материализма «философией марксизма»?» (5).

Эти же самые положения высказаны Лениным в предисловии к первому изданию своей книги. Имея в виду русских махистов, он писал: «Все эти лица не могут не знать, что Маркс и Энгельс десятки раз называли свои философские взгляды диалектическим материализмом. И все эти лица, объединенные — несмотря на резкие различия политических взглядов — враждой против диалектического материализма, претендуют в то же время на то, что они в философии марксисты!» (9).

Нечто подобное происходит и в наши дни: противники диалектического материализма нередко и сейчас пытаются изобразить свою позицию как творческое развитие марксистской философии, а диалектический материализм трактуют как устарелое учение, чуждое истинно марксистской философии.

В этой связи полезно напомнить приведенные выше ленинские положения. Ведь и сегодня многие наши идейные противники на Западе, по сути дела, повторяют доводы своих махистских предшественников-ревизионистов, направленные против признания диалектического материализма философией марксизма.

В своей книге Ленин много раз в разной связи подчеркивал, что философия марксизма есть именно диалектический материализм. Он писал: «Маркс неоднократно называл свое миросозерцание диалектическим материализмом, и энгельсовский *«Анти-Дюринг»*, *целиком прочитанный Марксом в рукописи*, излагает именно это мировоззрение» (260).

Совершенно очевидно, что здесь речь идет как раз о философском мировоззрении Маркса и Энгельса, об их философии.

Такой позиции Ленин неизменно придерживался на протяжении всех последующих лет. Так, в статье «К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена» (1913 г.) он охарактеризовал Дицгена словами: «...рабочий, самостоятельно пришедший к диалектическому материализму, т. е. к философии Маркса» [23, 117]. В ленинской работе «Государство и революция» (август — сентябрь 1917 г.) сказано про Маркса, что он был верным своей философии диалектического материализма [см. 33, 29].

Наконец, в своем «философском завещании» — в статье «О значении воинствующего материализма» (1922 г.) — Ленин фактически охарактеризовал материалистическую философию Маркса как диалектический материализм [см. 45, 30].

Ленинское определение марксистской философии как диалектического материализма оставалось неизменным на протяжении всей многолетней философской деятельности Ленина. Таким оно остается и в наши дни.

Какое же практическое значение имеет ленинское определение марксистской философии как диалектического материализма? Это означает, что любой философ-марксист, независимо от той более узкой области, в которой он специализируется, должен быть обязательно и в первую очередь диалектическим материалистом. Другими словами, он должен уметь подходить к изучаемым явлениям диалектически и уметь давать им материалистическое толкование.

Но этого еще недостаточно для того, чтобы быть настоящим философом-марксистом. Необходимы еще глубокие познания в той области научной или практической деятельности, к которой должен быть применен диалектический материализм с целью «сладить» с возникающими там философскими вопросами. Без таких познаний применение диалектического материализма может оказаться безрезультатным, а иногда даже привести к отрицательным последствиям.

Ленин часто подчеркивал как одно из важнейших положение диалектики, гласящее, что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. В применении к данному случаю это означает, что распространить правильно диалектический материализм на какую-либо определенную область знания можно лишь конкретно, серьезно изучив эту область, а не абстрактно, не «вообще», «с налету», имея о ней лишь самые смутные представления. Короче говоря, конкретное применение диалектического материализма требует от философа-марксиста вместе с тем и определенной специализации. Но, повторяем еще раз, это никак не означает, что сама марксистская философия распадается на какие-то «составные», или «структурные», части или что от диалектического материализма отделяются в самостоятельные философские дисциплины те области, куда он успел проникнуть, решая встающие там философские вопросы. Если бы это было так, то по мере решения им такого рода вопросов и отделения их в итоге от себя он с каждым разом становился бы сам все беднее содержанием, все абстрактнее и превращался бы в пустую схему. В действительности же происходит нечто прямо противоположное: с решением новых философских вопросов, поставленных частными науками или практикой, диалектический материализм непрерывно обогащается, движется вперед, расцветивается все новыми и новыми оттенками, подобно то-

му как алмаз, который гранят, превращаясь в бриллиант, начинает сверкать новыми своими гранями.

Таков глубочайший смысл ленинского определения: философия марксизма есть диалектический материализм.

2. Каков предмет марксистской философии? Как он образовался исторически?

Рассмотрим теперь, каково *содержание* марксистской философии, т. е. диалектического материализма, каков ее предмет.

Ф. Энгельс писал, что предметом марксистской философии, диалектического материализма, а значит, и материалистической диалектики служат, во-первых, наиболее общие законы всякого развития, движения, совершающегося как во внешнем мире (природе и обществе), так и в его отражении в человеческом сознании (мышлении); во-вторых, общие законы самого мышления, по которым совершается самый процесс познания (отражения внешнего мира в сознании человека) и которые полностью совпадают с основными законами всей диалектики. Следовательно, это не два разных определения предмета марксистской философии, а лишь разные стороны одного и того же определения ее предмета через те или иные общие законы движения, развития. В круг собственно философских проблем, очевидно, входят те процессы и их законы, которые по самому своему существу не являются и не могут стать предметом специального изучения частных наук о природе и обществе (естественных и социально-экономических), равно и таких наук о духовной (психической) жизни человека, как психология. Такими наиболее общими законами движения, совершающегося в природе, обществе и мышлении, являются основные законы материалистической диалектики, которая составляет живую душу всего марксистского учения, как говорил Ленин, следовательно, и душу самой марксистско-ленинской философии.

К данному вопросу, как этому всегда учил Ленин, надо подойти *исторически*. Процесс развития философии теснейшим образом связан с развитием всей науки вообще, не говоря уже обо всей конкретно-исторической обстановке, особенно об идеологической борьбе классов, ибо развитие философии происходит не в безвоздушном пространстве, а всегда в определенных социально-политических условиях. Это касается и развития марксистской философии.

Если взять только один разрез философского развития, который включает в себя взаимоотношение между философи-

ей и другими отраслями научного знания, то картина здесь будет следующая: движение познания идет от первоначального, нерасчлененного еще знания о всем мире, в том числе и о явлениях природы и общества. Такое нерасчлененное, недифференцированное знание возникает первоначально в рамках единой науки древности, которая находится под общей эгидой философии, а потому носит натурфилософский характер.

В дальнейшем, начиная с эпохи Возрождения уже в развернутом виде происходит отпочкование от прежде единой философской науки отдельных отраслей научного знания в виде самостоятельных наук — сначала отраслей естествознания, затем и общественных наук. Так, в XVI—XVII вв. окончательно отделяется от философии группа механико-математических наук (механика, астрономия, или небесная механика, и математика, находящаяся на службе у них).

За ними в середине XVII в. отделяется группа физико-химических наук (физика и химия), причем процесс отделения химии затягивается почти на целое столетие. Отпочкование геологии и биологии происходит в конце XVIII — начале XIX в. (вспомним, что основной труд Ламарка, вышедший в свет в 1809 г., именовался «Философией зоологии»).

Наконец, антропология, возникшая в XIX в., обособляется позднее всех других естественных наук.

Отпочкование общественно-экономических наук совершается сложнее и длительнее и, по сути дела, завершается только после создания марксизма.

Теперь за философией остается лишь то рациональное, что содержалось в философских учениях прошлого и что не вошло в отпочковавшиеся от философии частные науки — естественные и общественные. Очевидно, этот рациональный «остаток» от философии прошлого заключал в себе как раз то, что, во-первых, охватывается диалектикой как учением о наиболее общих законах всякого движения, так как по самому существу дела это не могло войти ни в одну частную науку, ни во всю их совокупность; во-вторых, то, что охватывается учением о мышлении и его законах, так как здесь мы имеем дело опять-таки с чем-то общим для всех отраслей знания, чем-то таким, что обладает той степенью общности, как и сами основные законы диалектики.

Разобрав успехи естественных и общественных наук в XIX в., Энгельс показывал в книге «Анти-Дюринг», в чем состоит материалистический взгляд на внешний мир — природу и общество, сложившийся на основе этих успехов

научного знания: «В обоих случаях современный материализм является по существу диалектическим и не нуждается больше ни в какой философии, стоящей над прочими науками. Как только перед каждой отдельной наукой ставится требование выяснить свое место во всеобщей связи вещей и знаний о вещах, какая-либо особая наука об этой всеобщей связи становится излишней. И тогда из всей прежней философии самостоятельное существование сохраняет еще учение о мышлении и его законах — формальная логика и диалектика. Все остальное входит в положительную науку о природе и истории»¹.

Эти положения Энгельса, полностью поддержанные Лениным в статье «Карл Маркс» (1914 г.), предельно ясны. Поэтому доказывать, что ни диалектика, ни вообще философия ни в каком отношении не является наукой о мышлении и его законах, что она есть лишь наука о наиболее общих законах внешнего мира — природы и общества и что поскольку мышление есть лишь отражение этого внешнего мира в нашем сознании, то ничего нового в области мышления человека нет по сравнению с тем, что мы находим во внешнем мире, значило бы, по сути дела, отрицать всякое своеобразие мыслительной, отражательной деятельности человеческого сознания, что объективно смыкалось бы с позицией вулгарного материализма. Признание того, что философия должна заниматься только бытием как таковым, взятым вне связи с ним сознания, означало бы переход на позиции философского «онтологизма».

Прямо противоположная позиция возникает, когда пытаются вообще снять вопрос о том, что философия (диалектика) изучает наиболее общие законы всякого движения, происходящего в природе, обществе и мышлении, и свести все дело к тому, что философия есть наука о мышлении, есть логика и гносеология. Хотя в такой формулировке, казалось бы, подчеркивается то единство диалектики, логики и теории познания материализма, которое Ленин ставил во главу угла в марксистской философии, однако трактуется оно в духе абстрактного «логицизма» и «гносеологизма», без учета живой реальной и неразрывной связи философии марксизма-ленинизма с общественно-исторической практикой, с идеологической борьбой нашей партии против врагов марксизма-ленинизма, с политикой.

Попытки пересмотреть в ту или другую сторону определение предмета марксистской философии, содержащееся в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 24—25.

трудах ее классиков, приводят лишь к тому, что все яснее становится необходимость строго придерживаться принципиальных положений, высказанных по данному вопросу Марксом, Энгельсом и Лениным. Возникает вопрос, изменилось ли понимание предмета марксистской философии со времен, когда писались «Анти-Дюринг» и другие работы Ф. Энгельса, книга В. И. Ленина и другие его произведения.

К этому вопросу следует подойти так же, как подошел В. И. Ленин к ответу на вопрос: что устарело в философских трудах Энгельса, где затрагивались проблемы современного ему естествознания в связи с философией? Предупреждая на примере Плеханова, что нельзя игнорировать новые факты в развитии философии и естествознания в XX в., которые не могли быть известны Энгельсу, Ленин, как уже отмечалось, решительно возражал против того, что Плеханов встал на путь, означающий «жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса» (265).

Это говорит о том, что *частные* положения, отражавшие уровень развития науки в конце XIX в., могли и должны были неизбежно претерпевать существенные изменения, однако эти изменения не подрывали *общего* фундамента всего марксистского философского учения, его краеугольных камней.

Если руководствоваться «духом диалектического материализма», воплощенным в методе Энгельса, в его диалектике, то станет ясно, что приведенное положение из «Анти-Дюринга» о том, что осталось от прежней философии, требует развития и уточнения применительно к современному уровню научного знания.

В самом деле, прогресс науки продолжался и после того, как были написаны «Анти-Дюринг» Энгельса и статья «Карл Маркс» Ленина. За истекшее с тех пор время произошло дальнейшее отпочкование новых отраслей знания, которые уходили из области философии и переходили в область частных наук.

Но если раньше отпочкование касалось знания внешнего мира — природы и общества, то теперь оно коснулось и самого *мышления*. Другими словами, в конце XIX в. Энгельс имел полное право говорить, что в философии сохранился самостоятельный существование в качестве учения о мышлении формальная логика и диалектика, а все остальное входит в положительную науку о природе и истории.

Но в настоящее время формальная логика оказывается неразрывно связанной и даже слитой с современной математической логикой, которая уже с самого начала своего

возникновения не входила в философию. В итоге надо признать, что вне самой философии существуют сейчас такие отрасли частных наук, которые изучают мышление и его законы, сами не будучи философскими.

То же касается и кибернетики, которая возникла в середине XX в. и которая, не будучи частью философии, также занимается мышлением и его законами, стремясь найти способы имитировать и моделировать его процессы.

Полностью отпочковалась от философии теснейшим образом связанная с ней еще в начале XX в. психология, которая через зоопсихологию соединяется с таким разделом современного естествознания, как учение о высшей нервной деятельности.

Можно назвать еще и такую молодую отрасль знания, как науковедение (или, как ее иногда называют, «науку о науке»), которая, также не будучи частью философии, большое внимание уделяет вопросам научного познания и его закономерностям.

В связи с этим сегодня предмет марксистско-ленинской философии следует понимать так, что от философии отпочковались частные положительные науки, изучающие не только внешний мир — природу и историю, но и само мышление с психологической, формально-логической, кибернетической и других специальных сторон. Предметом же марксистской философии сегодня служит диалектика объективная и субъективная как отражение первой в сознании человека. А это и будет означать, что ее предметом сегодня является диалектика и диалектическая логика. Все же остальное входит сейчас в частные положительные науки о природе, истории и мышлении человека.

Таким образом, метод Энгельса, его подход к рассмотрению данной проблемы позволяют уточнить вопрос о предмете нашей философии, ибо этот метод, этот подход состоят в том, чтобы проводить последовательное размежевание между науками, обладающими характером *всеобщности* по отношению к частным областям предметного мира, и науками, предмет которых ограничен какой-либо *частной* областью — природой, обществом или мышлением.

3. Целостность и монолитность марксистской философии

Из ленинского определения марксистской философии как диалектического материализма вытекает признание ее целостности и недробимости на какие-либо составные части,

относительно самостоятельные одна от другой, относительно независимые между собой.

Однако известно, что наряду с диалектическим материализмом называют часто такие якобы составные (или структурные) части, на которые будто бы распалась марксистская философия, как исторический материализм, философские вопросы естествознания, история философии и др. Спрашивается: можно ли на основании этого ставить под сомнение истинность и правомерность ленинского положения, что диалектический материализм является философией марксизма? Но, с другой стороны, как же можно в таком случае сводить всю марксистскую философию только к одному диалектическому материализму?

Дело в том, что все названные выше области марксистской философии не являются самостоятельными составными ее частями, существующими якобы независимо от диалектического материализма, а представляют собой применение последнего к объяснению общественных явлений (исторический материализм), развития самой философской мысли (история философии), данных естественных наук (философские вопросы естествознания) и т. д.

Поэтому речь идет не просто о диалектическом материализме, а обо всей области знания, на которую он распространяется, а вместе с ним распространяется и вся марксистская философия, которая их охватывает.

Под историческим материализмом Маркс, Энгельс и Ленин понимали материалистическое объяснение истории, а такое ее объяснение как раз и представляло собой конкретизацию (применение) диалектического материализма, его распространение на область общественных явлений.

В предисловии ко второму изданию своей книги Ленин прямо писал как о совпадающих понятиях о марксистской философии и о диалектическом материализме, разделяя их запятой, как это делают, когда речь идет о тождественных понятиях (см. 12).

Но если это так, то спрашивается, можно ли совместить два утверждения: одно — ленинское, гласящее, что философия марксизма есть диалектический материализм, цельное, единое учение, и другое, согласно которому она есть не только диалектический материализм, но и совокупность целого ряда других философских дисциплин, на которые она якобы распалась в наши дни.

Если рассмотреть, как взаимодействует марксистская философия с другими отраслями научного знания, с частными науками, то окажется, что суть этого взаимодействия

и самый его «механизм» состоит в том, что диалектический материализм, сохраняя все время свою целостность в качестве марксистской философии, берет на себя задачу со своих позиций помогать решению любых сложных или запутанных философских проблем любых наук.

Это вовсе не означает, что наряду с диалектическим материализмом возникают какие-то новые, отдельные от него разделы марксистской философии, иначе говоря, что сама эта философия подвергается раздроблению на части. Ничего подобного не происходит. Философия марксизма (т. е. диалектический материализм) остается по-прежнему цельной и монолитной; в качестве таковой она как бы пронизывает собой или охватывает собой другие области научного знания, помогая им справиться или «сладить» с возникающими в них философскими вопросами.

В статье «Наши упразднители» (1911 г.) Ленин писал, что «новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был «сладить» диалектический материализм» [20, 128]. Эта задача была выполнена самим же Лениным в 1908 г. в его книге. Но значит ли это, что в марксистской философии появился какой-то новый, особый раздел и что поэтому ее уже нельзя по-прежнему определять как диалектический материализм, но обязательно добавлять: диалектический материализм плюс философские вопросы физики или всего естествознания? Диалектический материализм не только ничего не отделил от себя, когда он должен был «сладить» с поставленными новой физикой философскими вопросами, но, напротив, обогатился сам за счет их решения.

Точно так же обстояло дело и в 1922 г., когда Ленин отмечал, что «без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае» и что «современные естествоиспытатели найдут... в материалистически истолкованной диалектике Гегеля (т. е. в диалектическом материализме.— *Б. К.*) ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании...» [45, 31].

Искать в диалектическом материализме ответы на возникающие философские вопросы, а не придумывать какую-то особую марксистскую философию природы, отдельную от диалектического материализма,— такова ясная и четкая позиция Ленина.

То же самое касается и вопросов религии. Диалектическому материализму надо «сладить» и с философскими вопросами атеизма, но это отнюдь не означает, по Ленину, будто в результате что-то отделяется от диалектического материализма или что-то возникает вне его в виде научного

атеизма как особой составной части марксистской философии. Так, в статье «Об отношении рабочей партии к религии», где как раз и рассматриваются такого рода вопросы, Ленин прямо утверждает, что «философской основой марксизма, как неоднократно заявляли и Маркс и Энгельс, является диалектический материализм...» [17, 415]. Ленин критикует тех, кто не вдумывается «в основы диалектического материализма, т. е. философии Маркса и Энгельса» [см. 17, 420]. Следовательно, нет никаких оснований включать в марксистскую философию научный атеизм в качестве особой составной ее части наряду с диалектическим материализмом только потому, что последний смог «сладить» с теми или иными философскими вопросами научного атеизма.

В начале статьи «Переписка Маркса с Энгельсом» (1913 г.) Ленин на примере этой переписки раскрывает общий «механизм» взаимодействия между диалектическим материализмом (т. е. марксистской философией) и другими областями научного знания и практики — то, что он понимает под выражением «сладить» с философскими вопросами этих областей: «Применение материалистической диалектики (следовательно, диалектического материализма.— *Б. К.*) к переработке всей политической экономии, с основания ее, — к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса, — вот что более всего интересует Маркса и Энгельса...» [24, 264]. Однако в итоге этого философия диалектического материализма не порождает, не отпочковывает от себя каких-либо новых философских разделов. Она остается целостной, монолитной, недробимой и вместе с тем конкретизируется, обогащается, развивается, двигается вперед.

Монолитность и нерасчленяемость философии марксизма выражаются в полной слитности и взаимопроникновении диалектики и теории познания материализма, что как раз и составляет самую сущность диалектического материализма. В статье «Карл Маркс», приведя слова Энгельса, что от прежней философии остается логика и диалектика, Ленин поясняет: «А диалектика, в понимании Маркса и согласно также Гегелю, включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией...» [26, 54—55]. Следовательно, согласно Ленину, в марксистской философии нет и не может быть диалектики без материализма, без его теории познания и материализма, материалистической гносеологии без диалектики.

Еще полнее эта мысль разработана в ленинских «Фило-

софских тетрадах», где говорится: «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах» [29, 321].

Это значит, что внутри диалектического материализма нет никаких обособленных между собой философских разделов вроде диалектики, отделенной от гносеологии и логики; гносеологии, отделенной от диалектики и логики; и логики, отделенной от диалектики и гносеологии. Полнейшая их нераздельность подчеркнута предельно четко и ясно Лениным: «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма...» [29, 301].

Сказанное выше не означает, однако, что в марксистской философии, т. е. в диалектическом материализме, нет, скажем, логических и гносеологических вопросов или же соответствующих этому функций. Так, в первых трех главах ленинской книги речь идет о теории познания диалектического материализма. В «Философских тетрадах» по поводу замечания Плеханова о том, что признание превращения количественных различий в качественные объявляется происходящим не в самом предмете, а в отношении его к чувствующему субъекту, есть грубая логическая ошибка, Ленин написал: «не логическая, а гносеологическая» [29, 545].

Значит, Ленин различал логическое и гносеологическое. Однако наличие у диалектического материализма различных функций — логической и гносеологической — не дает никакого основания для его разделения, раздробления на какие-то составные части — логику, теорию познания, методологию, не говоря уже об «онтологии».

Внутреннюю монолитность и недробимость Ленин выразил со всей резкостью и категоричностью: «В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» (346).

Это было сказано Лениным по поводу материализма вообще и материализма исторического, которые едины по своим основным посылкам. То же их единство и ту же их цельность выражает ленинское определение материалистической диалектики как живой души марксизма.

Встает вопрос: не означает ли цельность и нерасчленимость диалектического материализма то, что ему присущи монотонность, одноликость, неразличимость в нем отдель-

ных его сторон, оттенков и аспектов и в этом смысле его бесформенность и бесструктурность? Нет, не означает: диалектический материализм (следовательно, материалистическая диалектика) есть учение исключительно богатое содержанием, многогранное и многоаспектное, выступающее каждый раз то той, то другой своей стороной, отвечающей на конкретные запросы конкретной исторической ситуации. Если бы это было иначе, то как бы мог тогда Ленин характеризовать целые исторические эпохи в истории марксизма посредством акцентировки на ту или другую сторону диалектического материализма? Ведь не случайно он писал, что эпоха Маркса и Энгельса характеризовалась тем, что ударение делалось больше на *диалектическом* материализме, чем на *диалектическом материализме*, в отличие от начала XX в., когда выдвинулись вопросы гносеологии.

Однако сложность и многосторонность диалектического материализма (и в этом смысле его структурность) вовсе не означают наличие у него составного характера.

Сложность, богатство, многоцветность диалектического материализма, его внутренняя структурность выступают двояко: во-первых, благодаря наличию у него сложных, многогранных сторон, аспектов, оттенков и функций, таких, как логические, гносеологические, методологические. Во-вторых, благодаря тому, что расчленена сама сфера различных отраслей научного познания, на которые распространяется диалектический материализм с целью «сладить» с возникающими там философскими вопросами. Такого рода задачи он решает не однотипными, однообразными, раз навсегда принятыми приемами и способами, а каждый раз своеобразно, соответственно качественным особенностям данной отрасли знания. Таковы глубочайшие диалектико-материалистические обобщения, обогатившие всю философию марксизма и гласившие, что материя бесконечна вглубь и что любая ее микрочастица неисчерпаема; они были сделаны Лениным в процессе того, как диалектический материализм должен был «сладить» с философскими вопросами, поставленными новейшими открытиями физики на рубеже XIX и XX вв. Такого рода вопросы вставали по-разному и были глубоко различны по содержанию, возникая то в естествознании, то в математике, то в психологии, то по линии стратегии и тактики революционного рабочего движения. Структурная подразделенность соответствующих сфер научного познания и революционно-практической деятельности не могла так или иначе не отразиться и на структурности самого конкретно применяемого к ним диалектического материализма: ведь его применение каждый раз

осуществлялось своеобразно, как бы заново, а не посредством монотонного повторения одного какого-то раз навсегда выработанного приема, пригодного на все случаи жизни. Следовательно, структурность диалектического материализма, т. е. марксистской философии, выступает и здесь отнюдь не как расчлененность на отдельные компоненты, но как отражение внутри единого учения марксистской философии структурного характера всей сферы научного познания.

4. Как развивается марксистская философия?

Процессы развития идут различными путями, в различных формах. Одной из таких форм является простой рост и увеличение. Но это составляет лишь одну сторону процесса развития, причем количественную его сторону. Такая сторона может выступать еще иначе, а именно в виде расчленения или же размножения исходного предмета, что особенно типично для живых существ.

Сходные процессы совершаются и в сфере научного познания: прежде единые области знания распадаются на отдельные отрасли (дисциплины), каждая из которых в свою очередь подразделяется на различные специальности. Такой процесс размножения наук именуется их дифференциацией. Он охватывает собой все частные науки.

Но существует и другая форма процессов развития, причем не менее существенная, а, пожалуй, более важная, нежели названные выше. Она связана с качественными изменениями, происходящими в процессе развития. В. И. Ленин писал, что если все развивается, то значит все переходит из одного в другое, ибо развитие не есть простой, всеобщий и вечный *рост, увеличение* (соответственно уменьшение) и т. д. [см. 29, 229]. Он подчеркивал, что диалектическое понимание превращения состоит в признании, что оно есть «превращение *одного в другое*» [29, 241].

Как же можно представить себе диалектически такое развитие, такое превращение? Очевидно, как раскрытие все новых и новых сторон и качественных определений у развивающихся вещей или понятий о вещах, иначе говоря, как развертывание присущего им качества, при сохранении его целостности и недробиности.

Касаясь всего марксистского учения, Ленин писал: «При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что... различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то дру-

гую сторону марксизма» [20, 128]. Далее Ленин говорит конкретно, какие именно стороны марксизма, где и когда выдвигались на первый план, и заканчивает так: «Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне» [20, 128].

Следовательно, весь марксизм развивается как единое, цельное, монолитное учение с преимущественным ударением на той или иной его стороне, с выделением этой его стороны вперед в зависимости от исторических условий. Развивая и углубляя эту свою сторону, марксизм развивается и сам в целом.

Сказанное относится в не меньшей степени и к философии марксизма, т. е. диалектическому материализму. Он развивается точно так же, выдвигая вперед то одну, то другую свою сторону, однако не расщепляясь на различные части, а сохраняя все время свою цельность и целостность, свою внутреннюю монолитность. Поэтому по меньшей мере наивно утверждать, будто диалектика и материализм, диалектический метод и материалистическая теория познания суть не стороны единого учения диалектического материализма, которые нельзя даже мысленно обособить одну от другой, а различные его составные части, относительно самостоятельные, существующие одна наряду с другой.

Его развитие совершается так, что в нем либо возникают какие-то новые стороны и грани, либо уже существовавшие ранее расцветаются по-новому, все более и более содержательно.

Ленин нашел замечательно меткое слово для того, чтобы отобразить такого рода процесс развития. Им было слово «оттенков». В «Философских тетрадах» говорится: «Диалектика как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка) — вот неизмеримо богатое содержание по сравнению с «метафизическим» материализмом, основная *беда* коего есть неумение применить диалектики к *Bildertheorie* (теории отражения. — *Ред.*), к процессу и развитию познания» [29, 321—322].

Здесь важно именно то, что в диалектике, разумеется понимаемой материалистически, т. е. в диалектическом материализме, Ленин отмечает «бездну оттенков», которые при одностороннем подходе к ним, при их вырывании из целого в

качестве отдельных кусочков могут быть превращены каждый в нечто самостоятельное вплоть до некой философской системы. В итоге может получиться так, что при подобном одностороннем подходе сама диалектика, конечно искусственно, распадается на ряд относительно самостоятельных «диалектик», например диалектику природы или даже диалектику живой природы и т. д., диалектику общественных явлений и т. п.

Подчеркивая, что познание человека движется по кривой линии, приближающейся к спирали, Ленин предупреждал по другому поводу, что «любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию...» [29, 322].

Слово «оттенок», которое использовал Ленин, очень верно схватывает суть дела. Ведь всякую часть, особенно составную или структурную, можно так или иначе отделить от целого, поскольку она есть часть этого целого. Но оттенок отделить от целого никак нельзя, как нельзя отделить состояние организма от самого организма какими угодно хирургическими приемами или средствами. Вот почему так актуально и так содержательно звучат ленинские слова о гносеологических корнях идеализма и поповщине как *дороге к ним «через один из оттенков* бесконечно сложного *познания* (диалектического) человека» [29, 322].

Как и весь марксизм-ленинизм с его философией, так и отдельные его положения находятся в постоянном развитии в соответствии с тем, как движется вперед сама наука, как меняется историческая обстановка, как на смену одной эпохе приходит другая. Это обстоятельство вызывает необходимость вносить соответствующие изменения и уточнения в те или иные формулировки, определения и положения, сохраняя полностью их существо, их основу, но учитывая те объективные изменения, которые совершаются в развитии научного знания и общественно-исторической практики. Разумеется, все это должно делаться чрезвычайно аргументированно, без малейшей поспешности и субъективности.

Сам Ленин подчеркивал это обстоятельство, когда говорил о том, как уточнялись те или иные положения марксизма, утратившие силу в изменившейся исторической обстановке. Он подчеркивал, что, когда последовательным сторонникам марксизма (ортодоксам) «случалось выступать против устаревших воззрений Маркса (например, Мерингу против некоторых исторических положений), — это делалось всегда с такой определенностью и обстоятельностью, что никто

никогда не находил в подобных литературных выступлениях ничего двусмысленного» (10).

Отсюда следует, что нельзя на основании случайных и легковесных аргументов, а тем более и вообще без всякой аргументации пересматривать и перетолковывать те или иные фундаментальные марксистско-ленинские положения и определения или прямо заменять какими-то иными, существенно отличными от них. Надо обязательно сопоставлять предлагаемые новые формулировки и положения с марксистско-ленинскими и объяснять, на каком объективном основании такая замена делается.

Чем же объясняется то обстоятельство, что Маркс и Энгельс, а вслед за ними и Ленин не отражали в определении своей философии наличие в ней исторического материализма, философских проблем естествознания и т. д., называя лишь один диалектический материализм? Может быть, они просто не замечали происшедшую уже давным-давно дифференциацию наук? Но ведь такую дифференциацию осуществили сами же Маркс и Энгельс, а потому не заметить ее они не могли. Ленин же прямо перечислил в статье «Переписка Маркса с Энгельсом» те области знания и практики, куда проникла тогда материалистическая диалектика и которые теперь нельзя выдавать за самостоятельные философские науки. В чем же дело? А дело в том, что ленинское определение является предельно широким, адекватным определяемому предмету — философии марксизма.

Ленинское определение реально охватывает собой все без единого исключения случаи проникновения марксистской философии (т. е. диалектического материализма) в любые сколь угодно широкие и сколь угодно узкие области частных наук, как в те, которые уже существовали во времена В. И. Ленина, так и в те, которые возникли позднее и могут возникнуть еще в будущем. Диалектический материализм предполагает, например, возможность постановки и решения философских вопросов не только давно возникших технических наук и самой техники, психологии и математики, но и образовавшихся сравнительно недавно, уже после Ленина, кибернетики, системного анализа, бионики, космонавтики и вообще любых других отраслей научного и прикладного знания. Всякое же иное определение не в состоянии охватить все те отрасли, куда диалектический материализм успел уже проникнуть и где он успешно «сладил» с соответствующими философскими вопросами.

Если, например, признать законным считать философские вопросы естествознания самостоятельным компонентом марк-

систской философии, существующим, дескать, в ней сверх диалектического материализма, то почему же тогда на таком же точно основании нельзя считать составными ее компонентами философские вопросы математики и психологии, технических наук и кибернетики, космонавтики и бионики, научно-технической революции и экологии и т. д.? Рассуждая таким образом, пришлось бы беспредельно расширять перечисление «компонентов» марксистской философии, и все равно мы никогда не достигли бы исчерпывающей полноты.

Марксизм-ленинизм — это не застывшее учение, а вечно развивающееся, обогащающееся новыми данными науки и опытом исторического развития человеческого общества. Но развитие и обогащение этого учения не означает пересмотра его коренных положений и принципов.

Надо всегда помнить, что не перевелись еще на белом свете такие люди, которые приобрели себе печальную славу своим отступлением от основных положений марксизма и своей боязнью или своей неспособностью выступить открыто, прямо, решительно и ясно «рассчитаться» с покинутыми взглядами. Именно о них и их полемических приемах предупреждал в своей книге Ленин. Он имел в виду махистов-ревизионистов. Их приемы взяли теперь на вооружение современные ревизионисты. «Коммунистам,— подчеркивал Ю. В. Андропов,— не пристало прельщаться хлесткими фразами всевозможных «улучшателей» Маркса, цепляться за фабрикаты буржуазной науки. Не размыывать марксистско-ленинское учение, а, наоборот, бороться за его чистоту, творчески развивать его — вот путь к познанию и решению новых проблем. Лишь такой подход отвечает традициям и духу нашего учения, потребностям коммунистического движения»¹. Советские философы призваны решительно выступать против любых попыток ревизии марксистско-ленинской философии.

Эта глава завершает вводные главы и одновременно является переходом к конкретному анализу самого содержания ленинской книги. В ней освещено ленинское понимание философии марксизма, диалектического материализма, что лежит в основе всей изучаемой книги.

¹ Андропов Ю. В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР, с. 30.

ИЗУЧЕНИЕ ОСНОВНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ КНИГИ

Раскрыв особенности критического метода В. И. Ленина в его борьбе против махистов, перейдем теперь к рассмотрению принципиальных вопросов, связанных с развитием В. И. Лениным диалектического материализма в борьбе против махистов и других философских врагов марксизма. Это прежде всего решение основного вопроса философии и трактовка философского (гносеологического) понятия материи.

1. Философская проблематика в связи с общей структурой книги

Чтобы яснее представить то новое, что дает ленинская книга в области диалектического материализма, нужно проследить философские идеи Ленина, выделяя их из огромного по объему полемического материала. Такой способ изучения поможет глубже понять и усвоить те позитивные положения, взгляды Ленина, которые он отстаивает и развивает в борьбе со своими противниками. На это обстоятельство указывал и сам Ленин в предисловии ко второму изданию своей книги.

Разумеется, речь идет в данном случае лишь о методическом приеме, допускающем известное отвлечение от полемики, тесно переплетающейся с позитивным содержанием книги В. И. Ленина. Следует помнить, что ленинские формулировки и определения, содержащиеся в книге, явились как бы выводами, подытоживающими борьбу с махистами и прочими философскими противниками марксизма.

Для того чтобы поставленная В. И. Лениным перед читателем задача — ознакомление с философией марксизма — была успешно выполнена, необходимо, следовательно, не просто читать или выписывать подряд специально те места книги, которые содержат позитивное изложение марксистских взглядов, но и систематизировать их соответственно их внутренней проблематике. С этой целью можно рекомендовать составить конспект ленинских высказываний по отдельным ключевым вопросам диалектического и исторического материализма. При этом, естественно, не следует подгонять положения, содержащиеся в ленинской книге, под какую-либо заранее принятую схему. В то же время нельзя ограничиться тем, чтобы просто выписывать ленинские положе-

ния в той последовательности, в какой они встречаются в книге.

Книга Ленина имеет глубокую внутреннюю логику и продуманную структуру; она построена в соответствии с последовательным раскрытием обеих сторон основного вопроса философии и связанных с ним философских категорий.

В главе I рассматривается первая сторона основного вопроса философии, касающаяся признания первичности материи в противоположность признанию первичности духа идеалистами; глава II посвящена другой стороне того же вопроса — трактующей о познаваемости мира; в III главе разбирается ряд важнейших философских категорий под углом зрения основного вопроса философии, взятого в целом, в единстве и взаимодействии обеих его сторон. В последующих главах философские проблемы разбираются применительно к анализу особенностей современной идеалистической философии, тенденций ее развития (глава IV), ее отношения к тогдашнему естествознанию, особенно физике (глава V), и к социологии (глава VI).

Ленин затрагивал тот или иной философский вопрос многократно, рассматривая его каждый раз в иной связи, с другой его стороны, в зависимости от критикуемых концепций.

К числу таких вопросов относятся следующие: философское понятие материи; что такое мир как предмет научного познания; вопрос о роли практики в процессе познания; трактовка ощущений как источника знаний; вопрос о соотношении диалектики и теории познания; проблема закона; понятие истины и многие другие философские вопросы. Все они анализируются Лениным в нескольких главах книги, причем в первых трех главах — в связи с общим противопоставлением теории познания диалектического материализма и теории познания эмпириокритицизма, в главе IV — в связи с анализом места эмпириокритицизма среди других философских направлений и его эволюции, в главе V — в связи с новейшей революцией в естествознании и кризисом физики, в главе VI — в связи с противопоставлением взглядов исторического материализма взглядам эмпириокритицизма на общественную жизнь.

Выделяя эти вопросы и рассматривая каждый из них в отдельности, следует помнить, что в марксистской философии все они взаимосвязаны, подобно тому как неразрывно связаны в ней такие ее стороны, как материализм и диалектика, диалектический и исторический материализм.

2. Философское понятие материи

Сказанное выше можно проиллюстрировать на примере категории материи, без которой невозможно разъяснить основной вопрос философии, защищать материалистическое его решение. Поэтому вполне естественно, что эту категорию В. И. Ленин разрабатывал и использовал в различной связи в первых трех главах книги, а также и в четвертой, касающейся расстановки борющихся сил на философском фронте. Поскольку все открытия физики конца XIX — начала XX в. касались строения материи и ее физических свойств, это понятие неизбежно должно было фигурировать и в главе V, а отчасти в главе VI, где говорится о борьбе философских партий в связи с той или иной трактовкой основных категорий естествознания и философии.

Таким образом, разбор категории материи не сосредоточен в одном определенном разделе книги, а проходит красной нитью через все ее содержание. Уже в начале своего труда, анализируя взгляды субъективного идеалиста Беркли, Ленин подвергает резкой критике его антинаучное толкование материи (17—21). В главе I он вскрывает эпигонство махистов по этому вопросу, повторение ими положений старого берклианства (54 и др.). В связи с критикой высказываний Маха Ленин разбирает вопрос о материи как об объективной реальности (39—40), отвергая при этом его вульгарно-механистическое истолкование (41—42). В той же связи Ленин излагает взгляды материалистов на материю как на первичное, не зависящее от ощущений (49—50), от духа вообще (84—85) и вызывающее при своем воздействии на наши органы чувств ощущения, которые являются функцией мозга (52). К этим положениям Ленин возвращается вновь при рассмотрении вопроса о том, существовала ли природа до человека (71—72) и мыслит ли человек при помощи мозга (84, 91), а также в главе II (116), когда он критикует махиста Базарова.

В главе I Ленин касается вопроса о физическом строении материи, об открытии новых ее частиц — электронов (68); в главе II он пишет об этом несколько подробнее, подчеркивая, что недопустимо смешивать вопрос о строении материи с философским понятием материи как гносеологической категорией. Здесь в связи с разбором вопроса об объективной истине он дает первое, еще не развернутое философское определение материи (131). Постепенным подходом к развернутому ее определению (149) служили все предыдущие высказывания Ленина по поводу материи, в частности указание

на то, что материализм связан с признанием объективной реальности как источника восприятий (129, 134).

Глава III, посвященная анализу борьбы основных направлений в философии вокруг главнейших философских категорий, начинается с рассмотрения того, что такое материя (147, 149). Именно на этих страницах содержится развернутое определение материи как философской, гносеологической категории.

В дальнейшем о материи говорится в главе III наряду с другими философскими категориями и в связи с ее физическим строением, а затем в главе IV — по разным поводам.

Понятие материи подробно разбирается в главе V в связи с открытием электрона, радиоактивности и другими открытиями того времени, которые касались новых физических свойств материи, ее новых частиц и форм ее движения. Анализ гносеологических выводов из этих открытий, непосредственно связанных с учением о физическом строении материи, дан в первых трех параграфах главы V, озаглавленных: «Кризис современной физики», «Материя исчезла», «Мыслимо ли движение без материи?». В этих параграфах Ленин детально показывает, к каким нелепым выводам приводит смешение гносеологического понятия материи с физическими представлениями о ее свойствах и строении, а также подмена понятия «материя» понятием «энергия».

В дальнейшем, разбирая в той же главе борьбу между материалистическим и идеалистическим направлениями в физике в отдельных странах, он показывает, что эта борьба вращается прежде всего вокруг учения о материи, вокруг гносеологических выводов из новейших открытий, касающихся ее физического строения; об этом Ленин пишет, говоря об Англии (290—299), о Германии (299—307), о Франции (310, 315—316) и о России (319—320), затрагивая также Италию и Бельгию.

В заключительном параграфе главы V, посвященном анализу «физического» идеализма, Ленин в ряде мест останавливается на вопросе о материи, пишет о забвении материи математиками, у которых «материя исчезла» и остались одни уравнения (326), и вновь и вновь разбирает гносеологические выводы из открытий физики (331—332). По сути дела, вся глава V так или иначе посвящена главным образом анализу философского понятия материи в его связи с физическим учением о ее строении.

Приведем несколько ленинских высказываний по поводу понятия материи и ее определения как философской категории. Ленин писал, что «материя, действуя на наши органы

чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи. Существование материи не зависит от ощущения. Материя есть первичное. Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи» (50).

«Органическая материя есть явление позднейшее, плод продолжительного развития... Материя есть первичное, мысль, сознание, ощущение — продукт очень высокого развития. Такова материалистическая теория познания...» (71—72).

Продолжая и углубляя характеристику материализма, Ленин указывает: «Для материалиста наши ощущения суть образы единственной и последней объективной реальности, — последней не в том смысле, что она уже познана до конца, а в том, что кроме нее нет и не может быть другой» (130). Ленин подчеркивает при этом, что такая точка зрения бесспорно закрывает двери не только для всякого фидеизма, но и для профессорской схоластики, примером которой служат писания махистов.

Давая понятие материи, Ленин, по сути дела, переводит в логическую форму (т. е. формулирует как существенные признаки понятия) все главное, что заключено в основном вопросе всякой философии (об отношении мышления к бытию), рассматривая этот вопрос материалистически, причем с обеих его сторон. Такой логический прием широко практикуется в современной науке вообще.

Например, понятие «энергия» выражает собой в логической форме главное содержание закона сохранения и превращения энергии. Подобно тому как этот закон раскрывает две стороны совершающегося в мире универсального движения — его количественную сохраняемость и качественную превращаемость его форм, так те же две стороны в их единстве выражены и в понятии «энергия». Как известно, единство качественной и количественной сторон представляет собой то, что называют мерой. Соответственно этому *энергия* определяется как мера движения, которое количественно сохраняется и качественно, по своей форме, претерпевает превращения.

Понятие материи сходным образом выражает собой содержание основного вопроса всякой философии, решаемого с позиций материализма. «Мы спрашиваем, — пишет Ленин, — дана ли человеку, когда он видит красное, ощущает твердое и т. п., объективная реальность или нет? Этот старый, престарелый философский вопрос запутан Махом. Если не дана,

то вы неизбежно скатываетесь вместе с Махом в субъективизм и агностицизм... Если дана, то нужно философское понятие для этой объективной реальности, и это понятие давно, очень давно выработано, это понятие и есть *материя*. Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (131).

Ставя, далее, вопрос «Что такое материя?», В. И. Ленин раскрывает истинный смысл и характер нападок Авенариуса на «материю»: идеалист отрицает бытие физического независимо от психического и *потому* отвергает понятие, выработанное философией для такого бытия. «Что материя есть «физическое» (т. е. наиболее знакомое и непосредственно данное человеку, в существовании чего никто не сомневается, кроме обитателей желтых домиков), — этого Авенариус не отрицает, он только требует принятия *«его»* теории о неразрывной связи среды и *Я*» (148). Другими словами, он отрицает независимость материи от сознания, объекта от субъекта. Отрицание материи махистами, как показывает Ленин, есть не что иное, как решение теоретико-познавательных вопросов в смысле отрицания внешнего, объективного источника наших ощущений, объективной реальности, соответствующей нашим ощущениям. И наоборот, признание линии материализма «выражается определениями: материя есть то, что, действуя на наши органы чувств, производит ощущение; материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении, и т. п.» (149).

Ленин подчеркивает, что определение материи есть просто понятийное выражение материалистического решения основного вопроса философии и что совершенно бессмысленно требовать от материалистов (как это делают махисты) «такого определения материи, которое бы не сводилось к повторению того, что материя, природа, бытие, физическое есть первичное, а дух, сознание, ощущение, психическое — вторичное» (150).

Чрезвычайно важно указание Ленина на то, что выдерживать последовательно точку зрения в философии, враждебную всякому фидеизму и всякому идеализму, можно только при условии решительного признания, что наши понятия отражают объективную реальность.

Суммирование ленинских высказываний о материи как философской категории приводит к такому обобщенному ее определению, которое как бы резюмирует и подытоживает собой всю историю борьбы материализма против идеализма

как целого философского направления и против его отдельных течений и разновидностей, особенно тех, которые получили в силу определенных причин преимущественное распространение именно в данное время, в данных исторических условиях. Вместе с тем такое обобщенное ленинское определение материи противостоит определениям, которые давались старым, недиалектическим материализмом (метафизическим, механистическим, вульгарным и др.).

Во-первых, признание того, что существует *объективная реальность*, которая дана нам в ощущениях, и что никакой другой нет и быть не может, отвергает полностью всякий идеализм вообще, как субъективный, так и объективный, равно как и всякий фидеизм. Утверждение объективных идеалистов о существовании какой-то «абсолютной идеи» или «мирового духа», равно как и утверждение теологов о существовании бога, в корне противоречит приведенному выше определению материи и совершенно несовместимо с ним. «Абсолютный дух» или «бог» есть нечто такое, что никак не дано по самому существу дела нам в наших ощущениях как нечто физическое, материальное. Точно так же положение о *первичности материи* по отношению к духу (как основной существенный признак понятия «материя») проводит принципиальную грань между материализмом, с одной стороны, и *всеми разновидностями* идеализма и теологии, а также дуализма — с другой.

Во-вторых, подчеркивание того, что материя означает *объективную реальность, существующую вне нас и независимо от нас, от наших ощущений*, направлено прежде всего против различных видов *субъективного идеализма*, в том числе махизма с его идеей нераздельной связи («принципиальной координации») субъекта и объекта (т. е. отрицанием *независимости* объекта от субъекта), с его трактовкой вещей как комплексов ощущений (т. е. отрицанием существования *внешнего мира*).

В-третьих, указание на то, что материя дана нам в ощущениях, что ощущения являются источником познания, направлено против рационализма (в том числе против кантовского априоризма), который принижает роль ощущений, чувственного познания и допускает априорное, т. е. внеопытное и доопытное, знание.

В-четвертых, признание, что материя отражается, копируется в наших ощущениях, в нашем сознании, что наши ощущения, мысли, понятия суть *снимки с объективной реальности, ее образы*, противопоставляется различным течениям агностицизма и скептицизма, которые отрицают возможность пол-

ного знания мира и считают, что существуют некоторые принципиальные границы, дальше которых наше познание идти бессильно. Агностики разрывают явления и их сущность, превращая последнюю в непознаваемую «вещь в себе», а наши понятия и ощущения они толкуют только как условные знаки, как символы или иероглифы, у которых нет никакого сходства с самими вещами.

Итак, ленинское определение материи резюмирует более чем двухтысячелетнюю борьбу материализма и идеализма, причем каждый признак понятия материи кратко выражает определенную сторону этой борьбы, будучи направлен своим острием против той или иной разновидности идеализма, дуализма или агностицизма.

Анализ высказываний Ленина о материи, их выписывание и систематизирование уже сами по себе дают возможность в конспективной форме охватить важнейшие моменты всей ленинской книги.

Уже самое признание *первичности* материи в том смысле, как это понимает В. И. Ленин (вслед за Марксом и Энгельсом), включает в себя момент *историзма*, так как означает, что в истории развития природы материя существовала раньше человеческого сознания, что в ходе развития природы возник человеческий мозг в качестве органа мысли, представляющего собой высокоорганизованную форму или ступень развития материи. Следовательно, материя породила сознание в процессе своего усложнения, и в этом смысле она является первичной, определяющей, а сознание — вторичным, производным от нее. В этой связи особое значение приобретает § 4 главы I книги В. И. Ленина, озаглавленный так: «Существовала ли природа до человека?».

Рассмотренное с этой стороны ленинское определение материи, будучи *диалектико-материалистическим*, существенно отлично от всех определений материи, которые давали представители *метафизического* материализма и других видов материализма, отрицавших развитие природы.

Ленинское определение материи существенно отличается от тех определений, которые обычно даются *механистическими*, а также *стихийными*, *естественноисторическими* материалистами. Те и другие обычно под материей понимали либо вещество, или массу, как физическое свойство материи, либо тот или иной конкретный вид материи, например атомы. В результате получалась подмена философского (гносеологического) понятия материи физическими представлениями о свойствах материи и ее строении.

Наконец, указание на то, что *сознание* отлично от мате-

рии, что оно есть образ объективной реальности и возникает в нашем мозгу в качестве особого его состояния (или свойства), существенно отличает ленинское определение материи от *вульгарно-материалистического* отождествления сознания с материей. В этом отношении важное значение имеет § 8 главы IV книги, озаглавленный: «Как мог И. Дидген поправиться реакционным философам?».

Так разрабатывается на протяжении всей книги одно из коренных понятий философии — понятие материи. Чтобы составить полное представление и систематизировать все относящиеся сюда высказывания Ленина, было бы целесообразно законспектировать все, что по этому вопросу написано в разных главах и разделах ленинской книги. Полезно составить ее тематический конспект, группируя выписки, касающиеся понятия материи, соответственно логическому членению самой этой проблемы на различные ее стороны. Например, в данном случае можно было бы выделить следующие стороны данной проблемы: 1) ленинское определение материи как философской категории; 2) Ленин о борьбе философских партий и направлений в философии вокруг понятия материи; 3) взгляды Ленина на материю и основные формы ее существования (движение, пространство и время); 4) Ленин о физических представлениях о строении материи и их соотношении с гносеологическим понятием материи.

3. Мир как предмет научного познания

Так же, как и в отношении понятия материи, могут быть разобраны, сгруппированы и законспектированы все другие высказывания Ленина с целью систематизировать их в тематическом порядке. Такой способ изучения книги и ее конспектирования даст возможность более глубоко проникнуть в те новые философские идеи и положения, которые были внесены В. И. Лениным в развитие марксистской философии. Для примера рассмотрим еще один из них, тесно связанный с понятием материи.

На протяжении всей книги, в различных ее местах и по разным поводам В. И. Ленин определяет, *что такое мир*, который нас окружает и который мы познаем.

Идеалисты полагают, что мир по своей природе представляет собой порождение и проявление духа. Вскрывая сущность воззрений на мир у философов-идеалистов, Ленин сопоставляет различные идеалистические определения: «Мир есть *не-Я*, созданное нашим *Я*, — говорил Фихте. Мир есть абсолютная идея, — говорил Гегель. Мир есть воля, — говорил

Шопенгауэр. Мир есть понятие и представление,— говорит имманент Ремке» (239). Мир есть «духовное вещество», говорит Клиффорд (235). «Мир есть мое ощущение» (65) или «наше ощущение», говорит субъективный идеалист, а потому такие философы подменяют «мир действительный миром воображаемым» (79).

Всем этим идеалистическим взглядам на мир В. И. Ленин противопоставляет материалистическое представление об окружающем нас мире как объективной реальности, существующей независимо от сознания. Опровергая ложные обвинения против материализма, выдвигаемые спиритуалистом Уордом, он подчеркивает, что материализм рассматривает «картину мира, как *движущейся материи*» (296), что, следовательно, «мир есть движущаяся материя» (298; см. также 171, 230, 293 и др.). «Мир,— по его словам,— есть закономерное движение материи, и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только *отражать* эту закономерность» (174). «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» (181).

Если соединить высказывания Ленина вместе, то на основании их можно обобщенно выразить, что такое мир: *мир есть движущаяся материя, движение которой совершается закономерно, в пространстве и во времени*. В этом определении связываются между собой важнейшие категории диалектического материализма: материя, движение; закономерность, пространство, время. Материя выступает здесь как общее содержание всех явлений и вещей внешнего мира; движение, пространство и время — как общий способ и основные формы существования материи; закономерность — как связь всех вещей и явлений мира, т. е. опять-таки движущейся материи. Это означает, что приведенная выше формулировка, выражающая марксистско-ленинский взгляд на мир, раскрывает соотношение материи и основных форм ее существования и внутренних связей между ее отдельными сторонами и частями, между отдельными вещами и явлениями.

Идеалисты всех разновидностей всегда пытались опровергнуть материалистический взгляд на мир. Свой главный удар при этом они направили против его краеугольного камня — признания материи и тем самым против признания материальности мира. Ленин показывает, как идеалисты, начиная от Беркли и Юма и кончая Махом и Авенариусом, воюют против материи, стараясь лишить эту категорию объективного значения и по возможности изгнать ее вовсе из научного обихода.

Но борьба против материализма принимает не только форму отрицания материи, она выступает и как попытка оторвать способ и формы ее бытия от самой материи, представить их «пустыми», лишить их действительного, т. е. *материального*, содержания, чтобы истолковать движение, пространство и время в духе идеализма.

Попытки *оторвать движение от материи* предпринимались идеалистами с давних пор. Еще в конце XVIII в. Кант стремился доказать, что материя есть только сочетание чистых сил, которые сами по себе лишены материального характера. В параграфе «Мыслимо ли движение без материи?» главы V своей книги В. И. Ленин вскрыл ход рассуждений идеалиста, стремящегося опровергнуть материализм при помощи отрыва движения от материи. Полагая, что мир есть мое ощущение или мое представление, «идеалист и не подумает отрицать того, что мир есть движение, именно: движение моих мыслей, представлений, ощущений. Вопрос о том, что движется, идеалист отвергнет и сочтет нелепым: происходит смена моих ощущений, исчезают и появляются представления, и только. Вне меня ничего нет» (282). Вновь подчеркивая, что для материалиста мир есть движение материи, которому соответствует движение представлений, восприятий и т. д., Ленин заключает: «Поэтому оторвать движение от материи равносильно тому, чтобы оторвать мышление от объективной реальности, оторвать мои ощущения от внешнего мира, т. е. перейти на сторону идеализма» (283).

Попытки подорвать материалистический взгляд на мир предпринимаются идеалистами и в вопросе, касающемся *пространства и времени*, которые объявляются формами человеческого созерцания и вообще субъективными по своей природе. Отрывая их от движущейся материи, лишая объективного их содержания, идеалисты тем самым пытались опровергнуть материализм не только в понимании самих по себе основных форм всякого бытия, но и в общем взгляде на мир, ибо такое истолкование пространства и времени неизбежно ведет к отрицанию материальности самого мира.

Наконец, попытки опровергнуть материализм предпринимаются идеалистами и путем отрицания *закономерности* движения материи, отрицания того, что все связи, реально существующие между вещами и явлениями, носят закономерный характер.

4. Материалистический взгляд на мир в связи со сменой физических картин мира

Философский идеализм, стремясь опровергнуть материалистический взгляд на мир, пытался истолковать по-своему физические открытия на рубеже XIX и XX вв. С этим связано появление кризиса физики и так называемого «физического» идеализма (подробнее об этом см. в следующей главе данного пособия). В начале нашего века подобные попытки были сделаны в основном в отношении понятия материи и понятия движения. Эти попытки рассматриваются В. И. Лениным в главе V.

Что же касается пространства и времени, а также закономерности природы, то полвека тому назад физика еще не выдвигала в центр внимания эти проблемы, ставя на первый план вопрос о материи, ее физическом строении и ее физических свойствах, а также проблему соотношения материи и движения, которая в применении к физике вставала как соотношение материи и энергии. Борьба между материализмом и идеализмом в вопросе о пространстве и времени, равно как и о закономерности и причинности, шла тогда главным образом в сфере гносеологических, общеполитических рассуждений, к которым лишь отчасти привлекались данные геометрии многих измерений и термодинамики. Этим частично объясняется тот факт, что вопрос о пространстве и времени, а также о причинности и закономерности Ленин разбирает не в главе V, посвященной философским вопросам физики, а в главе III, где рассматриваются основные категории философского материализма в общегносеологическом плане.

Многие физики-материалисты отождествляли материю с неизменной механической массой, с атомами, представляющими якобы последние, абсолютно простые, неделимые и неизменные кирпичи мироздания, наделенные постоянной массой (атомным весом). Такие представления о материи лежали в основе старой, механической картины мира. Открытие радиоактивности (в 1896 г.) и электрона (в 1897 г.) показало, что наряду с механической массой у таких частиц материи, как электрон, имеется другая, изменчивая масса, что атом является сложным, делимым, что он (точнее, его оболочка) состоит из электронов — элементарных частиц с отрицательным электрическим зарядом. Эти открытия физики свидетельствовали о ломке старой, ограниченной, механической картины мира и о рождении новой, электромагнитной картины мира, более полно отражающей свойства материи. Но так как до тех пор понятие материи обычно отождествля-

лось с атомами и механической массой, то идеалисты использовали новейшие открытия физики с целью протащить идеалистические выводы об «исчезновении материи», о «сведении материи к электричеству» и т. п. Опровергая такого рода заявления, В. И. Ленин показал, что они представляют собой не что иное, как гносеологически беспомощное, путаное выражение того факта, что старая, механическая картина мира сменяется новой, электромагнитной. Естествознание ведет к единству материи — вот, по словам Ленина, действительное содержание той фразы об исчезновении материи, о замене материи электричеством и т. п., которая сбивает с толку столь многих.

Попытка опровергнуть материалистический взгляд на мир в пункте, касающемся движения, предпринималась главным образом так называемыми «энергетиками», которые отрывали материю от движения и объявляли, будто понятием энергии охватывается в равной мере и материя и дух. Так как открытие закона сохранения и превращения энергии в середине XIX в. явилось «установлением основных положений *материализма*» (353), то в понятии энергии не могла не содержаться идея неразрывности материи и движения. Эту идею полностью подтверждали открытия физики, свидетельствовавшие о существовании новых, ранее неизвестных форм движения материи (в частности, открытие изменчивости массы электрона: масса его возрастала с увеличением скорости его движения). Однако идеалисты ухитрились истолковать понятие энергии и открытие новых ее видов как «доказательство» того, будто энергия и вообще движение не имеют никакого материального носителя и представляют собой чистые символы. На съезде немецких естествоиспытателей в 1895 г. В. Оствальд сделал доклад, в котором он поставил вопрос так: «Что вы чувствуете, господа, когда вас ударят палкой, — палку или ее энергию? — И отвечал: — Только энергию!» Подобно этому, утверждал он, всюду, где мы привыкли видеть и осязать материю, в действительности мы видим и осязаем только «чистую энергию». Следовательно, заключал он, нет никакой необходимости прибегать к понятию материи, к представлениям о ее частицах (атомах и молекулах) и вполне можно обойтись лишь понятием чистой энергии.

В. И. Ленин разоблачил путаницу и фальшь энергетической философии, защитил диалектико-материалистический взгляд на мир как движущуюся материю и обогатил марксистскую философию материалистическим обобщением новейших открытий физики, касающихся материи, ее строения, свойств и форм ее движения.

События в естествознании, происходившие после выхода в свет ленинской книги, блестяще подтвердили верность философского анализа, которому Ленин подверг и современную ему физику и борьбу основных философских направлений вокруг ее открытий.

Начиная с 20-х годов XX в. кризис физики в капиталистических странах вступил во вторую фазу своего развития. Возникновение квантовой механики, развитие теории относительности, успехи ядерной физики — все эти и другие достижения науки ставили перед учеными вновь и вновь коренные философские вопросы, в том числе и те, которые отражены в приведенной выше обобщенной формуле о том, что такое мир. Подобно тому как на рубеже XIX и XX вв. эти вопросы возникали в связи со сменой механической картины мира его электромагнитной картиной, так теперь они стали ставиться в связи со сменой (успевшей уже к тому времени устареть) электромагнитной картины мира несравненно более сложной квантово-механической и ядерно-физической картиной. И совершенно аналогично тому, как когда-то махисты воспользовались сменой физической картины мира для того, чтобы попытаться опровергнуть материалистический взгляд на мир, так это повторяют теперь их последователи — современные «физические» идеалисты. Разница лишь в том, что борьба между идеализмом и материализмом в физике в настоящее время значительно усилилась по сравнению с тем, что было много лет назад. Тогда взгляд материализма на мир подвергался ударам со стороны физиков-идеалистов главным образом в пункте, который трактовал мир как движущуюся материю, т. е. как движение материи. Теперь же удары врагов материализма из числа современных физиков и философов направлены также и на все остальные положения материализма, касающиеся материи, форм ее бытия и ее закономерных связей.

Попытки объявить материю «исчезнувшей» и протащить мысль о нематериальности или о меньшей реальности физических микрообъектов (например, электронов) продолжают и в настоящее время, особенно в связи с истолкованием в идеалистическом духе так называемого «соотношения неопределенностей», выведенного в 1927 г. Гейзенбергом в качестве специфической закономерности микропроцессов. Возрастание роли физического прибора при исследовании микропроцессов дало повод современным идеалистам заявлять о принципиальной неразрывности микрообъекта и средств его наблюдения, что на новый лад повторяло махистскую идею о «принципиальной координации» субъекта и объекта, на-

учную несостоятельность которой детально показав В. И. Ленин в своей книге. Идеалисты сделали попытку подменить (применительно к микропроцессам) понятие «объективная реальность» (т. е. понятие материи) понятием «физическая реальность», трактуя слово «реальность» в духе субъективного идеализма.

Попытки возродить энергетизм, вновь провозгласить «исчезновение» или «деструкцию» материи делаются современными «энергетиками» на основании ложно истолкованных данных ядерной физики. С этой целью используются фундаментальный физический закон взаимосвязи массы и энергии, выведенный в 1905 г. теоретически А. Эйнштейном на основании теории относительности, и физическое явление, называемое «дефектом массы», которое наблюдается при ядерных реакциях. Современные «энергетики», следуя по стопам В. Оствальда, говорят о превращении массы в энергию, материи в энергию и выводят отсюда представление о материи как «конденсированной энергии». В итоге, как и ранее, делается попытка мыслить движение без материи.

Новым по сравнению с тем временем, когда В. И. Ленин писал свою книгу, явилось направление удара современных «физических» идеалистов не только против признания материи и материальности движения, но и против материалистических взглядов на пространство и время, причинность и закономерность.

Теория относительности, представляющая собой физическую теорию пространства и времени, была широко использована идеалистами начиная с 20-х годов нашего века для того, чтобы опровергнуть материалистический взгляд на мир на основе идеалистического объяснения пространства и времени. Квантовая механика, особенно «соотношение неопределенностей», были использованы идеализмом главным образом против материалистического взгляда на закономерность, детерминированность, причинную обусловленность явлений, и прежде всего в области микропроцессов. Идеалисты попытались истолковать упомянутое физическое соотношение, а вместе с тем и всю квантовую механику как «принцип индетерминизма», отрицающий якобы причинность в применении к микрообъектам. Они использовали факт обнаружения ограниченности старого понятия механической причинности и его неприменимости к области микроявлений как «доказательство» крушения самой концепции причинности вообще для этой области явлений природы.

Материалисты нашего времени, следуя за Лениным, который нанес сокрушительный удар по идеализму, отразив его

наскоки на материалистическое учение о мире как движущейся материи, вооруженные бессмертным ленинским творением — книгой «Материализм и эмпириокритицизм», успешно разоблачают современных идеалистов.

5. В защиту ленинского определения материи

К сказанному выше необходимо сделать следующее добавление принципиального, методологического характера. За последние годы в философской литературе стал особенно широко обсуждаться, дебатироваться вопрос об определении понятия «материя». Ленинское определение материи объявляется некоторыми его новоявленными комментаторами узким, односторонним, поскольку-де оно подчеркивает лишь гносеологическую сторону категории материи, тогда как эта категория якобы должна трактоваться как более широкая, нежели это получилось у Ленина. В связи с этим вносятся предложения «расширить» понятие материи или же его определение так, чтобы оно могло охватывать не только гносеологический, но и «онтологический» аспект определяемого понятия. Наиболее далеко идущие в этом отношении критики определения материи договорились до того, будто гносеологическая постановка вопроса о материи ничего не дала и не может дать ни естествознанию, ни философии, так что гносеологическое определение материи, как говорят иногда, не «работает» вообще в науке.

В подтверждение таких мнений выдвигаются совершенно несостоятельные аргументы; уже по одной этой причине критику ленинского определения материи ни в коем случае нельзя признать ни аргументированной, ни доказательной. Еще хуже дело обстоит с выдвижением каких-то иных определений материи, которые, по мысли их авторов, не должны совпадать в своей основе с ленинским. Легко показать, что каждое из вновь предлагаемых определений не выдерживает никакой критики с точки зрения требований, предъявляемых к научным понятиям вообще и к такой фундаментальной категории, как материя, в особенности.

Все это имеет свою историю. Еще в 20—30-х годах XX в. в нашей философской литературе в порядке «развития» ленинского определения материи как гносеологического было выдвинуто предложение ввести наряду с ним еще одно определение материи, которое охватывало бы не вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе и т. д., а совокупность физических (или вообще естественнонаучных) данных о материи, о ее свойствах и видах, о ее структуре и т. д. Это

предложение оказалось во всех отношениях совершенно несостоятельным, произвольным, способным внести только путаницу в данный вопрос. Другие предложения аналогичного характера о замене или дополнении философского (гносеологического) понятия материи, определение которого было дано В. И. Лениным, каким-то иным, по сути дела, мало чем отличаются от упомянутого «физического определения» или «физического понятия» материи, ныне полностью отвергнутого философами-марксистами.

Заявление о том, будто ленинское определение материи не «работает» вследствие своей мнимой узости и односторонности, совершенно голословно и абсолютно ни на чем не основано. Сторонники так называемого «онтологического» определения материи считают, что, например, в области физики понятие материи, *оставаясь философским* и не превращаясь в «физическое», должно отражать в форме всеобщности те стороны материи, которые играют в физике наиболее существенную роль. К числу таких сторон относят, например, движение как всеобщий способ существования материи, простейшие формы которого изучает как раз физика, или же *пространство и время* как всеобщие и основные формы всякого бытия, следовательно, бытия материи.

Отсюда можно было бы, как полагают некоторые философы, определить материю как материальное содержание, наполняющее указанные формы бытия и способ существования всех вещей и тел природы, всех совершающихся в ней процессов и явлений. В какой-то степени это было бы возвратом к концепциям XVII в., гласившим, что сущностью материи является *протяженность*.

Противопоставление позиции материализма идеализму здесь на первый взгляд получается достаточно четким, так как мысли, психическое в противоположность материи, физическому не пространственны. Вместе с тем определение получается, казалось бы, достаточно широким, каким и должно быть всякое философское определение: оно строится на учете не какого-либо частного свойства или частного признака материи (как это имеет место в упомянутом выше «физическом» ее определении), а на учете столь же предельно широкого признака, как и признак самой материальности: подобно тому как нет материи без движения и движения без материи, так нет и не может быть реального пространства без материи и материи вне пространства. При всем этом приведенное, так сказать, «онтологическое» понятие или определение материи должно хорошо «работать» в физике, так как в нем отражен вопрос об отношении материи (содержания) к пространству

(форме), или к пространству и времени (формам), или же к движению (способу существования); а всем этим применительно к специально физическим задачам (например, к задаче определения метрики пространства и времени или их зависимости друг от друга и от движущейся материи) прямо интересуется и непосредственно занимается физика. Гносеологические же вопросы, как чисто философские, физику специально не интересуют, поскольку они не входят в ее компетенцию.

Такова аргументация противников ленинского определения материи, тех, кто стремится ограничить его лишь сферой собственно философии или же отбросить полностью, а для нужд естествознания придумать какое-то новое ее определение, якобы более совершенное.

По этому вопросу выдвинуто много различных предложений и мнений, которые подчас различаются между собой лишь терминологически, т. е. по тем словам, которые вводятся в новые определения материи или же употребляются при их обосновании. Например, предыдущее рассуждение выдвигается иногда в следующем варианте: в ленинском (гносеологическом) определении материя определяется по отношению только к одному из своих многих атрибутов. Раз так, то это есть частное определение. Для того чтобы поднять его до необходимой всеобщности, нужно наряду с тем отношением, которым интересуется гносеология, и только она одна, учитывать и другие атрибуты материи, следовательно, другие возможные ее отношения к остальным своим атрибутам. Тогда в итоге обобщения мы придем в конце концов к такому определению или понятию материи, которое будет обладать уже в полной мере необходимой всеобщностью и поднимется над якобы частным определением, которое дал ей Ленин, замыкаясь лишь в рамки одной гносеологии.

А теперь посмотрим, как стоит этот вопрос, но не в освещении тех, кто считает ленинское определение материи устаревшим, недостаточным или просто неверным (есть и такие философы!), а на самом деле. Как и везде, здесь критерием нам будут служить не те или иные намерения защитников или противников ленинского определения материи, а сама действительность, реальная история научного познания, современная наука, в том числе и физика.

Действительно ли ленинское определение материи не «работает» в науке, не помогает физикам и вообще естествоиспытателям решать *философские* вопросы, которые выдвигает современное естествознание? Действительно ли «онтологическое», или «физицистское», определение материи как *филосо-*

софское лучше и результативнее, нежели ленинское, позволяет находить выход из тех тупиков, куда порой заводит ученых идеалистическая философия?

Рассмотрим предлагаемое определение материи через ее атрибут протяженности: материя есть все, что имеет протяженность. Сейчас же возникает вопрос: а как с *философской* стороны определить, *что такое протяженность*? Достаточно ли признать тело протяженным, чтобы сразу же, автоматически устранить опасность проведения идеалистической линии? Конечно нет! Ленин показал, что по вопросу о *философском* понимании времени и пространства (значит, и протяженности) также существуют две основные, прямо противоположные философские линии, или направления, как и по вопросу о материи. Мы никуда не можем уйти от *гносеологической* постановки вопроса, если хотим на деле, а не только на словах провести материалистическую линию в вопросе о пространстве и времени. Это обстоятельство почему-то упорно обходят противники ленинского определения материи и изобретатели ее «онтологического» определения. Поэтому напомним еще раз взгляды и высказывания Ленина по данному вопросу.

В. И. Ленин писал: «Признавая существование объективной реальности, т. е. движущейся материи, независимо от нашего сознания, материализм неизбежно должен признавать также объективную реальность времени и пространства, в отличие, прежде всего, от кантианства, которое в этом вопросе стоит на стороне идеализма, считает время и пространство не объективной реальностью, а формами человеческого созерцания. Коренное расхождение и в этом вопросе двух основных философских линий вполне отчетливо сознается писателями самых различных направлений, сколько-нибудь последовательными мыслителями» (181).

Ленин показывает, например, как Дюринг пытался писать по данному поводу, *«увертываясь* от ясного ответа на вопрос: реальны или идеальны пространство или время? суть ли наши относительные представления о пространстве и времени *приближения* к объективно-реальным формам бытия? Или это только продукты развивающейся, организующейся, гармонизирующейся и т. п. человеческой мысли? В этом и только в этом состоит основной гносеологический вопрос, разделяющий действительно коренные философские направления» (182).

Сторонники «онтологического» определения материи, даваемого через атрибут протяженности, обходят тот факт, что сама протяженность может получить и материалистическое и идеалистическое толкование. Поэтому сказать, что материя

есть все протяженное, отнюдь еще не значит стать на позиции материализма, а только отодвинуть и затушевать суть дела, как это сделал, в частности, Оствальд, когда он под понятие энергии «подвел» и материю и дух. В итоге этого у него получилась мешанина, эклектика, замазывание из-за употребления неопределенной терминологии коренного различия между материализмом и идеализмом. Точно такой же результат получился бы и в данном случае.

Допустим на минуту, что мы отказались бы от ленинского (гносеологического) определения материи как якобы устарелого или неполного и приняли рекомендуемое нам «онтологическое» ее определение. «Онтология» означает учение о бытии как таковом, самом по себе, взятом вне связи с основным вопросом всякой философии. В марксистской философии никакой «онтологии» никогда не было, нет и быть не может.

Отношение В. И. Ленина к подобного рода «онтологическим» изысканиям можно показать на одном примере. Примакающий к махизму С. Суворов сообщил об открытии им «всеобщей теории бытия» (после того как ее много раз открывали в самых различных формах многочисленные представители философской схоластики). «Поздравляем русских махистов с новой «всеобщей теорией бытия»!» — иронизирует Ленин (355).

Однако на минуту все же допустим, что мы взяли на свое философское вооружение «онтологическое» определение материи, даваемое, например, через ее атрибут протяженности. Допустим, далее, что мы встречаемся с кантианцем или махистом, которые признают пространство и время в качестве определяющих признаков бытия или вещей (а для махистов вещи суть комплексы ощущений!). Опираясь на новое «онтологическое» определение материи, мы заявим, что для нас материя — это все, что имеет протяженность. Но если мы при этом не оговоримся, что протяженность и вообще пространство нами понимается как *объективно-реальная форма бытия*, то легко станется, что с нашим «онтологическим» определением материи согласится не только объективный идеалист (какой-нибудь новомодный «онтолог», или «метафизик», или даже неомомист), но даже и субъективный идеалист — кантианец и махист. Ленин написал у Маха рассуждение о том, что пространство и время суть упорядоченные системы ощущений (184). Если, таким образом, для кантианца они суть формы созерцания и обладают априорным характером, то для Маха они суть формы опыта и обладают, по этой причине, апостериорным характером. Но если сами вещи толкуются как комплексы ощущений, то соответственно это-

му толкуются и формы их бытия. Можно ли в таком случае избежать опасности, вполне реальной, смешать материализм с идеализмом, если уклониться от ленинского критерия распознавания материалистической и идеалистической линии в вопросах философии и естествознания, в том числе и в вопросе о пространстве и времени? Нам кажется, что нельзя гарантировать себя от этой опасности, если отбросить или хоть как-либо ограничить ленинское определение материи.

Но на этом злоключения рассматриваемого «онтологического» определения материи еще не заканчиваются. Вопрос о том, что такое протяженность тела, имеет не только гносеологический, но и физический аспект. Теория относительности доказала, что при определенных условиях (при скоростях движения тела, приближающихся к скорости света) пространственные и временные характеристики тела претерпевают существенные изменения и обнаруживают взаимозависимость. Это означает, что нельзя ни в коем случае, как это делалось в XVII в., рассматривать протяженность тела отдельно от его пребывания во времени, поскольку пространство и время нераздельны и взаимно влияют друг на друга.

Таким образом, определение материи, как всего, что имеет протяженность, неизбежно приводит к необходимости дополнить это определение указанием на то, что материя — это все, что имеет продолжительность во времени. Однако в таком случае под материальное немедленно подпадает и все духовное, ибо все духовные процессы совершаются во времени; все они имеют свое начало, свое развитие и свое относительное завершение именно во времени.

Выходит, следовательно, что хотя мысль человека и не протяженна, но поскольку пространственная форма бытия неразрывно связана с временной его формой и как бы превращается, переходит при определенных условиях в эту последнюю и обратно, то признак (или атрибут) протяженности утрачивает свою строгость и однозначность. В итоге возвращение к Декарту и Спинозе — при всей кажущейся для наших противников заманчивости противопоставить их Энгельсу и Ленину — приводит во всех отношениях к печальному результату. Вместо обещанного движения вперед, к каким-то новым, многообещающим определениям материи, соответствующим якобы современному уровню развития физики, на деле выходит нечто совсем другое, а именно попытка подновить и реставрировать такие определения, которые отвечали, во-первых, весьма еще слабо развитой теории познания материализма (даже не французского XVIII в.!) и, во-вторых, той стадии естествознания, когда в нем безраз-

дельно господствовала классическая механика макротел. Зачем же выдавать все это за какое-то новаторство, за творческое развитие понятия материи, за устранение якобы устаревших моментов в ленинском определении? Вместо всего этого на деле вносится предложение вернуться на 250—300 лет назад!

Не лучше обстоит дело с попыткой определить материю через такой ее атрибут, как движение. При этом получим: материя — это то, что движется! Но ведь движутся (изменяются) и мысль, и ощущения, и представления, и понятия! Значит, согласно «онтологическому» определению материи их тоже следует признать материальными? Но это же вульгарный материализм! А если признать, что движутся *только* мысли, ощущения, понятия и т. д., то тогда налицо будет явный идеализм. И опять-таки «онтологическое» определение материи не только оказывается бессильным предостеречь от сползания в идеализм или в вульгаризацию, но и не дает возможности обнаружить такое сползание, когда оно произойдет. Идеалист и не подумает отрицать того, что мир есть движение, «движение моих мыслей, представлений, ощущений» (282). *«Все вещи движутся,— но только в понятии»*, — заявлял, например, Пирсон (284). А как мы удержимся сами от неминуемого смешения основных философских направлений и удержим от этого тех, кому так неосторожно, так легкомысленно порекомендуем использовать путаное, лишенное подлинного философского содержания определение материи вместо гносеологического ее определения, данного Лениным? А подумали ли мы, что «онтологическое» определение материи, если хоть как-нибудь и «работает», то только одним-единственным путем — создавая путаницу понятий, смешивая материализм с идеализмом, не давая возможности однозначно определить: на какой философской позиции стоишь сам и стоят те, с кем ты сталкиваешься? Плохую услугу оказывает подобное «новаторство»!

Необходимо категорически отвести мимоходом брошенное замечание (как будто речь идет о чем-то само собой разумеющемся), что будто бы ленинское определение ничего не дает или даже ничего не дало науке, что оно не «работает» в естествознании, иначе говоря, не помогает решать встающие перед учеными философские вопросы.

Напомним случай с «исчезновением материи», чему посвящен § 2 главы V книги В. И. Ленина. С помощью какого конкретного приема Ленин разобрался в этой путанице, в подмене одних понятий другими, причем в условиях, когда всем этим активно воспользовались идеалисты, пытав-

шиеся «доказать», будто бы сама физика с ее новейшими открытиями «опровергла» материализм?

Ответ на этот вопрос ясен: при помощи своего *гносеологического* определения материи Ленин показал, что здесь смешивается философское (гносеологическое) понятие материи, обозначающее всю объективную реальность, существующую вне и независимо от нашего сознания, с физическими представлениями о строении и свойствах материи, ее видах и формах движения, чем занимается физика.

Допустим снова на минуту, что вместо ленинского определения материи мы бы воспользовались в данном случае каким угодно «онтологическим» или еще каким-либо иным ее определением, из которого был бы исключен гносеологический момент, связанный с основным вопросом всякой философии. Могли бы мы тогда разобраться в той невероятной путанице понятий, которая возникла в связи с формулой об «исчезновении материи»? Конечно, нет.

Напомним еще один случай. В начале нашего века, когда обсуждался вопрос о материальности или нематериальности электрона, идеалисты пытались внушить мысль, будто электрон нематериален. Никакое «онтологическое» определение материи не дало бы возможности опровергнуть это ложное утверждение, если и здесь не прибегнуть к гносеологической постановке вопроса, что и сделал, как известно, Ленин. Он писал: «Чтобы поставить вопрос с единственно правильной, т. е. диалектически-материалистической, точки зрения, надо спросить: существуют ли электроны, эфир и так далее вне человеческого сознания, как объективная реальность или нет? На этот вопрос естествоиспытатели так же без колебания должны будут ответить и отвечают постоянно *да*, как они без колебаний признают существование природы до человека и до органической материи. И этим решается вопрос в пользу материализма, ибо понятие материи, как мы уже говорили, не означает гносеологически *ничего иного*, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им» (276). Когда же теория относительности доказала, что эфира не существует, то ученые на тот же гносеологический вопрос в части эфира стали отвечать: *нет*.

Прежде чем поставить вопрос: *почему* же ленинское определение материи не устарело за истекшее с его выработки время? — приведем еще один пример из современной науки. В связи с успехами ядерной физики и открытием превращения вещества в свет и света в вещество (явления «аннигиляции пары» — электрона и позитрона и их «рождения») неко-

торые современные «физические» идеалисты и философы-идеалисты выдвинули тезис о мнимом «уничтожении» («аннигиляции») материи и ее «рождении» из чего-то нематериального. На новый лад был повторен фокус с «исчезновением материи», которым занимались махисты в начале XX в. Как же был решен этот *философский* вопрос? Не с помощью каких-то несуществующих «онтологических» определений материи, а с помощью того же самого испытанного в боях против идеализма ленинского ее определения. Как только был поставлен вопрос о том, существуют ли вне нас и независимо от нас гамма-фотоны, испытывающие взаимные превращения с частицами вещества, так сразу же выяснилась вся никчемность, вся надуманность попытки возродить старую, потрепанную формулу об «исчезновении материи».

Заметим, что иногда предлагается дать такое определение материи, согласно которому под материей понимается вся совокупность всех вещей и явлений внешнего мира. Такое определение трактуется тоже как «онтологическое», хотя на деле оно в скрытом виде включает в себе только то, что содержится в ленинском определении. Ведь говоря о внешнем мире, мы тем самым противопоставляем его субъекту (с его «внутренним миром»). Сказать, что материя — это все, что нас окружает, или что это все тела и процессы, совершающиеся вне нас, — значит сказать то же самое, что сказано в ленинском определении, но только сказать это менее четко, менее ясно, с попыткой создать впечатление, будто тут обходится (для чего-то!) основной гносеологический вопрос.

Почему же определение Ленина «работает» так безотказно и повсеместно? Да по той простой причине, что сам вопрос о материализме и идеализме, который мы решаем с помощью данного определения в пользу материализма, есть вопрос *гносеологический*, и только гносеологический. Нельзя же в самом деле поставить вопрос в одной строго определенной плоскости, а искать его решение в совершенно другой плоскости! Если возникают гносеологические вопросы, то и к их решению надо подходить не с какой-то «онтологической» (не существующей!) точки зрения, не с физической или естественнонаучной позиции, не со стороны каких-либо общих философских категорий, не имеющих гносеологического значения, и не под углом тех или иных атрибутов материи, а только так, как это делал В. И. Ленин и как, следуя ему, поступает подавляющее большинство философов и естествоиспытателей — его последователей.

Тот, кто хочет доказать, что ленинское определение устарело, утратило свою значимость, перестало «работать» в

современной науке, должен сначала доказать, что в современной философии и современном естествознании (в том числе и в физике) не встают уже больше гносеологические вопросы, а потому отпала необходимость в оперировании такими понятиями, которые относятся к гносеологии. Но этого никто не доказал и доказать не может; сейчас, как и раньше, в центре внимания философской борьбы остаются коренные гносеологические вопросы, вновь и вновь выдвигаемые новейшей революцией в естествознании.

Иногда задают вопрос: все течет, все развивается, как учит диалектика, а вот ленинское определение материи, как оказывается, остается неизменным, застывшим, неподвижным. Это неверно. Общие положения, общие понятия и категории развиваются путем их конкретизации и обогащения, путем их применения к новому материалу — историческому и естественнонаучному, путем решения с их помощью новых, ранее не встававших вопросов науки или практики. Следовательно, речь идет не о том, что данное общее положение, оставаясь общим, вдруг обрело какие-то новые черты или признаки, а о том, что по-новому в новых условиях встал и был решен вопрос о единстве общего (данного общего положения) и отдельного (новых открытий, новых сторон явлений, с которыми связано данное общее положение). Короче говоря, общее возникает и развивается только в единстве с отдельным, как на это указывал Ленин в «Философских тетрадах». Вот почему наивно ставить вопрос так: если в ленинское определение нельзя внести каких-то новых признаков (скажем, новых атрибутов материи), то, значит, оно не способно к развитию. Но если доказано, что исходя из этого определения решен в наше время вопрос об «аннигиляции» и «рождении» частиц, как он был решен в свое время в отношении электрона, то это значит, что ленинское определение материи обогатилось новым для него конкретным материалом и в соединении с ним оказалось живым, действительным, а не застывшим, неподвижным.

Недоразумения с «онтологическим» определением материи как раз и проистекают, на наш взгляд, из того, что ищут каких-то дополнительных определяющих признаков материи, как это делается обычно в формальной логике, когда речь заходит об изменении данного понятия. Для диалектической же логики вопрос решается совершенно иначе, как это мы и пытались показать выше.

Этим мы закончим методологические и методические советы, касающиеся того, как читать и изучать ленинскую книгу, исходя из ее философской проблематики. Мы не ставили

задачу исчерпать хотя бы в основном ее содержание, а выбрали несколько отдельных вопросов, на примере которых пытались показать общий подход к выявлению философской проблематики книги, возможные приемы выделения при ее чтении тех мест, которые характеризуют развитие В. И. Лениным философии марксизма. Пользуясь этим приемом, можно аналогичным же образом систематизировать высказывания В. И. Ленина и по другим вопросам диалектического и исторического материализма, которые освещены в его книге.

Изучение ленинской книги поможет читателю глубже понять и усвоить другие философские произведения марксизма-ленинизма, в особенности труды Энгельса «*Анти-Дюринг*» и «*Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии*», с которыми тесно связана ленинская книга. Исключительно большое значение эта книга имеет для изучения «*Философских тетрадей*» Ленина, которые явились прямым ее продолжением. К книге Ленина необходимо обращаться при изучении современной зарубежной литературы по вопросам философии, социологии и естествознания, пользуясь его книгой как классическим образцом творческого марксистского, как острым оружием марксистского критического анализа.

Глава V

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ XX в.

В книге В. И. Ленина важное место занимает философское освещение вопросов естествознания, особенно физики. В связи с каждым разбираемым новым открытием в физике Ленин прослеживает борьбу двух основных философских направлений: материализма и идеализма. Одновременно он вскрывает диалектический характер развития научного познания, проникающего все дальше в глубь материи. Изучая книгу Ленина с этой стороны, нужно прежде всего выделить то главное, что характеризует ленинский анализ современного естествознания в целом, — *вопрос о связи между естествознанием и философией*.

Под таким углом зрения ставятся и разбираются в ленинской книге все вопросы, касающиеся современной физики, ее новейших открытий, теории и законов, особенно философских выводов, которые делают из научных открытий сами физики, а также философы различных школ и направлений.

При этом следует внимательно проследить, как неразрывно соединяет В. И. Ленин анализ гносеологических выводов, которые делаются из физических открытий, с выявлением диалектики самой физики и развития ее понятий, в которых отражается и резюмируется объективная диалектика вновь открываемых физических явлений, новых видов материи и новых форм ее движения.

При чтении книги нужно разобраться в содержании понятий, которыми пользуется Ленин при философском анализе современного естествознания. Это поможет понять значение ленинского труда во всей его глубине, особенно его значение для современного нам естествознания. К числу этих понятий относятся: «новейшая революция в естествознании», «кризис современной физики» и «физический» идеализм. Разберем их подробнее. При этом будем держаться главного направления ленинского труда, в котором все вопросы естествознания рассматриваются не сами по себе, а исключительно в их связи с философией.

1. Новейшая революция в естествознании

Понятие «новейшая революция в естествознании» входит в название главы V, посвященной философскому анализу современного естествознания. Оно подчеркивает те глубочайшие сдвиги в науке о природе, которые произошли на рубеже XIX и XX вв. в связи с открытиями, сделанными в области физики.

Всякая революция, где бы она ни совершалась — в науке, в технике или же в общественных отношениях, означает коренную ломку старого. Старое в этом случае не подновляется, не улучшается путем постепенных изменений, сохраняясь в своей основе, а разрушается, ломается самым решительным образом именно в самой основе. Когда говорится о революции в естествознании, то имеется в виду коренная и резкая ломка ранее господствовавших в науке воззрений, принципов, теорий. При этом Ленин каждый раз подчеркивает, характеризуя революцию в современном естествознании, что речь идет о ломке в науке ее «самых основных принципов» (267), «старых законов» (272); он называет этот процесс «*крутой ломкой* старых установившихся понятий» (323). Иногда же В. И. Ленин употребляет выражения «ломка старых физических понятий» (295), «ломка старых теорий» (380). В дальнейшем мы рассмотрим детальнее, в чем именно состояла эта ломка и какие конкретно понятия, принципы и теории подверглись ломке.

Говоря о революции в естествознании, В. И. Ленин добавляет слово «новейшая». Оно показывает, что это была уже не первая такая революция, что подобные революции совершались в науке и раньше. Каждый раз суть такой революции состояла в крутой, коренной ломке прежних представлений о природе, которые до тех пор занимали господствующее положение в науке, а затем подверглись пересмотру в результате новых научных открытий. Так, Энгельс назвал революционным переворотом создание польским ученым Николаем Коперником в XVI в. гелиоцентрического учения (согласно которому Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца). В результате этого открытия было в корне разрушено старое, ранее господствовавшее геоцентрическое учение Птолемея (согласно которому звезды, Солнце и планеты вращаются, подобно Луне, вокруг Земли как якобы центра мироздания).

Точно так же создание французским химиком Лавуазье кислородной теории в конце XVIII в. часто называют «химической революцией»; этим выражают факт крутой ломки старых представлений в химии, которые были связаны с ошибочной теорией флогистона. Революция в химии и крушение теории флогистона совершились в результате выяснения того, какую роль играет кислород в процессах горения, окисления и дыхания.

В середине XIX в. произошла еще более глубокая революция в естествознании, которая была вызвана тремя великими открытиями: созданием клеточной теории, открытием закона сохранения и превращения энергии и появлением дарвиновского учения. В результате этих открытий были разрушены старые, метафизические учения о неизменных видах в биологии, о «невесомых жидкостях» (о теплороде и др.) в физике. В последующие десятилетия XIX в. революция в естествознании продолжалась, о чем писал Энгельс в предисловии ко 2-му изданию «Анти-Дюринга». Одновременно шла подготовка к еще более глубокой революции в естествознании, которая началась в середине 90-х годов XIX в. и которую В. И. Ленин как раз и назвал «новейшей».

Возникают два вопроса: во-первых, в чем была особенность этой «новейшей революции» по сравнению с предшествующими революциями в области естествознания? Во-вторых, что было общего у нее с революциями, которые происходили в естествознании во второй половине XVIII в. и в XIX в.?

Особенностью «новейшей революции» в естествознании было то, что она вызвала коренную ломку прежних учений о наиболее простых, наиболее элементарных (из известных до

тех пор) видах и свойствах материи, ее частиц и форм движения.

Естественнонаучные открытия, сделанные за предшествующие 150 лет (начиная с работ М. В. Ломоносова и И. Канта), помогли обнаружить всеобщую связь явлений природы, изменчивость предметов в тех областях, где материя достигла сравнительно высокой ступени своего развития; это были области явлений астрономических и макромеханических, молекулярно-физических и химических, геологических и биологических. В 1869 г. Д. И. Менделеев открыл периодический закон химических элементов; однако сами элементы и их мельчайшие частицы (атомы) еще долго после этого оставались последней гранью познания, дальше которой наука в то время еще не могла проникнуть в глубь материи. Поэтому химические элементы, как правило, трактовались как неизменные, неспособные превращаться друг в друга, а их атомы — как неделимые, вечные, абсолютно простые (лишенные внутренней структуры), «последние» частицы материи. В связи с этим обычно считалось, что знания о материи, о природе «кончатся» на атомах и «исчерпываются» атомами; согласно таким представлениям, сама материя есть не что иное, как совокупность своих «последних» частиц.

Идея об исчерпаемости атомов, об их неизменности и неделимости не была опровергнута революцией в естествознании середины и второй половины XIX в. и продолжала господствовать до последних лет прошлого века. Таким образом, революция в естествознании XIX в. затронула все отрасли науки о природе, кроме той, которая касается наиболее элементарных видов и форм материи, наиболее простых физических явлений.

Революции в естествознании XVIII—XIX вв. означали по своей философской сущности проникновение в науку диалектических воззрений на природу, раскрытие объективной диалектики природы, хотя сами естествоиспытатели и продолжали (в силу незнания диалектики и влияния предрассудков так называемого «образованного общества») пользоваться метафизикой, которая рушилась во всех отраслях естествознания под воздействием научных открытий. Диалектика проникла в область *астрономии* благодаря космогоническим гипотезам и связанному с ними историческому взгляду на небесные тела и их системы; в область *химии* — благодаря атомистике, устранившей разрывы между различными видами веществ, в особенности между органическими и неорганическими, а затем и между самими химическими элемен-

тами — благодаря открытию периодического закона; в область *физики* — благодаря открытию основного закона движения — закона сохранения и превращения энергии, раскрывшего связи и переходы между ранее разобщенными «силами» или «флюидами», якобы действующими обособленно в природе; в область *геологии* — благодаря теории медленного развития нашей планеты и ее коры; в область *географии* — благодаря проникновению сравнительного метода изучения явлений, происходящих на поверхности Земли; в область *биологии* — благодаря возникновению сравнительной анатомии, физиологии и эмбриологии, а главное, благодаря открытию клеточного строения живых организмов и доказательства развития живой природы; в область *антропологии* — благодаря возникновению учения о происхождении человека.

К концу XIX в. оставалась только одна область природы, куда диалектика не могла еще проникнуть, так как сама наука еще не располагала по тому времени экспериментальными средствами для того, чтобы переступить порог микроявлений, происходящих во внутриатомном мире. Можно сказать, что в XIX в. физика и химия двигались в глубь макроскопических тел и дошли до молекулы и атома.

В самом конце XIX в. был преодолен барьер, временно ограничивавший область непознанного в природе, причем преодолен сразу во многих местах, по многим направлениям, и началось быстрое проникновение науки дальше в глубь материи, прежде всего от атома к электрону.

Великие открытия в физике вызвали полную ломку старых представлений об атомах и химических элементах.

Из этих открытий В. И. Ленин называет прежде всего два: первое — открытие *радиоактивности* и радия, благодаря чему была опровергнута в самой ее основе идея о непревращаемости и неизменности химических элементов; второе — открытие *электрона* в качестве составной части всех атомов. Благодаря этому была в корне разрушена идея о неделимых, абсолютно простых атомах.

Действительное значение обоих открытий обнаружилось лишь позднее, когда было выяснено внутреннее строение атома, а именно, что атом состоит из ядра и окружающей его электронной оболочки. Оказалось, что благодаря открытию радиоактивности и электрона ученые проникли сразу в обе главные сферы атома — в его *ядро*, в данном случае испытывающее радиоактивный распад, и в его *оболочку*, образованную из движущихся вокруг ядра электронов.

Более того, изучение свойств электрона и особенностей его движения привело к выводу о том, что масса тела (в дан-

ном случае электрона) не остается постоянной, а изменяется соответственно изменению скорости его движения: увеличивается при ускорении и уменьшается при замедлении движения. Это открытие было исключительно важным, так как ломало старое положение о том, что масса тел абсолютно неизменна и не зависит от того, находятся ли тела в состоянии движения или относительного покоя.

Так благодаря великим открытиям в физике, начавшимся на рубеже XIX и XX вв., идея всеобщей изменчивости проникла и в ту область естествознания, где сохранялись еще представления о полной неизменности свойств и видов материи, о мнимой вечности и исчерпаемости ее частиц. Другими словами, коренной революционной ломке было подвергнуто то, что не успела затронуть и перестроить революция в естествознании середины и второй половины XIX в.

Не случайно поэтому В. И. Ленин приводит выражение «великий революционер-радий» (266); под этим выражением подразумевается прежде всего, конечно, доказательство изменчивости и превращаемости химических элементов, полученное в результате открытия радия польским химиком Марией Склодовской и ее супругом французским физиком Пьером Кюри и изучения свойств радия и продуктов его распада.

Общей же чертой революции в естествознании XIX в. и новейшей революции в естествознании, начавшейся в конце XIX в., было то, что обе эти революции ломали старые, метафизические взгляды на природу, на материю и утверждали новые, по своему содержанию диалектические, взгляды. Революция в естествознании как раз и означала в том и другом случае, что происходила революционная смена метафизики диалектикой. В XX в. это было новое подтверждение диалектического материализма в новой области естествознания, и прежде всего в физике микроявлений.

Методологические оценки Лениным открытий в физике того времени гласят: «Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма» (298); «...диалектический материализм настаивает на приближительном, относительном характере всякого научного положения о строении материи и свойствах ее, на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое, по-видимому, с нашей точки зрения, непримиримое с ним и т. д.» (276). Какими бы диковинными, необычными, «странными» ни казались сделанные в физике новейшие открытия, все они

только еще и еще раз *подтверждают* диалектический материализм. В этой связи В. И. Ленин приводит высказывания венгерского марксиста Динэ-Дэнеса о том, что новейшая революция в естествознании подтвердила положения диалектики, сформулированные Энгельсом в «Анти-Дюринге».

Все эти оценки и характеристики резюмированы Лениным в общем положении: «Современная физика лежит в родах. Она рождает диалектический материализм» (332). В соответствии с этим выражение «новейшая революция в естествознании» предполагает раскрытие объективной диалектики физических явлений, причем прежде всего в области внутриатомного мира.

Таким образом, в философском отношении особенность «новейшей революции в естествознании» состояла в том, что диалектика стала проникать в те области естествознания, которые в XIX в. пока еще представляли собой цитадель, куда укрылась метафизика, изгнанная к тому времени из всех наук, изучающих более высокие формы движения материи.

Во всякой революции, в том числе и новейшей, совершившейся в естествознании, четко выделяются две стороны, или фазы: разрушительная и конструктивная. В научной революции первая выступает как коренная ломка старых, потерявших силу понятий и теорий, принципов и законов, а вторая — как создание существенно новых понятий и теорий, принципов и законов. Когда создавалась ленинская книга, новейшая революция в естествознании находилась еще почти полностью в своей первой фазе. Ленин охарактеризовал эту фазу как переходный период в развитии науки, как «такое время, когда физики, если можно так выразиться, от атома отошли, а до электрона не дошли. Это время и сейчас в значительной степени продолжается: одна гипотеза сменяется другой; о положительном электроны (имеется в виду атомное ядро, открытое позднее, в 1911 г. — *Ред.*) совсем ничего не знают...» (302).

Конструктивная фаза революции в естествознании частично уже началась ранее, например в форме создания теории квантов и теории относительности, однако в полную мощь она развернулась лишь в 1913 г. в форме создания Н. Бором первой планетарно-электронной модели атома.

Конструктивное значение книги В. И. Ленина как раз и состояло в обобщении этого процесса проникновения диалектики в новые области естествознания, т. е. в распространении диалектического материализма на те области изучения природы, на которые он не мог быть еще распространен в XIX в.,

прежде всего на новое учение о строении материи, о строении атома.

Заметим, что крушение метафизики в указанной области подготовлялось еще в XIX в.: благодаря открытию периодического закона Менделеева были разрушены такие черты старых, метафизических взглядов на атомы и элементы, как, во-первых, признание их полной независимости между собой, случайности наличия такого-то их числа, и, во-вторых, признание их образования из «первоматерии» путем чисто количественного ее уплотнения (сложения ее первочастиц), без качественных изменений и переходов. Но до конца XIX в. оставались неразрушенными такие черты старой, метафизической концепции атомистики, как признание абсолютной тождественности атомов и их неизменности, неделимости, непревращаемости. Если вообще центральным пунктом метафизического взгляда на природу, на материю является признание ее *абсолютной неизменности*, то это же положение составляет центральный пункт метафизических концепций в их приложении к отдельным областям и объектам природы. Поэтому и в отношении атомов метафизический взгляд опирался прежде всего на учение об абсолютной их неизменности — их неделимости и непревращаемости. Пока этот центральный пункт всего учения о строении материи не был разрушен, сюда не могла в полной мере проникнуть диалектика, а потому метафизика сохраняла здесь свои главные позиции.

2. Кризис современной физики и «физический» идеализм

Понятие *«кризис современной физики»* носит несколько иной, но столь же диалектический характер, как и понятие *«революция в естествознании»*. Этому вопросу в ленинской книге отведен специальный раздел (§ 1) главы V, озаглавленный *«Кризис современной физики»*. Необходимо обратить особое внимание на тот смысл, который Ленин вкладывал в самые понятия *«кризис физики»*, *«кризис естествознания»*, в отличие от того, как понимали этот кризис физики философы-идеалисты. В начале XX в. многие из них под *«кризисом»* понимали *«крах науки»*, остановку в ее развитии и даже попятное движение. Другие же, напротив, не замечали никакого кризиса и ограничивались тем, что подчеркивали быстрый прогресс науки. Те затруднения, которые несли с собой новые открытия в физике, объявлялись в таком случае связанными лишь с необычностью и неразработанностью но-

вых физических представлений, а потому не имеющими принципиального, философского характера. По определению позитивиста А. Рея («примирителя», как его назвал В. И. Ленин), это только «кризис роста», а потому он будет преодолен автоматически, сам собой, в ходе дальнейшего прогресса и роста науки. Если стать на такую точку зрения, то следовало бы признать такого рода кризисы вполне естественным явлением для прогрессирующей науки; а отсюда логически вытекало, что они должны будут появляться и в будущем.

Позиция Ленина существенно отлична от обеих этих точек зрения. Чтобы понять ленинские взгляды по данному исключительно важному вопросу, нужно прежде всего учесть, что прогресс и революционную перестройку физики Ленин рассматривает в неразрывной связи с гносеологическими выводами, которые делаются из открытий физики, т. е. рассматривает это в плане взаимоотношения между философией и естествознанием. При этом Ленин не ограничивается анализом диалектического характера новейших физических открытий, а главное внимание сосредоточивает на выяснении того, какие теоретико-познавательные выводы — в пользу *материализма* или в пользу *идеализма* — делают из этих открытий те или иные физики и философы.

Перенесение центра внимания на гносеологическую сторону философских вопросов естествознания XX в. (в отличие от XIX в., когда главным было раскрытие диалектики природы) объясняется коренным изменением общей исторической обстановки в связи со вступлением общества в период империализма. Поэтому новый исторический период оказался совершенно отличным от того, в каком жили и творили основоположники марксизма, о чем мы уже говорили выше.

В. И. Ленин поясняет, почему это было именно так: Маркс и Энгельс вступили на философское поприще тогда, когда среди передовой интеллигенции и в рабочих кругах почти безраздельно царил материализм. Совершенно естественно поэтому было то, что Маркс и Энгельс обратили главное внимание на дальнейшее теоретическое развитие материализма путем соединения его с диалектикой и что в области гносеологии они могли ограничиться главным образом критикой вульгарного и метафизического материализма, подчеркивая то, чего особенно недоставало представителям этих разновидностей материализма, а именно диалектику. Если конкретно представить себе исторические условия, в которых создавались в то время философские произведения марксизма, то станет совершенно ясным, почему Маркс и

Энгельс «*больше отгораживались от вульгаризации азбучных истин материализма, чем защищали самые эти истины*» (256).

В XX в. эти исторические условия изменились коренным образом. В связи с этим Ленин критикует упомянутого выше Динэ-Дэнеса, который не увидел особенностей новой исторической обстановки.

Недостатком статьи Динэ-Дэнеса Ленин считает «игнорирование гносеологических выводов, которые делаются из «новой» физики и которые специально интересуют нас в настоящее время» (264).

Ленин толкует кризис физики, кризис естествознания как результат того влияния, которое оказывает на естествознание философский идеализм, как следствие попыток идеализма «опереться» на успехи естествознания и протащить толкование открытий в физике в духе идеалистической теории познания. В прямую противоположность традиционной связи естествознания со своим исконным союзником — философским материализмом — в XX в. были предприняты реакционные попытки создать «связь» между естествознанием и его исконным врагом — идеалистической философией. Такого рода попытки, порожденные историческими особенностями эпохи империализма, как раз и составляют *сущность* кризиса физики. Указывая, что реакционные философы воспользовались этим кризисом и обострили его, Ленин заключает: «Следовательно, в философском отношении суть «кризиса современной физики» состоит в том, что старая физика видела в своих теориях «реальное познание материального мира», т. е. отражение объективной реальности. Новое течение в физике видит в теории только символы, знаки, отметки для практики, т. е. отрицает существование объективной реальности, независимой от нашего сознания и отражаемой им... Материалистическая теория познания, стихийно принимавшаяся прежней физикой, сменилась идеалистической и агностической...» (271). Отсюда вытекает, что «кризис современной физики состоит в отступлении ее от прямого, решительного и бесповоротного признания объективной ценности ее теорий...» (324).

Такова философская, гносеологическая сторона кризиса физики; но при всей ее важности это все же одна лишь его сторона, и она еще не исчерпывает сути всего дающего явления в целом. Другую сторону кризиса физики составляет крутая, коренная ломка установившихся ранее физических представлений, которая совершается в результате сделанных в физике великих открытий (электрон, радий, превращение элементов и др.). Следовательно, существо «кризиса современной

физики» состоит в том, что *революцией* в естествознании решила воспользоваться философская реакция, т. е. в том, что *реакция* пытается эксплуатировать *прогресс* научного познания в целях осуществления попятного движения (к старому, давно опровергнутому идеализму), используя гносеологические выводы, извлекаемые из этого прогресса путем его фальсификации.

В установлении этого обстоятельства заключена основа ленинского философского анализа современной ему физики и всего естествознания. Этот противоречивый процесс Ленин вскрыл, мастерски применяя метод марксистской диалектики: обе стороны кризиса физики — положительная и отрицательная, обе тенденции, проявившиеся в нем, — революционная (в смысле прогресса самой физики) и реакционная (в смысле гносеологических выводов из ее открытий в пользу идеализма) учитываются и анализируются им в их взаимной связи и взаимозависимости, как они существуют и действуют реально, в самой действительности. Эта противоречивость анализируемого явления, его как бы «двуединный» характер нашли отражение в определении кризиса физики, которым заканчивается § 1 главы V ленинской книги, посвященный этому вопросу: «*Суть* кризиса современной физики состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом» (272—273).

Здесь подчеркнуты обе противоположные стороны вскрытого Лениным глубочайшего противоречия в развитии современной науки: во-первых, ломка основных законов и основных принципов (т. е. момент революционной перестройки физики); во-вторых, отбрасывание материи (объективной реальности вне сознания), отказ от материализма (т. е. момент реакционных философских поползновений). Приведенное выше ленинское положение — ключ к пониманию кризиса физики, кризиса естествознания и лежащего в его основе противоречия.

Указанное положение отражено в самом заглавии главы V, которая называется «Новейшая революция в естествознании и философский идеализм». Это «и», отмечающее «связь» революции в науке с философской реакцией, подчеркивает *суть* дела. Вдумываясь в ленинское определение существа кризиса физики, читатель может уяснить глубокий смысл всей главы V, посвященной анализу философских вопросов естествознания. Более того, подчеркивая наличие определенного отношения между революцией в естествознании и философской

реакцией, Ленин показывает, что научный прогресс в определенных исторических условиях (речь идет об империализме, о буржуазной ограниченности мышления ученых) вызывает и порождает реакционные тенденции в области философских выводов из науки. Следовательно, отмеченное выше противоречие выступает в еще более глубокой и острой форме.

«Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки», — писал В. И. Ленин (326). На первый взгляд это может показаться непонятным и парадоксальным. Некоторые читатели недоумевают: «Каким образом прогресс, т. е. движение *вперед*, может порождать реакционные поползновения, т. е. движение *назад*?» При изучении книги Ленина нельзя пройти мимо этого очень важного, но и трудно уяснимого положения, анализ которого строится у Ленина на творческом применении марксистской диалектики.

Например, Ленин показывает, что крутая ломка старых теорий и понятий (т. е. революция в физике) с особенной силой навязывает физикам принцип релятивизма (относительности наших знаний). Если бы физики *знали диалектику* и могли пользоваться ею сознательно, то принцип релятивизма толковался бы ими правильно — как составная часть диалектики. Но так как физики *не знали диалектики*, то они скатывались через принцип релятивизма к идеализму, и тем быстрее и легче, чем сильнее этот принцип навязывался самим прогрессом науки. Выходит, что прогресс науки действительно может порождать в определенных условиях (при незнании диалектики учеными, особенно когда при этом резко активизируется философский идеализм) реакционные поползновения в философии, как, например, попытки истолковать изменчивость научных представлений в смысле отрицания объективной ценности физической теории. Незнание того, как материалистическая диалектика ставит и решает вопрос о релятивизме, «*неминуемо* должно привести от релятивизма к философскому идеализму», — подчеркивал Ленин (327). Та же мысль в конце книги подытожена так: «Меньшинство новых физиков, под влиянием ломки старых теорий великими открытиями последних лет, под влиянием кризиса новой физики, особенно наглядно показавшего относительность наших знаний, скатились, в силу незнания диалектики, через релятивизм к идеализму» (380).

Причина, почему физики не знают диалектики, состоит в том, как указывает Ленин, что сама обстановка в странах капитализма толкает ученых в объятия буржуазной философии и отталкивает их от марксизма, от материалистической диалектики.

Каким образом успехи науки, революционизирующие естествознание, могут порождать реакционные философские тенденции, видно и на примере возрастания роли математики в физике. Сам по себе этот факт свидетельствует о колоссальном прогрессе науки, о ее проникновении в глубь материи, о возможности с помощью математических понятий и приемов обобщать экспериментальные данные физики, раскрывая количественную сторону физических процессов, законов и соотношений и выражая ее аналитически или геометрически в форме математических построений. Однако при незнании диалектики это приводило некоторых ученых к выводу, будто все дело сводится здесь только к математике, будто раскрытие количественной стороны изучаемых явлений и законов исчерпывает собой все их познание. Тем самым форма законов и соотношений отрывалась от их материального, физического содержания, количественная сторона — от их качественной стороны. В результате через механицизм ученые скатывались к тому же самому идеализму, куда их вел недиалектически понятый принцип релятивизма. «Крупный успех естествознания, — отмечал В. И. Ленин, — приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками» (326).

Здесь важно помнить, что отрицательным являются не само по себе возрастание роли и места математических методов и понятий в физических исследованиях или относительность человеческих знаний, а ложные гносеологические (идеалистические) выводы, которые отсюда делаются. Не зная диалектики, следовательно, не умея правильно, диалектически понять количественную сторону вещей и явлений в ее единстве с их качественной стороной, понять относительность знаний с точки зрения взаимосвязи и единства объективной, абсолютной и относительной истины, ученые сбиваются к идеализму. В этом главную, определяющую роль играют социальные условия, в которых совершается развитие науки.

Реакционная, буржуазная идеология, господствующая в странах современного капитализма, мешает естествознанию выйти из кризиса. Именно она толкает ученых капиталистических стран в идеализм, препятствуя им овладеть марксистско-ленинской диалектикой. Поэтому не «само собой», автоматически, а только после коренного изменения социальных условий в этих странах, т. е. после того, как здесь будет уничтожен капитализм и тем самым нанесен решающий удар по реакционной идеологии, кризис естествознания будет преодолен полностью и в этих странах.

Имеется существенное различие между тем, как относились идеалисты к успехам естествознания в XIX в., и тем, как они относятся к ним в XX в. В прошлом веке идеализм широко использовал метафизику, присущую старому материализму, для того чтобы с ее помощью отвергать материализм. Это было нетрудно сделать, так как метафизическая одеревенелость, однобокость, «прямолинейность» ведут в конце концов к идеализму. Ограниченность и недостаточность механицизма также служили доводом в глазах идеалистов и агностиков в пользу мнимой несостоятельности материализма.

Так, например, невозможность провозглашаемого механистами «сведения» высших форм движения к низшим, исчерпания всех явлений природы механикой широко использовалась для идеалистических философских выводов в качестве их гносеологического источника и обоснования. К числу таких выводов относилось виталистическое утверждение о существовании некой сверхъестественной «жизненной силы», которая будто бы служит носителем специфики всех биологических явлений. Сюда же относится агностическое утверждение о якобы принципиальной невозможности познать когда-либо сущность жизни.

То же самое и по тем же причинам происходило в области психологии, где идеализм и агностицизм свили себе прочное гнездо, которое было разрушено лишь позднее благодаря успехам материалистического направления в физиологии и психологии, возглавленного Сеченовым и Павловым.

В области химии невозможность в первой половине XIX в. выяснить внутреннюю структуру вещества (строение его молекул, иначе говоря, взаимное расположение атомов в молекуле) при господстве механистической концепции «простой дискретности материи» была возведена в принципиальное положение и истолкована в духе агностицизма; одни химики утверждали, будто внутренняя конституция вещества непознаваема, другие — будто вещество вообще не имеет никакого атомного строения. И опять-таки успехи науки, выразившиеся в создании Бутлеровым материалистической теории строения органических соединений, нанесли сокрушительный удар по агностическим поползновениям некоторых химиков.

Реакционная, идеалистическая по своему существу гипотеза «тепловой смерти Вселенной» явилась результатом метафизической абсолютизации второго начала термодинамики. Это проявилось не только в том, что названное начало было превращено в абсолютный закон природы, тогда как на деле оно является относительным, но и в том, что оно было распространено на всю Вселенную, тогда как по самой своей

сути оно предполагает, строго говоря, лишь замкнутые системы, способные достигать равновесного состояния. И в данном случае успехи материалистического естествознания, особенно статистическая трактовка энтропии, выдвинутая Л. Больцманом, разрушили идеалистическую гипотезу «тепловой смерти Вселенной» и утвердили материалистический взгляд на энергетические процессы, совершающиеся за пределами какой-либо ограниченной части мироздания. Вместе с тем наука отстояла материалистическое положение о сохранении движения во всем мире, которое подрывалось указанной гипотезой, поскольку она неизбежно вела не только к идее о «конце» мира, но и о его «начале», когда «мировые часы» кем-то должны были заводиться, следовательно, движение должно было создаваться из ничего.

Идеализм пытался уцепиться и за дарвиновское учение, но не за такие его стороны, как теория развития органической природы, теория естественного (но не божественного) происхождения человека, а за совершенно другие положения, чуждые по существу самому дарвинизму. Реакционеры от науки особенно настойчиво пытались стереть качественное различие между социальными и биологическими понятиями. Метафизическая, механистическая подмена социальных понятий биологическими (например, понятия классовой борьбы, совершающейся в жизни общества, понятием борьбы за существование, происходящей в живой природе) влекла за собой грубое извращение в духе идеализма и метафизики не только учения об обществе, но и самого дарвиновского учения.

Как видим, и здесь ясно выступает тот факт, что в XIX в. идеализм пытался использовать в своих интересах, т. е. в целях борьбы против материализма, не достижения и успехи познания природы, а, наоборот, неизбежные пробелы и трудности в развитии научного знания; он стремился уцепиться за все, что было отсталого, слабого и неверного во взглядах естествоиспытателей, в трактовке сделанных ими естественнонаучных открытий. Что же касается действительных достижений естествознания, то идеалисты в своем подавляющем большинстве выступали в XIX в. против них, поскольку эти достижения неизменно давали все новые и новые подтверждения материализма и сразу же брались материалистами на свое идейное вооружение. В связи с этим идеалисты обрушивались на атомное учение в химии в начале XIX в., на молекулярно-кинетическую теорию и периодический закон Менделеева, на эволюционное учение Дарвина, и особенно на его учение о возникновении человека.

На рубеже XIX и XX вв. идеалисты изменили свою так-

тику в борьбе против материализма в области естествознания: они сделали попытку использовать в своих интересах не только слабости и недостатки науки, но и самые последние ее достижения, с которыми материалисты еще не успели освоиться («справиться»). Эти-то новейшие открытия естествознания, и прежде всего физики, идеалисты возымели намерение превратить в оружие *против материализма*, хотя на деле достижения науки снова и снова доказывали *правоту материализма*.

Кризис физики, кризис естествознания В. И. Ленин связывает не с задержкой (а тем более с какой-то «остановкой») в развитии науки, а с бурным продвижением ее вперед, с ее коренной перестройкой на основе новых открытий. Поэтому не надо представлять себе этот кризис так, будто идеалисты используют в своих интересах лишь неудачи научного объяснения явлений природы, ограниченность старых представлений, ошибки в экспериментальных исследованиях. Напротив, идеалисты стали хвататься теперь не только за слабые стороны науки, за ее устаревшие положения, но и за самые новейшие ее открытия, в первую очередь за те, которые теоретически еще не обобщены и не объяснены с позиций материализма, но которые сулят большие перспективы для дальнейшего научного прогресса.

Особенность современного идеализма, пытающегося проникать в естествознание, заключается именно в том, что он паразитирует не только на трудностях роста науки о природе, а в еще большей мере на успехах познания природы, стремясь выдать себя, как это отмечает В. И. Ленин, за «философию современного естествознания» или за «философию естествознания XX века» (9—10), за «новейшую философию естественных наук» (321).

В. И. Ленин отмечал, что в перспективе всего научного прогресса кризис физики и появление связанного с ним «физического» идеализма представляет собой временное явление. «Уклон в сторону реакционной философии... — писал он, — есть временный зигзаг, преходящий болезненный период в истории науки, болезнь роста, вызванная больше всего *крутой ломкой* старых установившихся понятий» (323).

Из того обстоятельства, что крутая ломка понятий и теорий неминуемо ведет к идеализму лишь в определенных исторических условиях, когда сами ученые не знают марксистской диалектики и не пользуются ею, вытекают два следствия: во-первых, что кризис современной физики носит *временный, преходящий* характер и с изменением условий, препятствующих ученым капиталистических стран овладе-

вать марксистской диалектикой, эта «болезнь роста» должна будет пройти; во-вторых, что выход из кризиса заключается в том, что устаревшую форму материализма (которая господствовала в сознании естествоиспытателей почти до конца XIX в., а нередко продолжает господствовать и донныне в виде метафизического, механистического материализма) необходимо решительно заменить высшей, наиболее развитой формой материализма, адекватной самой природе, следовательно, объективному содержанию современных естественнонаучных открытий. Такой высшей формой материализма является современный, или диалектический, материализм. Изложив критику Энгельсом «механического» воззрения старых материалистов, Ленин заметил, что «непонимание этих слов Энгельса привело к тому, что некоторые люди через новую физику свихнулись в идеализм» (253). Помочь им вырваться из идеализма, а тем самым способствовать ликвидации кризиса современной физики может только материалистическая диалектика, вытесняющая из естествознания всякую метафизику, в том числе и механицизм. «Материалистический основной дух физики, как и всего современного естествознания,— предсказывал В. И. Ленин,— победит все и всяческие кризисы, но только с непрременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим» (324).

Это ленинское предвидение давно стало реальностью: в СССР и других социалистических странах, где в философии господствует диалектический материализм, давно ликвидирован кризис естествознания и в физике прочно утвердился ее «материалистический основной дух».

С кризисом современной физики неразрывно связано понятие «*«физический» идеализм*». Это понятие, по признанию В. И. Ленина, «звучит очень странно» (322). В самом деле: физика изучает свойства и строение материи, формы ее бытия; она глубоко материалистична по самой своей сути. Идеализм же либо вовсе отрицает материю как объективную реальность, объявляя все вещи совокупностью наших ощущений, либо трактует ее и ее законы как продукт творческой деятельности бога, «абсолютной идеи», «высшего мирового духа» и т. д. Поэтому ни о каком соединении или примирении физики с идеализмом не может быть речи. Это все равно что соединить религию с наукой, веру в божественное чудо и сверхъестественные силы с отрицанием всяких чудес.

К «физическим» идеалистам нельзя отнести физика, который, рассуждая о вопросах, выходящих за пределы его науки, высказывает идеалистические или религиозные идеи.

Такой физик может быть вполне материалистом в области *своей* специальности, а его рассуждения о боге или о непознаваемости мира будут лишь «привеском» к его основным материалистическим воззрениям. История естествознания знает немало ученых-материалистов с такими «привесками». Ленин следующим образом характеризует австрийского физика-материалиста Больцмана, который выступал против махизма: «Больцман, конечно, боится назвать себя материалистом и даже специально оговаривается, что он вовсе не против бытия божия» (304). Но ни Больцмана, ни какого-либо другого физика, который вопреки своему стихийному материализму заявляет, что он верит в бога или какую-то сверхъестественную силу, «мировой разум» и т. д., нельзя только на одном этом основании отнести к «физическим» идеалистам.

Под «физическим» идеализмом В. И. Ленин понимает такое течение, которое стремится вытеснить материализм *из самой физики*, из самого естествознания и заменить его *здесь* идеализмом и агностицизмом. Следовательно, речь идет о том, что физическим открытиям дается идеалистическое или агностическое толкование, делаются попытки изгнать из физики такие понятия, как материя и ее частицы, заменив их какими-либо другими понятиями (например, понятием «чистой» энергии).

Отсюда видно, что «физический» идеализм — это течение, представители которого как раз и являются носителями и проводниками кризиса в физике, ибо сутью «физического» идеализма является попытка установить «связь» между идеализмом и физикой, используя в этих целях крутую ломку научных понятий, т. е. революцию в естествознании. «Связь современного «физического» идеализма с кризисом современной физики общепризнана...» — констатировал В. И. Ленин в последнем параграфе главы V своей книги (323).

При чтении книги Ленина может возникнуть вопрос: в одних ее местах подчеркивается связь между новой физикой и философским идеализмом, а в других местах, напротив, эта связь ставится под сомнение и даже как будто отрицается. Однако никакого противоречия здесь нет. Нужно только разобраться, в каком смысле употребляется слово «связь». В одних случаях речь идет о связи между махизмом и естествознанием, понимаемой в смысле попытки идеалистов использовать данные науки в целях «опровержения» материализма и мнимого доказательства правоты идеализма. В этих случаях Ленин подчеркивает наличие такого рода связи и недопустимость ее игнорирования. В других же слу-

чаях под «связью» с естествознанием махисты имеют в виду мнимое подтверждение идеализма данными науки и «низвержение» материализма; в этих случаях Ленин категорически отрицает существование *в таком смысле* понимаемой «связи». «Физический» идеализм, т. е. идеализм известной школы физиков в конце XIX и в начале XX века,— писал В. И. Ленин,— так же мало «опровергает» материализм, так же мало доказывает связь идеализма (или эмпириокритицизма) с естествознанием, как мало доказательны были соответствующие потуги Ф. А. Ланге и «физиологических» идеалистов» (323). С этим согласуется то, что сказано в начале последнего параграфа главы V, в котором рассматривается «сущность и значение «физического» идеализма». Ленин подчеркивает, что проведенный анализ данных «показывает несомненно, что махизм «связан» с новой физикой,— и в то же время показывает *в корне неправильное* представление об этой связи, распространяемое нашими махистами» (321).

При изучении ленинской книги, разбирая вопрос о «физическом» идеализме, так же как и вопрос о сущности кризиса современной физики, о причинах, породивших эти болезненные явления, и об условиях, способствовавших их появлению и распространению, нужно обратить внимание на то, что Ленин выделяет два рода причин: более глубокие, коренящиеся в социально-политической обстановке, связанной с переходом капитализма в стадию империализма, и более близкие, носящие познавательный характер и коренящиеся в процессе развития научного познания, развития самой физики. Только учет тех и других причин в их взаимной связи, что и делает Ленин, позволяет выяснить источники кризиса физики и «физического» идеализма.

Касаясь причин первого рода, Ленин отмечает, что вопрос о гносеологических выводах из новейшей физики поднят и обсуждается с самых различных точек зрения и в английской, и в немецкой, и во французской литературе (разбору этого посвящены параграфы 4, 5 и 6 главы V ленинской книги). «Не может подлежать никакому сомнению,— констатирует Ленин,— что перед нами некоторое международное идейное течение, не зависящее от какой-нибудь одной философской системы, а вытекающее из некоторых общих причин, лежащих вне философии» (320—321). Очевидно, что под общими причинами здесь подразумеваются причины социально-политического порядка, обострившие классовую борьбу между пролетариатом и буржуазией в только что наступивший тогда период империализма и сказавшиеся на

идеологической, в том числе и философской, борьбе во всех странах капитализма.

То, что это действительно международное идейное течение, Ленин доказывает фактами его проявления в самых различных странах. Он отводит специальные параграфы для Англии, Германии, Франции и России, а кроме того, разбирает отдельных представителей этого же течения из числа философов и естествоиспытателей других стран.

Среди причин второго рода Ленин выделяет, как уже говорилось, две: это *математизация физики* и *принцип релятивизма*, приводящие (при незнании диалектики) к идеализму. Первая ведет к неправильной оценке роли математики в физике, к признанию, что будто бы уравнения становятся на место материальных вещей, связей и процессов, а сами вещи, связи и процессы при этом исчезают не только из поля зрения исследователя, но якобы и из самой действительности. Вторая причина (принцип релятивизма) при тех же условиях ведет к отрицанию объективной истины, к отрицанию вообще чего-либо абсолютного (в виде зерен абсолютной истины) в человеческом знании, следовательно, к чистейшему субъективизму, к субъективному идеализму.

Таким образом, появление школы «физического» идеализма свидетельствует о глубоко противоречивом, антагонистическом характере развития физики в странах империализма. Антагонизм, т. е. непримиримое противоречие между враждебными тенденциями развития, возникает между революцией в естествознании и попытками идеалистов использовать эту революцию в интересах философской реакции; между физикой, опирающейся на материализм и в свою очередь служащей краеугольным камнем естественнонаучного фундамента для современного материализма, и идеализмом, находящимся в непримиримом противоречии с извечной философской опорой физики и всего естествознания.

Сравнивая подтверждение диалектического материализма новейшими физическими открытиями с родами, Ленин пояснял: «Роды болезненные. Кроме живого и жизнеспособного существа, они дают неизбежно некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещение для нечистот. К числу этих отбросов относится весь физический идеализм...» (332).

Из сказанного выше выявляются *связь и существенное различие между революцией и кризисом в естествознании в их ленинском понимании.*

Революции, т. е. коренные, крутые ломки ранее установившихся и, казалось бы, твердо укрепившихся в науке по-

ятий и теорий, представляют собой необходимый момент всякой прогрессирующей науки, одну из общих закономерностей развития научного познания. Такого рода революции совершались в естествознании неоднократно. В наше время они происходят буквально во всех отраслях современного естествознания и неизбежно будут происходить и в будущем. Без таких революций не могло бы совершаться поступательное развитие научного познания, наблюдался бы застой в науке. Процесс обновления научных взглядов, связанный с преодолением устаревших концепций, вызывается непрерывно совершаемыми научными открытиями на пути все более и более полного и глубокого познания природы человеком. Всякое научное открытие представляет скачок в развитии научного познания, перерыв количественной постепенности, подготовившей данный скачок. Чем более широкий характер носит сделанное открытие, чем более глубокие основы науки оно затрагивает, тем больше его революционизирующее значение для науки, тем важнее его последствия для перестройки самого метода познания (подхода к изучаемым явлениям, способа мышления ученых). И если дело касается ломки общих теоретических основ, на которые до тех пор опиралась данная наука, например физика, то открытия, вызвавшие такую ломку, начинают собой радикальную революцию во всем естествознании. Эта ломка состоит не столько в отбрасывании с порога прежних понятий и теорий, сколько в их развитии путем удержания в новых понятиях и теориях всего положительного, проверенного на практике, путем преодоления всего устаревшего, пришедшего в противоречие с новейшими данными науки.

Кризис науки, т. е. использование идеалистами революции в науке в интересах философской реакции, не обладает такой же всеобщностью, как революции в науке. Это болезненное явление вызвано в странах капитализма особыми историческими условиями, сложившимися в период империализма.

В прошлом идеализм, борясь против материализма, выступал и против успехов естествознания. Идеалисты использовали не достижения науки, поскольку ее достижения всегда были направлены против теологии и идеализма, а неудачи и слабости науки прошлого, ее недостатки и трудности. Так, неспособность объяснить с позиций механического естествознания происхождение солнечной системы или живых существ была использована в качестве теоретической базы для выработки ложной идеи о «первоначальном божественном толчке», сообщенном якобы планетам «в момент

сотворения мира», и для столь же ложной идеи сотворения богом растений и животных. Точно так же невозможность объяснить исходя из метафизических концепций сущность жизни была использована идеалистами для «обоснования» витализма. Агностики же, вроде Дюбуа Реймона, делали отсюда выводы о принципиальной непознаваемости сущности жизни. «Игнорабимус» (т. е. «не узнаем»), — говорили они.

До конца XIX в., когда появился сначала «физиологический», а затем «физический» идеализм, не было более или менее крупного естественнонаучного открытия, которое стало бы объектом попыток использовать его в интересах идеализма. Лишь с вступлением капитализма в его империалистическую стадию активизирующаяся реакционная философия начала становиться на этот путь. Следовательно, до конца XIX в. в истории естествознания не возникало никаких кризисов философского, теоретико-познавательного характера.

Кризисов естествознания, подобных возникшему на рубеже XIX и XX вв., не будет и в будущем. С уничтожением капитализма и присущих ему противоречий исчезнут и те причины идеологического порядка, которые препятствуют современным ученым в странах Запада овладевать методом марксистской диалектики. Но при исчезновении такого условия, как незнание диалектики, облегчающего сползание ряда естествоиспытателей к идеализму, не говоря уже об исчезновении самого идеализма, полностью исключаются такие явления, как кризис физики и «физический» идеализм.

Между понятиями революции и кризиса в науке имеется не только различие, но и глубокая внутренняя связь. Кризис физики не мог бы возникнуть, если бы революция в физике не выдвинула на первый план коренные вопросы гносеологии. «Новая физика, — писал В. И. Ленин, — найдя новые виды материи и новые формы ее движения, поставила по случаю ломки старых физических понятий старые философские вопросы» (295).

Однако было бы неправильно представлять себе дело так, будто сама революция в физике содержит в себе источник кризиса, другими словами, что новые физические открытия влекут за собой автоматически их идеалистическое толкование. Нет, они дают только тот материал, который в определенных условиях, а именно в условиях философской реакции, порожденной социально-исторической обстановкой, может быть временно использован идеалистической философией, подвергнут фальсификации и выдан за мнимое опровержение материализма и столь же мнимое доказательство иде-

ализма. «Использование философским идеализмом новой физики или идеалистические выводы из нее,— указывал Ленин,— вызываются не тем, что открываются новые виды вещества и силы, материи и движения, а тем, что делается попытка мыслить движение без материи» (281). В этом именно и состоит «связь» философского идеализма с новейшей революцией в естествознании и, соответственно, связь между этой революцией, с одной стороны, и кризисом современной физики — с другой. В этом же смысле надо понимать высказывание Ленина относительно «новых открытий в физике, создавших «физический идеализм»...» (369).

3. Значение ленинской книги для философской оценки естествознания наших дней

Обратимся теперь к выяснению того нового, что внесла в рассматриваемый вопрос Октябрьская революция 1917 г.

Всеобщим (в смысле распространения среди естествоиспытателей капиталистических стран) кризис естествознания был только в течение двух десятилетий (с конца 90-х годов XIX в. до конца 10-х годов XX в.). После победы пролетарской революции в России естествознание в нашей стране стало выходить из кризиса и вскоре начало развиваться, устанавливая все более крепкую связь с передовой философией — диалектическим материализмом. После окончания второй мировой войны образовался международный лагерь социализма в результате отпадения от капитализма целого ряда стран в Европе и Азии, а затем и в Америке. Поэтому число стран, в которых имеются условия для кризиса естествознания, сократилось еще больше.

Возникают два вопроса. *Первый:* продолжается ли в настоящее время революция в естествознании, в частности в физике, в том числе и в странах капитализма? *Второй:* продолжается ли в наше время кризис физики и всего естествознания в этих странах? В зависимости от ответа на эти вопросы находится общая характеристика значения книги Ленина для современного естествознания: если отмеченные им в начале XX в. явления и породившие их причины уже исчезли, отошли в прошлое, то и соответствующие разделы ленинской книги, естественно, должны рассматриваться как утратившие свою силу и требующие пересмотра и обновления в соответствии с новыми историческими условиями, сложившимися в странах современного империализма. Если же вскрытые Лениным процессы и их причины продолжают действовать в современных

капиталистических странах, хотя и в новых проявлениях, в измененной форме, то ленинский анализ философских вопросов естествознания применим в своей основе и к современному естествознанию.

При ответе на эти вопросы допускаются две ошибки, два неправильных, односторонних взгляда; их нужно учитывать при изучении книги Ленина, когда содержащиеся в ней положения сопоставляются с современным естествознанием, с характером борьбы между материализмом и идеализмом в современной науке.

Первая ошибка состоит в том, что одно время отдельные советские авторы отрицали наличие революции в естествознании в странах современного империализма. В соответствии с этим новейшие физические теории, такие, как теория относительности или квантовая механика, объявлялись лженауками, якобы порожденными идеализмом. Например, в течение многих лет некоторые философы и естествоиспытатели в нашей стране вели борьбу против теории относительности. Они видели в новых теориях физики только идеализм, не будучи в состоянии отделить здоровое физическое содержание новых теорий от субъективно-идеалистического их толкования современными «физическими» и философскими идеалистами. Между тем теория относительности А. Эйнштейна, преобразуя коренным образом старые представления о пространстве и времени, сложившиеся под влиянием механики Ньютона, явилась одним из проявлений «новейшей революции в естествознании», о которой писал Ленин. В статье «О значении воинствующего материализма» он подчеркивал, что эта революция продолжается дальше, причем в качестве одного из великих преобразователей современного естествознания он назвал как раз Эйнштейна. Теория относительности — одно из замечательных подтверждений диалектического материализма. Не случайно В. И. Ленин поставил ее в один ряд с великими открытиями естествознания, начавшимися с открытия «революционера-радия».

Революция продолжается сейчас и в физике, и в других отраслях естествознания. Квантовая механика раскрыла законы движения микрочастиц материи. Но так как эти законы качественно отличаются от законов движения макротел, то современные «физические» идеалисты не преминули дать им идеалистическое и агностическое толкование. Они стали утверждать, будто в основе квантовой механики лежит принцип indeterminизма, отбрасывающий причинное объяснение микропроцессов. На этом основании некоторые лица у нас стали заявлять о несостоятельности квантовой механики, о

необходимости вернуться снова к физическим теориям XIX — начала XX в. В действительности же квантовая механика представляет собой одно из замечательных достижений современной физики, благодаря которому было подвергнуто революционной ломке и перестройке ранее господствовавшее в физике ограниченное представление о механической причинности. Открытие новых типов закономерной связи, специфической для микропроцессов, не только не опровергло материалистического взгляда на причинность, но, напротив, подтвердило положение диалектического материализма о всеобщей закономерной связи явлений, о ее диалектическом характере, о ее качественном многообразии, о невозможности свести ее к механической причинности (вопреки утверждениям сторонников механического детерминизма).

Некоторые лица усматривали только идеализм, прямой возврат к остальдовскому энергетизму в таких открытиях ядерной физики, как взаимопереход между веществом и светом, как взаимосвязь и неразрывность массы и энергии. Это потому, что современные «энергетисты», равно как и прочие «физические» идеалисты, отстаивали идеалистическую концепцию о «чистой» энергии, якобы вытеснившую из физики понятия вещества, массы, материи. В действительности же в этих открытиях, касающихся атомной энергии, нашла свое ярчайшее выражение продолжающаяся революция в естествознании, подтверждающая диалектический материализм и обогащающая его своими, философски обобщенными, результатами.

Таким образом, современная физика во всех странах продолжает рождать диалектический материализм, переходя от одного этапа своей новейшей революции к другому. Поэтому совершенно несостоятельны попытки отрицать наличие этой революции, а тем самым отрицать значение книги В. И. Ленина для физики и всего современного естествознания.

Одно из гениальнейших высказываний Ленина, отразившее магистральную линию развития всего естествознания, особенно физики XX в., состояло в указании на «бесконечность материи вглубь», откуда следовало, что движение познания в глубь материи не может остановиться на электроне, как оно не остановилось на атоме. И действительно, дальнейшая революция в физике и во всем естествознании совершалась так, что последовательно достигались и достигаются все новые и новые ступени познания материи, ее «мельчайших» частиц и «элементарных» форм, которые оказываются лишь вершинами в процессе проникновения науки в глубь материи. Тем самым ленинские философские идеи обобщают весь путь

развития современной физики и всего современного естествознания, начавшийся на рубеже XIX и XX вв. и продолжающийся до настоящего времени.

Вторая ошибка носит диаметрально противоположный характер: она состоит в игнорировании связи некоторых современных физиков в странах капитализма, главным образом из числа физиков-теоретиков, с идеализмом, т. е. в игнорировании того факта, что и поныне идеалисты используют новейшие физические открытия и теории в интересах своей реакционной философии, следовательно, в игнорировании дальнейшего кризиса физики. Аргументом, оправдывающим игнорирование этих явлений, служит обычно утверждение, будто идеалистические рассуждения, толкования и выводы не имеют никакого отношения к действительному содержанию собственно физических учений, открытий и понятий, а являются лишь чисто внешним «привеском», который, дескать, не надо рассматривать всерьез.

Такие мысли высказывают некоторые специалисты, не понимающие, какое вредное, тлетворное влияние на физику оказывает реакционная философия, которая не только пытается использовать в своих интересах достижения современной науки, но и со своей стороны стремится влиять на развитие теоретической физики, на современные ее представления. Поэтому нельзя рассматривать реакционную философию, принимающую вид «физического» идеализма, только как какой-то не имеющий никакого значения механический «привесок» к здоровому организму физической науки; напротив, это скорее болезненный нарост, который пытается проникнуть в глубь самого организма физики и против которого поэтому необходимо принимать серьезные меры, чтобы избавить от него науку в странах капитализма, вывести ее из болезненного состояния, именуемого кризисом.

Разумеется, в основах самой физики и всего естествознания нет никакой почвы для идеализма и агностицизма. Наоборот, всем своим содержанием наука о природе протестует против связи с идеализмом, которую упорно пытаются навязать ей представители реакционной философии. Тем не менее такая связь, несмотря на ее противоестественный характер, продолжает существовать и мешает развитию современного естествознания в странах капитализма. Как показывают факты, эта связь даже усилилась по сравнению с тем, что было в тот период, когда вышла в свет книга «Материализм и эмпириокритицизм». Это означает, что кризис физики не только не преодолен в странах современного капитализма, но во многих отношениях углубился еще больше. Поэтому

книга В. И. Ленина полностью сохранила свое значение для понимания процессов, совершающихся в современной физике и во всем естествознании, для понимания борьбы между материализмом и идеализмом в нынешних условиях.

Иногда кризис физики связывают лишь с теми открытиями, которые были сделаны в физике на рубеже XIX и XX вв. и благодаря которым человеческая мысль впервые проникла в область микроявлений. С этим была связана коренная ломка старых физических взглядов и способов исследования, приспособленных к изучению одних только макро- (но не микро!) процессов. Такой переход в область микроявлений некоторые авторы считают уникальным и неповторимым явлением; он мог быть совершен, дескать, лишь однажды, а затем началось углубление сделанного уже первого шага в данном направлении. Поэтому не может, дескать, повториться в физике и та ситуация, которая сложилась в ней лет восемьдесят назад.

В подтверждение такого мнения иногда ссылаются на то, что в статье Ленина «О значении воинствующего материализма» нет слова «кризис», хотя употреблено слово «революция» в применении к естествознанию. Но если не цепляться за слова, а исходить из существа дела, т. е. из того, что сказано в названной статье, то станет совершенно ясным, что и в 1922 г. отмечалось как раз то самое явление в естествознании, которое в 1908 г. Ленин назвал «кризисом современной физики».

Суть этого кризиса в странах капитализма за истекшие с того времени годы не изменилась: налицо была продолжающаяся революция в естествознании и продолжающееся использование ее идеалистами в интересах реакционной философии. Не случайно в 1922 г. Ленин провел прямую связь между открытием радия, которое было использовано идеалистами на рубеже XIX и XX вв., и теорией относительности А. Эйнштейна, которая стала эксплуатироваться идеалистами особенно настойчиво в начале 20-х годов XX в., т. е. вскоре после победы социалистической революции в России. Поскольку все противоречия, присущие современному капитализму, обострились к этому времени еще больше, то, как и следовало ожидать, «реакция по всей линии» (в том числе и в области идеологии, философии в частности), которую нес с собой империализм, не только не ослабла, но в значительной степени усилилась. Раз так, то действие социальных причин, породивших в свое время кризис физики, должно было в странах капитализма усилиться к тому времени, когда В. И. Ленин писал свою статью в 1922 г., а значит, должен

был усиливаться и кризис современной физики, что и произошло в действительности.

Если бы Ленин считал, что кризис физики, кризис естествознания закончился и что его не было в 1920 г., когда он готовил второе издание своей книги, то об этом он несомненно сказал бы в предисловии к ее новому изданию. Между тем в этом издании говорится о том, что философские выводы из новейших открытий естествознания, сделанные им в 1908 г., остаются в силе и в 1920 г., и никаких оговорок по этому поводу нет. Очевидно, это касается и ленинской критики тех философских выводов из естественнонаучных открытий, которые делались в духе «физического» идеализма и которые, следовательно, выражали собой то, что Ленин называл кризисом современной физики, кризисом естествознания. «Связь современного «физического» идеализма с кризисом современной физики общепризнана...» (323), — писал Ленин.

Впрочем, слово «кризис» необязательно употреблять в настоящее время применительно к физике и естествознанию вообще. Важен не термин, а признание сути дела, а именно, что и сегодня в странах капитализма из научных открытий реакционные философы делают по-прежнему выводы в пользу идеализма.

Что же касается утверждения, будто переход в область микроявлений совершился как одноактное событие на рубеже XIX и XX вв. и уже в тот момент исчерпал все главные трудности методологического и гносеологического характера, возникшие перед физиками и вызвавшие среди них неуверенность и растерянность, — словом, что кризис был и прошел, — то дело обстоит совсем не так. Нет сомнения, что великие открытия в физике конца XIX — начала XX в. вызвали громадную ломку в мышлении самих физиков: не только атом оказался делимым, масса — изменчивой, а химические элементы — превращаемыми одни в другие (об этом говорится в книге Ленина), но и само движение (действие, энергия) оказалось обладающим признаком дискретности, прерывистости; это было открыто немецким физиком Максом Планком в 1900 г. и выражено в созданной им теории квантов.

Планк ввел особую универсальную константу — h (так называемый «квант действия»), которая представляет собой специфическую величину, присутствие которой в физических выражениях свидетельствует о том, что в данном случае мы находимся в области микроявлений.

Однако, несмотря на все эти поистине великие открытия, еще в первой четверти XX в. оставалась нетронутой «классическая» идея о качественном тождестве (по своему типу)

законов движения макро- и микрофизических объектов. Модель атома, построенная датским физиком Н. Бором в 1913 г., исходила из идеи, что электроны суть миниатюрные шарики, несущие отрицательный электрический заряд, которые обращаются вокруг атомного ядра по строго определенным орбитам, подобно тому как планеты (макротела) вращаются вокруг Солнца. Уже одна эта идея свидетельствовала о том, что краеугольный камень прежних («классических») взглядов на микропроцессы оставался пока что неизменным, что новый подъем революции в естествознании вплоть до 1923 г. еще не поколебал его. Лишь с созданием новой (квантовой, или, как тогда говорили, волновой) механики в 1923—1928 гг. началась несравненно более коренная и глубокая ломка старых физических концепций о микроявлениях. Сами элементарные частицы (в том числе «частицы» света — фотоны) оказались сложными образованиями, единством противоположностей — дискретности и непрерывности, единством корпускулярной и волновой природы материи. Старые («классические») модели атомов оказались неточными и были заменены новыми (квантовомеханическими) моделями, гораздо более точными, но лишенными прежней простоты и наглядности.

В связи с этим началась новая глубочайшая ломка в воззрениях физиков, ломка самого метода их мышления, сохранявшегося в своей основе несмотря на предшествующие открытия в физике. Эта новая ломка по масштабам, характеру и последствиям значительно превосходила ту, которая происходила на рубеже XIX и XX вв. Поэтому ссылка на то, что кризис физики мог быть связан только с той коренной ломкой ее понятий, которая началась на рубеже веков и о которой писал Ленин, несостоятельна. За новую ломку физических понятий идеализм ухватился с еще большей силой, вызвав этим в капиталистических странах дальнейшее углубление и обострение кризиса современной физики, первый этап которого был вскрыт и проанализирован в ленинской книге. Разумеется, форма проявления этого кризиса теперь не та, что раньше; изменилась физическая проблематика, вокруг которой разворачивается ныне борьба между материализмом и идеализмом. Но *суть* кризиса, вскрытая так мастерски В. И. Лениным в 1908 г., осталась той же.

Кстати, даже те, кто утверждает, будто кризис физики уже давно закончился, не могут отрицать факта существования современного «физического» идеализма, представители которого в наши дни выполняют те же самые функции, какие выполняли их предшественники. Но ведь В. И. Ленин неос-

поримо доказал, что существует неразрывная связь между «физическим» идеализмом и кризисом современной физики, ибо «физические» идеалисты как раз и являются его живыми носителями.

4. Три этапа революции и кризиса современного естествознания

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что революция и кризис современного естествознания, и в первую очередь современной физики, прошли несколько различных *этапов* своего развития, удерживая при этом то главное существо, которое раскрыл В. И. Ленин в своей книге. Другими словами, при сохранении своего содержания, своей сути эти явления изменяли свою форму в зависимости от развития тех социальных и познавательных факторов, которые их породили и двигали либо к их обострению и углублению (в странах капитализма), либо к освобождению от присущих им антагонистических противоречий путем их разрешения и преодоления (в странах социализма).

В самом деле, если мы ограничимся даже одной физикой, то обнаружим, что новейшая революция в ней за время, истекшее с ее начала (1895 г., когда были открыты лучи Рентгена) и до наших дней прошла три больших этапа: первый захватил время с начала революции примерно до 1923 г., когда стала возникать новая (квантовая) механика, представляющая дальнейший шаг в глубь физических микроявлений по сравнению с тем, что было достигнуто на основе открытий электрона, радия, фотона и других физических открытий конца XIX и начала XX в.

С этим первым этапом новейшей революции в естествознании, который условно можно было бы назвать «классическим электронным», столкнулся Ленин и дал его разбор в своей книге.

Второй этап начался примерно в 1923 г. (если считать с момента первых шагов будущей квантовой механики) или несколько раньше, когда возник особый интерес к теории относительности, специальный принцип которой Эйнштейн разработал еще в 1905 г., а ее общий принцип — в 1915 г. В 1924 г. (обоснование Луи де Бройлем идеи о нераздельности волны и корпускулы у физических микрообъектов), а особенно в 1926 г. (выведение Э. Шредингера своего волнового уравнения) и в 1927 г. (открытие соотношения неопределенностей В. Гейзенбергом) новая квантовая механика получает свое развитие и утверждается в физике. В дальнейшем

она приходит в тесный контакт с теорией относительности, так что новый (второй) этап революции в физике можно было бы назвать «релятивистским квантовомеханическим». Он охватывает время от начала 20-х годов нашего века и простирается до конца 30-х — начала 40-х его годов.

Началом новейшего (третьего по счету) этапа революции в современной физике можно считать открытие деления ядра урана (1939 г.), которое открыло собой, как теперь часто говорят, эру атомной энергии в истории человечества. Однако, как и в предыдущем случае, здесь нет резких разрывов и границ между двумя смежными этапами: новый этап уже начинает зарождаться, тогда как предыдущий еще продолжается, еще не завершился, и такое в полном смысле переходное время может продолжаться довольно долго, захватывая даже целое десятилетие.

О таком переходном времени В. И. Ленин писал в 1908 г. в связи с поисками «положительного электрона» (302), которые завершились три года спустя открытием атомного ядра Э. Резерфордом.

Вот почему и грань между вторым и третьим этапами новейшей революции в физике и во всем естествознании не следует мыслить как точную дату, до которой простирается целиком один этап и после которого начинается другой. Такой характер, как правило (за редким исключением), носят все исторические вехи вообще, в том числе и вехи в истории науки.

Есть еще одно важное соображение, требующее более осторожного подхода к данному вопросу. Речь идет о начале современной научно-технической революции, одним из первых проявлений которой явилось открытие способа технического использования атомной энергии в начале 40-х годов XX в. С этим открытием связаны первые шаги будущей кибернетики, которая как наука возникла лишь в самом конце 40-х годов. Решение практических задач использования атомной энергии потребовало создания быстродействующих вычислительных электронных устройств, а теоретическое обобщение их работы вело к созданию новой науки об управляющих и самоуправляемых машинах и шире — науки об управлении (кибернетики).

Примерно в середине XX в. в естествознании и технике развернулись во всю ширь процессы, получившие название современной научно-технической революции. В связи с этим в 40-х годах XX в. в физике начинается новейший этап в ее революции — «атомно-ядерный», который становится важным компонентом современной научно-технической революции, а

именно тем ее компонентом, который касается создания новой энергетики на основе практического использования «атомной» (т. е. внутриядерной) энергии.

Следовательно, революция в современной физике совершалась в последовательном движении человеческого познания от раскрытия сущности одного (менее глубокого) порядка к раскрытию сущности следующего (более глубокого) порядка: 1) сначала были открыты электрон и фотон, причем электрон трактовался как «классическая» частица (т. е. как миниатюрный шарик); на этой основе стала создаваться теория атомной оболочки; 2) затем была раскрыта диалектически противоречивая природа электрона и всех вообще микрообъектов, представляющих собой единство волны и корпускулы; на этой основе была завершена разработка теории атомной оболочки; 3) в последующее время продолжалось движение научного познания дальше в глубь атома, в глубь атомного ядра, открытого еще в 1911 г. Но теперь ядро оказалось в центре внимания физиков, после того, как они проникли в атомную оболочку; это вполне понятно, так как проникновение в «ядро» может быть осуществлено в полной мере только после того, как пройдена (пронизана) окружающая его «оболочка».

В настоящее время все явственнее вырисовывается начало дальнейшего продвижения человеческого познания еще глубже в атом и переход к изучению элементарных частиц, в том числе и тех, из которых, в частности, построено само атомное ядро, — нуклонов. Сейчас уже достаточно определенно выступает подготовка (а возможно, и начало) следующего (четвертого по счету) этапа революции в физике, полное раскрытие которого, очевидно, начнется с момента ныне ожидаемого открытия общей системы всех элементарных частиц и лежащей в ее основе их общей закономерности по аналогии с периодическим законом Менделеева.

Можно полагать, что, когда это ожидаемое открытие наконец совершится, революция в современной физике вступит в четвертый этап своего развития. Но теперь наметился и дальнейший возможный этап, связанный с гипотезой кварков.

Так обстоит дело с движением новейшей революции в естествознании, если ограничиться рассмотрением только одной физики. Но эта революция захватила не только физику, но и химию, и биологию, а также астрономию, геологию и другие отрасли современного естествознания, на которых мы не можем здесь подробнее останавливаться. Заметим только, что если для физики этапы революции определяются движением научного познания в глубь микрочастиц материи (атомов,

атомных ядер, элементарных частиц), то в биологии подобная же революция связана с проникновением в сущность жизни и в особенности в сущность такого важного явления и свойства всего живого, как наследственность. Раскрытие корпускулярной (атомистической) природы наследственности и проникновение в глубь ее определило главные этапы новейшей революции и в биологии, ставя тем самым современную биологию в один ряд с современной физикой.

Как показал В. И. Ленин, кризис физики, как и кризис всего естествознания (в смысле реакционных философских выводов из научных открытий), стимулируется самим прогрессом науки, т. е. революцией в ней. Поэтому смена этапов революции в физике и во всем естествознании не может не влиять на то, какие именно научные открытия пытается эксплуатировать в своих интересах реакционная философия, создавая на их основе очередную «физико»-идеалистическую моду. Если на первом этапе идеалисты философски «обрабатывали» открытие электрона, пытались обосновать «исчезновение материи», то на втором этапе они занялись подобной же «обработкой» квантовой механики и теории относительности, пытались толковать в субъективно-идеалистическом духе понятия причинности и закономерности, пространства и времени. На третьем этапе (в связи с практическим использованием атомной энергии) с особой силой распространился своеобразный неозергетизм.

Но характерно, что во всех этих случаях каждая идеалистическая мода, каждое реакционное поветрие кончалось неизбежно полным крахом, и наука стихийно становилась на правильные, по сути дела материалистические, позиции. Так, Оствальд еще в 1908 г. под влиянием открытий в области атомистики признал реальность атомов, молекул, электронов и вообще частиц материи. Тем самым он расписался в поражении своей энеггетики. Совершенно аналогичным образом завершились полным фиаско попытки дать квантовой механике субъективно-идеалистическую трактовку, которая получила в свое время название «копенгагенская интерпретация квантовой механики». От этой интерпретации в самом начале 50-х годов XX в. отошел один из основателей квантовой механики — Луи де Бройль, ставший открыто на позицию материализма. От нее стал отходить и Бор (незадолго до своей смерти). Наконец, отказался от нее и Гейзенберг, склоняющийся, однако, частично к объективному идеализму (неоплатонизму).

В настоящее время можно считать, что и неозергетическая мода исчерпала себя, поскольку в науке все прочнее ут-

верждается правильное, по сути дела материалистическое, понимание таких процессов, как аннигиляция пары (электрона и позитрона), превращение вещества в свет (электромагнитное поле) и обратный ему процесс рождения пары (из жестких фотонов), как дефект массы при ядерных реакциях, как сам фундаментальный закон современной физики — неразрывной взаимосвязи массы и энергии, открытый Эйнштейном.

Таким образом, можно считать, что кризис физики, понимаемый опять-таки как использование идеалистами новых научных открытий, вспыхивает каждый раз с новой силой, пока сами ученые еще не разобрались до конца в сущности сделанных ими открытий. После этого он идет на убыль, чтобы начаться вновь на следующем этапе революции в физике.

Очевидно, существуют постоянно действующие факторы, лежащие вне самой науки, которые заставляют кризис естествознания, кризис физики оживать снова и снова. Ленин показал, что таким фактором является сам капиталистический строй, вступивший в фазу империализма с его реакцией по всей линии. Поэтому каждый раз, когда создается благоприятная обстановка в науке (например, делается новое открытие, в котором ученые не успели еще как следует разобраться), этот постоянно действующий в странах капитализма идеологический фактор снова и снова (несмотря на предшествующие провалы и неудачи) заставляет свою служанку — реакционную идеалистическую философию приниматься за фальсификацию новых научных открытий, пока этот процесс не завершится очередным провалом. Обращаясь к русским махистам, В. И. Ленин писал: «Те глупенькие «теоретические» ухищрения (с «энергетикой», с «элементами», «интроекцией» и т. п.), которым вы наивно верите, остаются в пределах узенькой, миниатюрной школки, а идейная и общественная тенденция этих ухищрений улавливается сразу Уордами, неокритицистами, пмманентами, Лопатыными, прагматистами и служит свою службу. Увлечение эмпириокритицизмом и «физическим» идеализмом так же быстро проходит, как увлечение неокантианством и «физиологическим» идеализмом, а фидеизм с каждого такого увлечения берет себе добычу, на тысячи ладов видоизменяя свои ухищрения в пользу философского идеализма» (364).

Вполне понятно, что этот социально-классовый фактор чутко реагирует на коренные сдвиги в ходе всей современной истории: каждый новый удар, который получает современный капитализм от растущего и усиливающегося социализма, вызывает стремление усилить идеологический нажим

на материалистическое мировоззрение со стороны реакционной философии, углубить кризис науки, пытаясь вытеснить из нее материализм и заменить его идеализмом и агностицизмом.

Вот почему основные этапы современной исторической эпохи становятся этапами усиливающегося наступления идеализма на материализм в естествознании, а значит и этапами кризиса естествознания. Первый такой этап составило время от завершения перехода капитализма в стадию империализма на рубеже XIX и XX вв. до победы Великой Октябрьской социалистической революции в России. По времени это совпало примерно с первым же этапом революции в естествознании.

После отпадения России от мировой капиталистической системы идейная реакция в науке пыталась еще больше использовать в своих интересах второй этап новейшей революции в естествознании. Это привело к возникновению второго этапа кризиса физики и всего естествознания, который по времени совпал в известной мере со вторым этапом новейшей революции в науке.

Но если в странах капитализма идеологи буржуазии, напуганные победой социалистической революции в России, с утроенной силой набросились на физику и все естествознание с целью их идеалистической «обработки», то в нашей стране, как и предвидел это В. И. Ленин, кризис науки был ликвидирован на основе замены материализма старого, метафизического материализмом современным, диалектическим.

Следовательно, второй этап новейшей революции в естествознании оказался связанным в странах капитализма с дальнейшим углублением кризиса науки, а в странах социализма — с преодолением и ликвидацией этого кризиса. С этого момента философские выводы из достижений науки резко поляризуются в зависимости от социального строя, при котором они совершаются. Отдельные передовые ученые капиталистических стран (Ланжевен, Жолио-Кюри, Бернал, Стройк и другие) переходят на позиции диалектического материализма, т. е. марксистской философии.

В. И. Ленин дает анализ всем этим процессам в своей программной статье «О значении воинствующего материализма», в которой освещается продолжение не только новейшей революции в естествознании, но также и кризиса физики в странах капитализма и намечается выход из этого кризиса в нашей стране.

Совершенно аналогичным образом после второй мировой войны в условиях отпадения от капитализма уже не одной, а

целой группы стран в Европе и Азии (а затем и в Америке), идеологи буржуазии с удесятенными усилиями принялись обрабатывать на свой идеалистический лад успехи науки. В итоге этого фронт философской борьбы расширился, причем если в капиталистических странах кризис естествознания продолжает углубляться, то в странах социализма он был преодолен.

Видя, что взятые на идеологическое вооружение реакционные идеалистические школки не только не обеспечивают выполнение своих классовых функций, но и терпят поражения, идеологи буржуазии перенесли свою главную ставку с эклектических направлений (субъективно-идеалистического характера) на более последовательные в философском отношении школки объективного идеализма, связанные, как правило, уже с религиозным мировоззрением, в частности с неотомизмом как его философским выражением.

Как мы уже видели, вначале первую скрипку среди «физических» идеалистов играли махисты. Затем выступили их продолжатели — неопозитивисты (неомахисты). Однако после второй мировой войны на первый план в лагере наших философских противников, пытающихся проникнуть в естествознание, все чаще выдвигается объективный идеализм, остававшийся в тени на предыдущих этапах. Всякого рода «онтологи» (вроде Н. Гартмана), создатели религиозных концепций развития природы (вроде П. Тейяра де Шардена), неоплатоники, не говоря уже о неотомистах, пытаются сегодня вытеснять материализм из науки и заменять его идеализмом и открытой поповщиной, как пытались сделать то же самое на прошлых этапах ее развития махисты и неомахисты, которые хотели заменить материализм в науке субъективным идеализмом и агностицизмом.

Поэтому отмеченные этапы различаются не только тем, *какие физические* и вообще естественнонаучные открытия подвергаются идеалистической фальсификации, но и тем, в *духе какого идеализма* — субъективного или объективного — ведется эта фальсификация. Разумеется, субъективный идеализм среди «физических» идеалистов не отброшен полностью, но важно, что наряду с ним все большую роль в глазах наших идейных противников начинает играть объективный идеализм. Это обстоятельство обязательно надо учитывать, когда речь идет о борьбе материализма и идеализма внутри естествознания наших дней.

Итак, противоречивое развитие естествознания в наступившую на рубеже XIX и XX вв. историческую эпоху нашло свое выражение в сочетании двух взаимоисключающих мо-

ментов: революции (в естествознании) и реакции (в философских выводах из нее). Этот сложный противоречивый процесс развития науки в эпоху империализма В. И. Ленин и назвал кризисом естествознания. Сущность этого явления, специфичного именно для периода империализма, он охарактеризовал как двусторонний процесс, в котором сочетаются прогрессивные и попятные движения, революционный и реакционный моменты, наблюдающиеся в странах капитализма и в настоящее время.

Сказанное выше означает, что в отношении анализа продолжающегося кризиса современной физики, как и революции в естествознании в целом, книга Ленина в настоящее время полностью сохранила свою актуальность и боевую действенность.

Глава VI

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Эти вопросы приобрели в начале XX в. особую актуальность. С наступлением эпохи империализма и пролетарских революций обострилась до высшей степени классовая борьба во всех странах мира, и прежде всего в странах монополистического капитализма. Она находила свое отражение в борьбе основных философских партий. Поэтому особое значение имело для В. И. Ленина выявление социально-классовых корней и тенденций различных философских школ и школ, направлений и направлений, в том числе и таких, как эмпириокритицизм, эмпириомонизм, эмпириосимволизм и т. п.

Вместе с тем важно было критически разобрать то, каким образом общая субъективно-идеалистическая установка махистов проявляется в трактовке важнейших проблем общественных наук, в центре которых стоит вопрос об отношении общественного сознания к общественному бытию, т. е. главный вопрос исторического материализма.

1. Главный вопрос исторического материализма. Полное единство материализма исторического и диалектического

Центральным положением исторического материализма является признание определяющей роли общественного бытия в развитии человеческого общества, первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию,

Вслед за Марксом и Энгельсом В. И. Ленин рассматривал исторический материализм как распространение или как применение материализма к объяснению и толкованию общественных явлений, иначе говоря, как *материалистическое понимание истории*.

Поскольку исторический материализм есть применение материализма к объяснению и пониманию жизни и развития общества, постольку и здесь сохраняет свое главенствующее значение основной вопрос философии об отношении сознания к бытию, мышления к материи, субъективного к объективному. Этот вопрос конкретизируется здесь так, что под бытием, объектом понимается не природа, как в случае философского материализма, а общественное бытие, человеческое общество с его материальной основой, выступающее как объект, а под сознанием, соответственно, — общественное сознание.

В таком случае ответ на основной вопрос всякой философии с его первой стороны гласит здесь, что первичным является общественное бытие, вторичным — общественное сознание; ответ на него же со второй его стороны — что общественное сознание, будучи вторичным, способно лишь отражать собою общественное бытие, причем отражать его диалектически, т. е. так, что из суммы относительных истин и здесь складывается абсолютная истина.

Отвергая с порога все махистские ухищрения, направленные на подрыв этого центрального положения исторического материализма, Ленин писал: «Материализм вообще признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение» (346).

В своей книге В. И. Ленин показывает, во-первых, то *общее*, что имеется у философского материализма (материализма вообще) и материализма исторического, во-вторых, то *особенное*, что присуще только этому последнему, поскольку он трактует об отношении *общественного* сознания к *общественному* бытию, и, в-третьих, недопустимость изымать из этой внутренней цельной и единой марксистской философии, охватывающей собою и диалектический и исторический материализм, ни одной основной посылки, ни одной существенной части. Это последнее требование было направлено Лениным конкретно в адрес русских махистов, которые пыта-

лись ревизовать марксистскую философию, в частности и под углом отказа от материализма в понимании общественных явлений, т. е. от материалистического объяснения истории. Но оно имеет и более широкое значение, полностью относясь и к нашим дням, когда под разными предложениями происходит пересмотр центрального положения марксистской философии, которую Ленин охарактеризовал как вылитую из одного куска стали. Такой пересмотр осуществляется нашими идейными врагами, направляющими острие своей борьбы против марксистско-ленинской теории, против того ее отправного пункта, который выражает материалистическое решение основного вопроса всякой философии (с двух ее сторон) как в общемировоззренческом плане, так и особенно в плане распространения его на общественные явления.

Повторяем: исторический материализм есть, по Ленину, распространение философского материализма на объяснение общественных явлений. Напротив, субъективно-идеалистическая трактовка общественных явлений махистами — это результат применения ими к обществу основных посылок субъективного идеализма.

Именно в борьбе против субъективно-идеалистических взглядов на общество и на его развитие, против махистских тенденций в социологии В. И. Ленин развивал дальше исторический материализм как марксистскую философскую науку об обществе, как материалистическое понимание истории.

В этой связи исключительный интерес представляют ленинские высказывания относительно развития материализма «внизу» и «вверху». Здесь «внизу» означает: в области гносеологии, а «вверху» — в области понимания истории, понимания общественных явлений. И тут и там речь идет о распространении материализма на различные области познания, причем «внизу» образуется теория познания диалектического материализма (гносеологическая сторона, или функция материалистической диалектики), «вверху» — исторический материализм.

С главным вопросом исторического материализма неразрывно связан весьма существенный вопрос о соотношении или, точнее сказать, о единстве и неразрывности исторического и диалектического материализма. Надо твердо помнить, что это не два разных материализма, один исторический (именуемый иногда истматом), а другой диалектический (именуемый диаматом), а единый материализм. Их различие заключается лишь в том, что в одном случае речь идет о

материализме вообще, в том числе и в первую очередь диалектическом, а в другом случае — о нем же, но распространенном на общественные явления, на историю. Говоря о диалектическом материализме и о том, что марксистская философия есть диалектический материализм, В. И. Ленин при этом всегда подразумевал и его распространение на общество, т. е. подразумевал вместе с тем и исторический материализм. Говоря же об историческом материализме, он всегда подразумевал и диалектический материализм, равно как и материализм вообще, распространение которого на общественные явления как раз и есть исторический материализм. Из этого следует, что предмет у диалектического и исторического материализма один, но область распространения специфична: для диалектического материализма таким предметом служат наиболее общие законы движения, развития природы, общества и мышления, а для исторического материализма — эти же самые законы, но в их применении к объяснению общественных явлений, к материалистическому пониманию истории.

Иногда делаются попытки резко обособить предмет исторического материализма от предмета диалектического материализма. Например, предметом истмата, превращенного в особую дисциплину, отдельную от диамата, объявляют общесоциологические законы жизни и развития общества, истмат изображают как общее учение о социально-экономических формациях. Тем самым истмат из философского учения превращается в получастную, полуфилософскую науку, в раздел общественных наук. В действительности же общее учение о социально-экономических формациях, об общесоциологических законах развития общества по самой своей сути должно захватывать не только философскую часть марксизма-ленинизма, но и обе другие его составные части — политическую экономию и научный коммунизм. Тем самым такое учение, будучи исключительно важным, должно выступить в качестве общей части всего марксизма-ленинизма, объединяющей все три его составные части.

По поводу взаимоотношения между материализмом вообще (и диалектическим прежде всего) и материализмом историческим, по поводу их нераздельного единства и совпадения друг с другом мы находим в книге В. И. Ленина прямые указания. Так, в главе VI подчеркивается: «Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приближительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить чепепо. Сознание вообще *отражает* бытие,— это общее поло-

жение *всего* материализма. Не видеть его прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает* общественное бытие — невозможно» (343). Подчеркивая неразрывную связь между этими положениями марксизма, Ленин тем самым раскрывает полнейшее единство и нераздельность между материализмом вообще (следовательно, диалектическим в первую очередь) и материализмом историческим.

Из ленинских слов ясно видно, что философия марксизма есть материализм вообще (в данной связи — диалектический материализм), который в аспекте соотношения между общественным бытием и общественным сознанием выступает как исторический материализм, слово же «бытие» употребляется как синоним слова «материя».

2. Различные концепции тождества бытия и мышления (сознания)

По поводу тождества бытия и мышления в литературе самых различных философских направлений писалось много. При этом выявилось, что само тождество понимается двояко: одними авторами — как полное, абстрактное или абсолютное тождество, как «одно и то же»; другие авторы понимали тождество диалектически — как конкретное относительное, включающее в себя и различие, т. е. как тождество *внутри* различия и соответственно как различие *внутри* тождества.

При этом в каждом случае того или иного понимания тождества могло иметь место идеалистическое или материалистическое решение данного вопроса. В итоге получаются четыре различных варианта, которые мы и рассмотрим по порядку.

1) *Субъективно-идеалистическая позиция махизма*. Она состоит в отождествлении бытия с сознанием: есть только сознание; бытие есть тоже сознание, материя есть «комплекс ощущений». Здесь исходным является полное, понимаемое идеалистически и метафизически, т. е. абсолютное тождество, причем объект — бытие, материя, внешний мир — попросту подменяется нацело субъектом — сознанием, духом, мышлением.

Именно на такой позиции стояли махисты, за что их жестоко раскритиковал В. И. Ленин. Так, он обстоятельно разобрал субъективно-идеалистическое утверждение махиста Базарова о том, что «в данных границах чувственное представление и *есть* (курсив Базарова) вне нас существующая действительность...» (114).

По этому поводу Ленин писал: «Спрашивается, как могут люди, не сошедшие с ума, утверждать в здравом уме и твердой памяти, будто «чувственное представление (в каких бы то ни было границах, это безразлично) и есть вне нас существующая действительность»? Земля есть действительность, существующая вне нас. Она не может ни «совпадать» (в смысле: быть тем же) с нашим чувственным представлением, ни быть с ним в неразрывной координации, ни быть «комплексом элементов», в другой связи тождественных с ощущением, ибо земля существовала тогда, когда не было ни человека, ни органов чувств, ни материи, организованной в такую высшую форму, при которой сколько-нибудь ясно заметно свойство материи иметь ощущения» (115).

Этот общепhilософский тезис махизма А. А. Богданов распространил на область толкования общественных явлений. Исходя из того факта, что человек есть существо социальное и вместе с тем существо мыслящее, Богданов делал вывод: «...без сознания нет общения. Поэтому *социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно психическая*... Социальность нераздельна с сознательностью. *Общественное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны* (...Курсив Богданова)» (342).

Этот вывод, как сказано в ленинской книге, не имеет ничего общего с марксизмом. «Общественное бытие и общественное сознание не тождественны,— совершенно точно так же, как не тождественно бытие вообще и сознание вообще,— писал Ленин.— Из того, что люди, вступая в общение, вступают в него, как сознательные существа, никоим образом *не следует*, чтобы общественное сознание было тождественно общественному бытию» (343). Вступая в общение, люди в антагонистических формациях *не* сознают того, какие общественные отношения при этом складываются, по каким законам они развиваются и т. д.

«Общественное сознание,— констатирует далее Ленин,— *отражает общественное бытие* — вот в чем состоит учение Маркса» (343).

И Ленин вновь ссылается на базаровское заявление о том, что «чувственное представление *и есть* вне нас существующая действительность». «Это явный идеализм, явная теория тождества сознания и бытия,— резюмирует Ленин.— ...Эта теория тождества общественного бытия и общественно-го сознания есть *сплошной вздор*, есть *безусловно реакционная* теория. Если отдельные лица примиряют ее с марксизмом, с марксистским поведением, то мы должны признать, что эти люди лучше, чем их теории, но не оправдывать

вопиющих теоретических извращений марксизма» (343, 344—345).

В заключение своей критики богдановской теории «тождества общественного бытия и общественного сознания» В. И. Ленин показывает, что эта теория *служит* буржуазной реакции.

2) *Вульгарно-материалистическая позиция.* Она состоит в отождествлении сознания с бытием: есть только бытие; сознание тоже есть бытие, мышление есть материя. Здесь исходным является, как и в предыдущем случае, абсолютное или полное тождество бытия и сознания, но толкуемое в духе упрощенного, грубого материализма: все есть материя; сознание, ощущение и вообще психическое есть вещественное проявление материи. Так, вульгарные материалисты считали, что мозг способен мыслить подобно тому, дескать, как печень способна выделять желчь. Мысль материальна — таков их тезис, который критикует В. И. Ленин в своей книге. Он критикует и И. Диггена за допущение ошибок аналогичного рода.

Когда Дигген предлагает «расширить» понятие материи путем включения в него и нашей способности мыслить, познавать, В. И. Ленин отмечает: «Ухватиться за подобное «расширение» — значит забыть *основу* философии Диггена, признание материи за первичное, за «границу духа» (259).

Далее Ленин показывает, что такое явление не случайно. «Наши глубокомысленные махисты,— пишет он,— обходят разбор каждого отдельного положения *материалистической теории познания* И. Диггена, хватаясь за его *отступления* от нее, за неясности и путаницу. Реакционным философам И. Дигген мог понравиться потому, что он кое-где путает. Где путаница, тут и махисты, это уже само собою разумеется... «Диггенизм» в отличие от диалектического материализма есть *путаница*, есть *шаг* к реакционной философии, есть попытка создать линию не из того, что есть великого в Иосифе Диггене (в этом рабочем-философе, открывшем по-своему диалектический материализм, много великого!), а из того, что есть у него *слабого!*» (260, 261).

Ленин видит тенденцию сближения вульгарного материализма с махизмом, поскольку тот и другой признают тождество бытия и сознания, материи и мышления.

3) *Диалектическая позиция объективного идеализма.* Ответствующую концепцию развил Гегель. Он исходил из представления о конкретном или относительном тождестве бытия и мышления, но понимаемого в объективно-идеалистическом значении. У Гегеля это приобрело характер вопи-

роса о том, соответствуют ли наши мысли изучаемым нами предметам внешнего мира или нет. Агностицизм, в частности кантианство, отрицает их соответствие, а потому метафизически разрывает бытие и сознание, материю и мышление и резко противопоставляет одно другому.

В этом смысле существо агностицизма выступает как отрицание соответствия (тождества) бытия и сознания, как утверждение, что наши мысли, понятия не суть *образы* внешнего мира и его вещей. Теория иероглифов и символов, противопоставленная теории отражения, является агностической, за что она и критикуется Лениным. Ошибка Плеханова, допущенная в духе иероглифического материализма, также подвергается ленинской критике.

В. И. Ленин показывает, что махизм есть реакционный возврат к догегелевским концепциям непоследовательного, половинчатого идеализма Канта и Юма. В свое время непоследовательность агностицизма и субъективного идеализма преодолел Гегель, взгляды которого Ленин называет самым последовательным, самым развитым *идеализмом*. Современные жалкие эпигоны кантианства и юмизма мнят, что будто они уничтожили Гегеля, а на деле они попросту вернулись к повторению догегелевских ошибок Канта и Юма. «Совершенно очевидно, — разъясняет Ленин, — что Энгельс, наблюдая повторение *модной* немецкой и английской философией старых, догегелевских, ошибок кантианства и юмизма, готов был ждать добра даже *от поворота* (в Англии и в Скандинавии) к *Гегелю*, надеясь, что крупный идеалист и диалектик поможет узреть мелкие идеалистические и метафизические заблуждения» (359).

Концепция тождества бытия и мышления в гегелевском идеализме опиралась на признание, что понятия (духовные продукты) имеют объективное существование и представляют собой суть всех вещей внешнего мира, суть всей природы. Человеческие же мысли и понятия являются лишь приближением к этим абсолютным, объективным понятиям. В таком идеалистически извращенном виде выступает у Гегеля диалектическая концепция тождества бытия и мышления, в которой своеобразно, на объективно-идеалистический манер ставится вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины, о соответствии образа (человеческого познания, «понятия») объекту, под которым выступает мистическое объективно существующее понятие, выражающее сущность познаваемых человеком вещей.

Это означает, что у Гегеля диалектика совпадает с его теорией познания, и, естественно, совпадает на идеалистиче-

ский лад. Поэтому и в данном случае гегелевская философия требует такого же «переворачивания» с головы на ноги, как и во всех других случаях.

4) *Диалектико-материалистическая позиция.* Она так же, как и гегелевская, исходит из идеи конкретного тождества бытия и мышления, но понимаемого в духе последовательного материализма, как соответствие человеческих мыслей, понятий — вне и независимо от нас существующего внешнего мира — объективной реальности (материи). Признание того, что наше мышление, как и все человеческое познание дает образы, приблизительно точные копии объективно существующих вещей природы, составляет основу марксистско-ленинской теории отражения.

Эта основа теории отражения уже заключена в том положении, что диалектика и есть теория познания марксизма. Позднее (в 1913—1914 гг.) В. И. Ленин много раз возвращается к этому же положению, расширяет, разворачивает, детализирует его, усматривая в нем самую суть дела. Это мы видим в таких ленинских работах, как «Три источника и три составных части марксизма», «Карл Маркс», «Переписка Маркса с Энгельсом», и в особенности в его «Философских тетрадах», где он, в частности, писал, что логика, диалектика и теория познания материализма — это одно и то же, а потому не надо употреблять трех разных слов для их выражения.

Это обстоятельство вызвало двоякого рода недоразумения. Первое состояло в отрицании какого-либо различия в марксистской философии между диалектической, гносеологической и логической сторонами дела или постановками вопроса. Дескать, раз В. И. Ленин сказал, что это одно и то же и даже не надо трех слов, значит, тут не может быть между ними никаких различий вообще. Другими словами, их тождество стало толковаться не как относительное, конкретное, включающее в себя и различие, т. е. не диалектически, а метафизически, как абстрактное, абсолютное.

Однако в книге Ленина, при условии признания единства диалектики, логики и теории познания, всегда четко различаются соответствующие стороны (аспекты или функции) марксистской философии. Если бы это было не так, как мог бы он различать в едином философском учении марксизма — диалектическом материализме — такие его стороны, на которых делаются в различные исторические эпохи различные ударения и акцентировки: *диалектический* материализм (XIX в.) и *диалектический материализм* (XX в.)?

В данном случае речь идет именно об относительном, кон-

кретном тождестве (о единстве) указанных трех моментов марксистской философии, которые вовсе не исчезают друг в друге и не растворяются одна в другой.

Второе недоразумение происходит из неправильного определения места разбираемого положения во всей марксистской философии, во всей ее истории. Единство диалектики, логики и теории познания материализма возникло с самого начала рождения диалектического материализма. Собственно говоря, оно составило само это рождение: с того момента, когда образовалось указанное единство трех сторон (функций, аспектов) философии, возник диалектический материализм.

Поэтому указанное единство составляет самую *суть* всей марксистской философии с момента ее образования. Заслуга же Ленина в данном случае состояла в подчеркивании и показе важного значения этого единства, но, разумеется, не в том, что он его впервые ввел в марксистскую философию.

Между тем некоторые наши философы долгое время отставляли странную мысль, будто *суть ленинского этапа* развития диалектического материализма состоит в высказанной В. И. Лениным мысли о ненужности трех слов потому, что логика, диалектика и теория познания материализма — это одно и то же.

Очевидно, что *суть ленинского этапа* не может состоять в этом, она состоит в другом, и это другое можно увидеть, если не вырывать отдельных фраз из контекста ленинских мыслей, к тому же толкуя эти фразы неточно, а если брать всю совокупность ленинских трудов в их взаимосвязи, анализируя их на фоне исторической обстановки и развития науки.

Итак, в марксистской философии конкретное тождество бытия и мышления, выражаемое конкретным тождеством логики, диалектики и теории познания материализма, выступает как единство противоположностей тождества и различия.

Однако, как было показано выше, термин «тождество» (в его применении к бытию и мышлению) имеет по крайней мере четыре совершенно различных и даже диаметрально противоположных значения; поэтому каждый раз (если бы мы приняли этот термин) приходилось бы разъяснять, в каком смысле он употребляется в данном случае; это создавало бы дополнительные, причем совершенно излишние, трудности при изучении марксистской философии. К тому же самый термин «тождество» затаскан субъективными идеалистами и вульгарными материалистами.

В этих условиях закономерно возникает вопрос: зачем удерживать такой термин в нашем философском обиходе, зачем упорствовать и настаивать на нем? Существует другой, гораздо более удобный термин «единство», который как раз выражает самое основное и главное в понятии «конкретное тождество». Поэтому, как и в случае характеристики закона единства противоположностей, мы будем пользоваться термином «единство» (а не «тождество») в применении к характеристике соотношения диалектики, логики и теории познания материализма. Тогда не потребуется каждый раз давать особые разъяснения по поводу употребляемых слов.

3. Возрастание роли субъективного (духовного) фактора в истории

В современных условиях в высшей степени возросли роль и значение духовного фактора. Это связано в первую очередь с тем, что мировой революционный процесс, охвативший сотни миллионов людей, предполагает сознательное участие широких народных масс, целых народов в борьбе против империализма, за мир, демократию и социализм. Сам процесс социалистического строительства невозможен без сознательной социально-преобразующей деятельности трудящихся масс. Конкретные пути и задачи этого строительства на современном этапе четко сформулированы XXVI съездом партии, в решениях ноябрьского (1982 г.) и июньского (1983 г.) Пленумов ЦК КПСС, в выступлениях на этих Пленумах Ю. В. Андропова.

С философской точки зрения весь этот процесс можно охарактеризовать как неуклонное возрастание роли общественного сознания, т. е. субъективного (духовного) фактора в истории, который оказывает все усиливающееся обратное воздействие на породившие его материальные условия жизни общества. Хотя, конечно, сам факт усиления влияния духовного фактора на общественно-исторический прогресс в целом отнюдь не означает, что определяющая роль в этом прогрессе сейчас перешла к общественному сознанию. Как и прежде, общественное сознание *только отражает* объективный мир, общественное бытие, хотя может показаться с первого взгляда, что оно стало играть какую-то более созидательную роль. Однако это не так. В этом плане принципиально ничего не изменилось и в связи с процессом сознательного строительства нового общества: это строительство совершается не по каким-то придуманным нами законам, а по

строго объективным законам, которые присущи социалистическому обществу.

Сложней как будто обстоит дело в области науки и техники. Здесь несомненно создано такое положение, что по ряду важных научных и технических направлений, имеющих перспективный, «стратегический» характер, наука (естествознание) вырывается далеко вперед и своими достижениями определяет возможности технического и промышленного, производственного прогресса. Об этом на каждом шагу свидетельствует современная научно-техническая революция. Значит, делают поспешный вывод некоторые люди, детерминирующая роль в общем научно-техническом развитии теперь перешла от техники и производства (от материального фактора) к науке, к научному познанию (к духовному фактору).

Но это, конечно, заблуждение, результат поверхностного подхода, при котором ускользают из поля зрения наблюдателя самые важные, глубинные процессы, определяющие собой социальные связи и взаимоотношения. Именно на таком игнорировании самого важного строят свои концепции многие ревизионисты, которые толкуют современную научно-техническую революцию (ее сущность и социальный смысл) с позиций отказа от принципов исторического материализма.

Как же здесь стоит вопрос в действительности? До XX в. естествознание не достигло еще столь же высокого уровня своего развития, какой мы наблюдаем в наши дни. Оно, как правило, решало задачи, уже поставленные перед ним потребностями техники и производства. К тому же силы и вещества природы, которые изучались естествознанием и использовались в технике и промышленности, были издавна знакомы человеку. Не только механическое и тепловое движения, с которыми человечество имело дело с момента своего исторического становления, но и электричество и химия, начавшие входить в технический обиход только на рубеже XVIII и XIX вв., были в большей или меньшей степени известны человеку уже в ходе их практического применения. Повседневная жизнь и опыт производственного использования названных «сил» природы и химических веществ позволяли человеку составлять об этих «силах» и веществах предварительное, подчас довольно полное представление еще до того, как наука стала подвергать их всестороннему исследованию. Это позволяло изобретателям без прямого содействия со стороны науки, а лишь эмпирически, способом «проб и ошибок», создавать новые технические устройства. Таким способом были изобретены в XVIII в. «рабочие машины»

(прядильный, ткацкий, токарный и другие станки), а также паровая машина. Таким же в общем способом в XIX в. были изобретены телеграф и электрическое освещение.

Но уже химия в XIX в. внесла нечто новое, когда иско-мые вещества стали синтезироваться на основе химической атомистики. Однако и здесь речь шла о веществах, вполне сходных с теми, которые ранее получались из растений (али-зарин, индиго, лекарственные и парфюмерные продукты). Задача так и ставилась перед химиками: получить, т. е. из-готовить искусственным путем, то, что до тех пор извлека-лось из самой природы в химически готовом виде.

На рубеже XIX и XX вв. картина изменилась существен-ным образом: были совершенно неожиданно открыты такие новые физические явления, существование которых даже не подозревалось до тех пор — лучи Рентгена, радиоактивное излучение, а затем и другие. Конечно, технику сразу же за-интересовала перспектива практического использования громадного, казалось бы, неисчерпаемого количества энер-гии, излучаемого радием и другими радиоактивными веществ-ами. Уж если идея вечного двигателя столько времени как несбыточная мечта манила мысль изобретателей, то в откры-тии радия эта мечта получила, казалось бы, подтверждение (ограниченность запаса внутриатомной энергии была уста-новлена только позднее).

Но разве техническая мысль могла в данном случае так же, как при изобретении паровой машины XVIII в., начать действовать испытанным ею способом «проб и ошибок»? Ра-зумеется, не могла. Необходимо было сначала всесторонне изучить новое, неизвестное ранее явление, с тем чтобы рас-крыть его свойства и закономерности, найти его веществен-ных носителей, выяснить условия его протекания. Только после этого можно было переходить к постановке и решению задач технического и производственного характера.

Этот путь и был пройден новой физикой, которая берет свое начало с 1896 г., когда было открыто явление радиоак-тивности, и с 1898 г., когда супруги Кюри открыли новый химический элемент радий. Продолжался же он вплоть до 1939 г., когда была открыта реакция деления тяжелого атом-ного ядра и было доказано, что эта реакция носит цепной характер.

С этого момента техника, которая до тех пор лишь тол-кала новую физику к тому, чтобы заниматься изучением ядерных процессов, включилась непосредственно в общий научно-технический прогресс в области атомной (ядерной) энергетики; за два-три года техника вместе с физикой ре-

шила задачу практического использования атомной энергии.

Итак, несомненно, в деле изучения и технического использования ядерных процессов с целью получения атомной энергии наука (физика) шла в течение примерно 44 лет впереди техники. За этот период физика прошла примерно тот же путь, какой прошло все человечество, осваивая и познавая механическое движение и теплоту за 100 тысяч лет, если не больше. Именно эта работа физики и подготовила возможность для техники в весьма короткий срок (всего за несколько лет) решить задачу практического использования атомной энергии в так называемых «урановых котлах» (а спустя еще три года в виде атомных бомб, которые американская военщина сбросила на японские города).

Но факт, что наука шла впереди техники и прокладывала путь для технического развития, вовсе не означает, как утверждают некоторые ревизионисты, что, дескать, теперь наука сама стала движущей силой общего научно-технического прогресса, а вместе с ним и всего общественно-исторического движения. Отнюдь нет. Если бы в связи с запросами техники не возникла потребность в атомной энергии, если бы это не стимулировало постоянно физику вести фронтальное изучение ядерных явлений, то вряд ли физика так упорно и настойчиво вела бы свои исследования в данной области, разворачивая их с каждым годом все шире и шире.

В 1896 г. в результате открытия радиоактивности была найдена новая «точка роста» науки. Но для того чтобы эта «точка роста» могла реализовать скрытые в ней возможности, т. е. начать расти и расширяться, нужен был постоянный источник (импульс), питающий эту «точку роста» и обеспечивающий ее рост. Таким источником в XX в. служили потребности техники и производства, как это было во все предшествующие исторические эпохи. Такую же картину можно наблюдать и в других областях современного естествознания и современной техники: космонавтики, кибернетики, квантовой электроники (лазерная техника), макрохимии (химия полимеров и биополимеров) и других.

Таким образом, современная научно-техническая революция, вопреки заявлениям ревизионистов и открытых врагов марксизма, не дает никаких оснований для идеалистических выводов из нее. Напротив, вновь и вновь на новом конкретном историческом материале подтверждается центральное положение исторического материализма о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, при возрастании активной роли духовного фактора (в том числе и

научного познания) в современном общественном развитии.

Но если в гносеологическом (и историко-материалистическом) отношении современная научно-техническая революция не дает никаких аргументов в пользу идеализма, в пользу утверждения, что духовное (наука, научное познание), дескать, первично, а материальное (техника и производство), дескать, вторично, то этим отнюдь не исчерпываются все отношения между духовным (идеальным) и материальным, вытекающие из современного научно-технического прогресса. За пределами гносеологической постановки вопроса мы постоянно обнаруживаем сложные процессы перехода материального в идеальное (например, при открытии новых законов природы — под воздействием технических запросов — и их выражения в форме научных понятий) и обратного перехода идеального в материальное (при «овеществлении» законов естествознания и их техническом воплощении).

Именно эти взаимные переходы между материальным и идеальным и нашли свое яркое выражение в формуле Маркса о науке (речь идет о естествознании в первую очередь) как непосредственной производительной силе.

Теоретически это положение в его общей форме было рассмотрено в ленинской книге. Здесь говорится: «Конечно, и противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна» (151).

Дальше В. И. Ленин в связи с критикой ошибочного отождествления И. Дидгеном сознания с материей говорит о противопоставлении материи духу: «Что это противопоставление не должно быть «чрезмерным», преувеличенным, метафизическим, это бесспорно (и в подчеркивании этого состоит большая заслуга *диалектического* материалиста Дидгена). Пределы абсолютной необходимости и абсолютной истинности этого относительного противопоставления суть именно те пределы, которые определяют *направление* гносеологических исследований. За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» (259).

В «Философских тетрадах» В. И. Ленин еще подробнее раскрывает и развивает этот тезис. Он пишет, что мысль о превращении идеального в материальное очень глубока; это

важно и в истории и в личной жизни человека, будучи направлено против вульгарного материализма. В этих словах раскрывается то, что конкретно Ленин имел в виду, говоря об относительном характере противопоставления материи духу. Несомненно, он подразумевал, в частности, способность идеального (в том числе и науки, научного познания) переходить в материальное, то есть «овеществляться», когда познанные нами законы природы воплощаются в технических изобретениях. Такое «превращение» идеального в материальное как раз и составляет основу понятия науки как непосредственной производительной силы общества.

Таким образом, анализ современной научно-технической революции дает новый интереснейший материал для конкретизации общефилософских положений Ленина, касающихся взаимоотношений между материей и духом.

Кстати сказать, на только что рассмотренном примере можно видеть, как тесно взаимосвязаны между собой книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и его «Философские тетради».

4. Против смещения социального с биологическим и физическим

Буржуазная общественная и философская наука характеризуется, в частности, тем, что многие ее представители смешивают качественно совершенно разные явления, делая это в духе механицизма, который стирает качественные грани между разными процессами и сводит одни процессы к другим, сложные и высшие формы движения к более простым и низшим. В частности, они сводят явления и закономерности общественной жизни к явлениям и закономерностям природы. При этом одни сводят социальное к биологическому (например, социал-дарвинисты), другие — к физическому (например, энергетики).

Так, махисты обвиняли марксистскую теорию политической экономии в том, что она «небиологична», тогда как, по Богданову, «общественные формы принадлежат к обширному роду — биологических приспособлений». В другом месте Богданов дает «биологическое» толкование понятия прогресса: «Биологически *прогрессом называется возрастание суммы жизни*».

«Нечего и говорить, — пишет в связи с этим В. И. Ленин, — что во всей этой игре в биологию и социологию нет ни *грана* марксизма. У Спенсера и у Михайловского можно найти сколько угодно ничуть не худших определений, ниче-

го не определяющих, кроме «благонамеренности» автора, и показывающих *полное непонимание* того, «что такое идеализм» и что такое материализм» (347).

Характеризуя подмену социального биологическим, он приводит следующую выдержку из письма Маркса к Кугельману: «Дело в том, что г. Ланге сделал великое открытие,— пронизирует Маркс.— Всю историю можно подвести под единственный великий естественный закон. Этот естественный закон заключается во *фразе* «Struggle for life» — борьба за существование (выражение Дарвина в этом употреблении его становится пустой фразой), а содержание этой фразы составляет мальтусовский закон о населении или, вернее, о перенаселении. Следовательно, вместо того, чтоб анализировать эту «Struggle for life», как она исторически проявлялась в различных общественных формах, не остается ничего другого делать, как превращать всякую конкретную борьбу во фразу «Struggle for life», а эту фразу в мальтусовскую фантазию о населении. Нужно согласиться, что это очень убедительный метод для напыщенного, притворяющегося научным, высокопарного невежества и лени мысли» (349).

Ленин разъясняет, что основа критики взглядов Ланге Марксом состоит не в том, что «Ланге подсовывает специально мальтузианство в социологию, а в том, что перенесение биологических понятий *вообще* в область общественных наук есть *фраза*. С «хорошими» ли целями предпринимается такое перенесение или с целями подкрепления ложных социологических выводов, от этого фраза не перестает быть фразой» (349).

Совершенно очевидно, что мальтузианство является именно частным случаем подмены понятий социальной науки биологическими понятиями. Но отсюда вовсе не следует, что сами по себе ложны соответствующие биологические понятия, используемые в целях подмены понятий общественной науки, например что ложны понятия «борьба за существование» и «внутривидовая борьба» или же ложно понятие «относительное перенаселение» *в применении к природе*. Такой вывод облегчал бы и упрощал бы борьбу против мальтузианства в области социологии, но всю эту борьбу направлял бы по заведомо неверному направлению, так как ложным объявлялась бы не подмена социального биологическим, а сами по себе биологические представления.

Совершенно аналогично в принципе обстоит дело с подменой социального физическим. Формулируя «основную связь энергетики и общественного подбора», Богданов писал:

«Всякий акт общественного подбора представляет из себя возрастание или уменьшение энергии того общественного комплекса, к которому он относится. В первом случае перед нами «положительный подбор», во втором — «отрицательный»».

«И подобный несказанный вздор выдается за марксизм! — возмущается Ленин. — Можно ли себе представить что-нибудь более бесплодное, мертвое, схоластичное, чем подобное нанизывание биологических и энергетических словечек, равно ничего не дающих и не могущих дать в области общественных наук?» (347).

«Не в том суть, — продолжает Ленин, — что Богданов при этом *все* свои итоги и выводы подгоняет под Маркса, или «почти» все... — а в том, что *приемы* этого подгоняния, этой «социальной энергетике» сплошь фальшивы и равно ничем не отличаются от приемов Ланге» (348—349).

Выкрутасы «социальной энергетике», как показывает Ленин, «кажутся «углубляющими» вопрос, а на деле *ни на волос* не отличаются от эклектических биолого-социологических попыток Ланге и К^о!..» (348). «Социальная энергетика» и присоединение к марксизму учения об общественном подборе есть только фраза. «Как в гносеологии Мах и Авенариус не развивали идеализма, а загромождали *старые* идеалистические ошибки претенциозным терминологическим вздором («элементы», «принципиальная координация», «интросекция» и т. д.), так и в социологии эмпириокритицизм ведет, даже при самом искреннем сочувствии к выводам марксизма, к искажению исторического материализма претенциозно-пустой энергетической и биологической словесностью» (349—350).

Социальный дарвинизм — это только одна из разновидностей, правда наиболее распространенная и типичная, смешения социального и природного, в данном случае биологического. Его порочность проистекает из того, что смешиваются и подменяются друг другом явления качественно совершенно различного порядка, подчиняющиеся качественно различным закономерностям. Это есть проявление механицизма, который сводит высшее к низшему, целое к сумме его частей, качество к количеству. Диалектика столь же противоположна и непримирима с механицизмом, как и с метафизикой вообще: ведь механицизм есть только одно из проявлений метафизики.

Вместе с тем социальный дарвинизм носит явно идеалистический характер, подобно тому как в общем случае механицизм и метафизика служат гносеологическим источни-

ком философского идеализма. В самом деле, отрицая реальные законы общественной жизни, специфические именно для исторического развития человечества, и подменяя их биологическими законами, которым общественные явления не подчиняются, социал-дарвинисты тем самым представляют жизнь и движение общества как протекающие случайным образом, как лишенные вообще своей внутренней закономерности, своей необходимости. И хотя социал-дарвинисты утверждают, что общественные явления имеют, дескать, какие-то законы, но в действительности это отнюдь не те законы, которым реально следуют социальные явления. Значит, в итоге получается так, что эти явления оказываются в трактовке социал-дарвинистов незакономерными, как это и утверждают многие идеалисты в отношении всех явлений мира вообще.

Смещение социального и биологического бывает и тогда, когда биологическое подменяется социальным, т. е. когда на живую природу столь же незакономерно переносится то, что присуще только общественной жизни.

5. Принцип партийности в философии

Принцип партийности в марксистско-ленинской философии означает прежде всего решительное и последовательное отстаивание линии материализма и столь же решительную борьбу против линий идеализма и агностицизма, в какой бы форме они ни выступали. Он требует умения находить истинное лицо идеалиста под любым прикрытием, какую бы личину философский противник материализма на себя ни надевал.

Следовательно, принцип партийности в данном случае означает не только защиту материализма, но и способность открывать замаскированного философского противника, срывать с него маску. Уже в предисловии к первому изданию своей книги В. И. Ленин ярко отразил один из важных аспектов принципа партийности, когда определил цель книги: «...в настоящих заметках я поставил себе задачей разыскать, на чем свихнулись люди, преподносящие под видом марксизма нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное» (11).

В развернутом виде принцип партийности в философии сформулирован Лениным в разделе «Партии в философии и философские безголовцы» (глава VI). Здесь сказано: «Маркс и Энгельс от начала и до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от материализма и

поблажки идеализму и фидеизму во всех и всяческих «новейших» направлениях. Поэтому *исключительно* с точки зрения выдержанности материализма оценивали они Гексли. Поэтому Фейербаха упрекали они за то, что он не провёл материализма до конца,— за то, что он отрекался от материализма из-за ошибок отдельных материалистов,— за то, что он воевал с религией в целях подновления или сочинения новой религии,— за то, что он не умел в социологии отделаться от идеалистической фразы и стать материалистом» (360).

Открытое, последовательное проведение линии материализма в философии — это и есть проведение принципа партийности в ней, ибо *ничего другого* в применении к философии этот принцип в себе не содержит. Всякая попытка изобразить его как защиту не материализма, а какой-либо конкретной естественнонаучной концепции приводит к его искажению, к подмене чем-то чуждым, несовместимым с ним.

Принцип партийности в философии Ленин последовательно проводил всегда и во всем, в том числе применительно к физике. Но здесь он вовсе не становился на сторону какой-либо конкретной физической теории, отвергая другую, противоположную ей, но тоже физическую теорию; он прослеживал исключительно *гносеологическую линию*, которая разделялась и отстаивалась представителями тех или иных физических концепций. «Само собою разумеется,— писал он,— что, разбирая вопрос о связи одной школы новейших физиков с возрождением философского идеализма, мы далеки от мысли касаться специальных учений физики. Нас интересуют исключительно гносеологические выводы из некоторых определенных положений и общеизвестных открытий» (266).

Так учение об энергии («энергетика») в качестве физической теории может быть изложено и развито как на почве материализма, что делает подавляющее большинство физиков, так и на почве идеализма и агностицизма, что делали Мах и махисты, Оствальд и его последователи «энергетисты». «В терминах «энергетики» так же можно выразить материализм и идеализм (более или менее последовательно, конечно), — писал Ленин, — как и в терминах «опыта» и т. п.» (289—290).

Ленин подчеркивал, что физики различных школ, придерживающиеся противоположных философских направлений — материализма и идеализма — одни не менее удачно, нежели другие, систематизируют факты и открытия своей

науки, иначе говоря, проводят теоретические обобщения опытных данных современной физики. «...Существенная разница состоит *«только»* в гносеологической точке зрения», — резюмирует Ленин (307).

Это касается и всех остальных естественных и математических наук. В своем конкретном естественнонаучном содержании эти науки так или иначе отражают законы природы, как существующие вне человека и независимые от его сознания. Но в гносеологических выводах, которые делаются из различных теорий, здесь обнаруживаются те же две основные тенденции — материалистическая или идеалистическая, какие вскрыл и проследил Ленин в физике начала XX в.

Вот почему никакого отношения к принципу партийности в философии в его ленинском понимании не имели и не имеют утверждения, будто одни какие-то определенные физические, биологические или какие-либо иные естественнонаучные воззрения — сами по себе, по своему специальному содержанию — являются материалистическими, а другие, противоположные им в том же специальном смысле, идеалистическими. Так, некоторые физики и философы когда-то заявляли, будто теория относительности и квантовая механика как специально физические теории являются-де идеалистическими, тогда как материалистической является будто бы лишь классическая физика. Поэтому, исходя якобы из принципа партийности в философии, предлагалось объявлять идеалистическими все квантово-релятивистские представления современной физики и отвергать их, а признавать лишь представления классической физики. Тем самым материалистам следовало бы, согласно таким установкам, вернуться вспять к физике XIX века и даже еще более ранних исторических эпох. Подобный вульгаризаторский взгляд не имеет ничего общего с ленинскими воззрениями.

Принцип партийности, разумеется, не несет никакой ответственности за то, что некоторые физики, биологи, философы употребляли его неправильно, прикрывая свои антиленинские, антимарксистские позиции фальшивыми ссылками на этот принцип.

Принцип партийности в философии исходит из признания *непримиримости* двух основных, борющихся между собой философских направлений — материализма и идеализма. Непримиримость этих направлений определяет собой отношение к каждому из них со стороны Маркса, Энгельса и Ленина. «Гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, — писал Ленин, — что в течение очень долгого перио-

да, почти полустолетия, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии, не топтались на повторении решенных уже гносеологических вопросов, а проводили последовательно,—показывали, как надо проводить тот же материализм в области общественных наук, беспощадно отменяя, как сор, вздор, напыщенную претенциозную галиматью, бесчисленные попытки «открыть» «новую» линию в философии, изобрести «новое» направление и т. д. Словесный характер подобных попыток, схоластическую игру в новые философские «измы», засорение сути вопроса вычурными ухищрениями, неумение понять и ясно представить борьбу двух коренных гносеологических направлений,—вот что преследовали, травили Маркс и Энгельс в течение всей своей деятельности» (356 — 357).

Непримиримость материализма и идеализма делает обреченными на полный провал всякие попытки создать между ними нечто среднее, берущее кусочки от одного и от другого основного философского направления и эклектически соединяющего эти кусочки между собой. Подобная эклектика отвергается Лениным в принципе, в самом исходном пункте именно потому, что материализм и идеализм абсолютно исключают друг друга.

В. И. Ленин приводит слова И. Дицгена, который перенял принцип партийности в философии как величайшую традицию своих учителей — Маркса и Энгельса. «Из всех партий,—справедливо говорил наш Иосиф Дицген,—самая гнусная есть партия середины... Как в политике партии все более и более группируются в два только лагеря,... так и наука делится на два основных класса (Generalklassen): там — метафизики, здесь — физики или материалисты*. Промежуточные элементы и примиренческие шарлатаны со всяческими кличками, спиритуалисты, сенсуалисты, реалисты и т. д. и т. д., падают на своем пути то в то, то в другое течение. Мы требуем решительности, мы хотим ясности. Идеалистами** называют себя реакционные мракобесы (Retraitebläser), а материалистами должны называться все те, которые стремятся к освобождению человеческого ума от метафизической тарабарщины... Если мы сравним

* И здесь неловкое, неточное выражение: вместо «метафизики» надо было сказать «идеалисты». И. Дицген сам противопоставляет в других местах метафизиков диалектикам (примечание В. И. Ленина).

** Заметьте, что И. Дицген уже поправился и объяснил точнее, какова партия врагов материализма (примечание В. И. Ленина).

обе партии с прочным и текучим, то посредине лежит нечто кашеподобное» (360 — 361).

Ленину чрезвычайно понравились эти дицгеновские оценки и квалификации. Он делает одобрительное замечание по поводу приведенной цитаты: «Правда! «Реалисты» и т. п., а в том числе и «позитивисты», махисты и т. д., все это — жалкая каша, презренная *партия середины* в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление. Попытки выскочить из этих двух коренных направлений в философии не содержат в себе ничего, кроме «примиренческого шарлатанства» (361).

Когда порой раздаются голоса в пользу примирения материализма и идеализма, то лучшим ответом на подобные попытки «примирять» непримиримое могут служить эти ленинские слова, сказанные в связи с оценкой И. Дицгеном «презренной партии середины».

6. Отношение к религии

Касаясь реакционной роли махизма и подобных ему философских школ и школок, В. И. Ленин писал: «Утонченные гносеологические выверты какого-нибудь Авенариуса остаются профессорским измышлением, попыткой основать маленькую «свою» философскую секту, а *на деле*, в общей обстановке борьбы идей и направлений современного общества, *объективная* роль этих гносеологических ухищрений одна и только одна: расчищать дорогу идеализму и фидеизму, служить им верную службу» (362).

Далее Ленин подчеркивает ту же мысль, когда сопоставляет то, как относится махизм к науке и к религии: «Отношение к религии и отношение к естествознанию превосходно иллюстрирует это *действительное* классовое использование буржуазной реакцией эмпириокритицизма» (364). Ленин показывает, что те «теоретические» ухищрения (с «энергетикой», с «элементами», с «интроспекцией» и т. п.), которым махисты наивно верят, остаются в пределах узенькой школки, а их идейная направленность и классовый смысл улавливаются сразу открытыми реакционерами и *служат своей* службе.

Эту мысль Ленин выразил чрезвычайно ярко и образно в следующих словах: «Философия естествоиспытателя Маха относится к естествознанию, как поцелуй христианина Иуды относился к Христу. Мах точно так же предает естествозна-

ние фидеизму, переходя по существу дела на сторону философского идеализма. Отречение Маха от естественноисторического материализма есть во всех отношениях реакционное явление...» (369—370).

Здесь Ленин выдвигает исключительно важное положение о том, что махизм («партия середины») выступает как своеобразный «приводной ремень», тянущийся от фидеизма к естествознанию. Действие этого ремня осуществляется под прикрытием фальшивой вывески мнимой беспартийности, нейтральности махизма по отношению к религии. Он приводит высказывания самих махистов по этому поводу: эмпириокритицизм «не противоречит ни теизму, ни атеизму» (Петцольдт), «религиозные мнения частное дело» (Мах). «Нейтральность философа в этом вопросе уже есть лакейство пред фидеизмом...» — констатирует Ленин (365).

Вопрос о партийности в философии Ленин трактует в тесной связи с вопросом об отношении к религии; по его словам, он «расширяется до вопроса о том, есть ли, вообще, партии в философии и какое значение имеет беспартийность в философии» (356).

Рассмотрев отношение махизма к религии, В. И. Ленин выявляет отношение к науке непосредственно самого фидеизма, самой религии. Фидеизм стремится не входить в конфликт с наукой и не ставить себя в непримиримое положение по отношению к ней. Напротив, он старается так провести размежевку «сфер влияний» — своего и научного, в итоге которой за наукой сохраняется занятие специальными вопросами естественнонаучного исследования, но она лишается права на философские выводы из полученных ею данных, на методологические обобщения, на научную идеологию. «Современный фидеизм вовсе не отвергает науки, — констатировал Ленин, — он отвергает только «чрезмерные претензии» науки, именно, претензию на объективную истину. Если существует объективная истина (как думают материалисты), если естествознание, отражая внешний мир в «опыте» человека, одно только способно давать нам объективную истину, то всякий фидеизм отвергается безусловно. Если же объективной истины нет, истина (в том числе и научная) есть лишь организующая форма человеческого опыта, то этим самым признается основная посылка поповщины, открывается дверь для нее, очищается место для «организующих форм» религиозного опыта» (127).

Взаимоотношения между религией и наукой, фидеизмом и естествознанием имеют длительную историю; их история свидетельствует о том, что религия всегда пыталась подчи-

нить науку, поставить ее себе на службу, лишить ее присущего ей философского фундамента, каким изначально служил и служит естествознанию философский материализм. Наука же, напротив, становясь наукой, стремилась вырваться из тенет религии, эмансипироваться от нее, стать независимой от теологических воззрений.

В последнее время в связи с распространением различных течений объективного идеализма и всякого рода «онтологических» учений (неотомизма, неоплатонизма и т. п.) вопрос об использовании естественных наук в интересах религии приобрел особую значимость для теологии. «Онтология», как один из модных вариантов объективного идеализма, начинает вытеснять утративший былую моду субъективный идеализм в его наиболее типичном выражении — неопозитивизме.

В качестве яркого примера такого вытеснения может служить учение теолога-естествоиспытателя П. Тейяра де Шардена. Видный ученый, антрополог, эволюционист, участник исследований доисторического предка человека в Китае — синантропа, Тейяр де Шарден создал целую концепцию эволюции природы и человека, которую он изложил, в частности, в книге «Феномен человека».

Если охарактеризовать его концепцию коротко, то можно сказать, что она переносит бога, стоящего обычно в начале эволюционного развития природы и человечества в качестве их творца, в самый конец, где бог выступает в качестве конечной цели, к которой стремится якобы весь процесс развития природы и самого человечества. Перефразируя в данном случае ленинские слова, можно было сказать так: изучение эволюционного процесса развития природы и человечества Тейяр де Шарден оставляет естествознанию, но за религией он сохраняет право определять целенаправленность этого процесса, его внутренний «смысл», его основную «идею», его «конечную цель».

Так сегодня фидеизм пытается найти способ мирного сожительства с наукой. О фидеизме начала XX в. В. И. Ленин писал: «Бóльшего, чем объявления понятий естествознания «рабочими гипотезами», современный, культурный фидеизм... не думает и требовать. Мы вам отдадим науку, гг. естествоиспытатели, отдайте нам гносеологию, философию, — таково условие сожительства теологов и профессоров в «передовых» капиталистических странах» (297).

Суть дела за истекшие с тех пор десятилетия не изменилась: современные реакционеры от философии — фидеисты и их прямые союзники — готовы заключать точно такие же

сделки с теми естествоиспытателями, которые склоняются к буржуазной философской моде.

Как видим, вопросы исторического материализма и общественных наук занимают важное место в ленинской книге. От начала и до конца, от первой и до последней ее страницы она пронизана принципом партийности в философии (а в главе VI он рассмотрен детально, как важнейший принцип марксистской философии). Принцип партийности выступает здесь как инструмент марксистской философии при решении ею важнейших задач конструктивного и критического характера. С ним нераздельно связано рассмотрение всей истории философии и ее современного состояния под углом зрения борьбы основных философских направлений — материализма и идеализма. Именно он является руководящим принципом во всем ленинском анализе многочисленных философских школ и школок и весьма запутанных философских ситуаций, возникших на рубеже XIX и XX вв. в философии, естествознании и общественной науке.

Без изучения тех разделов книги, которые специально посвящены историческому материализму и общественным наукам, нет и не может быть полноты понимания этого знаменитого труда В. И. Ленина и его важнейших положений.

* * *

Завершая анализ проблематики ленинской книги, нужно особо остановиться на «Заключении». Оно содержит *четыре пункта*, показывающие, с каких «четырех точек зрения должен подходить марксист к оценке эмпириокритицизма» (379). Эти точки зрения являются общеметодологическими принципами критического анализа не только махизма, но и всей современной реакционной философии в целом и каждого отдельного ее направления в частности. В «Заключении» дана сжатая характеристика общих принципов марксистской критики враждебных марксизму философских течений. Вместе с тем оно представляет собой резюмирование главного содержания всей ленинской книги.

Первый пункт его кратко подытоживает содержание первых трех глав книги, носящих общее заглавие: «Теория познания диалектического материализма и эмпириокритицизма». Этот вопрос, отраженный в самом заглавии первых трех глав книги, красной нитью проходит через все их содержание. Соответственно этому в «Заключении» указывается, что прежде всего надо было сравнить теоретические основы эмпириокритицизма и диалектического материализма. Такое сравнение «показывает по всей линии гносеологических во-

просов *сплошную реакционность* эмпириокритицизма, прикрывающего новыми вывертами, словечками и ухищрениями старые ошибки *идеализма и агностицизма*» (379). Это доказывает абсолютную недопустимость какого-либо «соединения» его с марксизмом.

Во *втором пункте* резюмируется то, что сказано в главе IV, которая называется «Философские идеалисты, как соратники и преемники эмпириокритицизма». Она начинается так: «До сих пор мы рассматривали эмпириокритицизм, взятый в отдельности. Теперь следует посмотреть на него в его историческом развитии, в его связи и соотношении с другими философскими направлениями. На первое место здесь выдвигается вопрос об отношении Маха и Авенариуса к Канту» (202). Соответственно этому в «Заключении» определяется «место эмпириокритицизма, как одной очень маленькой школки философов-специалистов, среди остальных философских школ современности. Начав с Канта, и Мах и Авенариус пошли от него не к материализму, а в обратную сторону...» (379).

Третий пункт касается связи махизма с одной небольшой реакционной школой в физике — «физическим» идеализмом. Здесь обобщается содержание главы V книги, в которой Ленин, прослеживая борьбу между материализмом и идеализмом, развернувшуюся вокруг новейших открытий в физике, анализирует расстановку философских сил и показывает, что силы материалистического лагеря в естествознании намного превосходят силы философской реакции. Вскрывая фальшь разглагольствований насчет того, будто философия Маха есть «новейшая философия естественных наук» или «философия естествознания XX века», Ленин подчеркивает, что «махизм связан идейно только с *одной школой в одной отрасли современного естествознания*» (321). То же самое подчеркивается и в других главах книги. В главе IV отмечается «на редкость правдивое признание Маха, что *очень немногие* естествоиспытатели принадлежат к сторонникам якобы «новой», на деле очень старой, юмистско-берклианской философии» (218). В главе VI снова приводится это признание Маха наряду с позднейшим его же признанием, что «большинство естествоиспытателей держится материализма» (368). Борьбу «физических» идеалистов с *большинством* естествоиспытателей, остающихся на точке зрения «старой» (т. е. материалистической) философии, Ленин иллюстрирует сопоставлением Э. Геккеля с Махом. «На стороне материализма неизменно стоит подавляющее большинство естествоиспытателей как вообще, так и в данной специальной отрасли, имен-

но: в физике» (380). Указывая, что «физический» идеализм есть кратковременное увлечение реакционной модой, Ленин предвидит неизбежность его поражения в ходе дальнейшего развития науки и разрешения борьбы между материализмом и идеализмом в пользу первого.

Наконец, *четвертый пункт* обобщает важнейшие положения главы VI, где с позиций материалистического понимания истории дана классовая характеристика борьбы материализма и идеализма как основных *партий* в философии, борьба которых выражает в конечном счете идеологию враждебных классов современного общества, показано, что идеализм является важным средством сохранения и поддержания религии. Ленин писал: «Увлечение эмпириокритицизмом и «физическим» идеализмом так же быстро проходит, как увлечение неокантианством и «физиологическим» идеализмом, а фидеизм с каждого такого увлечения берет себе добычу, на тысячи ладов видоизменяя свои ухищрения в пользу философского идеализма.

Отношение к религии и отношение к естествознанию превосходно иллюстрирует это *действительное* классовое использование буржуазной реакцией эмпириокритицизма» (364). В «Заключении» это чрезвычайно важное положение сформулировано следующим образом: «Объективная, классовая роль эмпириокритицизма всецело сводится к прислужничеству фидеистам в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности» (380).

Все, изучающие ленинскую книгу, должны *учиться овладевать ленинским методом* борьбы против любых врагов философии марксизма, методологическими основами и приемами ленинской критики идейных противников. Ленин учил, что только та борьба будет эффективной, успешной и только та критика будет достигать поставленной цели — разоблачения и разгрома враждебных философских течений, которая ведется: 1) путем противопоставления им диалектического материализма по всем вопросам, 2) путем их рассмотрения диалектически, т. е. в их развитии, движении, в их связи с другими философскими течениями, в их отношении к современному естествознанию, и 3) на основе принципа партийности в философии. Именно этому читатель должен учиться у В. И. Ленина, изучая его книгу.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КНИГИ В. И. ЛЕНИНА

Проведенный в части I анализ проблематики ленинской книги свидетельствует, что она многопланова, чрезвычайно богата по своему содержанию.

Те, кто изучает книгу В. И. Ленина, часто задают вопросы и требуют разъяснения встречающихся в ней отдельных положений и формулировок, а также терминов, в частности таких, которые были приняты в науке много лет тому назад, но теперь уже или совсем не употребляются, или употребляются в ином смысле. Особенно часто такие вопросы возникают при сопоставлении ленинской книги с современным состоянием философских и естественных наук, с борьбой между материализмом и идеализмом, которая происходит в наше время. Часть из этих вопросов обусловлена недостаточным знакомством читателей с некоторыми особенностями той исторической обстановки, в которой создавалась книга Ленина, с характеристикой тех или иных философов или естествоиспытателей, взгляды которых Ленин обсуждает и подвергает критическому анализу. Это относится также и к характеристике тех или иных научных открытий, сделанных на рубеже XIX и XX вв., и их философскому толкованию.

Другого рода вопросы вызваны тем, что в нашей философской литературе встречаются иногда неточные термины, понятия, выражения, которые трудно согласовать с тем, что сказано в ленинской книге. Неточная, а порой явно неверная терминология чаще всего результат недоразумения, непонимания тем или иным исследователем действительного смысла того или иного философского понятия. Но бывает и так, что, претендуя на новое слово в марксистско-ленинской науке, некоторые авторы фактически отходят от взглядов и положений Ленина. Результаты подобного «новаторства» оказываются безуспешными и ведут только к путанице. Нако-

нец, имеет место в отдельных случаях некритическое заимствование модной терминологии из современной немарксистской литературы.

Ниже даются ответы на вопросы, которые, как показывает опыт, наиболее часто возникают у изучающих книгу Ленина. В первых главах II части мы затрагиваем преимущественно те из них, которые касаются физики и химии. Особое место занимают ответы на вопросы, связанные с характеристикой предмета марксистско-ленинской философии; акцентируется внимание на некоторых формулировках, касающихся отношения мышления к бытию, включая и активную роль сознания в познавательной, теоретической и преобразующей, практической деятельности человека.

Вопросы, близкие между собой по своему содержанию, ради удобства группируются по главам. Добавим, что в этой части пособия нам часто придется возвращаться в порядке ответов на вопросы к тем или иным положениям, которые были уже рассмотрены в его I части.

Глава VII

ПРОТИВ СМЕШЕНИЯ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ, ПРОТИВ ИХ МАХИСТСКОГО ТОЛКОВАНИЯ

1. Мнимое «физическое» понятие материи

Вопрос. Существует ли особое «физическое понятие материи», которое будто бы ввел В. И. Ленин для разграничения философского (гносеологического) ее понятия и физических представлений о ее свойствах и строении? Если нет, то чем вызвано утверждение некоторых авторов о том, будто он ввел «физическое», или «естественнонаучное», понятие материи? (к с. 131 и 274).

Ответ. Никакого особого «физического понятия материи», отличного от философского, В. И. Ленин никогда не вводил. Материя — это все то, что нас окружает, находясь вне нас, все, что от нас не зависит, дается нам в ощущениях и отражается нашим сознанием. Физика и вообще естествознание занимаются изучением конкретных свойств, сторон и видов материи. Эти свойства и виды материи ни в отдельности, ни взятые вместе не охватывают собой и никогда не смогут охватить в будущем, несмотря на какой угодно прогресс науки, материи в целом, во всех ее бесконечных проявлениях, свойствах и сущностях.

Поэтому любое так называемое «физическое понятие материи» или «физическое определение материи», по сути дела, оказывается ограниченным, неполным, неспособным охватить *всю* объективную реальность, иначе говоря, *всю* материю, а всегда было, есть и будет определением не самой материи как объективной реальности, взятой во всей ее полноте, а лишь частных ее сторон и проявлений.

Нельзя смешивать вопрос о всей реальности вообще с вопросом об отдельных, частных ее определениях. Путаница получается, когда вводятся два самостоятельных понятия материи: гносеологическое и «физическое». В первом случае имеется в виду *материя* как *вся* объективная реальность, и только такое по объему понятие соответствует понятию материи; во втором случае подразумевается тот *предел знания* свойств и видов материи, который в данный момент достигнут наукой, особенно физикой, изучающей конкретные явления природы и свойства ее тел.

Понятие материи может быть только *одно*, если, повторяем, под материей понимать *всю* объективную реальность, взятую без всяких ограничений, как ее понимал Ленин. Никаких двух понятий материи не существует, и никогда Ленин не предлагал вводить что-либо подобное в марксистскую философию. Критикуя махистов, он прямо писал, что недопустимо подменять гносеологическую постановку вопроса — естественнонаучной. Любое положение физики, естественно, может устареть, уступить место более совершенным представлениям. Но если подменить философские понятия физическими, то отсюда неизбежно последует вывод, что вместе с устареванием специально физических взглядов на строение материи и на ее свойства должно «устаревать» будто бы и само понятие материи как философской категории и что на этом «основании» от него надо отказаться. Поэтому нельзя подменять философское понятие материи какими-либо вообще физическими представлениями: ведь первое сохраняет свою силу при любых открытиях физики, поскольку никакие ее открытия не могут поколебать положение, что существует вне человека объективная реальность, отражаемая в его сознании.

Избежать путаницы понятий, подмены гносеологического вопроса чисто физическим можно только при том условии, если гносеологический вопрос будет ставиться четко и определенно применительно к любому физическому объекту, к любому виду материи. Говоря о философском понятии материи, В. И. Ленин подчеркивал: «Чтобы поставить вопрос с единственно правильной, т. е. диалектически-материалисти-

ческой, точки зрения, надо спросить: существуют ли электроны, эфир и так далее вне человеческого сознания, как объективная реальность или нет?» Естествоиспытатели, отмечал он, без колебания отвечают *да*, и этим решается вопрос в пользу материализма, ибо понятие материи «не означает гносеологически *ничего иного*, кроме как: объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им» (276).

Ленин, тщательно разбирая этот вопрос, вскрывает логическую ошибку, допускаемую при его неправильном решении, и те махинации, которые производят с этой ошибкой махисты и другие идеалисты.

Говорят иногда, что ошибка махистов состояла в том, что они смешивали два якобы отдельных понятия материи — философское и физическое — и что отсюда проистекал неверный вывод об «исчезновении материи». Конечно, махисты смешивали гносеологические и естественнонаучные вопросы, но вовсе не для того, чтобы подменить философское понятие материи каким-то другим, «физическим». Если бы дело обстояло так, то вместо философского понятия махисты сохраняли бы это «физическое». Между тем махисты и энергетики пытались выбросить понятие материи именно как философское и из *философии* и из *физики*, аргументируя это тем, что вместе с устарением взглядов на строение материи, образованной якобы из неделимых, неизменных атомов и превращаемых химических элементов, будто бы «устарело» и это понятие. Отсюда — махистский тезис об «исчезновении материи», о «сведении материи к электричеству».

В. И. Ленин разоблачает вздорность заявлений махистов об устарелости понятия материи. «...Совершенно непозволительно, — пишет он, — смешивать, как это делают махисты, учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией, — смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) с старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании объективной истины и т. п.»

Ленин подчеркивает, что вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии человека к показаниям его органов чувств, об источнике нашего познания. Этот вопрос не может устареть, так же как не может устареть проблема, являются ли источниками человеческого познания зрение и осязание, слух и обоняние. «Поэтому говорить о том, что такое понятие может «устареть», есть *младенческий лепет*, есть бессмысленное повторение доводов модной *реакционной философии*» (131).

Он поясняет, почему недопустимо смешивать гносеологические и физические вопросы, показывая, к каким нелепостям это может привести; подчеркивает, что физические воззрения, представляя собой относительную истину, неизбежно устаревают, сменяются другими, более полными относительными истинами, основные же положения научной философии остаются незабываемыми, и новые достижения наук лишь подтверждают их, но ни в коем случае не опровергают, не ставят их под сомнение. Поэтому на основании вообще каких-либо новых открытий физики или других естественных наук невозможно опровергнуть положение о первичности материи и вторичности сознания: «Может устареть и стареет с каждым днем учение науки о строении вещества, о химическом составе пищи, об атоме и электроны, но не может устареть истина, что человек не может питаться мыслями и рожать детей при одной только платонической любви» (193).

Ленин проводит разграничение между философией и физикой в тех местах, где обе эти науки смыкаются между собой, поскольку они изучают материю, рассматривая ее с разных сторон, в различной связи: «Материализм и идеализм различаются тем или иным решением вопроса об источнике нашего познания, об отношении познания (и «психического» вообще) к *физическому* миру, а вопрос о строении материи, об атомах и электронах есть вопрос, касающийся только этого «физического мира»» (274).

Философский же материализм связан единственно с признанием материи как *объективной реальности*, существующей вне и независимо от нашего сознания. Следовательно, здесь речь идет о разграничении гносеологической и естественнонаучной постановок вопроса, но отнюдь не о придумывании какого-то особого, второго понятия материи, отличного якобы от философского ее понятия. Махисты, прибегая к ложному логическому приему (софизму), преследовали цель «опровергнуть» как якобы устаревшее понятие материи вообще. Возможно кто-нибудь решит, что если будут введены два понятия материи, то этим можно будет убить двух зайцев: поскольку философское понятие отграничено от физического, то нетрудно доказать, что оно не устареет. А «физическое понятие материи» придется признать непрерывно устаревающим, пойдя в этом пункте навстречу махистским утверждениям, но внося в них поправку: понятие материи устареет, но только не философское, а «физическое».

Очевидно, что такое «изобретательство» является плохим оружием в борьбе против реакционной философии. Но осо-

бенно странно выглядели попытки приписать такого рода вещи Ленину, несмотря на то что в его книге нет ни малейшего намека на признание двух понятий материи. Ленин требовал от философов и естествоиспытателей умения различать философскую и естественнонаучную постановку вопроса, так как недопустимо (во избежание грубейших ошибок) путать гносеологические и физические вопросы, подменять первые вторыми.

Такая подмена допускалась махистами не только по вопросу, который касался понятия материи, но и по другим связанным с ним вопросам. Ленин отмечал, например, что «наши русские махисты с поразительной наивностью подменяют вопрос о материалистическом или идеалистическом направлении всех рассуждений о законе причинности вопросом о той или иной формулировке этого закона» (163). Здесь наблюдается та же логическая неразбериха, поскольку гносеологический вопрос о существовании объективной закономерной связи явлений природы смешивается с вопросом об измерении этой связи при помощи физических средств и о выражении результатов такого измерения в виде, скажем, функциональных соотношений, отражающих количественную сторону закономерной связи явлений.

Именно в этом плане, протестуя против смешения гносеологических вопросов с физическими, подмены первых вторыми, Ленин писал: «Действительно важный теоретико-познавательный вопрос, разделяющий философские направления, состоит не в том, какой степени точности достигли наши описания причинных связей и могут ли эти описания быть выражены в точной математической формуле, — а в том, является ли источником нашего познания этих связей объективная закономерность природы, или свойства нашего ума, присущая ему способность познавать известные априорные истины и т. п.» (164).

Здесь он проводит ту же самую мысль, что и при разоблачении махистов в вопросе о материи. Но если стать на путь придумывания двух понятий материи, то ведь на равном «основании» пришлось бы ввести и два понятия причинности: одно — философское, гносеологическое, указывающее на признание объективного существования причинных связей в природе и их отражения нашим сознанием в виде понятия причинности, другое — «физическое», или «естественнонаучное», в котором отражалась бы достигнутая физикой ступень познания причинных связей, включая и познание их количественной стороны, поддающейся измерению и выражению в математических формулах и отношениях. Но если стать на

такой путь, то аналогичным образом пришлось бы ввести два рода понятий по всем без исключения вопросам философии и физики, где только эти науки соприкасаются между собой. Это неизбежно случится с теми, кто вздумает проводить нелепое утверждение о двух понятиях материи. Тогда придется вводить два понятия пространства и времени: одно — философское, подчеркивающее объективную реальность основных форм всякого бытия, другое — «физическое», отражающее как бы метрику этих форм; объявлять о существовании двух понятий сознания: философского и естественнонаучного.

Придумывание двух понятий материи ведет к еще большим недоразумениям, если учесть, что всякое понятие есть отражение особого предмета исследования. В самом деле, если каждому объекту соответствует определенное понятие, то и, наоборот, каждому обособленному от других понятию, очевидно, должен соответствовать определенный объект, который и отражается этим понятием. В таком случае, если принимаются два существенно различных, вполне самостоятельных понятия материи — философское и «физическое», которые ни при каких условиях нельзя соединять друг с другом, то это может дать повод думать, что существуют какие-то две особые «материи»: «философская материя», отражаемая философским ее понятием, и «физическая материя», отражаемая ее «физическим понятием». С первой из них имеет дело гносеология, вторую изучает естествознание. Такие утверждения являлись бы логическим следствием допущения двух понятий материи, явным абсурдом, ведущим к отступлению от основных принципов материализма. Ленин в своей книге показал, что материя, т. е. объективная реальность, *одна*, кроме нее, нет никакой другой и она составляет предмет и философского и физического исследования. Говоря об объективной реальности, он указывал, что она «существует вне нас, давным-давно называется в гносеологии материей и изучается естествознанием» (179).

Таким образом, нет совершенно никаких оснований вводить два различных понятия материи.

2. Понятия научные и понятия махистские (элемент, гипотеза)

Вопрос. Почему Мах воспользовался термином «элемент» для изложения основ своей философии? Как соотносятся махистское понятие «элемента» и понятие *действительного элемента*? (к с. 56).

О т в е т. Как показал В. И. Ленин, Мах использовал термин «элемент» для придания «новизны» своей философии. Это не было случайным. Естествознание широко пользуется научным понятием «элемент», когда речь идет об основах той или иной науки, ее исходных, простейших (в ее пределах) объектах исследования. В химии такими исходными, относительно самыми простыми видами материи (в пределах этой науки) являются химические элементы; в биологии относительно самой простой, исходной формой живых существ служит органическая клетка, в кристаллографии — элементарная ячейка кристаллической решетки, в ядерной физике — элементарная частица и т. д. Стремясь замаскировать субъективно-идеалистическую сущность своей философии и подкрасить ее под естественнонаучный материализм, с тем чтобы она стала более приемлемой для естествоиспытателей, Мах сделал вид, что он открыл какие-то новые «элементы мира», знание которых помогает выработать новую, якобы подлинно научную картину всего мироздания. Ленин разоблачил этот прием и показал, что в придуманных Махом «элементах мира» попросту смешиваются физические и психические процессы, в результате чего оказываются перепутанными материалистический и идеалистический взгляды на мир. Здесь у Маха, как и у Оствальда, одним термином словесно охватываются совершенно противоположные явления и на этом основании утверждается, будто преодолена их коренная противоположность. Но если в «энергетике» Оствальда в целом преобладала все же материалистическая струя, то теория Маха носит ярко выраженный субъективно-идеалистический характер: все существующее он сводит к ощущениям, а ощущения называет «элементами» с подразделением их на физические и психические, причем связь физических и психических элементов объявляется нераздельной.

«...Что такое «элементы»? — спрашивает Ленин. — Ребятичеством было бы, в самом деле, думать, что выдумкой нового словечка можно отделаться от основных философских направлений. Либо «элемент» есть *ощущение*, как говорят все эмпириокритики... — тогда ваша философия, господа, есть *идеализм*, тщетно пытающийся прикрыть наготу своего солипсизма нарядом более «объективной» терминологии. Либо «элемент» не есть ощущение, — и тогда с вашим «новым» словечком не связано *ровно никакой мысли*, тогда это просто важничанье пустышкой» (51).

Ленин указывает, что отождествление «элементов физического опыта» (т. е. физического, внешнего мира, материи)

с ощущениями, чем занимаются махисты, есть берклианство.

Чтобы не путать научное понятие элемента с махистским («элементы мира»), Ленин каждый раз оговаривается, о каком элементе идет речь. Например, он поясняет, что имеются в виду элементы химии или конкретно: элемент радий, элемент гелий (212, 265). Критикуя метафизический материализм, В. И. Ленин говорит, что диалектический материализм отвергает «признание каких-либо неизменных элементов».

Когда речь заходит о разложении материальных тел на элементы, недоступные непосредственно нашим чувствам, Ленин считает необходимым специально оговориться, что «речь идет о материальных элементах, открытых естествознанием, об атомах, электронах и т. п., а не о тех выдуманных элементах, которые сочинены Махом и Авенариусом...» (68).

Слово «элемент» в обычном, общепринятом его смысле употребляется не только для обозначения материальных составных частей сложных систем, но и для обозначения вообще составных частей любых построений, как материальных, так и мысленных, в том числе и философских. Кстати сказать, этим обстоятельством и воспользовался Мах для того, чтобы в термине «элементы» смешать кусочки материализма с основной субъективно-идеалистической посылкой своей философии, поскольку этим термином выражаются исходные составные части, или начала, *и вещей и мыслей*. В связи с этим, когда речь заходит о том, что эмпириокритицизм соединяет в себе противоречивые — идеалистические и материалистические — элементы, Ленин специально оговаривает, что это слово употреблено в данном контексте «не в махистском, а в человеческом значении слова: элемент» (56).

Прием Маха, примененный при «открытии» им «элементов мира», сводится, по сути дела, к следующему: так как *словом* «элемент» обозначается и составная часть химических веществ, и определенное философское понятие, то, значит, химический элемент как вещество тождественно философскому понятию, мысли. Ленин как раз и борется против идеалистического направления, прикрываемого словом «элемент». Вместе с тем он показывает, что это слово облегчает задачу смешения идеализма с материализмом: «...с одной стороны, тела суть комплексы ощущений (чистый субъективизм, чистое берклианство); с другой стороны, если перекрестить ощущения в элементы, то можно мыслить их существование независимо от наших органов чувств!» (130).

Заметим, что махисты широко используют смешение философских и физических понятий, подмену одних другими с целью создать видимость научного обоснования своей философии. Но достигается это при помощи софизмов и логических ошибок, разоблачению которых уделено много внимания в ленинской книге.

Вопрос. Чем отличается *«рабочая гипотеза»* махистов от *научной гипотезы физиков* и почему первая свидетельствует о наличии у нее субъективно-идеалистической подоплеки? (к с. 297).

Ответ. Гипотезой в науке называют предположительное объяснение какого-либо явления или круга явлений, предположение о его сущности, о его возможной причине. Если гипотеза правильна, она содержит в себе обычно два различных момента: один представляет собой верную догадку о действительной связи явлений, существующей реально, но еще не познанной человеком, другой — привнесенные самими учеными толкования этой связи, не соответствующие самой действительности. Следовательно, в научной гипотезе, при нормальном ее выдвижении, сочетаются правильные, объективные моменты с неправильными, субъективными моментами. Проверка гипотезы на практике приводит к освобождению объективного ее содержания от всего привнесенного в нее субъектом, т. е. к приведению гипотезы в более точное соответствие с объективной реальностью.

Иногда в ходе экспериментального исследования в той или иной области естествознания складывается такое положение, когда фактов накоплено уже много, но никакого их объяснения, хотя бы предположительного, еще не дано. В таком случае может быть выдвинута гипотеза, не претендующая даже на то, чтобы быть верной, лишь бы она позволила вообще каким-либо способом осуществить первоначальное объединение и систематизацию фактов.

Впоследствии, как только ее первоначальная функция будет выполнена, она может быть отброшена самим ее автором. Такие гипотезы в науке играют роль своего рода строительных лесов, которые убираются после того, как здание науки выстроено, когда будет найдено верное, соответствующее объективной действительности объяснение изучаемых явлений. В «Основах химии» Менделеев писал, что лучше руководствоваться какой угодно гипотезой, чем никакой.

Естествоиспытатели обычно называют такие гипотезы, посящие чисто вспомогательный характер, «рабочими» в том смысле, что их познавательное значение ограничено лишь задачей первичной систематизации фактов без претензии на

раскрытие их сущности. На деле же почти всегда оказывается так, что та гипотеза, которая позволяет хотя бы неполно обобщить и систематизировать факты, уже содержит в себе объективно правильное зерно; это-то зерно и позволяет осуществлять обобщение эмпирического материала.

Махисты попытались дать конкретным физическим понятиям свое *гносеологическое*, философское толкование в духе субъективного идеализма. Под «рабочими гипотезами» они понимают такое теоретическое представление в науке, которое целиком произвольно, лишено какого-либо объективного значения, т. е. полностью придумано ради «удобства» и не отражает ничего существующего вне и независимо от сознания, от ощущений. С махистской точки зрения «рабочая гипотеза» означает, что все научные гипотезы, теории и понятия суть лишь вспомогательные орудия нашего опыта, инструменты познания, не имеющие никакого объективного содержания. «Понятие есть физическая рабочая гипотеза», — утверждал Мах. Представление о физической (естественно-научной) гипотезе подменяется, таким образом, у махистов гносеологическими представлениями, направленными на то, чтобы отрицать объективную реальность и возможность ее отражения в научных теориях, гипотезах и понятиях.

За это и критиковал махистов и прочих идеалистов Ленин. Он показал, что махистская концепция «рабочих гипотез» есть чистейшее берклианство, объявляющее наши мысли и ощущения, теории и понятия лишь условными знаками, символами, которые якобы не отражают собой ничего объективного, ничего реального. Эта концепция хорошо выражена Дюгемом, позицию которого Ленин охарактеризовал так: «долой вопрос о реальности; наши понятия и гипотезы — простые символы» (330), произвольные построения и т. п.

Ленин показывает, что последовательные идеалисты (вроде спиритуалиста Уорда и крайне реакционного философа Гартмана) хватаются за махистскую идею о «рабочих гипотезах», чтобы при помощи этой идеи толкать естествоиспытателей все дальше в идеализм. По поводу заявления Уорда о том, что «атомическая и другие теории строения материи суть только рабочие гипотезы» (296), он пишет: «Чрезвычайно верно зато поставлен спиритуалистом вопрос об атомах и пр., как «рабочей гипотезе». Бóльшего, чем объявления понятий естествознания «рабочими гипотезами», современный, культурный фидеизм (Уорд прямо выводит его из своего спиритуализма) *не думает и требовать*. Мы вам отдадим науку, гг. естествоиспытатели, отдайте нам гносеологию, философию, — таково условие сожительства теологов

и профессоров в «передовых» капиталистических странах» (297).

Такую же позицию в отношении «рабочих гипотез» занимал и Э. Гартман. Ленин отмечает, что он толкает физиков на то, чтобы радикально в духе последовательного идеализма пересмотреть учение об объективной реальности времени, пространства, причинности и законов природы. «Нельзя только атомы, электроны, эфир считать простым символом, простой «рабочей гипотезой», — надо объявить «рабочей гипотезой» и время, и пространство, и законы природы, и весь внешний мир. Либо материализм, либо универсальная подстановка психического под всю физическую природу...» (304). Так характеризует Ленин философскую установку Гартмана, требующего проведения идеалистической линии по всем вопросам науки.

Но сами естествоиспытатели, стоящие в своем подавляющем большинстве на позициях стихийного материализма, отвергают *такое* (субъективно-идеалистическое) понимание гипотез, понятий и теорий науки. Ленин приводит, например, направленные против махистской точки зрения высказывания К. Снайдера, который возражал против объявления физических теорий и гипотез просто удобными «рабочими гипотезами», указывая, что они зиждутся на той же самой основе, что и «гипотеза» о существовании нас самих. «Представьте себе, — пишет по этому поводу Ленин, — горькую участь махиста, когда его излюбленные утонченные построения, сводящие категории естествознания к простым рабочим гипотезам, высмеиваются, как сплошной вздор, естественниками по обе стороны океана!» (376).

Далее Ленин приводит высказывание махиста Р. Вилли о том, что понятия атомов и пустого пространства есть фиктивные понятия, оказывающие просто услуги, принимаемые по соображениям целесообразности, пока эти понятия удобны для нашего употребления. «Есть от чего в отчаяние прийти! — замечает Ленин. — Совсем «по-новому», «эмпириокритически» доказали, что и пространство и атомы — «рабочие гипотезы», а естественники издеваются над этим *берклианством* и идут за Геккелем!» (376).

Таким образом, махистская концепция «рабочих гипотез» отнюдь не пользовалась популярностью среди естествоиспытателей, несмотря даже на то, что ее идеалистическая сущность была замаскирована употреблением такого термина, которым нередко пользуются сами естествоиспытатели в процессе первичных обобщений эмпирических данных.

3. Допустимы ли ссылки на соображения удобства в науке?

Вопрос. Можно ли утверждать, что *всякая ссылка в естествознании на удобство* того или иного познавательного приема или научного способа есть проявление махизма, как это утверждалось в свое время, например, при критике «теории резонанса» в органической химии? (к с. 175—176).

Ответ. Действительно лет тридцать назад, когда критиковалась «теория резонанса», была сделана ошибочная попытка доказать ее махистский характер тем, что ее авторы и сторонники писали: данная теория введена только ради удобства и по этой причине нельзя приписывать «резонансным структурам» реального существования; «резонансные структуры» в действительности не существуют, а введены лишь для удобства квантово-механических расчетов в случае сложных химических молекул.

В процессе критики «теории резонанса» были выдвинуты философски несостоятельные аргументы, запутывающие данный вопрос и мешающие подлинно научной критике указанной «теории». При этом делались ссылки на труды В. И. Ленина, которые понимались и толковались неправильно. Например, некоторые критики «теории резонанса» на страницах журнала «Вопросы философии» утверждали, будто махистская сущность этой «теории» состоит в том, что она ввела определенные представления и приемы *только ради удобства*.

Здесь снова смешиваются гносеологические и физические вопросы. Ленин подчеркивает, что принцип удобства только в том случае (причем неминуемо!) ведет к идеализму, если он *кладется в основу теории познания*, иначе говоря, если все научные понятия, теории, гипотезы объявляются не отражением объективной реальности, а полезным орудием опыта, «рабочими гипотезами», лишенными всякого объективного знания. Следовательно, речь идет о гносеологической, а вовсе не о физической стороне дела. Критикуя махистский «принцип экономии мышления», он спрашивает: «В чем тут дело?» — и отвечает: «В том, что принцип экономии мышления, если его действительно положить *в основу* теории познания», не может вести *ни к чему* иному, кроме субъективного идеализма... «Экономнее» ли «мыслить» атом неделимым или состоящим из положительных и отрицательных электронов?.. Достаточно поставить вопрос, чтобы видеть нелепость, субъективизм применения *здесь* категории «экономии мышления»... Только при отрицании объективной реальности, т. е. при отрицании *основ* марксизма, можно всерьез

говорить об экономии мышления в теории познания!» (175—176). В дальнейшем Ленин несколько раз подчеркивает, что речь идет о попытках идеалистов ввести экономию мышления как основу гносеологии (178) и что идеализм рушится, как только «принцип экономии» удаляется из основ гносеологии, а тем более из гносеологии вообще (176—177).

Что же касается соображений удобства при решении специальных естественнонаучных вопросов, то в этом Ленин не только не видел чего-либо противоречащего материализму, но, как раз напротив, видел взгляды, прочно согласующиеся с материализмом и несовместимые с идеализмом. В этой связи он отмечал, например, взгляд немецкого физика Г. Герца на энергетику, приведя следующее его высказывание: «Если мы спросим, почему, собственно, современная физика любит в своих рассуждениях употреблять энергетический способ выражения, то ответ будет такой: потому, что таким образом всего удобнее избежать того, чтобы говорить о вещах, о которых мы очень мало знаем... Конечно, мы все убеждены, что весомая материя состоит из атомов; об их величине и движениях их в известных случаях мы имеем довольно определенные представления. Но форма атомов, их сцепление, их движения в большинстве случаев совершенно скрыты от нас... Поэтому наши представления об атомах представляют из себя важную и интересную цель дальнейших исследований, отнюдь не будучи особенно пригодны служить прочной основой математических теорий». По словам Ленина, Герц ждал от дальнейшего изучения эфира выяснения «сущности старой материи, ее инерции и силы тяготения» (301).

Анализируя с позиций диалектического материализма приведенные высказывания Герца, Ленин вскрывает их материалистический характер и противопоставляет их идеалистическому толкованию энергетики некоторыми реакционными философами. Ленин заключает: «Отсюда видно, что Герцу даже и не приходит в голову возможность нематериалистического взгляда на энергию. Для философов энергетика послужила поводом к бегству от материализма к идеализму. Естествоиспытатель смотрит на энергетику, как на удобный способ излагать законы материального движения в такое время, когда физики, если можно так выразиться, от атома отошли, а до электрона не дошли» (302).

Где же тут хотя бы тень обвинения Герца в махизме на том основании, что Герц ссылается на соображения удобства? Напротив, Ленин прямо квалифицирует взгляд естествоиспытателя на энергетику как на *удобный способ* излагать законы материального движения в переходный период разви-

тия науки: здесь нет и возможности нематериалистического взгляда на энергию. Когда же энергия (и движение) отрывается от материи, энергетика служит поводом к бегству от материализма к идеализму.

Критики «теории резонанса» спутали, во-первых, вопрос об удобстве расчетов с «принципом экономии мышления», что отнюдь не тождественно; во-вторых, и это главное, они спутали вопрос об удобстве как принципе, который кладется субъективными идеалистами *в основу теории познания*, с вопросом об удобстве применения при научном исследовании конкретных физических и технических приемов и способов; в-третьих, свою точку зрения они приписали Ленину, подобно тому как сторонники двух понятий материи приписывали ему свое собственное «изобретение».

Если согласиться с тем, что всякая ссылка на удобство, сделанная не в области теории познания, а в области решения конкретных физических или химических вопросов, уже автоматически влечет за собой махизм, то мы придем к нелепым выводам. Например, тогда нельзя было бы конструировать удобные приборы, применять простые и удобные способы вычислений. «Принцип удобства», как и «принцип экономии мышления», в том случае, как показал Ленин, становится опорой идеализма, когда он кладется в основу гносеологии.

Что же получилось из смешения гносеологического вопроса с химико-вычислительным вопросом? «Теорию резонанса» стали критиковать не за ее действительные ошибки, а за то, что ради удобства был введен некоторый вычислительный способ, включавший такие величины, которым не соответствовало ничего существующего реально. Такая, с позволения сказать, «критика» толкала сторонников «теории резонанса» не к тому, чтобы исправлять свои ошибки, а в противоположную сторону — к тому, чтобы углублять их еще больше, признать реальным то, что было введено лишь ради удобства. Если же объявлять идеализмом пользование такими понятиями, которым не соответствует непосредственно реальный объект и которые поэтому существуют лишь в нашей голове, то в таком случае все учение современной математики о комплексных числах и само понятие иррационального числа следовало бы объявить идеалистическими, не говоря уже о геометрии многомерных пространств.

И наоборот, если мы, по словам Энгельса, привыкнем приписывать корню квадратному из минус единицы или четвертому измерению какую-либо реальность вне нашей головы, то до признания спиритического мира у нас останется

только один шаг. К счастью, этого никто из настоящих марксистов не делает; изложенная же выше вульгаризаторская точка зрения некоторых критиков «теории резонанса» не разделяется философами и естествоиспытателями, стоящими на позициях диалектического материализма.

4. Научное и махистское толкование «функциональности»

Вопрос. Означает ли всякое признание «*функционального соотношения*» (или «*функционального определения*» какого-либо понятия или предмета) переход на позиции махизма? (к с. 163).

Ответ. Как и в случае удобства и «экономии мышления», так и в случае «функционального соотношения» (или определения), махистская позиция появляется лишь тогда, когда речь заходит о гносеологии, о подмене объекта субъектом, объективного подхода к предмету изучения субъективистским подходом. Как и в ранее рассмотренных случаях, здесь смешивается теоретико-познавательная постановка вопроса с естественнонаучной, т. е. философский взгляд — с той или иной конкретной формулировкой, которая дается в рамках математики, физики или каких-либо других частных наук.

В. И. Ленин указывал на поразительную наивность русских махистов, подменявших вопрос о материалистическом или идеалистическом направлении всех рассуждений о законе причинности вопросом о той или иной формулировке этого закона. «Они поверили, — писал он, — немецким профессорам-эмпириокритикам, что если сказать: «функциональное соотношение», то это составит открытие «нового позитивизма», избавит от «фетишизма» выражений, вроде «необходимость», «закон» и т. п. Конечно, это чистейшие пустяки... Должно быть, с точки зрения наших доверчивых к профессорским открытиям махистов, Фейербах (не говоря уже об Энгельсе) не знал того, что понятия порядок, закономерность и т. п. могут быть выражены при известных условиях математически определенным функциональным соотношением!» (163—164).

Это же обстоятельство Ленин отметил, когда читал книгу В. М. Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии. От Декарта до Э. Маха». В разделе XII этой книги, озаглавленном «Эмпириокритицизм», автор писал совершенно в стиле тех махистов, которые поверили буржуазным профессорам, что будто бы функциональность вытесняет собой причинность. «Понятие функциональной зави-

симости есть отрицание зависимости причинной...» — утверждал Шулятиков. Подчеркнув эту фразу, Ленин на полях книги против нее поставил: «ой ли??» [29, 470]. Этим он выразил свое отрицательное отношение к шулятиковскому заявлению.

А дальше автор писал, что вывод Геффдинга следует в общем признать правильным и что неудачна лишь его ссылка на «мотивы целесообразности», которые, дескать, туманны и неопределенны. Ленин на полях против этого места отмечает: «Конечно, но из этого не следует, что функциональность не может быть *видом* причинности» [29, 471].

Здесь важно указание на то, что функциональность выступает как особый способ выражения причинных связей, как прием их математического описания, а потому как *вид* (проявление) причинности.

Так разъяснял этот вопрос В. И. Ленин, и его разъяснение имеет большое, принципиальное значение для всех отраслей знания.

Например, в 1962 г. при обсуждении проблемы сущности жизни была выдвинута новая формула, касающаяся так называемого «функционального определения жизни», в противоположность «субстанциональному ее определению», когда жизнь определяется как способ существования определенного вида материи (по Энгельсу, белков) в качестве вещественного носителя биологических явлений. Разумеется, можно спорить с предложением о замене субстанционального определения жизни функциональным ее определением, но для этого надо прежде всего правильно понять смысл и значение нового определения жизни. Между тем в ходе дискуссии некоторые биологи прибегли к подмене понятий, причем сослались на Ленина и его борьбу против махистской попытки подменить понятие причинности, закономерности, необходимости и т. д. понятием функционального соотношения. На дискуссии так и было заявлено: раз Ленин критиковал Маха за то, что тот прибегает к понятию функционального соотношения, то по этой причине предполагаемое «функциональное определение жизни» надо считать махистским.

Такое «возражение» следует квалифицировать как ошибочное, основанное на незнании элементарных правил логики. Общим между махистской концепцией замены причинности функциональностью, с одной стороны, и функциональным определением жизни, с другой, является только одно слово: «функциональное». Все же остальное, включая и тот смысл, какой вкладывается в это слово, совершенно различно, так что между сторонниками функционального определения жиз-

ни и махистами тут нет ничего общего. С точки зрения Маха, функциональным соотношением (т. е. *способом описания* причинных и вообще закономерных связей) можно и нужно подменить объективно существующие причинные и закономерные связи явлений. Функциональное же определение жизни, как и вся кибернетика, с которой оно связано, целиком строится на строго детерминистической концепции и не имеет ничего общего с отрицанием причинности и с заменой ее понятиями субъективистской философии.

Признак функциональности имеет здесь только тот смысл, что учитывается не вещественное содержание живых существ, а тип структурных связей между их элементами, при котором в качестве его проявления или свойства («функции») обнаруживаются процессы, которые мы называем жизнью.

Для участников любых дискуссий важно учитывать ту критику, которой Ленин подверг несостоятельный в логическом отношении прием — ограничиваться лишь словесной стороной вырванных из контекста цитат и высказываний и не разбирать затронутого вопроса конкретно и по существу. Так, Ленин привел следующее рассуждение Базарова: «Принцип «наименьшей траты сил», положенный в основу теории познания Махом, Авенариусом и многими другими, является... несомненно, «марксистской» тенденцией в гносеологии» (175).

Ленин вскрывает логическую основу этого рассуждения и показывает ее вопиющую несообразность, несуразность: «У Маркса есть «экономия». У Маха есть «экономия». Действительно ли «несомненно», что между тем и другим есть хоть тень связи?» — спрашивает Ленин (175). Ответ на этот вопрос может быть только один, и совершенно категорический, как показывает далее Ленин: ничего общего у Маркса с Махом нет и быть не может!

В главе VI, продолжая разоблачать махистов, Ленин приводит рассуждение С. Суворова по поводу того, что развитие производительных сил соответствует росту производительности труда, относительноному понижению траты и повышению накопления энергии. «...Видите, как плодотворна «реально-манистическая философия»: дано новое, энергетическое обоснование марксизма!» — замечает иронически Ленин. Далее следует выдержка из статьи Суворова: «...это — принцип экономического. Таким образом Маркс в основу социальной теории положил принцип экономии сил...»

«Это «таким образом» поистине бесподобно! — отмечает тут же Ленин. — *Так как* у Маркса есть политическая эко-

номия, то по этому случаю давайте жевать слово «экономия», называя продукты жвачки «реально-монистической философией»!» (354).

Тот, кто попытался бы объявить махистским «функциональное определение жизни», так как в этом определении встречается то же самое слово «функциональное», которым пользовался и Мах, должен серьезно продумать ленинскую критику махизма по этому вопросу. Ведь если стать на такой путь, то придется объявить махистской не только всю математику, в которой понятие функции, функциональности играет весьма существенную роль, но и значительную часть других наук, например биологию с ее понятием функции организма или химию с ее понятием функциональных атомных групп внутри молекул.

Все это показывает, что книга Ленина прямо предостерегала против того, чтобы по общности употребляемых слов судить о мнимой общности сопоставляемых воззрений.

5. По поводу махистской «принципиальной координации»

Вопрос. Не дает ли все возрастающая роль измерительного прибора в современном физическом исследовании основание для оправдания учения махистов о «*принципиальной координации*»? (к с. 63).

Ответ. Прежде всего надо подробнее выяснить философскую (гносеологическую) суть того, что понимают махисты под «принципиальной координацией». Соответствующее учение Авенариуса представляет собой один из вариантов махистской (субъективно-идеалистической) концепции неразрывной связи («неразрывной координации») субъекта (моего «Я») и объекта. Такова нехитрая философская суть этого махистского учения.

Ленин вскрыл фальшь подобных взглядов. Опираясь на данные естествознания, он доказал вздорность утверждения, будто природа существует в неразрывной связи с человеком (с его «Я»).

«Естествознание положительно утверждает,— пишет Ленин,— что земля существовала в таком состоянии, когда ни человека, ни вообще какого бы то ни было живого существа на ней не было и быть не могло. Органическая материя есть явление позднейшее, плод продолжительного развития. Значит, не было ощущающей материи,— не было никаких «комплексов ощущений»,— никакого Я, будто бы «неразрывно» связанного со средой, по учению Авенариуса» (71—72).

Ленин показывает далее, что махисты заметили это проти-

воречие между своей теорией и естествознанием и попытались устранить его при помощи словесных ухищрений. Так, Авенариус пытался устранить это противоречие путем введения понятия «потенциального» центрального члена в придуманной им координации. Координация состоит в «неразрывной» связи «Я» и среды. Как же быть в том случае, когда никакого «Я» не существует? Авенариус рассуждает следующим образом: но ведь со временем это «Я» появляется! Значит, и тогда, когда его еще нет, имеются уже налицо «составные части среды», из которых это «Я» впоследствии получается. Значит, «Я» существует в виде возможности, потенции. Значит, потенциальный центральный член никогда не равен нулю, что и требовалось доказать.

«Можно только удивляться,— констатирует Ленин,— каким образом находятся люди, способные брать всерьез такого философа, преподносящего подобные рассуждения!.. В самом деле, неужели можно всерьез говорить о координации, неразрывность которой состоит в том, что один из членов потенциален?» (72—73).

И Ленин показывает, что вся теория принципиальной координации с ее допущением примысливать потенциальный центральный член «есть *философский обскурантизм*, есть доведение до абсурда субъективного идеализма» (75).

Так обстояло дело в начале нашего века. Посмотрим, изменилось ли в этом отношении что-либо в дальнейшем. На рубеже XIX и XX вв. физика проникла в область микроявлений (микромира). При проведении экспериментов и измерительных операций на уровне микроявлений значительно возросла роль физического прибора. При этом выявилось следующее весьма важное обстоятельство: пока экспериментатор имел дело с макротелами, обладающими большими размерами и массами, применяемый прибор не влиял заметным образом на состояние этих тел; другими словами, можно было допустить, что после того, как мы подействовали на тела данным прибором (например, осветили их), они остались в общем такими же и продолжали сохранять то свое состояние, какое было у них до действия на них нашего прибора.

В случае микрообъектов природы дело обстоит иначе: если электрон «осветить», т. е. подействовать на него хотя бы единственным фотоном («частицей» света), то электрон при этом воздействии на него со стороны фотона испытывает изменение в своем состоянии, так что мы будем наблюдать его уже не таким, каким он *был* «сам по себе», до нашего воздействия на него, а таким, каким он *стал* после того, как мы подействовали на него прибором.

Конечно, можно, казалось бы, элиминировать (выключить, как постороннее) вмешательство нашего прибора в состояние и поведение наблюдаемого электрона, как это обычно делается в механике. Однако оказывается, что движение и поведение микрочастиц, таких, как электрон, в силу их особой физической природы (они суть волны-частицы) подчиняются не законам обычной механики, а законам квантовой механики с ее известным соотношением неопределенностей, которое было найдено Гейзенбергом в 1927 г. Согласно этому соотношению нельзя одновременно с любой точностью определить положение (координаты) и скорость микрочастицы, а можно сделать это только в определенных пределах, регулируемых универсальной константой Планка h (как известно, h есть квант действия).

Вот почему, подействовав на электрон фотоном (оптическим прибором, испускающим фотоны), мы уже не можем точно установить, в каком состоянии находился электрон до эксперимента, какой он был «сам по себе», без нашего вмешательства. Это обстоятельство было сформулировано как принципиальная неконтролируемость действия физического прибора в области микроявлений.

Отсюда делался гносеологический вывод в пользу махистской концепции принципиальной координации субъекта (наблюдателя) и микрообъекта: физик наблюдает в микромире всегда только «приготовленный» им самим микрообъект и никогда не наблюдает такого микрообъекта, который не испытал бы предварительно возмущающего и неконтролируемого влияния нашего прибора. А без прибора невозможно изучать микромир по причине его недоступности непосредственно для наших органов чувств. Прибор же — это дело рук самого человека (субъекта). Значит, торопится сделать гносеологический вывод идеалист-философ или «физический» идеалист, микромир для нас, в нашем исследовании существует всегда не «сам по себе», а таким, каким *мы его приготовили*, и влияние нашего «Я» здесь принципиально не устранимо.

Другими словами, в области микромира физический объект (микрообъект) существует для нас, дескать, только как принципиально скоординированный («неразрывно связанный») с субъектом, с наблюдателем и его прибором, с нашим «Я». На новый лад подтверждается якобы старая махистская идея о принципиальной координации субъекта и объекта.

Но в том-то и дело, что это не так. Во-первых, хотя любой физический прибор сконструирован человеком, изготовлен

его руками, но от этого сам прибор вовсе не становится частью субъекта: он остается объектом, который лишь служит субъекту в процессе его познавательной деятельности, подобно тому как служит тому же человеку всякое изготовленное им орудие. То, что наблюдает ученый при изучении процессов в микромире, это объект, независимый от наблюдателя и находящийся вне его, причем этот объект составляет то, что образует между собой взаимодействие, по сути дела, двух разных физических объектов — самого микрообъекта и прибора.

Во-вторых, во всем мире нет и не может быть никаких абсолютно изолированных вещей и явлений, «самих по себе» в смысле их полной обособленности от всего остального мира. Но когда говорят о макрообъекте, то обычно допускают возможность пренебречь или же элиминировать (устранить) внешние влияния, оказываемые на него, и представить его с достаточной степенью точности как существующий «сам по себе». Этого сделать нельзя в области микромира, где все микрообъекты находятся в глубочайшем взаимодействии между собой. Это связано с их собственной природой, с их физическими особенностями. Поэтому в области микромира даже в нашей абстракции нельзя представить себе абсолютно изолированную микрочастицу, например электрон, а всегда имеют дело с взаимодействующими микрочастицами. Одним из законов этого их взаимодействия или, лучше сказать, следствий этого взаимодействия является соотношение неопределенностей Гейзенберга.

Когда фотон, испускаемый нашим прибором, взаимодействует с электроном, то предмет нашего исследования становится именно это объективно протекающее взаимодействие между двумя микрообъектами, причем оно будет совершенно таким же, если фотон излучается не прибором, а каким-нибудь естественным источником.

Иначе говоря, объектом для нас в области микроявлений всегда служит взаимодействие микрообъектов, и от этого ни в какой степени сами микрообъекты не утрачивают своего объективного характера, не становятся в отношении «принципиальной координации» к наблюдателю.

Абсолютно никаких оснований для возрождения учения о «принципиальной координации» квантовая механика и вся современная физика не дает. Тем не менее попытки развить на неомахистской основе концепцию квантовой механики предпринимались неоднократно. Однако со второй половины XX в. от нее один за другим стали отказываться не только физики, но и сами ее авторы. В итоге попытки возродить ма-

хистскую «принципиальную координацию» в микрофизике потерпели полное фиаско.

Вопрос. Не совпадает ли выражение «центральная фигура», «центральный пункт» в философии с понятием «*центральный член*» в учении Авенариуса о принципиальной координации? (к с. 63).

Ответ. Употребление слова «центральный» в философии вовсе не влечет за собой перехода на позиции Авенариуса с его признанием «неразрывной координации» (связи) между моим «Я» («центральным членом», по терминологии Авенариуса) и «средой» («противочленом», по его же терминологии). Весь вопрос в том, *какой смысл* вкладывается в слово «центральный». Нельзя цепляться только за одно это слово и сопоставлять то, что сказано у Авенариуса, с какими-либо другими выражениями, где это слово встречается, и не вдумываться в содержание соответствующих выражений. Если поступать так, то легко объявить махистскими, например, Центральный универсальный магазин (ЦУМ) в Москве и Совет по координации при Академии наук СССР, так как в первом из них встречается слово «центральный», а во втором — «координация».

На самом же деле принципиальная координация Авенариуса, как мы уже говорили, есть определенная субъективно-идеалистическая концепция, которая своим острием направлена против признания независимости объекта («среды») от субъекта (от моего «Я»). Слова «центральный член» обозначают здесь то, что субъект («Я») рассматривается как определяющий (первичный) фактор по отношению к объекту («среде»). «Среда» (объект), будучи «противочленом», зависит от моего «Я» (от субъекта). Такова позиция Авенариуса, и это есть махизм. Для того чтобы иметь основания обвинить кого-либо из тех, кто употребил слово «центральный» при изложении философии, в махизме, надо *доказать*, что употреблено это слово действительно в авенариусовском гносеологическом смысле, т. е. в смысле признания, что объект неотделим от субъекта, что он находится, дескать, в неразрывной связи с субъектом (не существует вне и независимо от нас).

Если это не доказано, то нельзя на основании лишь употребления слова «центральный» подводить взгляды данного философа под махистскую принципиальную координацию. Это требование нельзя нарушать ни при каких условиях.

Можно сказать, например, что в марксистской философии человек всегда занимал центральное место. Почему такое утверждение важно? Потому, что некоторые ревизионисты,

представители абстрактного гуманизма, философского антропологизма, выдвигая на первый план в своей философии абстрактного человека, вздумали обвинять марксистов-ленинцев в том, что они будто бы забыли о человеке, игнорируют его интересы, сводят свою философию лишь к законам, стоящим над человеком и чуждым человеческой личности.

Наши враги в данном случае, конечно, клеветают на марксизм-ленинизм, приписывая ему то, чего у него нет и в помине. Марксистская философия, будучи строго научной, действительно есть учение об определенных законах как внешнего мира, так и его отражения в человеческом сознании (мышлении). Но этот факт отнюдь не означает, что она сама и законы, ею изучаемые, чужды будто бы человеку и даже враждебны ему. При этом речь идет не об абстрактном человеке, придуманном нашими идеологическими противниками, а о живой, конкретной личности — человеке, участвующем в современной борьбе за победу нового общественного строя.

То обстоятельство, что такой реально существующий человек является центральным пунктом марксистско-ленинской философии, вытекает уже из самого ее определения как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Оба последних компонента в этом определении прямо представляют *человека*: речь идет о *человеческом* обществе и *человеческом* мышлении.

Но и первый компонент, характеризующий предмет философии марксизма-ленинизма, природа, выступает здесь также в разрезе практической, преобразующей деятельности того же человека, ибо только в результате такой его деятельности природа раскрывает свои законы, свои тайны.

Все это показывает, что в марксистско-ленинской философии человек во всей своей конкретности действительно занимает центральное положение. Этим до конца опровергаются ложные обвинения, выдвигаемые против нее нашими противниками.

Вот почему нельзя ни в коем случае видеть махизм в утверждении, что в марксистско-ленинской философии конкретный человек занимает центральное место. Ведь признание человека в качестве «центральной фигуры» философии отнюдь не означает, что и в *гносеологическом* смысле субъект (человек) играет роль «центрального члена» (в авенариусовском, т. е. махистском, понимании этих слов) по отношению к объекту (среде), который тем самым автоматически становится «противоположностью» и попадает в зависимую связь от субъекта.

Ничего похожего (кроме употребления слова «центральный») на махистскую реакционную выдумку принципиаль-

ной координации нет в том факте, что конкретный человек (представитель определенного класса, социальной группы) играет центральную роль и в природе, познаний и преобразованной им, и в жизни, и в развитии общества. Как нельзя за махизм выдавать функциональное определение жизни (раз употреблено тут слово «функциональное», которым, дескать, оперировал Мах), так нельзя считать махизмом признание человека центральной фигурой нашей философии (раз здесь употреблено слово «центральный», коим щеголял Авенариус). Плохую услугу марксистско-ленинской философии в ее борьбе против всякого рода ревизионистов, абстрактных гуманистов и антропологов оказывали бы критики, способные цепляться лишь за слова и не видящие сути дела. Чтобы такие досадные ляпсусы не появились, нужно вновь и вновь обращаться к книге В. И. Ленина.

Следует добавить, что вовсе не требуется дополнять определение диалектического материализма через наиболее общие законы всякого движения особой ссылкой на человека и его место в философии. Для этого достаточно раскрыть содержание понятий природы, общества и мышления.

Глава VIII

КРИТИКА ЭНЕРГЕТИЗМА. ВОПРОС О МАТЕРИАЛЬНОМ СУБСТРАТЕ ДВИЖЕНИЯ

1. «Энергетика» в физике и философии

Вопрос. Какая разница между *энергетикой как физическим учением* об энергии и *«энергетикой» как мировоззрением*, как философским течением? (ж с. 302).

Ответ. Термин «энергетика» употребляется обычно в двух различных смыслах: физическом и философском. В первом случае подразумевается общее учение физики о движении материи в природе, подчиняющемся закону сохранения и превращения энергии. Во второй половине XIX в. это учение вылилось в особую науку, точнее сказать, в особый раздел физики — термодинамику. Термодинамика давала возможность описывать физические и физико-химические процессы, не прибегая к представлению о молекулах, т. е. не раскрывая внутреннего «механизма» этих процессов. Она составляла как бы суммарную картину макропроцессов, совершающихся в природе, в которых участвовала теплота в качестве одной из форм движения материи.

Такое суммарное рассмотрение явлений природы имело как свои достоинства, так и свои недостатки. Несомненным его достоинством было то, что благодаря ему хотя и не исчерпывающим образом, но все же достаточно точно в определенных рамках достигалось описание протекающих в природе процессов с известной, а именно энергетической, их стороны. А это особенно было важно в тех случаях, когда внутренняя структура рассматриваемого объекта еще не была установлена и изучена в достаточной мере. Говоря иначе, энергетика могла служить *хорошим методом изучения явлений, сущность которых еще не была раскрыта.*

В основе энергетики, являющейся физическим учением, лежит материалистически трактуемое понятие энергии как *материального* движения. «Превращение энергии рассматривается естествознанием как объективный процесс, независимый от сознания человека и от опыта человечества, т. е. рассматривается материалистически», — отмечает В. И. Ленин (288). И он показывает, что единственно научная энергетика состоит в том, что она есть снимок с объективной реальности.

Энергетическая философия, которую создал немецкий физико-химик В. Оствальд на рубеже XIX и XX вв., представляет собой *идеалистически истолкованную «энергетику»*. В основе такого ее истолкования лежит попытка оторвать движение от материи и мыслить движение *без материи* как нечто нематериальное. Отсюда возникает *идеалистическое* толкование энергии, ведущее к созданию идеалистической «энергетики» или «энергетического идеализма» (300), в основе которых лежит отрицание объективной реальности. Следовательно, «энергетика» как философское течение есть не что иное, как гносеологические выводы в пользу идеализма, извлекаемые из новой физики путем фальсификации действительного содержания физического учения об энергии. Как указывает Ленин, «энергетическая физика есть источник новых идеалистических попыток мыслить движение без материи — по случаю разложения считавшихся дотоле неразложимыми частиц материи и открытия дотоле невиданных форм материального движения» (290). На «энергетике» Оствальда Ленин остановился, разбирая связь философского идеализма с некоторыми течениями в новой физике.

Имея в виду «энергетику» как философское течение, В. И. Ленин характеризует ее как «путаный агностицизм, спотыкающийся кое-где в идеализм» (243). Когда «реалист»-махист Суворов назвал открытие закона сохранения и превращения энергии «установлением основных положений

энергетики», то под «энергетикой» он подразумевал именно энергетическую философию. Выходило, по Суворову, будто основной идеалистического взгляда на движение служит... одно из великих открытий естествознания XIX в.! Эту явную несусазицу и разоблачил Ленин; он показал, что «реалисты» и прочие путаники, оперируя термином «энергия», не заметили разницы между материализмом и «энергетикой» (как философским течением). Он указал, что даже вульгарные материалисты, а не только диалектический материалист Энгельс считали названный выше закон «установлением основных положений *материализма*» (353).

Ленин имеет в виду опять же идеалистическую «энергетику», когда говорит о ее оценке идеалистом Гартманом (302—303) и возражает против ее смешения с махизмом, что имеет место у Рея (272).

Каким же путем создал Оствальд свою «энергетику» как мировоззрение? *Путем смешения гносеологических понятий с физическими*, прежде всего с понятием энергии как меры движения. Идя именно таким путем, Оствальд пытался «подняться выше» деления философии на материализм и идеализм, которое, по его мнению, устарело, пытался «преодолеть» противоположность этих основных философских направлений.

Ленин показал, что Оствальд запутал основной гносеологический вопрос попыткой подвести его под чисто физический вопрос, связанный с конкретным учением об энергии. Оствальд объявил, будто он устранил старое затруднение — как соединить понятия материи и духа — тем, что подвел оба эти понятия под понятие энергии. Этим, по его словам, был будто бы достигнут громадный выигрыш для всей науки. «Это не выигрыш, а проигрыш, — возражал ему Ленин, — ибо вопрос о том, вести ли гносеологическое исследование (Оствальд не ясно сознает, что он ставит именно гносеологический, а не химический вопрос!) в материалистическом или идеалистическом направлении, не решается, а запутывается произвольным употреблением слова «энергия» (287). Оствальд пытался избежать неминуемой философской альтернативы (материализм или идеализм) посредством неопределенного употребления слова «энергия», которым он в одних случаях подменял гносеологические понятия материи и духа, а в других случаях оперировал как обычным физическим понятием. Но именно эта его попытка, пишет Ленин, «и показывает лишний раз тщетность подобных ухищрений» (286).

«Энергетика Оствальда, — резюмирует он, — хороший пример того, как быстро становится модной «новая» терминологи-

гия и как быстро оказывается, что несколько измененный способ выражения ничуть не устраняет... основных философских направлений. В терминах «энергетики» так же можно выразить материализм и идеализм (более или менее последовательно, конечно), как и в терминах «опыта» и т. п.» (289—290).

2. Крушение энергетики Оствальда и ее рецидивов

Вопрос. Откуда гносеологически выросло у Оствальда *отрицание материи как носителя (субстрата) движения?* Как понять, что фактически у него, как правило, под энергией понимается *материальное движение?* (к с. 288, 331—332).

Ответ. Оствальд в самом начале своей научной деятельности стоял, по-видимому, на позициях стихийного материализма, как и подавляющее большинство современных ему естествоиспытателей. Он признавал тогда атомы и молекулы и не думал опровергать атомистику. Однако его, как и многих других его современников, не удовлетворяли некоторые механистические и метафизические черты старого атомно-молекулярного учения и всего естествознания, согласно которым движение рассматривалось как нечто внешнее по отношению к материи, привнесенное извне, в качестве некоторой «силы». Оствальд фактически отверг такое механистическое расчленение материи и движения и шел к признанию их единства. Но в обстановке назревавшего уже тогда (в конце XIX в.) кризиса естествознания и резкой активизации идеалистической философии он не сумел подняться до материалистической диалектики и скатился на позиции энергетического мировоззрения, согласно которому в мире существует одна только энергия.

Как уже говорилось, в 1895 г. Оствальд выступил с докладом, который носил претенциозное название: «Ниспровержение научного материализма». Здесь весь огонь своей критики он направил против понятия «материя» и атомно-молекулярных представлений. Он исходил из той мысли, что если «опровергнуть» представления об атомах и молекулах как частицах материи, то тем самым будет «опровергнуто» и само понятие «материя». Стремясь доказать, что одно понятие «энергия» исчерпывает собой все, что вкладывалось до тех пор в понятие «материя», Оствальд задал слушателям его доклада вопрос: «Господа! что вы чувствуете, когда вас ударяют палкой: палку или ее энергию?» — и ответил:

«Только ее энергию!». Тогда зачем же вводить в науку и сохранять в ней совершенно ненужное, лишнее понятие «материя»?

Ошибочно полагая, что признать материю — значит признать ее в старом, метафизическом смысле, как нечто оторванное от движения, как чисто внешнее по отношению к движению, или энергии, он сделал отсюда нелепый вывод, что не только можно, но и нужно мыслить движение (энергию) *без* материи. А это означало переход в данном вопросе с позиций материализма на позиции непоследовательного идеализма. Путаность и непоследовательность идеалистической точки зрения проистекали у Оствальда из того обстоятельства, что у него, как правило, «под энергией разумеется *материальное* движение» (288).

Философский путь Оствальда сходен с аналогичным путем многих современных ему ученых, которые поначалу двигались по направлению к материалистической диалектике, но затем под воздействием философской реакции скатились к идеализму и агностицизму. Как раз такой переход на позиции, враждебные материализму, и создал рекламу для оствальдовской энергетики, сделав ее модным течением в глазах поклонников реакционной моды. Именно так характеризует Ленин модную в конце 90-х годов прошлого века «энергетику» Оствальда — «путаный агностицизм, спотыкающийся кое-где в идеализм» (243).

Анализируя философский путь естествоиспытателей, ставших жертвами идеалистической реакции, Ленин писал: «Одним словом, сегодняшний «физический» идеализм точно так же, как вчерашний «физиологический» идеализм, означает только то, что одна школа естествоиспытателей в одной отрасли естествознания скатилась к реакционной философии, не сумев прямо и сразу подняться от метафизического материализма к диалектическому материализму. Этот шаг делает и сделает современная физика, но она идет к единственно верному методу и единственно верной философии естествознания не прямо, а зигзагами, не сознательно, а стихийно, не видя ясно своей «конечной цели», а приближаясь к ней ощупью, шатаясь, иногда даже задом» (331—332).

Вопрос. Какие аргументы выдвигал Оствальд *против атомно-молекулярного учения?* (к с. 286 и 305).

Ответ. Главный его «аргумент» состоял в том, что все это учение покоится якобы на произвольном допущении таких представлений, которые в принципе никогда не смогут быть проверены, а тем более доказаны на опыте. Атомы и молекулы — это, согласно Оствальду, только удобная схема

объяснять явления природы, но схема, полностью выдуманная нами. Как и все произвольное, придуманное нами ради уяснения для самих себя того, что совершается в природе реально, атомы и молекулы надо устранить из физики и химии и построить теоретически эти науки на основе чисто эмпирических представлений, к каковым Оствальд относил прежде всего понятие «энергия».

Никакого материального субстрата вводить, по его мнению, не надо. Это приводит, дескать, только к путанице понятий, к смешению реальных фактов с домыслами нашего рассудка. Но в физике и химии в качестве субстрата энергии фигурируют такие понятия, как масса, как структурные частицы материи (атомы и молекулы, к которым на рубеже XIX и XX вв. присоединился и электрон). Их Оствальд отвергает. Свойство массы он пытается свести к представлению о кинетической энергии. Обозначая последнюю через E , мы можем записать: $E = \frac{mv^2}{2}$. В таком случае массу m формально

можно считать, думает Оствальд, не физическим свойством материи, но чисто математическим коэффициентом, показывающим соотношение между E и квадратом скорости движения тела v^2 .

Но как тогда следовало бы определять саму кинетическую энергию E ? Через коэффициент m , умноженный на $\frac{v^2}{2}$?

Но ведь тогда неизбежно получится логический круг, когда одно определяется через другое, а это другое опять-таки через первое. Например: яблоня — это то, на чем растут яблоки, а яблоки — это то, что растет на яблоне.

Ленин пишет о том, что против оствальдовской энергетики неоднократно с точки зрения физика полемизировал материалист Л. Больцман, который доказывал, что Оствальд не мог ни опровергнуть, ни устранить формулы кинетической энергии и что он вертится в порочном кругу, выводя сначала энергию из массы (принимая формулу кинетической энергии), а потом определяя массу как энергию.

По этому поводу Ленин вспоминает богдановский пересказ соответствующих рассуждений Маха. «В науке, — пишет Богданов, ссылаясь на «Механику» Маха, — понятие материи сводится к выступающему в уравнениях механики коэффициенту массы, а этот последний при точном анализе оказывается обратной величиной ускорения при взаимодействии двух физических комплексов — тел»... «Понятно, — говорит в связи с этим Ленин, — что если какое-нибудь тело взять за единицу, то движение (механическое) всех прочих тел можно

выразить простым отношением ускорения. Но ведь «тела» (т. е. материя) от этого вовсе еще не исчезают, не перестают существовать независимо от нашего сознания. Когда весь мир сведут к движению электронов, из всех уравнений можно будет удалить электрон именно потому, что он везде будет подразумеваться, и соотношение групп или агрегатов электронов сведется к взаимному ускорению их,—если бы формы движения были так же просты, как в механике» (305—306).

Так, вскрывая всю порочность рассуждений махистов и энергетиков по поводу того, что будто можно «изгнать» из механики, физики и химии понятие «материя» и понятие «масса» как свойство материи, Ленин делает замечательное предвидение относительно будущей физической картины мира, основу которой составит представление об электро-не.

Но главный пункт остальдовских энергетических воззрений был направлен против атомистики. Этот пункт состоял в том, чтобы изображать химические и физические процессы как протекающие строго непрерывно, без внутренней дискретности. И этим Остальд занимался в то самое время, когда его соотечественник физик-материалист М. Планк ввел представление о дискретности в само учение о движении и энергии (понятие «квант действия», обозначаемое буквой h). Но Остальд долгое время не хотел видеть, что вся физика, а не только учение о строении вещества развивается в сторону признания дискретности тех физических свойств и величин, которые издавна принято было считать непрерывными: свет (открытие фотонов, т. е. «атомов» света, Эйнштейном в 1905 г.), электричество (открытие отрицательных электронов Дж. Дж. Томсоном в 1897 г.), действие (открытие кванта действия Планком в 1900 г.), открытие, что альфа-излучение представляет собой поток положительно заряженных частиц материи — ионизированных атомов гелия, и т. д.

Как раз в это самое время Остальд специализировался на том, чтобы «опровергать» атомно-молекулярное учение. В своей фарадеевской лекции (1904 г.) он изложил «новую теорию химической динамики», которая, по его заверениям, «сделала атомистическую теорию излишней» даже в области учения об элементах и химических соединениях. «Я знаю, господа,— говорил при этом Остальд,— что, утверждая это, я становлюсь в некотором роде на вулкан. Лишь весьма немногие из вас не станут мне возражать, что их вполне удовлетворяет теория атомов и что они совершенно не чувствуют потребности заменить это понятие каким-либо другим. ...Сле-

довательно, решаясь на такой шаг, я должен усиленно взывать к вашей научной объективности»¹.

Но тут Оствальд показал свое полное незнание того факта, что сила материализма в том и состоит, что он ни капли не противоречит объективной истине. Поэтому все попытки Оствальда «изгнать» атомистику из химии и физики не нашли поддержки со стороны широких кругов естествоиспытателей, которые, частью сознательно, а в подавляющем большинстве стихийно, придерживались материалистических взглядов на природу.

Однако Оствальд продолжал свои попытки «опровержения» материализма и атомистики. Не имея больше возможности приводить какие-либо новые «аргументы», кажущиеся хотя бы внешне научными, он перешел на грубые издевки, словно этим путем в науке можно что-либо опровергать или доказывать. Так, в 1907 г., всего за год до своей полной капитуляции перед атомистикой, Оствальд писал по поводу новых взглядов на строение атомов как сложных частиц материи, способных к внезапному самопроизвольному распаду. «Не очень симпатично, не правда ли? — спрашивал он. — Никто никогда не подумал бы, что догадка веселого Демокрита повлечет за собой такие анархические последствия».

«Но у нас есть одно утешение», — заявлял Оствальд. Какое же это утешение? По его мнению, это отказ от сотворения кумиров (отказ от гипотез, подобных атомистической), который достигается «чистым учением о разнообразии и чистой энергетикой»².

Другими словами, Оствальд предлагает отказаться от материализма в естествознании и переходить на позиции идеализма. Но если он при помощи насмешек пытался разделаться с атомистикой и материализмом, то история жестоко посмеялась над ним самим и заставила его признать полное поражение своей «энергетики».

Вопрос. Какие же *новые факты* пришли в неразрешимое противоречие с «энергетикой» Оствальда и привели ее к крушению? (к с. 292).

Ответ. В течение всего предыдущего развития естествознания идея прерывистого (дискретного, зернистого) строения вещества основывалась на данных химического анализа и на данных, на которые опиралось молекулярно-кинетическое учение о газах. Из стехиометрических законов химического состава вытекали представления о химических атомах

¹ Оствальд В. Насущная потребность. М., 1912, с. 262.

² Там же, с. 317—318.

и атомных весах. Из закона объемных отношений химически взаимодействующих газов вытекло правило Авогадро о том, что в равных объемах разных газов при одинаковых физических условиях содержится одинаковое число частиц (молекул). Однако Оствальд считал эти данные совершенно недостаточными и неубедительными для признания атомно-молекулярного учения.

На рубеже XIX и XX вв. идеи о дискретном строении материи получили множество новых и ярких экспериментальных подтверждений. Такие подтверждения поступали с самых различных сторон. Они заключались в том, что открывалась возможность подсчитывать самыми различными способами число Авогадро N (число молекул в одной грамм-молекуле вещества, равное примерно $6 \cdot 10^{23}$). Прежние данные молекулярно-кинетической теории газов сходились с данными, полученными путем подсчета числа ионов в газах или числа зернышек в эмульсиях. Таким образом, атомистика подтверждалась как бы с обеих сторон, если рассматривать всю лестницу дискретных видов материи: с одной стороны, данными, касавшимися более простых и мелких частиц материи, нежели обычные молекулы (альфа-частицы, ионы и др.), а с другой стороны, данными, касавшимися более сложных и крупных ее частиц (коллоидные частицы и др.).

В апреле 1909 г., как раз в то время, когда приближался выход в свет ленинской книги, Ж. Перрен сделал доклад во французском физическом обществе «Броуновское движение и действительность молекул». Сравнивая значения числа Авогадро N , полученные при изучении различного рода физических явлений, Перрен составил сводную таблицу этих значений, которую он назвал «принципом молекулярной реальности» или *«доказательством действительности молекул»*.

В заключение, отметив удивительное совпадение всех данных, что никак нельзя приписать простой случайности, Перрен говорит: «Я считаю невозможным, чтобы на ум, освобожденный от предвзятости, крайнее разнообразие явлений, приводящих к одному результату, не оставило сильного впечатления, и я думаю, что отныне трудно было бы разумными доводами отстаивать старания, враждебные молекулярным гипотезам, которые склонят в свою пользу и которым будет дано столько же веры, сколько и принципам энергетики. Не следует, понятно, эти две дисциплины противопоставлять одну другой...»¹

¹ Перрен Ж. Броуновское движение и действительность молекул. Спб., 1912, с. 95—96.

Спустя три года Перрен развил дальше свои положения и собрал еще более полные и точные экспериментальные определения числа Авогадро N , которые свел в следующую таблицу, характеризующую «совпадение результатов»:

Явления		$\frac{N}{10^{23}}$
Внутреннее трение газов (по кинетической теории)		6,2?
Распределение зерен разжиженной эмульсии по высоте		6,8
Распределение зерен густых эмульсий по высоте		6,0
Броуновское движение	величина перемещений	6,4
	вращение	6,5
	диффузия	6,9
Флюктуация плотности в густых эмульсиях		6,0
Критическая опалесценция		7,5
Голубой цвет неба		6,5
Рассеивание света в аргоне		6,9
Спектр черного тела		6,1
Заряд микроскопических частиц		6,1?
	заряд альфа-частиц	6,2
	образование гелия	6,6
	исчезновение радия	
Радиоактивные процессы	излучение энергии	6,0

Значит, число молекул (частиц) в одной грамм-молекуле вещества, измеренное самыми различными путями, получается близкое к $6 \cdot 10^{23}$. Такое совпадение результатов убедительнейшим образом свидетельствует о том, что сами молекулы не есть нечто придуманное нами ради пресловутого удобства, а есть совершенно реальная вещь, существующая объективно в самой природе.

По поводу приведенной выше таблицы сам Перрен заключает в духе материалистической теории познания: «Нельзя не удивляться, видя, как согласуются между собой результаты исследования столь различных явлений. Если мы вспомним, что одна и та же величина получается в результате варьирования условий и явлений, к которым прилагаются эти методы, мы придем к заключению, что реальность молекул имеет вероятность, весьма близкую к достоверности... Атомная теория торжествует. Многочисленные ее противники признают себя побежденными и один за другим отрекаются от того недоверия, которое представлялось им долгие годы законным и, без сомнения, было полезно для науки»¹.

Одним из первых таких противников атомистики, признавших себя побежденными, был сам Оствальд.

¹ Перрен Ж. Атомы. М., 1924, с. 226—227.

В этих условиях, опираясь на высказывания английского физика-материалиста А. Риккера, Ленин писал: «Ошибки в частностях тут неизбежны, но вся совокупность научных данных не оставляет места для сомнения в существовании атомов и молекул» (292).

Философскую позицию Перрена Ленин особо отметил, читая рецензию «примирителя» А. Рея на трактат Перрена по физической химии («Принципы»), вышедший в свет в 1903 г.: Перрен против того, чтобы *«рассматривать энергию как таинственную сущность»*, и рецензент (Рей) называет Перрена противником *«неоскептических систем»* [29, 351].

Этим Ленин подчеркнул материалистический характер воззрений Перрена, его враждебность махизму («неоскептицизму»).

Вопрос. Как же произошло *крушение энергетики* Оствальда? И были ли впоследствии *рецидивы* его энергетики и чем они кончились? (к с. 289).

Ответ. В энергетике Оствальда была сильна материалистическая струя, и эта именно струя определила то, что в критический момент он признал свое поражение в борьбе против материализма и атомистики. Эту противоречивую тенденцию в оствальдовской энергетике подчеркивал махист Карус, оценку которого В. И. Ленин приводит в своей книге. «Материализм и энергетика, — пишет Карус, — принадлежат безусловно к одной и той же категории». «Нас очень мало просвещает материализм, когда он говорит нам, что все есть материя, что тела суть материя, и что мысль есть только функция материи, а энергетика проф. Оствальда ничуть не лучше, раз он говорит нам, что материя есть энергия, и что душа есть только фактор энергии». В этом же духе писал об оствальдовской энергетике А. А. Богданов, следующее высказывание которого цитируется в ленинской книге: «Когда энергию представляют, как субстанцию, то это есть не что иное, как старый материализм минус абсолютные атомы, — материализм с поправкой в смысле *непрерывности* существующего» (289).

Но для того чтобы Оствальд отказался от своей энергетики, необходим был сильный толчок со стороны самого естествознания, развитие которого, как и всегда, вело в сторону неуклонного укрепления позиций материализма. Так было и в данном случае: новейшие физические и физико-химические открытия в начале XX в. все настойчивее доказывали, что материя дискретна, что антиатомистические тенденции не имеют никаких оснований. В сочетании с сильной материалисти-

ческой струей в самой энергетике эти новейшие данные науки и вынудили его публично расписаться в несостоятельности своей энергетики и открыто признать атомно-молекулярное учение.

В ноябре 1908 г. Оствальд сделал следующее заявление в предисловии к четвертому изданию своих «Оснований общей химии»: «Ныне я убедился, что в недавнее время нами получены экспериментальные подтверждения прерывного, или зернистого, характера вещества, которое тщетно отыскивала атомистическая гипотеза в течение столетий и тысячелетий. Изолирование и подсчет числа ионов в газах... а также совпадение законов броуновского движения с требованиями кинетической теории... дадут теперь самому осторожному ученому право говорить об экспериментальном подтверждении атомистической теории вещества... Тем самым атомистическая гипотеза поднята на уровень научно обоснованной теории...»¹

Спустя еще год он вновь повторил это заявление в статье «Основные стехиометрические законы и атомистическая теория»: «Как известно, исследования последнего времени дали весьма убедительные доказательства в пользу существования атомов; в целом ряде случаев даны недвусмысленные экспериментальные доказательства зернистого строения весомой материи или образования ее из отдельных частиц, причем основные числовые величины, выражающие соответствующие свойства, оказались согласными с требованиями кинетической теории»².

Однако урок, который дала история Оствальду и его «энергетике», не был учтен любителями реакционной моды. В связи с развитием ядерной физики и успехами практического овладения атомной энергией в 40-х и 50-х годах XX в. возродились концепции, родственные его «энергетике». В странах Запада появилось «новое» идеалистическое течение, которое можно было бы назвать «неоэнергетикой».

Представители этого течения истолковали в духе «неоэнергетики» известный закон взаимосвязи массы и энергии, открытый А. Эйнштейном в 1905 г. и вытекавший как следствие из созданной им специальной теории относительности. Закон записывается так: $E = mc^2$, где E — полная внутренняя энергия, m — масса, а c^2 — квадрат скорости света.

Этот закон показывает, что между энергией E и массой m существует постоянное строго количественное соотноше-

¹ Ostwald W. Grundriss der allgemeinen Chemie. Leipzig, 1908, S. VII.

² Оствальд В. Насущная потребность, с. 308.

ние. Никаких оснований нет для того, чтобы считать, будто масса, а тем более материя превращается в энергию; однако «неоэнергетики» именно так стали истолковывать этот закон. Наблюдаемые изменения в массе атомных ядер («дефект массы») опять-таки стали рассматриваться как доказательство того, что масса (и даже материя) «исчезает» и превращается в энергию.

Между тем действительное содержание закона Эйнштейна, равно как и реальный смысл явления «дефекта массы», состоит в том, что материя и движение неразрывны и что их физические выражения в виде массы и энергии тоже нераздельны. Поэтому-то когда в результате ядерной реакции выделяются громадные количества «атомной энергии», то вместе с нею уходит и соответствующее ей количество массы, что и вызывает «дефект массы».

В связи с этим закон Эйнштейна нельзя трактовать как закон эквивалентности массы и энергии или как закон, по которому будто бы масса «превращается» в энергию, о чем толкуют «неоэнергетики», но как закон нераздельности и количественной соотносительности массы и энергии. Такая его трактовка полностью соответствует позиции материалистической диалектики, ее принципу нераздельности материи и движения.

Между тем начиная с 40-х годов в литературе начали появляться утверждения, что будто понятие энергии поглощает понятие материи. Это был явный отход от материализма в сторону «энергетики» как идеалистического философского течения. Никакими ссылками на успехи современной энергетики как физического учения, основу которого составляет фундаментальный закон взаимосвязи массы и энергии, открытый Эйнштейном, нельзя объяснить, а тем более оправдать уступки «неоэнергетике». Это свидетельствует лишь о том, что еще до сих пор кое-кто склонен путать гносеологические и физические вопросы, чем в свое время столь безуспешно занимался Оствальд — родоначальник идеалистической энергетики.

Вопрос. Всегда ли надо добавлять слово «материя» к слову «движение», дабы избежать обвинения в философском энергетизме? (к с. 288).

Ответ. Дело не в словах, а в существе высказываемых положений. Можно, даже стоя на позициях энергетического мировоззрения, на деле во многих случаях высказывать материалистический взгляд на энергию и движение, не употребляя при этом слова «материя». Так, В. И. Ленин отмечает в отношении Оствальда, что «и у самого Оствальда в массе

случаев, даже вероятно в громадном большинстве случаев, под энергией разумеется *материальное движение*» (288).

Но ведь Остальд при этом слова «материя» отнюдь не употребляет. Он просто, следуя за всем естественным, часто рассматривает превращение энергии как объективный процесс, независимый от сознания человека и от опыта человечества, т. е. трактует этот процесс материалистически.

В определении материалистической диалектики как науки о наиболее общих законах всякого движения, совершающегося в природе, обществе и мышлении, слово «материя» отсутствует. Но ведь здесь не обязательно добавлять, что имеется в виду движение материи, поскольку речь идет о ней и в понятиях природы и общества и в понятии ее отражения в нашем сознании (мышлении).

Поэтому отсутствие слова «материя» ни в коем случае нельзя понимать как доказательство того, будто движение здесь рассматривается без материи, как оторванное от материи, идеалистически. Если классическое определение марксистской философии строится на указании общих законов всякого движения, которое совершается как во внешнем мире, так и в мышлении (отражении мира в сознании человека), то тем самым уже полностью выражен в этом определении материалистический взгляд и на мир и на мышление человека. Добавлять слово «материя» к словам «всякого движения» не только не нужно, но и — для мышления — невозможно, недопустимо. Признать мышление движением материи, подобно тому как движется материя в природе, — значит становиться на позиции вульгарного материализма, стирая грань между материей и сознанием.

Таким образом, попытка оградить себя от мнимого впадения в энергетизм ведет к вульгарному материализму. Настоящий философ и вообще всякий мыслящий читатель не впадет в столь нелепую ошибку и не станет вводить слово «материя» в классическое определение диалектики ради ограждения его от возможного обвинения в энергетизме. Это хороший пример того, как, казалось бы, чисто терминологический вопрос, поставленный и решенный неправильно, влечет за собой серьезные ошибки теоретического характера.

3. Материя и ощущение

Вопрос. Почему материализм не сводит ощущение к движению материи? (ж с. 41).

Ответ. Материализм рассматривает ощущение как отражение внешнего мира человеком. Ощущение не тождест-

венно с самим отражаемым объектом, а отлично от него. «Ощущение есть субъективный образ объективного мира, мира an und für sich» (120). Слова «an und für sich» («в себе и для себя») означают, что мир рассматривается сам по себе, как существующий независимо от наших ощущений.

Вульгарный материализм отождествляет мысль, сознание, ощущение с известными формами движения материи. Напротив, махисты отрицают вообще всякую связь ощущений с их материальной основой (с мозгом, с органами чувств, с центральной нервной системой), свойством, состоянием и функцией которой они являются.

Вульгарные материалисты и субъективные идеалисты в одном отношении сходятся между собой: и те и другие отождествляют физическое и психическое, материю и сознание, объективное и субъективное. Но первые это делают на материалистической основе, утверждая, что *ощущения суть материя*, ее отправления, а вторые делают это на идеалистической основе, утверждая, что *материя есть ощущения*, их комплекс. Отождествление материи и ощущений, проводимое вульгарными материалистами, оказывается весьма на руку махистам, поскольку оно позволяет им проповедовать свой субъективно-идеалистический тезис о том, будто материя и есть ощущения. В. И. Ленин в связи с этим ставит вопрос: «Как мог И. Дидген понравиться реакционным философам?» (256—263).

Ленин решительно выступает против обоих неправильных решений данного вопроса, хотя по вполне понятным причинам главный огонь своей критики направляет против идеалистов. Он подчеркивает, что субъективное (ощущение, сознание, мышление) есть функция высшего образования органической природы, следовательно, нечто вторичное, производное от движущейся материи; но вместе с тем оно не растворяется в своей материальной основе, не отождествляется, не сливается с ней, но существует и проявляется как специфическое свойство материи, как ее способность отражать самое себя. В связи с этим В. И. Ленин подчеркивал, что не в том состоят материалистические взгляды, «чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи» (41).

Ленин, как известно, указывал, что Энгельс отгораживался от вульгарных материалистов XIX в. именно потому, что они сбивались на отождествление мысли с материей, утверждая, будто мозг выделяет мысль так же, как печень выделяет

желчь. Вот почему Ленин подверг критике ошибку И. Дицгена, который в одном месте заявил, что отвлеченное представление является материальным и что дух не более отличается от стола, света и звука, чем эти вещи отличаются друг от друга.

Он разъяснил ошибку Дицгена, показав, что «назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом» (257). Сведение (в смысле отождествления) идеального к материальному, субъективного к объективному есть вульгарный, плоский, упрощенный материализм, чуждый диалектическому материализму Маркса, Энгельса и Ленина.

Отвергая материалистический взгляд на ощущение, Мах видит уязвимость материализма в нерешенности вопроса о том, каким образом возникает ощущение в процессе развития материи (причем не только органической, но и неорганической). Мах считает, что этот вопрос с точки зрения материализма можно было бы решить двояко и что оба эти решения оказались бы несостоятельными. Согласно одному из них ощущение должно возникать как-то внезапно (тогда невозможно было бы объяснить, откуда оно берется); согласно другому оно должно существовать в самом, так сказать, фундаменте здания, состоящего из материи (но тогда оно не было бы специфическим свойством сложно организованных живых существ, а принадлежало бы всей материи вообще, в том числе и неорганической). «С нашей точки зрения, — замечает Мах, — этот вопрос в основе своей ложен. Для нас материя не есть первое данное».

Приведя это рассуждение Маха, В. И. Ленин показывает (39—40), что существует третье решение вопроса — материалистическое. Он подчеркивает, что ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением» (40).

Ленин поясняет: «...Логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...» (91).

Именно из этой способности (или свойства) отражения, которое сходно с ощущением или ему родственно, но не тождественно с ним, возникает и развивается ощущение как специфическое свойство качественно определенного вида высокоорганизованной материи. Таким образом, здесь нет стирания грани между живой, ощущающей, и мертвой, неощущающей, материей (что получилось бы при условии приписы-

вания способности ощущения всей материи вообще), но здесь нет и разрыва между той и другой материей (как это предполагалось бы при внезапности появления способности ощущения в процессе развития материи). Это значит, что двум неправильным концепциям, которые Мах выдал за якобы материалистические, Ленин противопоставил единственно верную, марксистскую диалектическую концепцию возникновения ощущений в ходе развития материи.

Указывая, что этот вопрос ждет еще своего конкретного решения, что нужно еще серьезно исследовать, каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же частиц составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения, Ленин резюмирует: «Материализм ясно ставит нерешенный еще вопрос и тем толкает к его разрешению, толкает к дальнейшим экспериментальным исследованиям. Махизм, т. е. разновидность путаного идеализма, засоряет вопрос и отводит в сторону от правильного пути...» (40).

В наше время эти ленинские положения приобрели исключительно важное значение в связи с дискуссиями в области естествознания, особенно в области биологической науки.

4. Материальный субстрат движения и свойств тел

Вопрос. Как надо понимать нераздельность материи и движения, только ли в самом общем ее виде, что нет материи без движения, как нет и движения без материи, или же более конкретно, что с каждым *специфическим видом материи* нераздельно связана соответствующая ему и столь же *специфическая форма движения?* (к с. 265, 266).

Ответ. В. И. Ленин в своей книге цитирует слова И. Динэ-Дэнеса по поводу того, что новейшие физические открытия блистательно подтверждают мысль Энгельса: «Движение есть форма бытия материи». «Все явления природы суть движение,— пишет Динэ-Дэнес,— и различие между ними состоит только в том, что мы, люди, воспринимаем это движение в различных формах... Дело обстоит именно так, как сказал Энгельс» (265).

Далее Ленин приводит очень важное утверждение Энгельса (высказанное в «Анти-Дюринге») о том, что «движение немислимо без материи» (266).

Вместе с тем Ленин отметил, что Динэ-Дэнес игнорирует гносеологические выводы, которые делаются из «новой» физики. Возможно, что этот недостаток есть следствие более об-

щей причины — неумения венгерского автора ставить гносеологические вопросы. Так, из приведенной выше выдержки из его статьи может создаться впечатление, будто объективно, в самой природе, нет качественных различий между формами движения материи и что люди сами приносят эти различия, воспринимая движение в различных формах. Формулировка Динэ-Дэнеса весьма уязвима именно в гносеологическом отношении, хотя она и выдается венгерским автором за соответствующую взглядам Энгельса.

Между тем у Энгельса этот вопрос ставится ясно и четко. Анализируя в «Анти-Дюринге» скачкообразный характер перехода «от одной формы движения к другой», он пишет: «Таков переход от механики небесных тел к механике небольших масс на отдельных небесных телах; таков же переход от механики масс к механике молекул, которая охватывает движения, составляющие предмет исследования физики в собственном смысле слова: теплоту, свет, электричество, магнетизм»¹.

Далее Энгельс называет переход от физики молекул к физике атомов — химии — и переход от обыкновенного химического действия к химизму белков, который мы называем жизнью. Следовательно, различие между явлениями природы (различными формами движения материи) существуют отнюдь не потому, что мы, люди, воспринимаем единое движение в различных формах, а как раз наоборот: потому-то мы и воспринимаем его в различных формах, что эти его формы существуют реально, объективно, независимо от того, существуем ли мы сами и воспринимаем ли то, что совершается в природе.

Как видим, Энгельс раскрывает внутреннюю связь между каждой качественно определенной формой движения материи и ее специфическим материальным «носителем» (субстратом): механика изучает механическое движение, связанное с массами, физика — тепловое, лучистое, электрическое и т. д., связанное с молекулами, химия — химическое, связанное с атомами, биология — явления жизни, связанные с белками.

Но Энгельс не останавливается на этой, так сказать, самой первичной классификации форм движения (а также изучающих их наук) в связи с их материальными «носителями». Он идет дальше и связывает дифференциацию явлений самой жизни (т. е. биологической формы движения материи) с дифференциацией химических веществ, участвующих в данных процессах жизнедеятельности. «Повсюду, где мы встре-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 66.

чаем жизнь,— пишет он,— мы находим, что она связана с каким-либо белковым телом, и повсюду, где мы встречаем какое-либо белковое тело, не находящееся в процессе разложения, мы без исключения встречаем и явления жизни. Без сомнения, для того чтобы вызвать особые формы дифференциации этих явлений жизни, в живом организме необходимо присутствие также и других химических соединений, но для голого процесса жизни они не необходимы, или же необходимы лишь постольку, поскольку они поступают в организм в качестве пищи и превращаются в белок»¹.

Более того, как мы видели, Энгельс связывал различные специфические свойства живого (например, способность к ощущению) с наличием особого рода белков в качестве специфического материального «носителя» данной способности (свойства живого или формы проявления жизнедеятельности).

Ход мысли Энгельса ясен: подобно тому как в общем случае движение есть форма (или способ) бытия материи, а потому и нераздельно с нею, так каждый особый вид материи, в том числе и каждый вид ее дискретных макротел и микрочастиц, имеет свою, только ему присущую специфическую форму движения.

Изучая и конспектируя переписку Маркса и Энгельса за 1844—1883 гг., В. И. Ленин полностью переписал письмо Энгельса Марксу от 30 мая 1873 г., в котором изложен план будущей «Диалектики природы». В этом письме как раз и содержится интересующая нас в данном случае главная мысль Энгельса: «Предмет естествознания — движущаяся материя, телá. Телá неотделимы от движения: их формы и виды можно познавать только в движении; о телах вне движения, вне всякого отношения к другим телам, ничего нельзя сказать. Лишь в движении тело обнаруживает, что оно есть. Поэтому естествознание познает телá, только рассматривая их в отношении друг к другу, в движении. Познавание различных форм движения и есть познание тел. Таким образом, изучение этих различных форм движения является главным предметом естествознания»².

Разумеется, что сказанное Энгельсом о конкретных формах движения материи в том же письме (это также подробно переписано Лениным в своем конспекте) относится ко второй половине XIX в., когда между отдельной формой движе-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 83.

² Ленин В. И. Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса 1844—1883 гг.». М., 1968, с. 150.

ния и отдельным видом материи, связанным с пею, было строго однозначное отношение: физика занималась молекулами, химия — атомами, материальным носителем жизни считался белок и т. д. В XX в. здесь произошли глубокие изменения. Оказалось, что между видами материи (их называют сейчас уровнями структурной организации материи) и соответствующими им формами движения в действительности нет такой простой однозначной связи, какая рисовалась ученым XIX в. Например, сегодня атомами занимаются не только химики, но и физики. Точно так же молекулы составляют предмет изучения не только физиков, но и химиков. Материальными носителями жизни оказались не только белки, но и другие сложные вещества небелкового характера — пукленовые кислоты, особенно те, которые являются вещественными носителями свойства наследственности.

Тем не менее принципиальная постановка вопроса, данная Энгельсом и вытекающая из центрального положения материалистической диалектики — движение есть способ (или форма) существования материи, в своей основе сохранила прежнее значение для науки. Необходимо только нераздельную связь между видом материи как носителем данной формы движения (или данного свойства тел или их способности) и движением понимать более дифференцированно, вскрывая внутреннюю противоречивость этой связи. Например, современная физика изучает атомы как сложные системы, которыми, как высшей ступенью, завершается предшествующее движение (развитие) материи, берущее начало в более простых (более элементарных) формах — элементарных физических частицах, куда относятся и такие, как электрон и позитрон, а также протон и нейтрон, из которых строятся атомные ядра. Химия же, напротив, изучает те же самые атомы, но только с другой их стороны, а именно как исходные структурные элементы (мельчайшие частички химических элементов), из которых строятся молекулы всех химических веществ.

Аналогичным образом и молекулы выступают в современной науке двояко по отношению к химии и физике: химия видит в них завершающую ступень движения (развития) химического вещества, строящегося из атомов, тогда как молекулярная физика рассматривает их как исходные «кирпичики» (своего рода элементарные формы), из которых образуются агрегатные состояния веществ (телá) — газы, жидкости, твердые кристаллические тела.

Вопрос. Какое значение для современного естествознания имеет вопрос о существовании особых или *специфичес-*

ских материальных носителей у тех или иных свойств и форм движения, в частности у таких биологических свойств, как ощущение и наследственность? (к с. 40, 50).

О т в е т. Глубокий смысл указания В. И. Ленина на то, что материализм ставит не решенный еще наукой вопрос и этим толкает исследовательскую мысль ученых к его решению, к постановке новых экспериментов, имеет прямое и непосредственное отношение к современной генетике (учению о наследственности). Как следовало бы подходить к спорным проблемам генетики с позиций диалектического материализма? Основной пункт, по которому велись ожесточенные споры, касался того, имеются ли у биологического свойства наследственности специфические материальные носители или нет. Представители и сторонники современной научной генетики считают, что такие носители имеются и что признание их не только не противоречит диалектическому материализму, а полностью согласуется с ним.

Начнем с более общих положений. В. И. Ленин называет «безусловно крайне существенными в данном вопросе» такие утверждения Энгельса, как утверждение: «...движение немыслимо без материи» (266). В «Анти-Дюринге», откуда взята эта формулировка, вопрос излагается следующим образом. Говоря о том, как «понять действительную связь между материей и движением», Энгельс подчеркивал: «*Движение есть способ существования материи*. Нигде и никогда не бывало и не может быть материи без движения... Материя без движения так же немыслима, как и движение без материи. Движение поэтому так же несотворимо и неразруσιμο, как и сама материя...»¹

В разных местах книги Ленина эти идеи и формулировки Энгельса находят дальнейшее развитие и конкретизацию. В этой именно связи Ленин подчеркивал по поводу открытия закона сохранения и превращения энергии, что Энгельс считал «этот закон установлением основных положений *материализма...*» (353). Подобно Энгельсу, Ленин видел в этом законе прежде всего подтверждение принципа нераздельности, неразрывности материи и движения (энергии), или, другими словами, наличие у энергии материального носителя, материального субстрата. С этих позиций Ленин критикует и высмеивает махистов и энергетиков, которые пытались оторвать движение (энергию) от материи, лишить его материального субстрата. Он подробно разбирает «аргументы» в пользу такого идеалистического по своему существу воззре-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 59.

ния, причем наряду с высказываниями «самого» Вильгельма Оствальда (основателя «энергетики» как мировоззрения) Ленин подвергает критике рассуждения А. Богданова в бытность его сторонником оствальдовской энергетики.

Богданов рассуждал следующим образом: прежде, в «эпоху статики», люди якобы привыкли видеть в роли подлежащего обязательно что-то солидное, какой-нибудь «предмет» (отсюда и родилось, дескать, понятие «материи»), а такую неудобную для статического мышления вещь, как «движение», согласились терпеть только в качестве сказуемого, одного из атрибутов «материи». Продолжая эту мысль, он писал: «...ведь должна же энергия иметь носителя!» — говорят сторонники материи. — «А почему?» — резонно спрашивает Оствальд. — «Разве природа обязана состоять из подлежащего и сказуемого?»

Анализируя это рассуждение, Ленин показывает его полнейшую несостоятельность и путаность: «Ответ Оствальда, столь понравившийся в 1899 году Богданову, — пишет Ленин, — есть простой софизм. Разве наши суждения, — можно бы ответить Оствальду, — обязаны состоять из электронов и эфира? На деле, мысленное устранение материи как «подлежащего», из «природы», означает молчаливое допущение *мысли* как «подлежащего» (т. е. как чего-то первичного, исходного, независимого от материи), в философию. Устраняется-то не подлежащее, а объективный источник ощущения, и «подлежащим» становится *ощущение*, т. е. философия становится берклианской, как бы ни переряживали потом слово: ощущение» (286).

Таковы общие исходные положения, которыми вслед за Энгельсом и Лениным должен руководствоваться тот, кто считает себя диалектическим материалистом. Из этих общих положений вытекают исключительно важные следствия, прямо относящиеся к поставленному выше вопросу о материальных носителях наследственности. Если в общем случае движение есть способ существования материи, то, очевидно, следует признать, что каждый вид материи связан с определенным, только ему свойственным, следовательно специфическим, движением, и наоборот: каждый особый род движения оказывается связанным с определенным видом материи, как его реальным носителем, или субстратом. Таким образом, вопрос, который интересует генетику, не является случайным, а вытекает из более общих положений, касающихся всего естествознания и вместе с тем всего диалектического материализма.

Поставленный Лениным вопрос о том, каким образом связывается материя, не ощущающая вовсе, с материей, составленной из *тех же частиц* и обладающей ясно выраженной способностью ощущения, как раз и может быть рассмотрен в плоскости вопроса о материальных носителях определенных биологических свойств. Если такие носители существуют у свойства ощущения, то почему надо отрицать их допустимость в случае свойства наследственности, да еще к тому же объявлять соответствующие воззрения механизмом и идеализмом?

Приведенные выше высказывания Ленина прямо перекликаются с тем, что писал Энгельс. В том же «Анти-Дюринге» говорится (и это место В. И. Ленин, несомненно, знал и опирался на него): «Ощущение связано необходимым образом не с нервами, но, конечно, с некоторыми, до сих пор не установленными более точно, белковыми телами»¹.

Следовательно, и для Энгельса было ясно, что такое свойство, как ощущение, имеет своего специфического материального носителя, хотя точная природа этого носителя не определена еще наукой.

Исключительно важно указание Ленина на то, что разные материальные образования могут быть одинаковыми в отношении тех структурных элементов (частиц), из которых они состоят. Одни и те же частицы в одном случае образуют материальную систему, лишенную способности ощущать, а в другом случае — систему, наделенную этой способностью. В чем же в таком случае заключается качественное различие между обеими системами? Очевидно, только в различии их *структуры*, или, говоря иначе, в различном порядке взаимосвязывания одних и тех же частиц между собой, в различном их взаимодействии, их взаимовлиянии: в одном случае структура тел более проста и возникает на более низкой ступени развития материи, в другом же случае она является неизмеримо более сложной, и эта более сложная структура возникает на более высоком уровне развития и организации материи. Ленин прямо писал: «Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи... Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи. Таковы взгляды материализма вообще и Маркса — Энгельса в частности» (50).

Из сказанного следует, что различие двух совокупностей одних и тех же «частиц», из которых одна способна ощущать,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 81.

другая — нет, зависит исключительно от степени организации материи, иначе говоря, от ее внутренней структуры.

Теперь возникает вопрос: что в данном случае вкладывается конкретно в понятие «структура материи»? В. И. Ленин, говоря о том, что «частицы» — одни и те же, имел в виду атомы и электроны, т. е. физические и химические частицы. Очевидно поэтому, что в первую очередь речь тут должна идти о выяснении физической и химической структуры тех материальных тел, из которых одни обладают способностью ощущения, другие — нет. Наличие данного биологического свойства (способности ощущения) оказывается в прямой зависимости от физической и химической структуры материальных носителей этого свойства; точно так же его отсутствие у неживых тел или у низших живых существ опять-таки объясняется отсутствием у них такой физической и химической структуры, при которой упомянутое свойство возникает и начинает функционировать.

Здесь мы подходим к вопросу о генетическом и структурном сведении явлений жизни к физическим и химическим факторам. По этому вопросу имеются чрезвычайно важные соображения Энгельса в «Диалектике природы», которой, к сожалению, Ленин не знал, так как она была опубликована впервые только в 1925 г. В статье «Основные формы движения» Энгельс писал: «Лишь после того как эти различные отрасли познания форм движения, господствующих в области неживой природы, достигли высокой степени развития, можно было с успехом привнестись за объяснение явлений движения, представляющих процесс жизни. Объяснение этих явлений шло вперед в той мере, в какой двигались вперед механика, физика и химия. Таким образом, в то время как механика уже давно была в состоянии удовлетворительно объяснить происходящие в животном теле действия костных рычагов, приводимых в движение сокращением мускулов, сводя эти действия к своим законам, имеющим силу также и в неживой природе, физико-химическое обоснование прочих явлений жизни все еще находится почти в самой начальной стадии своего развития. Поэтому, исследуя здесь природу движения, мы вынуждены оставить в стороне органические формы движения»¹.

Энгельс оговаривается далее, что сообразно с уровнем научного развития он принужден ограничиться формами движения неживой природы. Сегодня для нас существенно и важно то, что связывает эту постановку вопроса о физико-хи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 391.

мическом обосновании явлений жизни (ее генезиса, ее сущности) с ленинской постановкой вопроса о том, что материальной основой тех или иных биологических свойств служит определенная структура материи, причем имеются в виду физические и химические частицы материи, связывающиеся определенным способом между собой.

В длительных спорах вокруг вопросов генетики, как известно, истина оказалась на стороне тех ученых, которые отстаивали (в полном согласии с Энгельсом и Лениным) то положение, что наследственность, как биологическое свойство живых существ, имеет своих определенных вещественных носителей, физической и химической структурой которых определяется не только общий характер, или, как иногда говорят, природа этого свойства, но и детальный внутренний «механизм» его функционирования.

Глава IX

НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ И СПЕЦИАЛЬНО ФИЗИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

1. Соотношение между физическим объектом и его отражением в науке

Вопрос. Как надо понимать формулировку сути кризиса физики в той ее части, где сказано о *ломке старых законов* и основных принципов? В частности, что означает указание на то, что «революционер-радий» *подрывает принцип сохранения энергии*? Ведь законы природы, как указывал В. И. Ленин, не зависят от человека; как же они могут стареть, ломаться и подрываться? (к с. 266 и 272).

Ответ. Конечно, законы природы не могут меняться по воле человека, поскольку они носят объективный характер. Но надо учесть, что слова «закон» и особенно «принцип» имеют двойное значение. Они употребляются, во-первых, в смысле *закона природы*, существующего объективно, независимо от нас и лишь отражаемого нашим сознанием, и, во-вторых, в смысле *закона науки*, закона естествознания, закона физики, который представляет собой *отражение* наукой объективного закона природы, формулировку знания этого закона, его теоретическое объяснение и толкование человеком.

Говоря о «ломке старых законов и основных принципов» (272), таких, как принцип сохранения энергии и принцип сохранения массы, Ленин подразумевает не объективные за-

коны природы сами по себе, а лишь их формулировки, их научное выражение. В старой физике эти формулировки давались как абсолютные, всеобъемлющие, а законы природы толковались метафизически, как вечные и неизменные по своему действию и проявлению. Напротив, новая физика обнаружила изменчивость, релятивность, относительность всех научных понятий, в том числе и понятий законов физики, на чем всегда настаивал диалектический материализм. Как пример того, что физик (речь идет в данном случае о Дюгеме) ломится в открытую диалектическим материализмом дверь, В. И. Ленин приводит его слова, что «всякий закон физики есть временный и относительный, потому что он приближителен» (329). Но, не умея дать правильной формулировки относительности понятия закона, Дюгем катится через релятивизм (через признание относительности наших знаний) в субъективный идеализм. Он заявляет: «Закон физики, собственно говоря, не истинен и не ложен, а приближителен» (329). «В этом «а» есть уже начало фальши, — констатирует Ленин, — начало стирания грани между теорией науки, приблизительно *отражающей объект*, т. е. приближающейся к объективной истине, и теорией произвольной, фантастической, чисто условной...» (329).

Слово «закон» Ленин употребляет здесь именно в смысле закона науки, закона физики, т. е. как понятие, отражающее объективную природу, необходимую связь ее явлений. Он прямо ссылается на Энгельса, который неоднократно и с полнейшей определенностью говорил «о закостенелости понятий у многих современных естествоиспытателей, об их метафизических (в марксистском смысле слова, т. е. антидиалектических) взглядах...» (41).

Ломка старых законов, таким образом, означает, по Ленину, ломку устаревших, метафизических ограниченных, закостенелых *понятий* и формулировок, касающихся познания объективной закономерности природы. И в самом деле очевидно, что по мере развития нашего познания могут устаревать и на деле устаревают именно *понятия*, которыми мы мыслим и в которых отражаем природу и ее закономерности, но отнюдь не сама природа и не присущие ей закономерные связи явлений.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленина мы находим исключительно важное высказывание по данному вопросу: «...понятие *закона* есть одна из ступеней познания человеческого *единства* и *связи*, взаимозависимости и цельности мирового процесса. «Обламывание» и «вывертывание» слов и понятий, которому здесь предается Гегель, есть борьба с абсолютирова-

нием понятия *закона*, с упрощением его, с фетишизированием его» [29,135]. В. И. Ленин отмечает, что это очень важно для современной физики. Понимание закона как спокойного отражения явлений он оценивает как замечательное материалистическое и меткое определение закона, согласно которому «закон берет спокойное — и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приближителен». Воюя против махистского толкования закона науки (закон относителен, приближителен, значит, он не истинен и не ложен, а является произвольным для нас понятием), Ленин дает последовательно материалистическое толкование закона науки, которое исключает всякий субъективизм (закон науки относителен, приближителен, и он дает относительно верное отражение объективной связи явлений).

Вопрос. Правильно ли считать, что материализм не допускает трактовки *отражения как соответствия* между научной теорией и физическим объектом, о чем одно время заявлялось в связи с критикой «принципа соответствия» в физике? (к с. 105).

Ответ. Ленинская теория отражения не только не исключает, но прямо предполагает употребление понятия «соответствие», когда возникает вопрос о том, каким образом наше сознание отражает внешний мир и его законы. Мы употребляем понятие «соответствие», так же как аналогичные ему понятия «согласие», «совпадение», в том случае, когда хотим сказать, что внешний мир отражается сознанием правильно, верно, истинно. Ленин критикует махистов, например, за то, что «они не видят в ощущениях верного снимка с этой объективной реальности, приходя в прямое противоречие с естествознанием и открывая дверь для фидеизма» (130). Признать, что наши ощущения являются *верным*, неискаженным снимком с внешнего мира,— это и означает признать, что они *соответствуют* ему. Он прямо указывает, что речь идет «о *соответствии* между отражающим природу сознанием и отражаемой сознанием природой» (140).

Именно так Ленин излагает взгляды Маркса и Энгельса по данному вопросу. Он приводит слова Маркса, что вне практики ставить вопрос о том, соответствует ли человеческому мышлению предметная (т. е. объективная) истина, есть схоластика. Далее в книге следует высказывание Энгельса, которое Ленин излагает так: «Успех наших действий доказывает согласие (соответствие, Übereinstimmung) наших восприятий с предметной» (объективной) «природой воспринимаемых вещей» (140) и добавляет уже от себя: «Для материалиста «успех» человеческой практики доказывает соответствие

наших представлений с объективной природой вещей, которые мы воспринимаем» (142). При этом имеется в виду утвердительный ответ на вопрос, поставленный Энгельсом: можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности? (99).

В другом месте своей книги В. И. Ленин разбирает вопрос о том, соответствует ли восприятиям пространства и времени органами чувств человека и понятиям человечества о пространстве и времени объективная реальность. Ленин подчеркивает, что учение науки (хотя оно и носит относительный характер на каждой ступени научного развития) *соответствует* объективной реальности. «...Наш «опыт» и наше познание все более приспособляются к *объективному* пространству и времени, все правильное и глубже их *отражая*» (195).

Ленин показывает, что всю свою критику агностицизма Энгельс строил на признании того, что, когда вещь *соответствует* нашему представлению о ней, она дает тот результат, какого мы ожидали от ее употребления, и это служит доказательством, что наши восприятия о вещи и ее свойствах *совпадают* с существующей вне нас действительностью (109). Если мы находим, что законы мышления соответствуют законам природы, то это вполне понятно, согласно Энгельсу, поскольку мышление и сознание — продукты человеческого мозга, а сам человек есть продукт природы. Ясно поэтому, что продукты человеческого мозга, будучи сами в конечном счете продуктами природы, не противоречат остальной естественной связи, а *соответствуют* ей.

Ленин разоблачил попытку Базарова уцепиться за двузначность русского слова «совпадать», чтобы приписать Энгельсу махистский взгляд. Он показал, что Энгельс трактует «чувственное представление» как образ вне нас существующей действительности и, «следовательно, слово «совпадать» можно употребить по-русски исключительно в смысле соответствия, согласованности и т. п.» (115). Ленин назвал азбукой *всего* материализма вообще «признание реальных объектов вне нас, каковым объектам «соответствуют» наши представления» (105). Нет никаких оснований ставить под сомнение термин «соответствие» как якобы не согласующийся с термином «отражение».

Что же касается «принципа соответствия» в современной физике, то объявление его идеалистическим, как это было сделано некоторыми лицами лет 30—35 назад, есть плод такого же недоразумения, как и объявление теории относительности идеалистическим учением. «Принцип соответствия» был выдвинут Н. Бором в 1913 г. при разработке теории стро-

ения атома. Этот принцип предполагает, что новая, более точная и более полная физическая теория, касающаяся какого-либо круга физических явлений, не отбрасывает прежней теории, которая относилась к тому же, но только более ограниченному кругу явлений, а включает ее в себя в качестве своего частного или предельного случая. Поэтому между обеими теориями — старой и новой — должно существовать определенного рода *соответствие*. Возникает вопрос: чем же оно вызвано? Ответ на него можно дать, исходя из учения диалектического материализма о соотношении *объективной, абсолютной и относительной истин*. Любая физическая теория представляет собой относительную истину, т. е. неполное знание, не исчерпывающее отражение объективной реальности. В каждом таком отражении содержится часть полного, исчерпывающего знания, т. е. абсолютной истины. Развитие физики, как и всего научного познания, идет таким путем, что неполное знание о каком-либо объекте становится все более и более полным и точным, оставаясь в то же время относительным. Это означает, что зерна абсолютной истины, содержащиеся в физической теории о данном объекте, непрестанно накапливаются, к ранее найденным зернам прибавляются новые, их «размеры» растут количественно, а содержание преобразуется качественно.

В. И. Ленин писал, «что из суммы относительных истин в их развитии складывается абсолютная истина, — что относительные истины представляют из себя относительно верные отражения независимого от человечества объекта, — что эти отражения становятся все более верными, — что в каждой научной истине, несмотря на ее относительность, есть элемент абсолютной истины...» (328).

Опираясь на эти положения, рассмотрим любые две относительные истины, последовательно возникшие одна за другой и касающиеся одного и того же физического объекта. Очевидно, что мы обнаружим два соотношения: во-первых, более ранняя из них, представленная старой физической теорией, будет являть собой менее полное и менее точное знание о данном объекте, а более поздняя, представленная новой физической теорией, будет являть собой более полное и более точное знание о том же объекте, причем, будучи более полной относительной истиной, она включит в себя и ту долю абсолютной истины, которая содержалась в более ранней физической теории. Во-вторых, обе эти относительные истины — более ранняя и более поздняя, — каждая порознь, будут *соответствовать* одному и тому же физическому объекту, который они с той или иной полнотой отражают. Отсюда вытекает

третье соотношение: *соответствия порознь одному и тому же объекту, обе относительные истины, обе физические теории — новая и старая — необходимо должны соответствовать друг другу*, т. е. находиться во внутреннем согласии между собой. Это положение и составляет истинное содержание материалистически истолкованного «принципа соответствия»: *соответствие между теориями, которое этот принцип выражает, объясняется строго материалистически соответствием этих теорий одному и тому же объекту.*

Очевидно, соответствие между двумя развившимися одна за другой физическими теориями может представляться так, что более поздняя теория, будучи более полной, широкой, включает в себя как свой частный случай более раннюю, менее полную, узкую теорию. Тем самым первая ограничивает вторую, указывает пределы действия законов природы, отражаемых более узкой теорией, указывает объективные рамки ее приложимости. Именно так Ленин охарактеризовал соотношение старой (классической), механической картины мира и новой, электромагнитной его картины, показывая, что обе физические картины мира находятся тем самым в определенном соответствии между собой. «...Как ни необычно ограничение механических законов движения одной только областью явлений природы и подчинение их более глубоким законам электромагнитных явлений и т. д., — писал он, — все это только лишнее *подтверждение* диалектического материализма» (276).

Отмечая, что абсолютная истина складывается из суммы относительных истин, Ленин разъясняет: «Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» (137).

«Принцип соответствия» как раз и раскрывает внутренний механизм накопления зерен абсолютной истины, касающийся определенного физического объекта, выражая соотношения между прежней суммой этих зерен и новой, возросшей их суммой после добавления к ней новых зерен. В этом его большое познавательное значение не только для физики, но и для диалектико-материалистической философии. Поэтому объявление его идеалистическим было безусловно ошибкой.

Вопрос. Можно ли считать, что *объективная истина есть сама природа*, сама материальная действительность? (ж с. 138).

Ответ. Нет, нельзя. Подобного рода утверждение означало бы вульгаризацию материализма. Ленин считал, что

объективная истина — это *содержание наших представлений, не зависящее от нас самих*, это отражение объективной реальности в нашем сознании, а вовсе не сама объективная реальность. Поэтому вопрос о том, существует ли объективная истина, он формулировал так: «может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества?» (123).

Истина есть соответствие наших знаний, наших представлений об объекте самому объекту самой действительности. Отождествление истины с объектом, с природой равносильно отождествлению знаний и представлений о данном предмете с самим предметом. Это ошибка, типичная для вульгарного материализма.

Поводом для такого нелепого вывода послужили некоторые произвольно перетолкованные, но сами по себе вполне ясные положения, которые встречаются в ленинской книге. Так, Ленин говорит, что «всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа» (138). Это совершенно верно. Для научной идеологии существенно соответствие ей объективной истины, а поскольку эта последняя сама соответствует объективной реальности, природе, то тем самым этой научной идеологии соответствует и абсолютная природа. Но никакого отождествления объективной истины с абсолютной природой здесь нет. Тот, кто не цепляется за буквы и за знаки препинания, а учитывает дух и смысл ленинских высказываний, никогда не усмотрит в таком высказывании даже намек на отождествленные истины с природой, мысли с материей.

То же самое касается и высказывания Ленина о материалистах, видящих «в критерии практики подтверждение *объективной истины, объективной реальности* нашего чувственного мира» (189). Здесь, так же как и выше, нельзя усмотреть даже намек на утверждение, будто объективная истина есть реальный чувственный мир. Речь идет у Ленина о том, что практика проверяет истинность наших знаний о мире, и, подтверждая наличие в них объективной истины, тем самым доказывает существование самого объективного мира, отражаемого в нашем сознании в виде объективной истины.

Ссылаясь на Фейербаха, который писал, что материализм исходит из чувственного мира как «последней (ausgemachte), объективной истины», Ленин приводит цитату из его сочинений: «Современный философский спиритуализм, пазывающий себя идеализмом, делает материализму следующий, унич-

тожающий, по его мнению, упрек: материализм-де есть догматизм, т. е. он исходит из чувственного (sinnlichen) мира, как из бесспорной (ausgemacht), объективной истины, считает ее миром в себе (an sich), т. е. существующим без нас, тогда как на самом деле мир есть лишь продукт духа» (118).

Здесь речь идет о том, что объективная истина есть признание материалистами существования чувственного, материального мира, а это оспаривают идеалисты, считая мир по своей природе духовным. Если же сделать вывод, будто объективная истина есть материальный мир, как это в данном случае можно при желании сделать на основании последней цитаты, то надо учесть, что эта мысль принадлежит не Ленину, а Фейербаху, причем и Фейербах в ней выражает оценку материалистического взгляда, которую дает не он сам, а, по его словам, «современный философский спиритуализм, называющий себя идеализмом».

Вопрос. Критикуя позицию А. Богданова по вопросу об объективной истине, Ленин писал об *отрицании элемента относительного* в человеческих представлениях. Но ведь Богданов как раз не отрицал элемента относительного, а отрицал момент *абсолютного* в наших представлениях. Как надо понимать это место в книге Ленина? (ж с. 123—124).

Ответ. В таких случаях необходимо тщательно анализировать весь ход ленинской мысли и рассмотреть соответствующее место в общем контексте рассуждений. Критикуя махистскую концепцию истины, которую отстаивал Богданов, Ленин показал прежде всего, что Богданов смешал два разных философских вопроса: существует ли объективная истина и если да, то могут ли наши представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, абсолютно или же только приблизительно, относительно?

Первый вопрос, как видим, требует ответа: является ли содержание наших представлений, независимо от того, будем ли мы считать его абсолютной или относительной истиной, выражением объективной истины? Иначе говоря, признается ли существование объективной истины? В этом параграфе Ленин констатирует, что «на второй вопрос Богданов отвечает ясно, прямо и определенно, отрицая самое малейшее допущение абсолютной истины...» (123). «Теперь же,— пишет далее Ленин,— остановимся на первом вопросе, который Богданов, не говоря этого прямо, решает тоже отрицательно,— ибо можно отрицать элемент относительного в тех или иных человеческих представлениях, не отрицая объективной истины, но нельзя отрицать абсолютной истины, не отрицая существования объективной истины» (124).

Это место как раз и может вызвать сомнение. Но прежде всего попытаемся разобрать его в том виде, как оно записано в книге. Смысл его в этой записи таков: можно стоять на позиции признания только одной абсолютной истины, как это делают метафизики, но при этом признавать объективную истину, иначе говоря, стоять на позициях метафизического материализма, но нельзя быть материалистом, если отрицаешь абсолютную истину, так как ее отрицание означает отрицание объективной истины вообще.

Так как Богданов категорически отрицал всякую абсолютную истину вообще, то он, следовательно, мог стоять только на позициях субъективного идеализма, на позициях отрицания объективной истины.

Теперь все становится ясным: Богданов прямо, открыто не сказал, как он решает первый вопрос, который в данном случае как раз и интересует Ленина. Поэтому Ленин показывает, что из отрицательного богдановского ответа на второй вопрос вытекает как логическое следствие не высказанный Богдановым прямо отрицательный же ответ и на первый вопрос: раз отрицается абсолютная истина, то уже тем самым отрицается и не может не отрицаться и объективная истина.

Именно таков смысл приведенной ленинской фразы. Но при чтении ее может показаться, что Ленин имеет в виду позицию Богданова, которую он критикует не только в пункте отрицания абсолютной истины (вторая часть приведенной фразы), но и в пункте отрицания элемента относительного, что составляет первую часть фразы, ее начало. Но тогда действительно возникает недоумение: ведь Богданов не только не отрицает элемент относительного в человеческих представлениях, а, как раз наоборот, отрицая абсолютную истину, признает только один элемент относительного, иначе говоря, стоит на позициях релятивизма. Если допустить, что Ленин действительно в первой части приведенной фразы имел в виду махистскую позицию Богданова, а не позицию метафизического материализма, то соответствующая (первая) часть данной фразы должна бы читаться примерно так: «ибо можно не отрицать (т. е. признавать) элемент относительного в тех или иных человеческих представлениях, не отрицая объективной истины» и т. д. Другими словами, смысл фразы был бы тогда такой: можно стоять на позиции признания относительной истины, оставаясь при этом материалистом (это, например, сторонники диалектического материализма), или же разделять точку зрения объективного идеализма.

В этом случае пришлось бы признать, что вместо слова «отрицать» «элемент относительного» должно было бы стоять

слово «признать». Однако вдумавшись еще раз в ход ленинских рассуждений: показав, что Богданов ответил отрицательно на второй вопрос (отверг абсолютную истину), Ленин логически выводит из этого факта неизбежность отрицания Богдановым и объективной истины.

В такой связи не так уж существенно, идет ли речь в первой части данной фразы об отрицании элемента относительного метафизическим материалистом или же о признании этого элемента, причем его признает не только Богданов, который абсолютизирует этот элемент, но и диалектика, которая рассматривает относительное в единстве с абсолютным. Таким образом, Ленин доказывает, что если Богданов отрицает абсолютную истину, то тем самым он уже отрицает и объективную истину. Таков смысл данной фразы в книге.

2. Масса как физическое свойство материи. Понятие «эфир»

Вопрос. Что означает выражение «исчезновение массы» и отсутствие у электрона другой массы, кроме электромагнитной? Как надо трактовать понятие «эфир»? (ж с. 266—267 и 276).

Ответ. Классическая механика изучала макропроцессы, т. е. движения, которые совершаются со сравнительно малыми скоростями, причем сами движущиеся тела (макротела) обладают сравнительно большими (механическими) массами. В таких условиях наблюдаются соотношения, при которых масса тела остается всегда постоянной, не зависящей от того, находится ли изучаемое макротело в относительном покое или же движется с той или иной скоростью. Механическая масса тел (или их вес, в котором она проявляется) остается неизменной даже при самых глубоких превращениях вещества, какими до конца XIX в. наука считала химические превращения. Это было выражено в законе сохранения вещества, который открыт в химии в XVIII в. Ломоносовым и Лавуазье.

Ошибка естествоиспытателей XVIII и XIX вв. состояла в том, что они универсализировали этот закон, распространили его на все явления природы, на всю природу в целом, включая самые малые частицы материи. Тем самым принцип сохранения механической массы был абсолютизирован: механическая масса рассматривалась как вечное, неизменное свойство, более того, как количественный признак материи.

Революция в физике конца XIX — начала XX в. разрушила не сам по себе принцип сохранения механической массы, а его абсолютизирование, неправильное, метафизическое распространение его на все области природы, на все физиче-

ские тела — большие и малые. Она показала, что этот принцип посит относительный характер и ограничен областью сравнительно медленных движений, которые совершают макротела, обладающие сравнительно большой массой. За пределами этой области он утрачивает свою силу.

Новая физика доказала, что при очень больших скоростях, приближающихся к скорости света, — а такие быстрые движения могут совершать и совершают очень малые тела природы (микрочастицы, подобные электрону) — масса движущегося тела уже не остается постоянной, а возрастает соответственно увеличению скорости движущегося тела. По этому поводу В. И. Ленин писал, приводя оценку состояния современной физики, которую дал А. Пуанкаре: «Например, принцип Лавуазье, или принцип сохранения массы, оказывается подрваным электронной теорией материи» (266).

Раскрывая выражение «материя исчезает», В. И. Ленин разъяснял: это значит, в частности, что «исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи» (275). Здесь под «массой» подразумевается механическая масса. Смысл этого высказывания состоит в признании того, что исчезает неправильно приписывавшийся свойствам материи абсолютный характер. То, что считалось неизменным, абсолютным, на деле изменчиво, относительно. При очень больших скоростях масса оказывается изменчивой, зависящей от движения. Считалось, что движение электронов совершается в среде, которую физики начала XX в., так же как и их предшественники в XIX в., называли «эфиром». «При таких условиях приходится принимать во внимание двоякую массу электрона соответственно необходимости преодолеть инерцию, во-первых, самого электрона и, во-вторых, эфира. Первая масса будет реальной или механической массой электрона, вторая — «электродинамической массой, представляющей инерцию эфира». И вот, первая масса оказывается равной нулю. Вся масса электронов, или, по крайней мере, отрицательных электронов, оказывается по происхождению своему всецело и исключительно электродинамической. Исчезает масса. Поднимаются основы механики. Подрывается принцип Ньютона...» (267).

Здесь Ленин передал взгляд тогдашних физиков на природу массы электрона в толковании, данном Пуанкаре. Из приведенной цитаты видно, что у электрона масса все же имеется, что исчезает у него не всякая масса вообще, а только та,

которая раньше одна только и принималась во внимание физиками, а именно механическая. Следовательно, вывод Пуанкаре об «исчезновении массы» по меньшей мере неточен. Надо было бы сказать: «исчезает механическая масса», как якобы единственное проявление массы; но свойство массы, сохраняясь у электрона, меняет свой характер, свою «природу». Подобно тому как энергия может менять свою качественную форму, переходя, например, из химической в электрическую, или из механической в тепловую, или даже из кинетической в потенциальную, сохраняясь при этом количественно, так и масса оказалась способной проявляться в качественно различных формах, сохраняясь количественно. Вот суть открытия, сделанного физиками и неточно охарактеризованного Пуанкаре.

В современной физике эти две качественно различные формы массы, которые, как оказалось, способны переходить друг в друга, получили название «массы покоя» и «массы движения». Масса покоя именуется иногда также «собственной массой». Считавшаяся «электродинамической» (или электромагнитной) масса электрона есть частный случай массы движения.

Но неточности у Пуанкаре этим не кончаются. Как бы ни была мала масса покоя у электрона по сравнению с массой атома, она все же не равна нулю (как утверждал Пуанкаре), но имеет определенное конечное значение. Это показал уже Дж. Дж. Томсон, когда в 1897 г. измерил отношение массы электрона к его электрическому заряду. Такое измерение и явилось решающим звеном в открытии электрона как самостоятельной физической частицы, входящей в состав всех атомов. Об этом сказано в книге Ленина при изложении рассуждений Пуанкаре: «Опыты физиков дают материал для исчисления быстроты движения электронов и их массы (или отношения их массы к их электрическому заряду)» (267).

В другом месте Ленин приводит слова У. Рамсея (Рамзая) по поводу того, что отрицательное электричество есть, по сути дела, материальное образование. «В самом деле,— говорит английский химик,— относительный вес его (т. е. отрицательного электричества.— *Б. К.*) частиц измерен; эта частица равняется, приблизительно, одной семисотой доле массы атома водорода...» (332). Позднейшие, более точные измерения показали, что масса покоя электрона в 1832 раза меньше массы атома водорода. В настоящее время масса элементарных частиц обычно выражается в электронных единицах: для них за единицу принята масса покоя электрона.

В связи с этим указание на отсутствие у электрона вся-

кой иной массы, кроме электромагнитной, требует уточнения. Теперь следовало бы выразить ту же мысль немного иначе: наличие у электрона кроме его собственной массы (или массы покоя) также и электромагнитной массы (или массы движения) — это еще одно *подтверждение* диалектического материализма.

Формулировка об отсутствии «всякой иной массы, кроме электромагнитной» (276) может быть в настоящее время полностью применена к *фотону* («частице» света, или световому кванту): у него действительно отсутствует масса покоя, и вся его масса является электромагнитной (или массой движения), поскольку свет представляет собой не что иное, как электромагнитное поле.

Однако зависимость массы быстро движущихся частиц от скорости их движения отнюдь не означает, как утверждал спиритуалист Уорд, будто «сама масса оказывается даже в конце концов, как предполагают, видом движения — движения чего-то такого, что... само не есть тело...» (297). «Спиритуалист верен себе, отрывая движение от материи, — замечает по этому поводу В. И. Ленин. — Движение тел превращается в природе в движение того, что не есть тело с постоянной массой, в движение того, что есть неведомый заряд неведомого электричества в неведомом эфире, — эта диалектика *материальных* превращений, продедываемых в лаборатории и на заводе, служит в глазах идеалиста... подтверждением не материалистической диалектики, а доводом против материализма...» (297 — 298).

Объявлять массу видом движения, сводить ее к движению — значит отрывать движение от материи. Характеризуя новую электронную теорию, в частности то, что у электрона «масса меняется с его быстротой», Ленин заключает, что «все это много мудренее старой механики, но все это есть движение материи в пространстве и во времени» (298). Ленин дает философски глубокую сравнительную характеристику старой и новой физики: «...механика была снимком с медленных реальных движений, а новая физика есть снимок с гигантски быстрых реальных движений» (280 — 284). Соответственно этому законы движения материи «отражает механика по отношению к медленным движениям, электромагнетическая теория — по отношению к движениям быстрым...» (298). Очевидно, что между обеими физиками — старой и новой — существует такое же *соответствие*, как между медленными и быстрыми движениями. Подобно тому как при уменьшении скорости частицы быстрое движение переходит в медленное, так при этих же условиях законы и соотноше-

ния новой физики переходят в законы и соотношения старой физики, в частности ньютоновой механики. Это еще один пример «принципа соответствия», в котором (при его материалистическом истолковании) конкретизируется, как было сказано выше, соотношение объективной, абсолютной и относительной истины применительно к развитию физической теории.

В представлениях новой физики начала XX в. большое место занимало понятие «эфира», которому по этой причине было уделено внимание и в книге Ленина. Это понятие носило механистический характер, и от него физики отказались в ходе дальнейшего развития науки. В опровержении механистической концепции «эфира» большую, можно сказать, решающую роль сыграла теория относительности Эйнштейна; она теоретически объяснила результаты экспериментальных исследований (прежде всего так называемого опыта Майкельсона), которые приводили к отрицанию идеи о неподвижном «эфире» как физической среде, заполняющей мировое пространство, — среде, в которой будто бы распространяется свет. Попытки физиков и химиков старой школы спасти это понятие (например, «попытка химического понимания мирового эфира», предпринятая Менделеевым) окончились безрезультатно. Место понятия «эфира» в физике заняло понятие физического, в частности электромагнитного, поля.

Соответственно этому в ряде мест книги Ленина, где фигурирует устаревшее понятие «эфира», вместо «эфира» следует иметь в виду электромагнитное поле. Например, это нужно подразумевать там, где Ленин упрекает Пирсона в том, что тот «вовсе выкинул вопрос о соотношении эфира и электричества» (274), или где он приводит высказывание Больцмана по поводу «дуализма весомой материи и эфира» (307). Сейчас физики вместо этих выражений Больцмана по аналогичному поводу сказали бы: «соотношение двух физических видов материи: вещества и света (электромагнитного поля)», как это делал, в частности, С. И. Вавилов в книге «Глаз и солнце». Точно так же указание Ленина на «превращение невесомого эфира в весомую материю и обратно» (276) (как еще на одно *подтверждение* диалектического материализма) с точки зрения современной физики и ее терминологии будет формулироваться как указание на превращение *света*, или электромагнитного поля, не имеющего массы покоя и обладающего лишь массой движения, в *вещество*, обладающее массой покоя, и обратно. Данный случай подтверждения диалектического материализма можно представить так же, как взаимное превращение массы движения и массы покоя. Сов-

ременная ядерная физика дает этому новые замечательные подтверждения и яркие иллюстрации, например в случае «рождения пары» (электрона и позитрона) из фотонов и обратного ее превращения в фотоны.

3. Ленинское предвидение неисчерпаемости электрона

Вопрос. Что конкретно подразумевается в книге В. И. Ленина под *неисчерпаемостью электрона*? Какими данными современной физики подтверждается эта идея? (ж с. 276—277). Как надо понимать выражения *«мельчайшие»* и *«бесконечно малые»* частицы материи? (ж с. 300 и 330).

Ответ. В XIX в. существовал взгляд на атомы как на «последние» частицы материи, согласно которому на атомах должно заканчиваться наше знание материи, атомами оно должно исчерпываться. Открытия в физике, начавшиеся в конце XIX в., в корне сломали это метафизическое представление: атомы оказались разрушаемыми, делимыми и неисчерпаемыми, поскольку они обнаружили сложную внутреннюю структуру, способность превращаться друг в друга и распадаться на более простые составные части. Это подтвердило мысль И. Дитгена, которую по данному поводу процитировал В. И. Ленин, что «объект науки бесконечен», что неизмеримым, непознаваемым до конца, *неисчерпаемым* является не только бесконечное, но и «самый маленький атом», ибо «природа во всех своих частях без начала и без конца» (276).

Бесконечность и неисчерпаемость объекта науки надо понимать так, что у любой, сколь угодно малой, частицы материи имеется бесчисленное множество связей и отношений с другими частицами материи и вообще с остальными вещами и явлениями, образующими мировой процесс, универсальную связь явлений мира. Это означает, далее, что любая частица материи представляет собой не исходный, абсолютно первичный пункт развития, а лишь *ступеньку на бесконечной лестнице качественно различных видов и форм материи*, причем, прежде чем достигнуть ступени данной частицы, материя прошла уже бесконечный ряд других ступеней развития, представленных другими ее видами и формами. Это значит также, что данная частица, при всей ее сравнительной простоте и элементарности, обладает бесконечным числом свойств, в которых обнаруживается ее качество, ее сложная внутренняя структура. Наконец, это указывает и на то, что любая частица материи может превращаться в другие частицы или сама может их породить и выделить из себя при оп-

ределенных условиях. Во всех этих случаях речь идет именно о бесконечности материи вглубь, о неисчерпаемости любых ее частиц. В конце XIX — начале XX в. это было экспериментально доказано в отношении атомов, чем блестяще подтвердились приведенные Лениным слова Дицгена.

Предвидя возможность метафизического взгляда на электроны и другие частицы материи, Ленин предупреждал естествоиспытателей: «Сущность» вещей или «субстанция» *тоже* относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих *всех* познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна...» (277). Далее Ленин вновь подчеркивает, что «природа бесконечна, как бесконечна и мельчайшая частица ее (и электрон в том числе)» (330).

Если открытия физики, сделанные на рубеже XIX и XX вв., доказали *неисчерпаемость атома*, то позднейшие ее открытия доказали *неисчерпаемость электрона и других элементарных частиц*. В начале XX в. и вплоть до конца первой его четверти электрон представлялся физикам весьма простой частицей материи: он наделялся двумя основными физическими свойствами — постоянной собственной массой и неизменным электрическим зарядом, который принимался за единицу. Электрон считался миниатюрным шариком с четко очерченными пространственными границами и даже иногда просто физической точкой.

В настоящее время представления об электроне оказались несравненно более сложными, чем первоначальные. Электрон выступает теперь как наделенный многочисленными и весьма разнообразными *свойствами и состояниями*, к числу которых относится, например, так называемый «спин». Первоначально «спин» связывался с вращательным движением электрона-шарика вокруг собственной оси — либо по часовой стрелке, либо против нее. Теперь же «спин» рассматривается как выражение способности электрона и других микрочастиц материи находиться в особом, квантовом состоянии. Первоначальное, упрощенное представление об электроне-шарике сменилось сложной диалектической картиной: электроны представлены единством корпускулярных и волновых свойств, в котором конкретизируется единство прерывности и непрерывности. Электронный микроскоп, сконструированный на основе технического использования этой удивительной осо-

бенности электронов, служит практическим доказательством того, что электроны обладают не только корпускулярной, но и волновой природой, т. е. они ведут себя не только как частицы, но одновременно и как волны.

Можно указать еще на одно свойство электрона: он проявляет себя как частица, существующая не просто сама по себе, а предполагающая другую, прямо противоположную ей по знаку заряда «античастицу» — позитрон, обладающий одинаковыми с нею свойствами, кроме знака электрического заряда: у позитрона заряд положительный. Поэтому-то электрон и позитрон называют «парой». В настоящее время установлено, что у всех элементарных частиц имеются свои античастицы.

Но не только разнообразие и многосторонность физических свойств, обнаруженных у электрона, свидетельствуют о его неисчерпаемости. Особенно важно отметить открытие *превращаемости* электрона, его способность исчезать и возникать вновь. Первым по времени было открыто рождение электрона из атомного ядра в процессе радиоактивного распада элементов (при бета-излучении). Сначала физики думали, что электрон в готовом виде уже существовал внутри атомного ядра и что при бета-распаде он только выделяется и вылетает из ядра, как пуля из выстрелившего ружья. Однако впоследствии оказалось, что это не так. Внутри атомного ядра электроны в готовом виде не существуют; они буквально *рождаются* заново (конечно, за счет массы, энергии, заряда и «спина» распадающегося ядра) в самый момент радиоактивного распада. Обратным этому процессу распада служит процесс захвата (поглощения) атомным ядром ближайшего к нему электрона из атомной (электронной) оболочки (ближайший к ядру слой этой оболочки обозначается в физике буквой *K*, а потому это явление называют «*K*-захватом»). При этом электрон как таковой исчезает; он как бы растворяется в поглотившем его атомном ядре, сливается с ним полностью, отдавая ему свои массу, энергию, заряд и «спин». Ничего подобного не могло бы совершаться, если бы электрон действительно был последней, исчерываемой до конца частицей материи. Его неисчерпаемость прямо и неоспоримо доказывается этими превращениями.

Еще более важна способность электрона рождаться вместе со своей античастицей (позитроном) из фотонов, обладающих большой энергией (так называемых «гамма-фотонов», составляющих радиоактивное «гамма-излучение»). Такое «рождение пары» происходит при определенных условиях (в сильном положительном поле атомного ядра); оно сви-

детельствует о том, что рождаются не только сами по себе две частицы вещества из «частиц» света, в которых они никак не могли до этого содержаться, но вместе с ними и все их физические свойства (электрические заряды, масса покоя, «спин»), присущие веществу, непохожие на те свойства, которыми обладает свет.

И наоборот, родившийся позитрон, встречая на своем пути какой-либо электрон, как бы сливается с ним полностью, так что обе частицы вещества превращаются обратно в свет. Такое взаимное уничтожение частиц или их полное взаимное проникновение друг в друга наблюдается у каждой пары: у частицы и ее античастицы; его называют «аннигиляцией (уничтожением) пары». При этом вместе с самими частицами исчезают и их физические свойства и появляются новые свойства, присущие свету. Но суммарная масса и энергия при этом сохраняются.

Такие взаимопревращения обнаружены теперь у всех элементарных частиц; при этом оказалось, что электрон может рождаться не только в паре с позитроном, но и вместе с нейтрино (например, при распаде нейтрона, а также при распаде пи- и мю-мезонов и других элементарных частиц). Все это вновь и вновь доказывает неисчерпаемость электрона. Об этом же говорит гипотеза кварков.

Сравнительно недавно были получены новые доказательства неисчерпаемости электрона, как и других элементарных частиц: обнаружено наличие у них внутренней структуры, разграниченных внутренних «сфер», в которых происходит рождение частиц определенного для каждой такой «сферы» вида. Проникновение науки в глубь элементарных частиц доказывает их действительную сложность и неисчерпаемость, подобно тому как это было доказано для атома после раскрытия его внутренней структуры.

Таким образом, современная физика блестяще подтвердила одно из замечательных ленинских предвидений о неисчерпаемости электрона, как и любых вообще, сколь угодно малых частиц материи.

С точки зрения общей концепции неисчерпаемости электрона и вообще бесконечности материи вглубь надо понимать встречающееся в ленинской книге выражение относительно «бесконечно малых частиц материи» (300). В этом случае имеются в виду сколь угодно малые частицы материи, обладающие *конечными*, хотя и чрезвычайно малыми (как иногда говорят физики: «исчезающе малыми»), размерами. Следовательно, здесь выражение «бесконечно малые» употребляется не в том смысле, в каком оно употребляется в мате-

матическом анализе. То же относится и к микросистемам, подобным атомам, которые также представляют собой микро-частицы материи, хотя и более сложные (275).

Что же касается выражения «мельчайшая частица» (330), то имеется в виду мельчайшая из донные известных частиц, какой в 1908 г. был электрон. Разумеется, это выражение никак не означает «последней частицы», предельно простой, предельно малой, за границами которой якобы ничего уже не существует (такое метафизическое представление Ленин категорически отвергает, как неправильное, противоречащее всем данным современной физики и несовместимое с диалектическим материализмом).

4. Некоторые специально физические выражения и термины

Вопрос. Верно ли, что в начале XX в. под термином «положительный электрон» подразумевалось то, что теперь получило название позитрона? Не является ли это примером предвидения позитрона? (к с. 176 и 302).

О т в е т. Когда создавалась книга В. И. Ленина, был открыт лишь электрон в качестве составной части атома и носителя отрицательного электрического заряда. О том, как распределен в атоме положительный электрический заряд, в 1908 г. еще ничего не было известно определенно. Одни физики (Дж. Дж. Томсон) считали, что положительный заряд распределен равномерно по всей сфере атома, имеющего радиус около 10^{-8} см. Другие полагали, что атом построен по подобию миниатюрной солнечной системы. В том и другом случае возникал вопрос о том, что представляет собой положительный заряд атома и как он распределен внутри атома. Этот-то положительный заряд и назывался иногда «положительным электроном». Как видим, тогда этот термин употреблялся не в смысле антиэлектрона, а лишь как обозначение неизвестного еще носителя положительного электричества в атоме; таким носителем положительного заряда оказалось открытое в 1911 г. Резерфордом атомное ядро, имеющее радиус около 10^{-13} см. В этом смысле и надо понимать выражение, что атом мыслится «состоящим из положительных и отрицательных электронов» (176) и что под электричеством понимаются положительные и отрицательные электроны (275). Что речь шла именно об атоме, ясно видно из следующего ленинского рассуждения. Проследивая переходный характер состояния физики в начале XX в., Ленин писал: «Это время и сейчас в значительной степени

продолжается: одна гипотеза сменяется другой; о положительном электро́не совсем ничего не знают; всего три месяца тому назад (22-го июня 1908 г.) Жан Беккерель доложил французской академии наук, что ему удалось найти эту «новую составную часть материи...» (302).

Совершенно очевидно, что здесь всюду имеется в виду вовсе не то, что теперь зовется «положительным электро́ном», или позитроном, а то, что позднее конкретизировалось в понятии атомного ядра. Ленин не вводил каких-либо своих особых терминов, когда касался специальных вопросов физики, в частности вопросов строения материи; он пользовался теми выражениями, которые употребляли физики. Поэтому о предвидении позитрона в данном случае не может быть речи.

Сказанное подтверждается и тем, что было провозглашено Лениным по поводу электронной теории материи, согласно которой «атомы образуют мельчайшие частицы, заряженные положительным или отрицательным электричеством, называемые электронами...» (266). Следовательно, под электронами в данном случае имеются в виду структурные части атома — его оболочка и та его часть, которая является носителем положительного электрического заряда. Ленин неоднократно подчеркивает, что он излагает по данному поводу воззрения современных ему физиков, а не свои личные. Согласно этим воззрениям «вокруг положительного электрона двигаются с определенной (и необъятно громадной, как мы видели) быстротой отрицательные электроны. Вместо десятков элементов удастся, следовательно, свести физический мир к двум или трем (поскольку положительный и отрицательный электроны составляют «две материи существенно различные», как говорит физик Пеллэ...)» (275).

Вопрос. Как надо понимать выражение, что радий *удалось превратить* в гелий? Ведь *искусственная превращаемость элементов* была осуществлена гораздо позднее (к с. 265).

Ответ. Очевидно, в статью Динэ-Дэнеса, которую излагает в данном месте Ленин, вкралась неточность: физикам и в особенности химикам (Рамсэю) удалось доказать, что среди продуктов самопроизвольного распада радия возникает гелий, причем его количество все время возрастает по мере непрерывно продолжающегося процесса радиоактивного распада. Это показывало, что действительно происходит превращение химических элементов друг в друга, которое совершается естественным путем, спонтанно (самопроизвольно), без всякого участия человека, констатирующего этот процесс,

но не способного пока повлиять на него какими бы то ни было способами (например, посредством повышения температуры или давления, не говоря уже о механических воздействиях). Важность этого открытия состояла в эмпирическом подтверждении и обосновании выдвинутого в 1903 г. Резерфордом и Содди теоретического объяснения радиоактивности как спонтанного распада и превращения элементов. Такое именно теоретическое воззрение (а не само по себе эмпирическое открытие А. Беккерелем радиоактивного излучения) вызвало «новейшую революцию в естествознании», о которой писал Ленин, так как именно оно разрушало установившиеся ранее в науке метафизические взгляды на атомы как на неделимые, неизменные, последние частицы материи и на химические элементы как на вечные, не превращаемые друг в друга виды вещества. Ленин поправляет неудачную формулировку Динэ-Дэнеса, когда, говоря «о превращении радия в гелий», приводит слова Рамсэя: «По крайней мере, один так называемый элемент не может уже теперь быть рассматриваем, как последняя материя; сам он превращается в более простую форму материи» (331).

В связи с этим выражение «элемент радий удалось превратить в элемент гелий» (265) надо понимать в том смысле, что физикам и химикам *удалось доказать, что элемент радий превращается в элемент гелий*. Так же ведут себя все вообще радиоактивные вещества, испускающие альфа-лучи, поскольку альфа-лучи представляют собой поток нацело ионизированных атомов гелия: последним нужно «одеться» в электронную оболочку, т. е. приобрести по два электрона, чтобы из ионов стать обычными атомами гелия. Но кроме гелия радий образует еще целый ряд других элементов в результате своего распада, вплоть до свинца как конечного устойчивого продукта всего данного ряда радиоактивных превращений.

Что же касается искусственного превращения элементов, то оно впервые было осуществлено и доказано Резерфордом в 1919 г. при бомбардировке атомов азота альфа-частицами в качестве ядерных снарядов, направленных на атомы азота. Оказалось, что азот превращается искусственным путем в кислород, причем выделяются протоны, представляющие собой ядра водорода. Следовательно, происходит превращение фактически двух элементов (азота и гелия) в два других элемента (кислород и водород).

Но Ленин, несмотря на неточность формулировки Динэ-Дэнеса, не делает вывода о том, что превращение радия в гелий произведено искусственно. Он констатирует лишь са-

мый факт превращения элементов, откуда следует вывод о неизбежности крушения старого, метафизического представления об атомах и элементах. «Неразрушимые и неразложимые элементы химии, число которых продолжает все возрастать точно в насмешку над единством мира, оказываются разрушаемыми и разложимыми» (265). Это совершенно правильная формулировка того, что было доказано физикой и химией, причем упор здесь сделан именно на доказательство самого факта превращаемости элементов.

Говоря о возрастающем числе вновь открываемых химических элементов, можно указать на то, что с 1895 г., когда началась «новейшая революция в естествознании», и по 1908 г. было открыто по меньшей мере 13 новых элементов: пять химически недействительных газов, составивших особую («нулевую») группу в периодической системе элементов Менделеева (открыты в 1895—1898 гг.), пять радиоактивных элементов, занявших места в конце системы (открыты в 1898—1900 гг.), и три редкоземельных элемента, входящих в особое семейство, стоящее в центре системы (открыты в 1903—1906 гг.).

Вопрос. Каким образом при опровержении агностицизма следует толковать ссылку на *получение ализарина из каменноугольного дегтя*? Присутствует ли ализарин как *готовое химическое соединение* в этом дегте? (к с. 100—102 и 138).

Ответ. В химии слово «получение» какого-либо вещества из других употребляется в двух совершенно различных смыслах: во-первых, в смысле *выделения* вещества, когда оно как готовое входит в состав других веществ, от которых его надо только отделить, и, во-вторых, в смысле его синтетического *приготовления* (и в этом понимании — «получения») из данного вещества или из его составных компонентов в качестве исходных продуктов для данного синтеза.

Когда Энгельс привел пример с синтезом ализарина для опровержения домыслов агностиков о «вещи в себе», якобы недоступной человеческому познанию, он имел в виду следующее: если мы научились на практике искусственно добывать («получать») то, что раньше вынуждены были брать как готовое у природы, то этим мы доказали, что наше знание строения и свойств искусственно изготовленных продуктов действительно соответствует объективной реальности и, следовательно, мы правильно ее познали в самой ее сущности (поскольку строение вещества скрыто от непосредственного взора человека и представляет внутреннюю сущность явлений природы).

Именно так и надо понимать приведенные Лениным слова Энгельса о том, что «химические вещества, производимые в телах животных и растений, оставались такими «вещами-в-себе», пока органическая химия не стала готовить их одно за другим; тем самым «вещь-в-себе» превращалась в «вещь для нас», как, например, ализарин, красящее вещество марены, которое мы получаем теперь не из корней марены, выращиваемой в поле, а гораздо дешевле и проще из каменноугольного дегтя» (100). Здесь в первом случае слово «получаем» употреблено в смысле «выделяем» (из корней марены), а во втором — в смысле «синтезируем» (из каменноугольного дегтя). В самом деле, в этом дегте не содержится готового ализарина, а присутствует лишь исходное для него вещество — углеводород антрацен. При действии окислителей антрацен превращается в антрахинон (окисленный углеводород), а уже из антрахинона путем ряда химических операций получается ализарин, который впервые был синтезирован Грэбе и Либерманом в 1868 г.

По этому же поводу Ленин приводит совершенно правильные (с химической точки зрения) рассуждения П. Лафарга, для того «чтобы показать, как понял Энгельс Лафарг, и как он критиковал Канта слева» (213). Лафарг писал: «Чтобы познать объект, человек должен сначала проверить, не обманывают ли его его чувства... Химики пошли дальше, проникли внутрь тел, анализировали их, разложили на их элементы, потом произвели обратную процедуру, т. е. синтез, составили тела из их элементов: с того момента, как человек оказывается в состоянии из этих элементов производить вещи для своего употребления, он может, — как говорит Энгельс, — считать, что знает *вещи в себе*» (212—213). Словами Лафарга Ленин разъяснил смысл выражения о получении ализарина из каменноугольного дегтя путем его химического синтеза.

В соответствии с этим вопрос: «существовал ли вчера ализарин в каменноугольном дегте?» (102), который задает В. И. Ленин, следует сформулировать следующим образом, если учитывать его *химическую* сторону (философская сторона остается той же и не затрагивается уточнением его химической стороны): существовал ли вчера в каменноугольном дегте антрацен, из которого сегодня получается ализарин? Соответственно этому с той же химической стороны возражение Энгельса агностикам, приведенное Лениным (102), формулируется так: вчера мы не знали, что существует химический способ искусственного приготовления ализарина из

каменноугольного дегтя. *Сегодня мы узнали это*, и сами приготавливаем синтетическим путем ализарин из этого дегтя. Следовательно, наше вчерашнее незнание «вещи в себе» заключалось в том, что мы не знали, каким химическим путем и можно ли вообще приготовить ализарин из составных частей дегтя.

Философская аргументация, развитая Лениным в связи с этим вопросом, и те «три важных гносеологических вывода», которые он отсюда сделал (102), не только ни в малейшей степени не ослабляются в результате отмеченного уточнения химической стороны вопроса, но, напротив, приобретают еще большее значение. Речь идет не просто о том, чтобы выделить готовое уже вещество (ализарин) из смеси с другими веществами, какую представляет собой каменноугольный деготь, а о том, чтобы искусственно приготовить его, синтезировать, для чего необходимо умение не химика-аналитика, а химика-синтетика, который опирается в равной степени как на аналитические, так и на синтетические приемы химии. Мощь и всеиллие человеческого познания во втором случае обнаруживаются еще полнее и убедительнее, чем если бы речь шла о простом выделении готового уже вещества и его очищении.

Глава X

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

1. По поводу ленинского определения философии марксизма как диалектического материализма

Вопрос. В своей книге В. И. Ленин отметил, что К. Маркс и Ф. Энгельс считали и называли свою философию диалектическим материализмом. Но всегда ли они придерживались такого взгляда? Не встречаются ли в их сочинениях другие определения, которые теперь иногда приводятся, чтобы так или иначе оспорить высказывание Ленина?

Ответ. Действительно, были попытки приписать Марксу и Энгельсу другие взгляды на свою философию, отличные от тех, которые характеризовал Ленин. Например, некоторые авторы, ссылаясь на вводные разделы «Анти-Дюринга»¹, ут-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 10, 25.

верждали, будто Энгельс считал философию марксизма не диалектическим материализмом, а «современным материализмом», даже просто «материалистическим пониманием природы и истории». Но на поверку подобные толкования, противоречащие ленинскому, оказывались совершенно несостоятельными. В первом случае под «современным материализмом» Энгельс имел в виду как раз диалектический материализм. А во втором случае из контекста высказывания Энгельса вырывалась лишь часть фразы, в результате чего искажался весь ее смысл. Лишь приведенная полностью, необорванная фраза Энгельса передает действительный смысл его высказывания, в котором подчеркнуто, что Маркс и Энгельс «спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории». Этот «перевод» и означал слияние диалектики с материалистическим пониманием природы и общества, т. е. создание диалектического материализма — марксистской философии.

Выходит, таким образом, что попытки перетолковать и переиначить ленинское определение философии марксизма ни на чем, кроме непозволительного способа «цитирования», не основаны.

Вопрос. В ленинской книге сказано про полное отречение махистов от диалектического материализма, т. е. от марксизма. Не означает ли это, что В. И. Ленин словами «то есть» отождествлял диалектический материализм со всем марксизмом, а не только с философией марксизма (ж с. 10).

Ответ. В. И. Ленин считал материалистическую диалектику, а значит, и диалектический материализм «живой душой» марксистского учения. Поэтому тот, кто отрицал диалектический материализм, отрицал уже тем самым и весь марксизм. Никакого тут отождествления диалектического материализма со всем марксизмом или сведения всего марксизма к одному диалектическому материализму, разумеется, нет. Это означало бы сведение марксизма лишь к одной из трех его составных частей — к его философии. Смысл этого ленинского выражения состоит в том, что не может быть марксистом тот, кто отрекается от диалектического материализма.

Вопрос. В. И. Ленин определил философию марксизма как диалектический материализм. Но всегда ли он придерживался такого же взгляда?

Ответ. В. И. Ленин всегда твердо и последовательно придерживался только такого взгляда на марксистскую философию. То, что философия марксизма есть диалектический

материализм, он подчеркивал неизменно и неоднократно не только в обоих прижизненных изданиях книги «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 и 1920 гг.), но и в других своих работах, например в статьях «Об отношении рабочей партии к религии» (1909 г.), «К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена» (1913 г.), «Карл Маркс» (1914 г.), в работе «Государство и революция» (1917 г.). Поэтому такой взгляд мы с полным основанием должны считать и пазывать ленинским, а всякое иное понимание — отходом от ленинского взгляда.

Вопрос. А разве наряду с этим определением В. И. Ленин не именовал философию марксизма иногда просто философским, а иногда законченным материализмом, иногда же воинствующим материализмом или же даже историческим материализмом? Значит, признание ее диалектическим материализмом не являлось у него единственным ее определением? (к с. 5, 9—10, 333).

Ответ. Во всех этих случаях В. И. Ленин неизменно подразумевал как раз диалектический материализм. Только в результате неточного, неправильного цитирования его работ могло создаться неверное впечатление, будто он имеет в виду не диалектический, а какой-то иной материализм, когда говорит о философии марксизма.

Под законченным материализмом В. И. Ленин понимал именно диалектический материализм, и только его, т. е. материализм, обогащенный диалектикой, слитый с нею и распространенный на общество. Эпитет «воинствующий» Ленин опять-таки относит целиком к диалектическому материализму, подчеркивая, что материализм не может быть воинствующим, если он не обогатится диалектикой, т. е. не станет диалектическим. «...Без солидного философского обоснования, — писал Ленин, — никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу... естествоиспытатель должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом» [45, 29—30]. Так именно В. И. Ленин ставит вопрос в статье «О значении воинствующего материализма». Как видим, совершенно неправомерно ссылаться на эту статью с целью доказать, будто Ленин в ряде случаев не называл или не считал философию марксизма диалектическим материализмом.

Ссылка же на то, что В. И. Ленин, дескать, иногда называл марксистскую философию историческим материализмом,

является уже совершенно странной. В упомянутом высказывании Ленина (приведем это место дословно) речь идет о другом: «...компания махистов желает быть марксистами и старается всячески уверить читателей, что махизм совместим с историческим материализмом Маркса и Энгельса» (333).

Разберем еще одно мнимое свидетельство того, что Ленин не всегда будто бы придерживался своего определения. В качестве примера дается ссылка на статью «Три источника и три составных части марксизма», где есть выражения: «Философия марксизма есть *материализм*» [23, 43], «Философия Маркса есть законченный философский материализм...» [23, 44]. Однако эти ленинские слова нельзя вырывать из контекста с целью противопоставить их разбираемому определению Ленина. Ведь в той же статье и даже на той же самой странице В. И. Ленин подчеркивает, что Маркс не остановился на материализме, а обогатил его диалектикой и что открытия естествознания подтвердили диалектический материализм Маркса. Уже после этого следует заключительная фраза о законченном философском материализме Маркса, т. е. опять-таки о том же самом диалектическом материализме.

Все это свидетельствует о том, что Ленин неизменно и непоколебимо отстаивал мысль о том, что марксистская философия есть диалектический материализм.

В о п р о с. Иногда высказывается мнение, будто ленинское определение марксистской философии как диалектического материализма вообще не носило широкого характера, а было высказано лишь в связи с нападками А. А. Богданова на диалектический материализм. Верно ли это? (к с. 5, 9—10, 12).

О т в е т. Нет, неверно. Нельзя утверждать, будто бы слова Ленина «философия марксизма есть диалектический материализм» имеют частное значение и направлены лишь против Богданова. В доказательство того, что это положение имеет у Ленина якобы лишь частное, преходящее, а не общее, не принципиальное значение, т. е. что Ленин будто бы вовсе не отождествлял марксистской философии с диалектическим материализмом, приводится иногда следующий «довод»: Ленин говорил, что «социализм есть учет», но отсюда вовсе не следует, что, по Ленину, социализм сводится только к учету. Однако подобная аналогия в данном случае совершенно неоправдана. Нельзя толковать ленинское определение марксистской философии, выражающее ее сущностный смысл, как имеющее значение лишь для конкретной ситуации, когда марксистскую философию пытался извратить и фальсифицировать Богданов.

Во-первых, давая это определение, В. И. Ленин опирается целиком на высказывания Маркса и Энгельса, сделанные задолго до появления Богданова на философской арене. Во-вторых, во многих своих позднейших произведениях Ленин отстаивал свое определение вне всякой связи с Богдановым. В-третьих, именно по поводу своей книги в предисловии ко второму ее изданию он высказал надежду, что «оно будет бесполезно, независимо от полемики с русскими «махистами», как пособие для ознакомления с философией марксизма, диалектическим материализмом...» (12).

Вопрос. Правильно ли иногда называют философию наукой о всеобщем и это же всеобщее объявляют предметом научной онтологии, в результате чего философия, в том числе и марксистская, превращается в систему онтологического знания? (к с. 355).

Ответ. Марксистская философия есть наука о наиболее общих законах движения, развития, происходящего в природе, обществе и нашем мышлении. В этом определении точно отмечено, какое именно общее является предметом философии марксизма, делающее ее наукой общей в отношении всех частных наук. Разумеется, и всякая частная наука изучает определенные общие законы соответствующей области действительности; всякий закон есть уже общее (например, закон сохранения и превращения энергии в физике или законы химической атомистики в химии и т. д.); любое научное понятие есть общее, хотя это общее может иметь философский (наиболее общий), математический, естественнонаучный или какой-либо иной смысл. Но утверждать на этом основании, что философия вообще, в том числе марксистская, есть будто бы «система онтологического знания», в корне неправильно. Для философии марксизма характерно и существенно, как это показал В. И. Ленин, единство, тождество диалектики, логики и теории познания материализма, следовательно, включение гносеологии в диалектику. А при таком взгляде для «системы онтологического знания» вообще нет места в философии марксизма. Зато есть место в некоторых течениях современной буржуазной философии типа «онтологии» Н. Гартмана, представляющей вариант объективного идеализма. То обстоятельство, что «систему онтологического знания» пытаются построить на материалистической, а не на идеалистической основе, еще никак не делает эту систему совместимой с философией марксизма, поскольку она в корне чужда приведенному выше принципиальному положению Ленина, что диалектика и есть теория познания марксизма.

2. По поводу мнимого разделения марксистской философии на части

Вопрос. Разве В. И. Ленин не признавал деления философии марксизма на составные части? Ведь в своей книге он прямо указывал на наличие в ней различных частей. Как это надо понимать? (ж с. 346).

Ответ. Речь идет, очевидно, о фразе, где сказано о том, что в философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи. В данном случае Ленин не имел в виду разделение марксистской философии на какие-то структурные, составные части. Этому противоречит уже начало фразы, где философия марксизма характеризуется как вылитая из единого куска стали.

Надо вдумчиво, бережно относиться к смыслу ленинских слов и выражений, к содержанию ленинских мыслей и не вкладывать в них произвольно свое собственное толкование, совершенно чуждое Ленину.

Вопрос. Не считал ли В. И. Ленин, что сам диалектический материализм можно разделить на различные философские науки как его составные части, в первую очередь на философский материализм и диалектику, существующие наряду с материалистическим пониманием истории и учением о классовой борьбе? (ж с. 350).

Ответ. Недоразумение возникает тогда, когда изложение Лениным марксистской философии по пунктам в статье «Карл Маркс» начинают толковать как якобы ленинскую характеристику ее структуры и вместе с тем структуры диалектического материализма, причем понимая структурность именно в смысле расщепления целого на составные части. Но верно ли, что Ленин допускал расщепление диалектического материализма на какие-то «структурные компоненты» и «составные части»?

Поводом к такому толкованию иногда служит то обстоятельство, что В. И. Ленин в работе «Карл Маркс» выделил подразделы: философский материализм, диалектику, материалистическое понимание истории и даже учение о классовой борьбе. Неверно называть «структурными» компонентами марксистской философии то, что на деле представляет собой лишь различные ее стороны, оттенки, аспекты, а вовсе не ее «составные части», на которые философия марксизма якобы расчленилась. Стоит только прочесть оба философских подраздела ленинской статьи «Карл Маркс», а не ограничивать-

ся лишь приведением их заголовков — «Философский материализм» и «Диалектика», как сейчас же обнаружится, что это не какие-то «компоненты» диалектического материализма в смысле его «структурных частей», а лишь *стороны* единого, нерасчленимого, цельного учения.

Вполне понятно, почему в этой статье Ленина, написанной для популярной энциклопедии, философия марксизма характеризуется сначала со стороны материализма, а затем со стороны диалектики. Делается это из чисто методических соображений, чтобы четче разъяснить, что такое материализм и что такое диалектика. Но нельзя из этого делать неверный вывод о том, что Ленин будто бы делил диалектический материализм на два «компонента» — материализм и диалектику.

Иногда высказывались еще более странные предположения, будто диалектический материализм имеет две составные части — философский материализм и диалектику (включая в нее теорию познания и логику). Но как же диалектика может включать в себя теорию познания (очевидно, материализма), если весь философский материализм выделен в особую составную часть?

Вопрос. Не означает ли целостность диалектического материализма, его нерасчленимость, что он является одноликим, бесформенным и бесструктурным? (ж с. 350).

Ответ. Такие характеристики здесь абсолютно неправомерны. Диалектический материализм — учение, исключительно богатое содержанием, многогранное и многоаспектное.

Конечно, повторяем, это вовсе не означает, что оно распадается на какие-то более или менее обособленные, самостоятельные компоненты. Богатство, многогранность (и в этом смысле структурность) диалектического материализма выступают двояко: благодаря наличию у него сложных, многообразных аспектов, оттенков и функций и благодаря тому, что многообразна сама сфера научного познания, на которую распространяется диалектический материализм как методологическая основа осмысления и решения конкретных научных проблем. При этом такого рода задачи решаются не однообразными раз навсегда принятыми приемами и способами, а каждый раз своеобразно, соответственно качественным особенностям той или иной отрасли знания. Так, глубочайшее диалектико-материалистическое обобщение о том, что материя бесконечна вглубь, было сделано В. И. Лениным в процессе осмысления и решения философских вопросов, поставленных новейшими открытиями физики на рубеже XIX и

XX вв. Такого рода вопросы, специфические по содержанию, возникали и возникают то в естествознании, то в области научного атеизма, то в математике, то в психологии. Структурная подразделенность соответствующих сфер научного познания и революционно-практической деятельности не могла так или иначе не отразиться и на структурности применяемого к ним конкретно диалектического материализма, поскольку его применение каждый раз осуществлялось своеобразно, как бы заново, а не посредством повторения какого-то одного раз и навсегда принятого приема. Таким образом, структурность диалектического материализма (т. е. марксистской философии) выступает и здесь отнюдь не как расчлененность на отдельные составные части, но как отражение внутри единого учения марксистской философии структурного характера всей сферы научного познания.

Вопрос. Но если диалектический материализм не распадается на составные части (компоненты), то разве в этом случае можно говорить о его структурности?

Ответ. Понятие структуры, структурности касается внутреннего строения или сложности изучаемого предмета. Сложность же и строение его вовсе не сводятся к признанию его составного характера, наличия в нем составных частей, на которые он обязательно должен быть расчленен. Сложность и строение предмета связаны с развитой, раскрытой качественной его определенностью, выраженной в его многогранности, в наличии у него и в нем различных сторон, оттенков и аспектов, без обязательного образования составных частей. Об этом свидетельствуют все науки, в частности биология. Ф. Энгельс писал: «*Простое и составное. Это — такие категории, которые тоже уже в органической природе теряют свой смысл, оказываются неприменимыми. Ни механическое соединение костей, крови, хрящей, мускулов, тканей и т. д., ни химическое соединение элементов не составляют еще животного... Организм не является ни простым, ни составным, как бы он ни был сложен*»¹. С этим связана и его мысль о том, что «уже часть и целое — это такие категории, которые становятся недостаточными в органической природе... Части лишь у трупа»².

Та же мысль подчеркнута В. И. Лениным: «...отдельные члены тела лишь в своей связи суть то, что они суть. Рука, отделенная от тела, лишь по названию рука (Аристотель)» [29, 184].

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 528—529.

² Там же, с. 528.

В неорганическом естествознании, скажем в физике и химии, геологии и астрономии, несколько шире применяется категория составной части целого, составного характера целого в сопоставлении с понятием «структура», «строение» этого целого. Однако и здесь распространение этой категории имеет свою область, за пределами которой оно утрачивает смысл. Рассматривая строение атомов, мы обнаруживаем их составной характер: атомы построены из атомного ядра и окружающих вокруг него электронов. Ядро же образовано из нуклонов (протонов и нейтронов), которые хотя и являются его составными частями, но особого рода: они внутри ядра постоянно превращаются друг в друга, непрерывно передавая друг другу положительный электрический заряд. В результате этого внутри ядра протоны все время превращаются в нейтроны, а те — в протоны. Картина усложняется еще больше при переходе к самим нуклонам и вообще к элементарным частицам. Здесь понятие их составного характера полностью утрачивает свою силу: при всей сложности, при наличии у них весьма своеобразной структуры и внутреннего строения эти элементарные физические объекты лишены каких-либо составных частей. Говоря словами Энгельса, элементарные частицы не являются *ни* простыми, *ни* составными, как бы они ни были сложны. Вместе с тем их сложность (а сложность всегда предполагает наличие определенной структуры!) отнюдь не означает их расчленения на составные части.

В этом смысле ничего не меняет и родившаяся сравнительно недавно гипотеза кварков. Она не может считаться свидетельством составного характера элементарных частиц, так как в свободном состоянии кварки не удалось до сих пор получить. Если они и существуют, то в неразделимом, нацело слитном единстве, а не в форме простого соединения каких-то еще более элементарных дискретных образований материи.

Строение же нуклонов мыслится таким, что внутри нуклона имеются различные, следующие одна за другой сферы («шубы»), где рождаются более легкие элементарные частицы. Ни о каком составном характере тут не может быть и речи. Здесь происходит как раз «превращение *одного* в *другое*» [29, 241], о чем писал Ленин.

Вопрос. Если три источника марксизма привели исторически к образованию в нем трех его составных частей, то не могли ли теоретические источники диалектического материализма аналогично обусловить его составной характер?

Ответ. Диалектический материализм, как и марксизм в целом, исторически имел свои источники в лице идеалистиче-

ской диалектики Гегеля и философского материализма Фейербаха. Но в отличие от марксизма в целом эти два источника не привели к образованию двух составных частей философии марксизма в виде диалектики (марксистского диалектического метода) и отдельного от нее материализма (теории материализма, теории его познания). Напротив, диалектика и материализм слились воедино в одно цельное нерасчленимое учение, в котором диалектика выступает только как материалистическая, а материализм — только как диалектический.

Вопрос. Каким образом развивается марксистско-ленинская философия сегодня?

Ответ. В первой части данного пособия уже говорилось, что диалектический материализм постоянно обогащается, обобщая результаты тех философских проблем, которые выдвигаются различными отраслями научного знания и практической деятельностью. Именно так он развивается сегодня. Поэтому так важно, чтобы философы-марксисты разрабатывали актуальные проблемы, которые ставит современная наука и сама жизнь, обобщая новые данные науки и практики. Именно на это нацеливают советских ученых-обществоведов решения XXVI съезда партии и июньского (1983 года) Пленума ЦК КПСС. «Партия и государство ждут от экономистов, философов, историков, социологов, психологов, правоведов разработок надежных путей повышения эффективности производства, исследований закономерностей становления бесклассовой структуры общества, интернационализации социальной жизни, развития социалистического народовластия, общественного сознания, проблем коммунистического воспитания»¹.

3. Термин «мировоззрение» и формула о мире в целом как предмете философии

Вопрос. Является ли диалектический материализм *мировоззрением*, или же в марксизме «мировоззрение» понимается несколько иначе, нежели «философия»?

Ответ. Всякая философия носит, несомненно, мировоззренческий характер. При этом идеалистическая философия тесно связана с религией, а материалистическая философия — с атеизмом (диалектический материализм — с науч-

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983, с. 70.

ным атеизмом). Однако было бы неправильно сводить все наше мировоззрение только к диалектическому материализму.

Марксистское мировоззрение, как и само марксистское учение, является системой не только философских, но экономических и социально-политических взглядов. Это находит подтверждение в работе В. И. Ленина «Три источника и три составных части марксизма».

Что касается самого термина «мировоззрение», то в работах В. И. Ленина этот термин встречается многократно, причем нередко наряду с термином «миросозерцание», который выражает то же самое (так же как и другие аналогичные термины, например «мироощущение»). В ленинской книге слово «мировоззрение» встречается редко, вероятно, потому, что другие термины — «философия» и «материализм» (в смысле марксистская философия) — в контексте проблематики книги более точно и более полно выражают то, на чем акцентирует внимание Ленин в своей полемике с эмпириокритиками. Мировоззрение же составляет лишь одну сторону материалистической философии, или, как теперь принято говорить, ее мировоззренческую функцию. При всей важности и значимости этой функции, она все же не исчерпывает собой всего того, что вкладывается в содержание понятий «философия» и «материализм», точно так же как и философия не исчерпывает собой всего, что вкладывается в содержание понятия «мировоззрение», так как мировоззренческой функцией обладают и политическая экономия, и научный коммунизм (социально-политическое учение) как составные части марксизма.

Иногда Ленин употребляет термин «мировоззрение материализма» в смысле «материалистические взгляды». Так, он пишет, например: «Мировоззрение материализма, излагаемое И. Дицгеном, признает, что «причинная зависимость» *содержится* «в самих вещах» (162). Но это признание составляет черту самого по себе материалистического учения, и слово «мировоззрение» здесь употреблено Лениным как совпадающее со словами «учение», «взгляды» и т. п.

В другом месте Ленин пишет: «Маркс неоднократно называл свое миросозерцание диалектическим материализмом, и энгельсовский «*Анти-Дюринг*», *целиком прочитанный Марксом в рукописи*, излагает именно это мировоззрение» (260). Здесь термин «миросозерцание» употреблен в смысле «философия», а затем и шире, в смысле всего марксистского учения, изложенного Энгельсом в «*Анти-Дюринге*». Еще в одном месте Ленин ссылается «на *метод* Маркса,

метод диалектики и миросозерцание материализма» (347). Здесь слово «миросозерцание» сопоставляется с материализмом, тем самым с материалистической теорией познания.

Таким образом, в тех случаях, когда Ленин употребляет термины «мировоззрение», «миросозерцание» применительно к марксизму, он вкладывает в них то более широкое содержание (всего марксистского учения), то более узкое содержание (философии и даже еще уже — теории познания). Одно не противоречит другому, так как во всех случаях Ленин имеет в виду мировоззренческую сторону и роль марксизма и его философии.

Однако тот факт, что Ленин в своей книге сравнительно редко пользуется словом «мировоззрение», отнюдь не следует толковать в том смысле, что мировоззренческая сторона марксистской философии здесь недооценивается. Ленин на каждом шагу своего анализа подчеркивает в первую очередь именно мировоззренческую сторону как всей марксистской философии, так и отдельных ее принципов и положений, равно как мировоззренческую сторону (или функцию) реакционной философии, особенно в тех случаях, когда речь заходит о том, что эта философия прямо ведет и непосредственно смыкается с религиозным мировоззрением.

Мировоззренческая функция научной философии стоит *не отдельно, не обособленно* от изучаемых ею наиболее общих законов всякого движения, всякого развития, а составляет функцию именно *этого* ее учения об *этих* законах. Так что не нужно дополнять известное определение диалектического материализма какими-то новыми особыми определениями, а необходимо раскрывать у него соответствующие функции, в том числе и мировоззренческую, уже имплицитно содержащиеся в нем.

Вопрос. Является ли задачей философии составление картины мира как в целом, так и по частям? (к с. 296, 375).

Ответ. Основной вопрос всякой философии — вопрос об отношении мышления к материи, сознания к бытию, психического к физическому. Понятие же мира (внешнего мира) — все равно, взятого в целом или какой-либо своей частью или вещью, — предполагает только материальное, которое отражается в человеческом сознании. Мир, по Ленину, есть материя, движущаяся закономерно в пространстве и времени. «Если мир, — писал В. И. Ленин, — есть вечно движущаяся и развивающаяся материя (как думают марксисты), которую отражает развивающееся челове-

ское сознание» (140), то миру гносеологически противостоит сознание, так же как материи — мышление, природе — дух, физическому — психическое.

Значит, мир как движущаяся материя, взятый в целом или по частям в его гносеологическом противопоставлении сознанию, не включает в себя этого сознания, ибо иначе отпадала бы с самого же начала возможность искать его соотношение с сознанием. Это значит, что понятие «мир» само по себе не охватывает собой ни сознания, ни, следовательно, основного вопроса всякой философии.

Другими словами, считать, что задачей философии является составление картины мира в целом, равносильно признанию, что вопрос об отношении сознания к бытию, мышления к материи перестал быть основным вопросом всякой философии. В результате этого неизбежно скатывание на позиции одностороннего онтологизма, когда задачей философии объявляется изучение бытия как такового, самого по себе, взятого вне отношения к нему сознания. Об этом будет еще идти речь ниже.

Иногда понятие «мир в целом» пытаются толковать как включающее в себя и духовный мир человека, его мышление, его сознание. Но и в таком случае путаница не устраняется, а только усиливается еще больше. В самом деле, включая сознание в понятие «мир», толкуемое расширительно, мы тем самым смешиваем в духе вульгарного материализма материальное и идеальное и лишаем себя возможности вообще поставить правильно основной вопрос всякой философии.

И. Дицген писал: «Понятие материи надо расширить. Сюда относятся все явления действительности, следовательно, и наша способность познавать, объяснять». По этому поводу В. И. Ленин отметил: «Это путаница, способная только смешать материализм и идеализм под видом «расширения» первого... Что в понятие материи надо включить и мысли, как повторяет Дицген... это путаница, ибо при таком включении теряет смысл гносеологическое противопоставление материи духу, материализма идеализму, на каком-вом противопоставлении Дицген сам настаивает» (258—259).

Формула о мире в целом является двусмысленной, так как добавление «в целом» можно понимать, по желанию, двояко: во-первых, как весь материальный мир, взятый в виде совокупности всех его вещей и явлений, а во-вторых, как вся реальная действительность — и материальная, и духовная, — взятая в целом.

Но эту формулу, опять же по собственному усмотрению,

можно понимать и как положение о всеобщей связи, охватывающей собою и подчиняющей себе все вещи или же все вещи и все знания о вещах. В таком случае эта формула служит выражением нового издания старой натурфилософии.

И та же формула, снова по нашему вкусу и желанию, может выражать предмет специальной науки — космологии, исследующей вселенную как целое, т. е. мир в целом.

Во всяком случае мир в целом, равно как и мир вообще — в целом и по частям, изучает отнюдь не одна философия, а все науки вообще — естественные, общественные и философские. Поэтому и составление картины всего мира вообще (в том числе картины мира в целом) представляет задачу всех наук, но отнюдь не одной философии. Правда, философия в качестве общей науки играет при этом особую роль объединяющего и направляющего фактора, но действует она лишь наряду и вместе со всеми остальными науками, но отнюдь не за счет них.

Если мир есть объективная реальность, существующая вне нас в движении и развитии, то эта объективная реальность, как указывает Ленин, «давным-давно называется в гносеологии материей и изучается естествознанием» (179). Вот почему Ленин говорит о картине мира любой сложности как о картине «*движущейся материи*» (296), а движущуюся материю в природе изучает естествознание.

Таким образом, формула о мире в целом, составляющем якобы предмет философии, оказывается несостоятельной. Эта формула не только неясна и расплывчата, но и двусмысленна, открывая простор для различных упражнений в зависимости от вкуса и желания тех, кто ею оперирует.

Вопрос. Верно ли, что *онтологический* подход в философии означает подход с точки зрения *мировоззрения*? (к с. 355).

Ответ. Нет, это совершенно неверно. Мировоззрение предполагает определенный *взгляд* на мир, следовательно, определенное отношение сознания к бытию, мышления к материи, субъекта к объекту. А это — вопрос вовсе не онтологический, а гносеологический, именно основной вопрос всякой философии. Чтобы не оставлять каких-либо сомнений на этот счет, проанализируем ряд близких между собой понятий, совпадающих, по сути дела, с понятием «*мировоззрения*». Это такие понятия, как *миросозерцание*, *миропредставление*, *мировосприятие*, *мироощущение*, *миропонимание*. Во всех этих терминах по-разному выражен, в сущ-

ности, *один и тот же* основной гносеологический вопрос об отношении сознания к бытию, мышления к материи, субъекта к объекту. А это отношение как раз и составляет самую суть того, каково воззрение человека на мир, каково его представление о мире, его ощущение, восприятие и понимание мира. Все это чисто гносеологический аспект, в котором нет абсолютно ничего специфически «онтологического».

Итак, повторяем еще и еще раз: мировоззрение есть взгляд человека на мир как на познаваемый им объект, следовательно, определенное *отношение мышления к бытию, сознания к материи, духа к природе*. Словом, всякое мировоззрение носит так или иначе философский характер, поскольку по самой сути дела оно включает в себя так или иначе ответ на основной вопрос всякой философии.

Напротив, то, что называют онтологией, означает рассмотрение бытия самого по себе, как такового, *вне* отношения к нему мышления человека. Онтология не ставит философского вопроса о том, как познается и преобразуется мир человеком, а ставит совершенно иной вопрос: в каком виде этот мир существует сам по себе как таковой, какова его сущность.

Может показаться, что онтология затрагивает ту сторону основного вопроса всякой философии, которая касается объекта познания. Ведь объект существует «сам по себе», т. е. вне и независимо от познающего субъекта. Поэтому, дескать, не все ли равно — говорить ли о внешнем мире как объективно существующем (что делает материализм) или же как взятом в качестве такового, существующего «сам по себе» (что делает онтология).

Но тут есть одно существенное различие: последовательный онтолог вообще снимает вопрос о познании мира человеком, а потому и весь вопрос об отношении этого познания (субъекта) к внешнему миру (объекту). Тем самым с порога снимается и основной вопрос всякой философии. Фактически ответ на этот вопрос дается, хотя самый вопрос об отношении мышления к бытию в явном виде и не ставится. Если онтолог — идеалист, то самый мир он трактует в духе объективного идеализма. Это наиболее распространенная и широко пропагандируемая форма современного идеализма, родственная неотомизму и прочим течениям религиозного мировоззрения.

Если же онтолог — материалист, то он фактически оказывается на позициях упрощенного материализма, поскольку он так или иначе, и тоже с порога, исключает вопрос об

отношении духа к природе. При этом самый дух, само познание нередко трактуется в смысле его отождествления с природой, с материей.

Таким образом, в любой ее форме онтология означает попытку выйти за рамки собственно философии и подменить основной вопрос философии разговорами о бытии как таковом, его структуре, его элементах, формах и т. п.

В итоге с претензией на философское обобщение (хотя философия в ее точном смысле здесь отсутствует, поскольку снят ее основной вопрос) выдвигаются всякого рода теории и системы, которые, дескать, призваны с «онтологических» позиций трактовать бытие.

Когда «реалист» С. Суворов объявил об открытии им некоего связующего звена между социальной теорией и некоей «всеобщей теорией бытия», Ленин саркастически заметил: «Так. Так. «Всеобщая теория бытия» вновь открыта С. Суворовым после того, как ее много раз открывали в самых различных формах многочисленные представители философской схоластики» (355).

Разумеется, что существование мира (бытия) *самого по себе* не только не отвергается и не ставится под сомнение материализмом, но и прямо подтверждается всем содержанием материалистических учений. Выражение «само по себе» понимается материалистами именно в духе решения основного вопроса философии: вне и независимо от сознания. Однако это вовсе не означает, что можно игнорировать факт существования не только внешнего мира (бытия), но и сознания человека, в котором этот мир отражается. Вот почему Ленин подчеркивал: «Неизменно, с точки зрения Энгельса, только одно: это — отражение человеческим сознанием (когда существует человеческое сознание) независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира» (277).

Именно такая мысль лежит в основе положения о единстве (совпадении) диалектики, логики и теории познания в марксистско-ленинской философии. Напротив, для онтологии в любой ее форме характерны и существенны претензии искать всеобщие связи и формы бытия, дабы строить спекулятивным путем «всеобщие теории бытия», называя это философией.

Онтологической постановке вопроса о «бытии как таковом» марксистская философия противопоставляет понятие «объекта», обозначающее то, что существует вне и независимо от субъекта, что лишь отражается в субъекте и что является первичным, определяющим по отношению к субъ-

екту. Вот почему учитывать объективную сторону дела (объект) вовсе не означает становиться на онтологическую точку зрения. Это значит только то, что внешний мир, бытие рассматривается философски правильно, исходя из материалистического решения основного вопроса всякой философии.

Точно так же разработка объективной диалектики (например, диалектики природы) означает не переход на онтологические позиции, а только то, что рассматривается та диалектика вещей, которая отражается в нашем сознании в форме диалектики понятий, идей, мыслей и составляет *содержание* этой субъективной диалектики.

Вообще же слово «онтология» является *чужим* для марксистско-ленинской философии и никак не выражает ее проблематики. Оно целиком относится к области домарксистских и немарксистских философских учений. Например, в «Философских тетрадах» В. И. Ленин записывает: «...Лейбниц повторяет в сущности онтологический довод за бытие бога» [29, 71]. Дальше то же самое отмечает у Гегеля: «Об онтологическом доказательстве, о боге чужды!» [29, 166].

Попытка некоторых наших философов доказать правильность включения в марксистско-ленинскую философию каких-то «онтологических проблем» и даже придумывание некоей марксистской «онтологии» или «марксистской патур-философии» в качестве особого раздела нашей философии, с нашей точки зрения, ничего серьезного собой не представляет и может породить только путаницу и недоразумения. Сами же термины «онтология», «онтологический», «онтолог» лишь засоряют наш философский язык.

Разумеется, все это не означает вовсе, что философ-марксист не должен заниматься вопросами объективной диалектики — диалектики природы и общества. Отнюдь нет. Важно только, чтобы при этом не упускалось из виду, что эта диалектика отражается в форме диалектики естествознания и диалектики общественных наук и что нельзя рассматривать ее вне и независимо от того, как она раскрывается и познается человеком. Хотя внешний (объективный) мир существует вне и независимо от человеческого сознания, но судить о нем мы можем только на основании результатов нашей собственной практической, преобразующей деятельности, на основании того, как и насколько этот внешний мир нами познан, т. е. насколько полно он отразился в нашем сознании.

4. Место и роль практики в теории отражения

Вопрос. Что означает ленинское выражение: сознание человека *только отражает* объективный мир? Разве оно пассивно и не принимает самого *активного участия* в преобразующей, практической деятельности человека? И разве сама *практика* не врывается в теорию познания? (ж с. 103, 346).

Ответ. Положение о том, что сознание способно *только* отражать внешний мир и его закономерности, включает в себя два вопроса, которые тесно связаны между собой: 1) отражает ли сознание мир пассивно или же только в процессе активной переделки его, играя направляющую роль во всей целеполагающей деятельности человека, и 2) способно ли оно творить материальные вещи, природу, мир, как утверждают идеалисты, или нет.

Сначала ответим на первый вопрос, а на второй — в следующем параграфе этой же главы. Ответ на первый вопрос имеет особо важное значение потому, что враги марксистско-ленинской философии пытаются приписать Ленину взгляд на процесс отражения как на простое фиксирование внешней действительности и даже приспособление к ней. Именно в этом смысле они толкуют вышеприведенное ленинское положение. Что же это положение означает на самом деле? Согласно марксистско-ленинской теории отражения сознание человека по своему содержанию соответствует внешнему миру, создает его более или менее точный, хотя и не полный, мысленный образ. Но тот факт, что содержанием нашего сознания, познания, мышления служит объективный мир, вовсе не означает, будто сознание достигает совпадения, соответствия с внешним миром путем пассивного созерцания того, что совершается вне нас и независимо от нас. Если бы отражательная деятельность нашего сознания ограничивалась только одним простым наблюдением, созерцанием совершающихся вне нас событий, без активного вмешательства в их течение, без практической, преобразующей деятельности самого человека, наука никогда не смогла бы открыть (отразить) законов природы, не говоря уже о том, чтобы овладеть ими. Способность науки отражать объективный мир предполагает участие всей общественно-исторической человеческой практики в самом ходе процесса познания. Это касается и диалектико-материалистической теории познания, которая как раз включает в себя теорию отражения. Вне практики, вне целесообразной деятельности человека теория познания не смогла бы

не только решить, но даже правильно поставить ни одного коренного своего вопроса.

По выражению В. И. Ленина, человеческая практика буквально врывается в теорию познания, выступая в ней и как критерий истины, и как стимул, как источник всего познания человека. «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания,— писал Ленин.— И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики» (145).

В этой связи Ленин особо подчеркивает теоретическое значение второго тезиса Маркса о Фейербахе. Этот тезис приведен в книге: «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью,— вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность, мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос» (103).

Говоря, что сознание человека «в состоянии только *отражать*» закономерность объективного мира (174), что оно «есть только отражение бытия» (346), Ленин отнюдь не понимает это отражение как результат пассивного наблюдения или созерцания человеком событий внешнего мира, но, напротив, как результат непрестанного активного, действенного отношения человека к этому миру, как практическое преобразование мира в своих целях, словом, как *результат творческой деятельности человека*. Вне этой его деятельности, вне практики весь вопрос о мышлении и его результатах, его содержании есть вопрос чисто схоластический, как сказал Маркс (и с ним полностью согласен Ленин).

Задумаемся над этой проблемой. Могли бы возникнуть и развиваться науки, если бы они были изолированы от человеческой практики? Конечно, нет. Возьмем явление радиоактивности. Если бы дело обстояло так, что человек ограничился простым созерцанием этого явления, он не продвинулся бы ни на шаг в понимании его сущности, не говоря уже о возможности довести свои исследования до технического использования атомной энергии. Развитие ядерной физики было основано на стремлении человека (ученых) вмешаться в протекание ядерных реакций, научиться управлять ими.

Долгое время этого никак не удавалось достичь. Казалось бы, что радиоактивный распад атомов есть процесс

абсолютно спонтанный (самопроизвольный) и никакими физическими средствами нельзя на него повлиять — ни вызвать его искусственно, ни хотя бы ускорить или замедлить его протекание. Только в 1919 г. впервые Э. Резерфорду удалось вызвать искусственное превращение элементов, бомбардируя ядра атомов азота альфа-частицами (т. е. ядрами гелия).

Значит, потребовалось по меньшей мере 20 лет поисков, когда успехи постоянно чередовались с неудачами, чтобы в результате найти способ вызвать первую ядерную реакцию путем экспериментального практического воздействия ядер одного элемента на ядра другого элемента. Только эти практические поиски и практические исследования (а эксперимент есть часть человеческой практики) и могли привести к тому, чтобы составить определенное представление о мире атомных ядерных процессов.

И какую бы область научного познания мы ни взяли, повсюду обнаружится одна и та же картина: все, что действительно *отражается* человеческим сознанием, все это явилось результатом *активной практической деятельности человека при направляющей роли его сознания*, но отнюдь не результатом простого пассивного созерцания предмета, т. е. его изучения без вмешательства в его внутреннюю природу, в течение свойственных ему процессов.

И это особенно верно в том отношении, что под *отражением* понимается не фиксация внешних свойств и проявлений предмета познания, а раскрытие скрытой от непосредственного взора наблюдателя его внутренней стороны, его сущности, его законов, его невидимых для невооруженного глаза исследователя связей и отношений данного предмета с другими предметами, как частицы универсальной связи явлений мира.

Вопрос. Какое *развитие* в «Философских тетрадах» получил вопрос о роли практики в теории познания? Имеется ли в этом отношении какое-либо *противоречие* между этими тетрадами и ленинской книгой? (*к с. 140—146*).

Ответ. В области познания практика выступает, согласно учению Маркса, Энгельса и Ленина, как критерий истинности наших знаний, критерий их соответствия реальной действительности.

В своей книге этому вопросу Ленин посвятил специальный параграф главы II, назвав его «Критерий практики в теории познания». Эти же самые мысли он развил далее в «Философских тетрадах», где, в частности, сказано, что все научные абстракции (*материи, закона природы, стоимости*

и т. д.) отражают объект (природу) глубже, вернее, полнее. Но они вырабатываются и утверждаются в науке лишь через практическую деятельность человека: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности» [29, 152—153].

Практика включается Лениным в теорию познания, в сам процесс познания. Он подчеркивает, что истина, будучи *процессом*, проходит в своем *развитии* «три ступени: 1) жизнь; 2) процесс познания, включающий *практику* человека и *технику*» и 3) ступень полной истины (которая у Гегеля выступает как ступень абсолютной идеи). Эту мысль Ленин резюмирует так: «Истина есть процесс. От субъективной идеи человек идет к объективной истине *через* «практику» (и технику)» [29, 183].

Из его рассуждений вытекает, что в ходе восхождения человека к истине практика выступает как высшее, или заключительное, звено процесса познания, заключительное не в том смысле, что его влияние отсутствовало в предшествующих звеньях, а в том отношении, что именно ей, и только ей, принадлежит последнее, решающее слово, от которого зависит, принять или не принять ту или иную теорию, то или иное объяснение, тот или иной принцип в науке. Все, что составляет наше подлинное научное знание, так или иначе прошло через испытание на практике и в итоге получило значение *объективной истины*.

Именно такому испытанию на практике был подвергнут, причем неоднократно, периодический закон, открытый Менделеевым, который стал общепризнанной научной истиной не сразу, а лишь после того, как он блестяще выдержал практические испытания, которые суждено было ему пройти.

Характеризуя роль активного, целенаправленного, практического воздействия человека на природу и вообще на предмет познания, Ленин неизменно подчеркивает, что практика выступает в качестве критерия истины, что она полнее и шире теории, поскольку теория есть обобщение практики, есть вывод, извлеченный из практики: «*Практика выше (теоретического) познания*, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» [29, 195].

Если познание есть *отражение* объекта в сознании человека, то такое отражение достигается в результате единства теории (теоретического познания) и практики (преобразующей деятельности человека, которая выступает в

конечном счете как определяющий фактор познания, но при активной, направляющей роли сознания). «Единство теоретической идеи (познания) и практики — это *NB* — и это единство именно в теории познания, ибо в сумме получается «абсолютная идея» (а идея = «das objektive Wahre») («объективно истинное». — *Ред.*)» [29, 200].

Вот почему совершенно ошибочно было бы толковать ленинскую теорию отражения как основанную на наивном утверждении метафизического, созерцательного материализма, что будто бы отражение, согласно этой теории, есть результат пассивного созерцания, наблюдения человеком предмета познания. Ничего похожего на подлинную теорию отражения в таком ее изображении нет. Говоря, что сознание *только отражает* объективный мир и *ничего, кроме этого, не в состоянии* сделать, Ленин имел в виду, что сознание функционирует вопреки утверждениям идеалистов. По их мнению, сознание способно, дескать, творить вещи как комплексы ощущений (как это заявляли махисты и вообще субъективные идеалисты) или, дескать, некое объективированное человеческое сознание, превращенное в мировой дух, в бога или в гегелевскую абсолютную идею, способно быть творцом (демиургом) всего мира. Но, сказав, что сознание есть *только отражение бытия*, что оно способно *только отражать мир*, Ленин ни в коей степени не ограничивал творческой активности сознания, ни в малейшей степени не отрывал сознание от человеческой практики, не сводил сознание к пассивной созерцательности.

5. Творческая активность сознания

Вопрос. Если сознание только отражает объективный мир, то что в состоянии оно *творить*? Или оно вообще не способно ни к какой творческой деятельности, поскольку оно может *только отражать* внешний мир? (*к с. 346*).

Ответ. Обратимся теперь ко второму вопросу, который сформулирован в предыдущем параграфе и касается характеристики пределов творческой способности сознания.

Человеческое сознание, будучи активным участником преобразующей, практической деятельности человека, обладает громадной творческой активностью. Однако само по себе оно не может творить ничего, кроме своих собственных продуктов духовного, мыслительного характера: понятий, образов, идей и т. д.

Однако, будучи органической, неотъемлемой частью всей человеческой жизни и деятельности, сознание чело-

века постоянно, на каждом шагу, в каждом поступке, в принятии любых решений, при определении каких угодно целей *направляет* действия человека, как бы *руководит* ими. Практическая деятельность людей — это их *сознательная целенаправленная деятельность*. Именно в голове человека сначала рождаются, создаются, творятся планы дальнейших его действий, а затем эти планы начинают осуществляться практически, когда человек начинает реально действовать.

Короче говоря, все, что делает человек, так или иначе проходит через его сознание. В «Капитале» Маркс писал: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой... он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»¹.

В этих словах отражена глубоко диалектическая противоречивость человеческого сознания в его отношении к практической деятельности человека: от сознания зависит все, что делает человек, но само по себе сознание, как фактор чисто духовный, не может непосредственно произвести хотя бы малейшие изменения во внешнем мире, осуществить ничтожнейшее материальное действие. Все, на что способно оно,— это направить физическое действие человека на достижение определенной цели, и это материальное, практическое действие, направляемое сознанием (но, повторяем еще раз, не самим по себе сознанием как таковым), производит соответствующие материальные изменения во внешнем мире, преобразует тела и процессы этого мира, создает (и в этом смысле «творит») новые вещи и отношения.

Таким образом, диалектика выступает здесь как одновременно признание и всесияния сознания, и его бессилия. Всесияния потому, что ничего не совершается в жизни человека без активного, руководящего участия сознания; бессилия потому, что само сознание без практической дея-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.

тельности людей не в состоянии сдвинуть с места даже атом или элементарную частицу.

Но значит ли это, что человеческое сознание вообще лишено творческой способности? Конечно, нет! Оно обладает этой способностью в бесконечных, ничем не ограниченных масштабах, но только с той оговоркой, что эти масштабы остаются в пределах области духовных процессов. За эти пределы творческая деятельность сознания может выйти, естественно, воплощаясь в практическую деятельность людей.

Как же реализуется творческая активность сознания? Дело в том, что *весь процесс отражения — от начала и до конца — процесс сугубо творческий*. Он состоит во всех своих звеньях из последовательно сменяющих друг друга больших и малых открытий. Таким открытием (актом творческого характера) является любое наблюдение нового явления, установление нового факта, констатация нового события. Ведь задача познания состоит, в частности, в том, чтобы отделить ранее известное («старое») от вновь обнаруживаемого, ранее неизвестного («нового»). А понять, что перед нами есть нечто новое, что до этих пор не существовало или что не было нам известно, — это уже первый шаг в творческой деятельности мышления: ибо оно находит новое и фиксирует это найденное в сознании человека как новое.

Когда А. Беккерель впервые наблюдал действие на фотопластинку, завернутую в черную бумагу, каких-то неизвестных дотоле лучей, он сделал великое открытие, указав на существование этих лучей в природе. Это был акт, выражавший собой процесс научного творчества.

Когда спустя шесть лет Резерфорд и Содди выдвинули теорию, что радиоактивность, открытая Беккерелем, есть самопроизвольный распад атомов, то здесь творческий акт достиг более высокой ступени: была создана первая теория радиоактивного распада, иначе говоря, родилось первое научное объяснение данного явления. Создание новой теории, рождение нового понятия, выдвижение нового принципа, открытие нового закона и т. д. — все это акты научного творчества, которое осуществляется человеческим сознанием в своей собственной сфере, куда поступает информация (сведения, сообщения) о том, что ученые устанавливают в ходе своих экспериментальных исследований или же что поступает из сферы техники и промышленности, где овеществляются (материализуются) соответствующие теоретические знания.

Вся наука, все теоретическое естествознание есть область творческой деятельности сознания ученых. Если рождается новое понятие, то его *творит* сознание человека, *отображая* в

этом повом понятии сущность данного изучаемого круга явлений. Так, понятие «энергия», рожденное после открытия закона сохранения и превращения энергии, выразило в понятийной форме содержание этого закона и всех связанных с ним и подчиняющихся ему физических процессов. Понятие «изотопия», предложенное Ф. Содди на Сольвеевском конгрессе в 1913 г., охватило собой весь круг фактов, касающихся разнородностей химических элементов, которые попадают в периодической системе на одно место («изотоп» и значит по-гречески «одинаковоместный»).

Но и понятие «энергия», и понятие «изотоп», и все другие понятия естествознания были рождены, так сказать, сотворены человеческим сознанием, однако не произвольно, а как мыслительные образы внешнего, объективного мира. Не будучи в состоянии творить объект, объективный мир, сознание человека способно отражать его (и только отражать!) во всей его полноте, и это его отражение и есть, в частности, то, что называется наукой. Значит, *отражение и творение* (понятий, теорий и т. д.) не противостоят одно другому как разные процессы или хотя бы разные стороны одного и того же процесса, а полностью совпадают друг с другом, *отождествляются* между собой, ибо весь без малейшего изъяна процесс отражения и состоит в непрерывной цепи творческой деятельности сознания человека, открывающего новое, неизвестное ранее и создающего для этого нового, только еще вступившего в сферу познания новые мыслительные образы (понятия, теории, гипотезы и т. д.).

Короче говоря, отражение, согласно ленинской теории отражения, есть творение человеческим сознанием соответствующих объективному миру образов.

Вопрос. Какое место в теории отражения отводится *фантазии*? В фантазии имеется момент *отражения* или он вовсе в ней отсутствует? (к с. 119, 329).

Ответ. Говоря о фантастическом отражении реального мира в сознании человека, В. И. Ленин противопоставляет ему научные представления, которые опираются на строго проверенное на практике знание о внешнем мире. Он резко возражает против «стирания грани между теорией науки, приблизительно *отражающей объект*, т. е. приближающейся к объективной истине, и теорией произвольной, фантастической, чисто условной, например, теорией религии или теорией шахматной игры» (329).

«Предметы наших представлений отличаются от наших представлений,— пишет он,— вещь в себе отличается от вещи для нас, ибо последняя — только часть или сторона пер-

вой, как сам человек — лишь одна частичка отражаемой в его представлениях природы» (119).

В данном случае, правда, Ленин имеет в виду субъективный образ объективного мира.

В «Философских тетрадах» он отмечал, что «и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек фантазии. (Vice versa (наоборот.— Б. К.): нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарев о мечте полезной, как толчке к работе, и о мечтательности пустой)» [29, 330].

В работе «Что делать?» В. И. Ленин писал: «Вот о чем нам надо мечтать!». И далее он привел высказывание Писарева о том, что «мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может прийти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... В подобных мечтах нет ничего такого, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками,— тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни... Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно» [6, 172].

По поводу этих слов Писарева В. И. Ленин говорит: «Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении. И виноваты в этом больше всего кичащиеся своей трезвенностью, своей «близостью» к «конкретному» представители легальной критики и нелегального «хвостизма».

Та связь с практикой, то соприкосновение с жизнью, про которое писал Писарев и которое отметил Ленин, есть не что иное, как момент *отражения* (в форме *фантазии*) реальности в сознании человека. Фантазия, мечта становится полезной,

значимой лишь постольку, поскольку она отражает, хотя и в своеобразной форме, реальную действительность,— такова по сути дела мысль Писарева, поддержанная горячо Лениным.

Эту же, по существу, мысль Ленин отметил и у И. Диггена в его «Мелких философских работах». «Отличать реальные картины от фантастических совсем не так трудно,— говорил Дигген,— и каждый художник сумеет сделать это с величайшей точностью. Фантастические представления взяты из действительности, а самые верные представления о действительности по необходимости оживляются дыханием фантазии» [29, 441].

Значит, фантазия, возникающая в голове человека, и отражение реального мира в его сознании не противостоят друг другу, а дополняют одно другое, поскольку, в частности, творческий момент присутствует в обоих, хотя и проявляется в различных формах.

На XI съезде партии В. И. Ленин говорил о том, что люди с большой фантазией могут принести огромную пользу нашей стране. «Эта способность чрезвычайно ценна,— подчеркивал он.— Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчисления невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...» [45, 125].

Здесь опять у Ленина проводится та мысль, что фантазия, связанная с жизнью, содержащая в себе в особой форме отражение реальной действительности, нужна людям, особенно людям, строящим новое общество, невиданное в истории человечества. Без фантазии, без способности мысленно перенестись в будущее и «увидеть» мысленно то, что будет построено, невозможно осуществлять строительство нового общества.

Если так, то понятно, какую громадную роль в науке должны играть такие способности людей, в которых особенно отчетливо выступает творческое начало их сознания. Одной из них, причем исключительно яркой, является способность вызывать в себе самые причудливые, фантастические образы, иначе говоря, способность к фантазии. Речь идет не о бесплодных мечтаниях на манер Манилова из гоголевских «Мертвых душ», а о мечте, связанной с жизнью, о фантазии, способной подсказать правильное решение жизненно важных вопросов.

Вопрос. Как понимается *отражение* в марксистско-ленинской философии: как простое, одноактное совпадение

субъекта (мысли) с объектом изучения или же *сложнее, диалектичнее?* (ж с. 109—110).

Ответ. Вопрос об отражении предметного мира (объекта) в сознании человека, о соответствии отражения отражаемому объекту есть вопрос об *истине*. Признавая существование объективной истины, ленинская теория отражения рассматривает саму истину исторически, в ее развитии. С таких диалектических позиций она отвечает на вопрос: «...могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно?» (123).

Ленин показывает, что этот вопрос есть вопрос о соотношении истины абсолютной и относительной.

Движение познания к абсолютной истине, к полному, исчерпывающему, цельному отражению предмета исследования, совершается через бесконечный ряд все более и более полных относительных истин, но никогда он не сможет завершиться, приближая человека к познанию абсолютной истины сколь угодно близко. Из суммы относительных истин, которая непрерывно растет по мере прогресса научных знаний, складывается абсолютная истина.

Такой взгляд на процесс отражения объективного мира в сознании человека находит свое выражение в ленинской формуле, что истина есть процесс. Значит, и отражение мира в человеческом сознании есть процесс. «Совпадение мысли с объектом есть процесс: мысль (=человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа), бледного (тусклого), без стремления, без движения, точно гения, точно число, точно абстрактную мысль... Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их*» [29, 176—177].

В этом движении познания от субъекта к объекту В. И. Ленин видел суть дела. «*Движение* научного познания — вот суть», — писал он [29, 79].

Таким образом, нет никаких оснований толковать ленинскую теорию отражения в духе метафизического материализма, для которого соответствие мысли предмету, совпадение с ним есть одноактное, разовое событие, как застывшее отражение неподвижного предмета в виде неподвижного образа.

В о п р о с. Почему некоторые противники марксистско-ле-

пинской философии изображают ее как *метафизический материализм*? (к с. 275—276).

Ответ. Конечно, так гораздо легче бороться с диалектическим материализмом, объявив его тождественным с давно устаревшей метафизической или механистической формой материализма. Метафизика и механицизм были опровергнуты самим ходом развития науки. Поэтому, если приписать это диалектическому материализму, то достаточно будет показать устарелость и несостоятельность метафизики и механицизма, как тем самым будет, дескать, доказана устарелость и несостоятельность всей марксистско-ленинской философии.

Уловка, как мы видим, сугубо примитивная. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Ошибка махизма вообще и махистской новой физики состоит в том, что игнорируется эта основа философского материализма и различие материализма метафизического от материализма диалектического. Признание каких-либо неизменных элементов, «неизменной сущности вещей» и т. п. не есть материализм, а есть *метафизический*, т. е. антидиалектический материализм» (275—276).

Точно так же поступают противники марксистско-ленинской теории отражения в наши дни. Они выдают ее за теорию созерцательного отношения к предмету познания, полагая, что сумели «опровергнуть» теорию отражения, обнаружив, дескать, ее принципиальную несостоятельность. Наделив ее всеми недостатками созерцательного материализма, противники ее противопоставляют ей, как свое собственное изобретение, теорию активности человека, теорию его творческой, созидательной, практической деятельности. Они кричат о том, что уж если признать теорию отражения как ограниченную лишь созерцательной (и в этом смысле «отражательной») функцией сознания, то во всяком случае ее следует дополнить указанием на «творческую» функцию сознания. Совершенно очевидно, что подобные предложения рассчитаны на людей, которые незнакомы с теорией отражения в ее ленинском толковании и которые готовы поверить ее критикам, будто отражение («рефлексия») может означать только одно: признание пассивной созерцательности предмета познания человеком.

Все положения В. И. Ленина, выдвинутые и разработанные им в связи с теорией отражения, целиком основаны на диалектике, на признании решающей роли человеческой практики в процессе познания как источника всего познания и как критерия истинности получаемых результатов. То, что приписывается теории отражения ее противниками, отпосит-

ся к *метафизической* теории отражения. В «Философских тетрадах» Ленин специально подчеркивал это обстоятельство: «Диалектика как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка) — вот неизмеримо богатое содержание по сравнению с «метафизическим» материализмом, основная *беда* коего есть неумение применить диалектики к *Bildertheorie* (теории отражения.— *Б. К.*), к процессу и развитию познания» [29, 321—322].

Теория отражения может быть метафизической, *если к ней не применена диалектика*, и она становится марксистско-ленинской, *если к ней применена диалектика*.

Несмотря на это, ревизионисты и открытые враги марксизма-ленинизма из лагеря буржуазной философии пытаются противопоставлять ленинской теории отражения свои теории, в которых на первое место ставится практика, творческое активное начало в сознании и деятельности человека, которые якобы отсутствуют в теории отражения. При этом, разумеется, и практика и творческая активность толкуются противниками теории отражения не в материалистическом, а в идеалистическом духе, в отрыве от общественно-исторической практики, от революционно-преобразующей деятельности народных масс.

Вопрос. Существует ли какое-либо *принципиальное различие* между книгой В. И. Ленина и его «Философскими тетрадами» по вопросу о творческой роли человеческого сознания, как это пытаются утверждать ревизионисты? (*к с. 346*).

Ответ. Нет, никаких существенных, а тем более коренных принципиальных различий по вопросам марксистской философии между этими трудами не имеется; «Философские тетради», равно как и другие ленинские работы, написанные после 1909 г., полностью опираются на те же принципы, что и ленинская книга. Речь может идти не о принципах, лежащих в их основе, а о том, какие конкретные философские вопросы разбираются с одних и тех же общих позиций в тех и других трудах, какие цели ставил автор перед собой в различных исторических условиях, когда писал на философские темы, каких реальных противников он подвергал в них критике.

Между тем некоторые ревизионисты и буржуазные идеологи придумали коренное различие между Лениным времен создания его книги и Лениным времен написания «Философских тетрадей». По их лживым заявлениям, в первой работе

Ленин стоит на позициях примирения с существующей действительностью, что, дескать, резюмируется и выражено в его теории отражения, которая якобы исключает активную борьбу за изменение мира и служит лишь способом спокойного, пассивного его отражения в сознании человека, его созерцания и не больше того. А в период написания второй книги Ленин, дескать, перешел на позиции революционной диалектики и во главу угла поставил практику, творческую деятельность человеческого сознания, направленную на преобразование мира. При этом, проповедники двух диаметрально противоположных этапов в развитии философских взглядов В. И. Ленина занимаются тем, что вкривь и вкось толкуют абсолютно ясные ленинские положения, противопоставляют одни другим, подтасовывают их таким образом, чтобы в итоге всех этих манипуляций получить желаемый вывод: на протяжении 5—6 лет Ленин, дескать, круто, на 180° изменил свои философские взгляды: в 1909 г. он утверждал, что сознание человека *только отражает* объективный мир, а в 1914 г. он стал утверждать нечто прямо противоположное, ибо в «Философских тетрадах» записано: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [29, 194].

Ленин в 1909 г. в своей книге утверждал, что «сознание и там и тут (т. е. как сознание отдельного человека и как общественное сознание.— *Б. К.*) есть только отражение бытия» и что в «философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» (346).

А в 1914 г. тот же Ленин, по заверению ревизионистов, стал вынимать из философии марксизма ее основную посылку, признав, что будто бы сознание человека *не только отражает, но творит объективный мир*. Отсюда с нескрываемой радостью наши враги делали нужные им выводы, которые, однако, не имели ничего общего с действительностью.

Почему же это было так? Да по той простой причине, что хотя приведенная выше выдержка из «Философских тетрад» представляет собой запись, сделанную *рукой В. И. Ленина*, тем не менее она отнюдь не выражает *взгляда* самого Ленина. Достаточно внимательно изучить весь контекст, в который она заключена, чтобы без всяких сомнений установить, что в этой записи Ленин охарактеризовал, но только своими словами, *позицию идеалиста Гегеля* по данному вопросу. Это ясно видно хотя бы из того, что вся данная фраза начинается со слова «*Alias*» (что значит: иначе говоря, дру-

гими словами), за которым следует двоеточие. А перед этим Ленин записал туманные гегелевские рассуждения на ту же тему, которые требовалось расшифровать, перевести с вычурного гегелевского языка на язык общечеловеческий, что и сделал Ленин в приведенной выше формуле.

Но Ленин отнюдь не согласился с Гегелем в данном вопросе. Напротив, он подверг критике гегелевский идеализм, согласно которому дух является демиургом (творцом) действительности, и противопоставил ему свой, материалистический взгляд. Этот свой взгляд В. И. Ленин записал в качестве резюме всего проведенного им анализа данного вопроса в следующей формуле: «...т. е. что мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [29, 195].

Ни о каком «творении» объективного мира человеческим сознанием здесь нет ни слова, нет даже малейшего намека на допущение чего-либо подобного. Человек сознает, что мир его не удовлетворяет, и решает (решает опять-таки при помощи своего сознания) изменить этот мир — такова *ленинская* формула, коренным образом противоположная гегелевскому положению, что сознание (пусть в форме некой абсолютной идеи, под видом которой выступает гипертрофированное сознание человека) способно «творить» мир, создавать его каким-либо способом.

Значит, ревизионисты, выдумавшие версию о том, что будто бы Ленин перешел с позиций материализма, на которых он стоял в своей книге, на позиции идеализма, когда писал «Философские тетради», попросту спутали то, что выражает взгляды Ленина, с тем, как *Ленин сформулировал взгляды Гегеля*. И на таком основании они вздумали возводить свою нелепую «концепцию», касающуюся развития философских воззрений Ленина! Свои же подлинные взгляды Ленин выразил в тех же «Философских тетрадах», говоря, «что мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его». Это положение прямо противоположно идеалистическим воззрениям Гегеля и полностью соответствует взглядам Маркса, в частности, его первому тезису о Фейербахе.

Вопрос. Каким же образом некоторые наши философы не увидели этой ошибки и сами повторили ее в своих работах? Разве одним из *главных положений* нашей философии не является утверждение, что наше сознание, познание способно *только отражать* мир и его закономерности, но не *творить* их? (ж с. 174 и 375).

Ответ. Несомненно, что те из наших философов, кто

считает ленинской приведенную выше формулу о том, что сознание человека не только отражает объективный мир, но творит его, вкладывают в нее особый, иносказательный смысл. Творит, говорят они, означает в данном случае, что сознание активно участвует в практической переделке мира человеком, играя при этом роль направляющего фактора. Так как противники философии марксизма-ленинизма обвиняют ее в пассивности и созерцательности, то эта формула служит решительным опровержением подобных обвинений: ведь Ленин, дескать, приписывает сознанию способность не только отражать, но даже творить мир (употребляя слово «творить» в том переносном смысле, когда имеется в виду участие людей в их сознательной творческой деятельности).

Но вдумаясь в эту аргументацию глубже. Если бы на самом деле было сказано, что недостаточно признать за сознанием, познанием способность отражать мир и что нужно обязательно еще добавить: не только отражает объективный мир, но и творит его (безразлично даже, в каком смысле употреблять слово «творит» — в прямом или переносном), то это означало бы согласиться, по сути дела, с противниками ленинской теории отражения, что она ограничена, недостаточна, односторонняя и даже созерцательна, поскольку требуется ее дополнение указанием на то, что сознание не только отражает, но и творит мир.

В действительности же, как мы видели, в ленинской теории отражения самый процесс отражения трактуется в неразрывной связи с активной, направляющей, созидательной деятельностью человеческого сознания, так что отражательная функция сознания толкуется не наряду с особой, отдельной от нее творческой его функцией, но как органически и нераздельно включающая в себя эту последнюю. Другими словами, отражение объективного мира, согласно ленинской теории отражения, совершается именно как сложный диалектический процесс приближения субъекта к объекту, совершаемый через преобразующую, практическую деятельность человека, через материальное творчество людей, в котором активное участие принимает их сознание, ибо вся такая их деятельность есть деятельность целенаправленная, сознательная.

Поэтому в корне неправильно было бы добавлять и оговаривать, что сознание не только отражает объективный мир, но и творит его, ибо, повторяем, направляющая, творческая деятельность человеческого сознания органически включается в понятие «отражение». Без этого включения само понятие «отражение» приобретало бы тот неправиль-

ный, метафизический, созерцательный характер, который неизбежно возникает, когда, как отмечает Ленин, к теории отражения не применяется диалектика.

Вопиющий характер ошибки с приписыванием диалектическому материализму формулы о том, что сознание не только отражает, но и творит мир, обнаруживается особенно резко, если вспомнить, что ревизионисты всех мастей пытаются противопоставить книгу В. И. Ленина его «Философским тетрадам». Это их излюбленный прием: они пытаются разорвать единое и до конца цельное марксистско-ленинское учение на разные части и привести одну часть в столкновение с другими его частями. Они противопоставляют молодого Маркса зрелому, Маркса — Энгельсу, Маркса и Энгельса — Ленину, Ленина одного этапа — Ленину другого этапа и т. д. Поэтому с особой старательностью и изощренностью они занимаются выписыванием «противоречий» (разумеется, мнимых, полностью выдуманных ими самими) между книгой Ленина и его «Философскими тетрадами».

В этой обстановке, ведя непримиримую борьбу против всех и всяческих происков ревизионистов, необходимо следить за тем, как бы нам самим не дать какой-либо повод к тому, чтобы облегчить их черное дело. А такой повод неизбежно мы дадим, если, не разобравшись в сути дела, выдадим за положение диалектического материализма признание, что сознание не только отражает, но и творит объективный мир.

Ведь, признав это, мы придем в неразрешимое противоречие с тем, что сказано в ленинской книге о том, что «мир есть закономерное движение материи, и наше познание, будучи высшим продуктом природы, в состоянии только *отражать* эту закономерность» (174). «Только *отражать*», — подчеркивает Ленин, и это положение он полностью сохранил и в «Философских тетрадах», не отступая от него ни на йоту.

Как можно утверждать, что сознание не только отражает, но и творит мир, не впадая в самое вопиющее противоречие с тем, что сказано в ленинской книге и сформулировано в качестве центрального положения всего материализма, включая и исторический материализм, — что сознание «есть только отражение бытия» (346) — с последующим категорическим предупреждением, что из этой философии марксизма, вылитой из одного цельного куска стали, нельзя вынимать ничего существенного, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи?

Спрашивается, как же можно вынимать из этой философии марксизма такое, специально выделенное Лениным по-

ложение, к которому сводится все *главное существо* этой философии,— положение, что сознание во всех его формах есть только отражение бытия?

Очевидно, как об этом уже говорилось выше, указанная формула, содержащаяся в «Философских тетрадах», есть не более как переложение Лениным взгляда Гегеля, что подтверждается и тщательным изучением оригинального текста соответствующих мест в рукописи «Философских тетрадей». Ни малейшего сомнения не остается в итоге такого изучения в том, что В. И. Ленин не выразил и не мог выразить в этой формуле *своего взгляда*, который сформулирован им в тех же тетрадах во многих местах с последовательно материалистических, но отнюдь не с идеалистических позиций, как это тщетно стремятся доказать ревизионисты.

Итак, согласно ленинской теории отражения само понятие «отражение» совпадает с понятием «творчество», «созидание», т. е. творческой деятельности сознания. Поэтому глубоко неверно противопоставлять две якобы различные и якобы дополняющие одна другую функции сознания — «отражательную» и «творческую». Ошибка возникает именно там, где начинают разделять обе эти якобы различные между собой функции сознания, словно «отражательная» функция аналогична «созерцательной» и не предполагает активной творческой деятельности человека и его сознания. Между тем реально это — *не две различные, а одна единая функция* или способность сознания — только отражать внешний мир, но отражать его только в процессе созидательной, преобразующей, практической деятельности человека при активном участии в ней его сознания.

В 1909 г. В. И. Лениным был жестоко раскритикован «Богданов, называющий идеализм философией марксизма» (351). Не к лицу некоторым нашим философам, какими бы благими намерениями они бы ни руководились, выдавать за марксистско-ленинскую философию явно идеалистическую формулу, облегчая при этом нашим противникам некрасивое занятие по части противопоставления книги Ленина его «Философским тетрадам».

6. Основные философские направления в естествознании XX в.

Вопрос. Каким *признаком* или *критерием* руководствовался В. И. Ленин при характеристике двух направлений в физике XX в., равно как при отнесении того или иного уче-

ного или его теории к лагерю материализма или к лагерю идеализма? (ж с. 295 и 307).

Ответ. Вся книга В. И. Ленина, от начала и до конца, посвящена анализу борьбы основных философских направлений — материализма и идеализма в современной философии и современном естествознании. Под этим углом зрения Ленин разбирает отдельные философские и естественнонаучные проблемы, квалифицирует различные школы в философии и физике, освещает философскую позицию отдельных философов и естествоиспытателей. Подводя итоги этого разбора, Ленин подчеркивает, что «на каждом из затронутых нами вопросов гносеологии, на каждом философском вопросе, поставленном новой физикой, мы прослеживали борьбу *материализма и идеализма*. За кучей новых терминологических ухищрений, за сором геллертерской схоластики всегда, без исключения, мы находили *две* основные линии, два основных направления в решении философских вопросов. Взять ли за первичное природу, материю, физическое, внешний мир — и считать вторичным сознание, дух, ощущение (— опыт, по *распространенной* в наше время терминологии), психическое и т. п., вот тот коренной вопрос, который *на деле* продолжает разделять философов *на два большие лагеря*. Источник тысяч и тысяч ошибок и путаницы в этой области состоит именно в том, что за внешностью терминов, дефиниций, схолистических вывертов, словесных ухищрений *просматривают* эти две основные тенденции...» (356).

С этих именно принципиальных и единственно правильных позиций Ленин подробно проанализировал борьбу основных философских направлений в физике, происходившую в начале XX в. в ряде стран Западной Европы (Англии, Германии и Франции). Картина вырисовывалась следующая: новейшие физические открытия, которые революционизировали все естествознание, получали прямо противоположные философские толкования, во-первых, со стороны подавляющего большинства физиков, которые придерживались стихийно или сознательно материалистических взглядов на мир, и, во-вторых, со стороны гораздо меньшей части физиков, которые поддались влиянию модной идеалистической философии и отошли от линии материализма.

Каков же тот критерий, руководствуясь которым Ленин относил одних физиков к лагерю материализма, а их противников — к лагерю идеализма? Таким критерием Ленину, так же как Марксу и Энгельсу, неизменно служило определенное решение основного вопроса всякой философии. Никаких иных критериев Ленин не признавал. Тем более он никогда не

подменял вопрос о философской, гносеологической позиции ученого вопросом о том, какие специальные физические теории данный ученый отстаивает.

Он писал: «Действительно, различие обеих школ в современной физике *только* философское, только гносеологическое. Действительно, основная разница состоит *только* в том, что одна признает «последнюю» (надо было сказать: объективную) реальность, отражаемую нашей теорией, а другая это отрицает, считая теорию только систематизацией опыта, системой эмпириосимволов и т. д. и т. п.» (295).

Более того, Ленин далее особо подчеркивает тот факт, что представители обоих направлений в физике в равной степени хорошо работают как специалисты-физики, что различие между их философскими концепциями надо искать не в плоскости специально естественнонаучной, а только философской, т. е. только в том, как они ставят и решают гносеологические (а не естественнонаучные!) вопросы, выдвигаемые революцией физики. Эту мысль Ленин подчеркивает неоднократно. «Следовательно,— пишет он,— и по отношению к Германии подтверждается то, что по отношению к Англии признал спиритуалист Дж. Уорд, именно: что физики реалистической школы не менее удачно систематизируют факты и открытия последних лет, чем физики символистской школы, и что существенная разница состоит *«только»* в гносеологической точке зрения» (307).

Между тем такая позиция разделялась далеко не всеми философами и естествоиспытателями-материалистами; некоторые из них в борьбе против идеализма выдвигали совершенно другие критерии для определения того, к какому философскому лагерю следует относить того или иного ученого. Так, в начале 1922 г. в номере 1-2 только начавшего выходить журнала «Под знаменем марксизма» профессор А. К. Тимирязев выступил со статьей, в которой развил следующие взгляды: материалистом естествоиспытатель становится как бы автоматически, если он «хорошо» делает свое дело, если он не отрывается от экспериментальной работы и не уходит в дебри отвлеченных теоретических построений, оторванных от непосредственного опыта.

Логика рассуждения профессора Тимирязева, по-видимому, такова: в лаборатории, проводя опыты и ставя эксперименты, ученый имеет дело непосредственно с телами природы, с веществом, следовательно, с материей. Пока эта связь у него прочна, он не может скатиться к идеализму, потому что для идеализма нет места там, где имеют дело с материей. Но стоит только ученому потерять живую, непосредственную

связь с веществом, с физическим прибором, посредством которого он изучает свойства и явления внешнего мира, другими словами, как только ученый начинает заниматься абстракциями и чисто теоретическими изысканиями, так по этой именно причине он неизбежно попадает в объятия идеалистической философии: ведь в этом случае предохранить его от попадания в плен к идеализму ничто уже не может, поскольку непосредственная связь с опытом утеряна или сведена к минимуму.

Но А. К. Тимирязев игнорировал тот факт, что махисты, выступавшие в одеянии эмпириокритицизма, эмпириомонизма, эмпириосимволизма и т. д. и т. п., на все лады превозносили тот самый опыт («эмпирию»), который, по заверению Тимирязева, давал ученым гарантию от ската в идеализм. «Несомненно, что весь махизм,— писал Ленин,— в широком смысле этого слова, есть не что иное, как извращение путем незаметных нюансов реального смысла слова «опыт»!» (311). Следовательно, клятвы в верности опыту отнюдь не означают, что перед нами материалистическая линия в науке. И Ленин предупреждал, что «под словом «опыт», несомненно, может скрываться и материалистическая и идеалистическая линия в философии, а равно и юмистская и кантианская...» (156).

Вопрос. Что понимал Ленин под выражением «шатания махистской физики»? Разве физика, как и все естествознание, может быть разделена на *махистскую* и *немахистскую* или на *идеалистическую* и *материалистическую*? (к с. 308).

Ответ. Очевидно, Ленин имел в виду под выражением «махистская физика» тех физиков, которые в области философских выводов из физики стояли на позициях махизма, т. е. определенную часть «физических» идеалистов, но не самую физику как науку.

Физика как наука одна. Но в ней, вернее, среди ее представителей существуют два противоположных в философском отношении направления, одно из которых Ленин и назвал «махистской физикой». Философские шатания физиков-идеалистов Ленин анализирует под тем углом зрения, как эти шатания используют в своих интересах открытые, последовательные идеалисты — спиритуалисты, имманенты, фидеисты и прочие злейшие враги материализма. Но это обстоятельство не означает, что одни теории физики, скажем старой физики, сплошь материалистичны, а другие теории (теории новой физики) сплошь идеалистичны. У Ленина нет даже намек на такую постановку вопроса. И это потому, что применяе-

мый Лениным критерий различения материализма и идеализма в физике исключает такой подход к естествознанию и отдельным его отраслям.

Напротив, у А. К. Тимирязева как раз получалось так, что старая, дорелятивистская физика целиком материалистична, а новая, релятивистская целиком идеалистична. Наиболее типичным отрывом теоретической физики от физического эксперимента Тимирязев считал теорию относительности А. Эйнштейна. В начале 20-х годов на Западе вокруг этой теории была поднята шумиха с целью использовать ее в духе идеализма и субъективизма. Люди, часто не имевшие ничего общего с подлинной наукой, спекулировали на необычности тех представлений о пространстве и времени, о движении материи, которые вытекали из теории Эйнштейна; на все лады они пытались «доказать», будто эта теория несовместима с материализмом, будто она требует признания правоты махистских взглядов на основные формы бытия. При этом в совершенно ложном, превратном смысле истолковывался отвлеченный характер теории Эйнштейна, высокая степень абстрактности понятий, коими она оперирует.

Какова же была аргументация физика Тимирязева и как оценил ее Ленин? Указывая на то, что экспериментальная база теории Эйнштейна очень ограничена, очень «тонка», Тимирязев этим объяснял, почему названная теория приглянулась по вкусу идеалистам, и сама, дескать, является, по сути дела, чуждой материализму.

По Тимирязеву получалось так: кто за теорию относительности с ее мнимым отрывом от экспериментальной базы, тот записывается в физике якобы идеалистическую позицию, а кто против теории относительности, кто хорошо работает в лаборатории и связывает свою теорию с большим числом эмпирически установленных фактов, тот материалист, пусть стихийный, но большего и не требуется. Самым странным тут было то, что Тимирязев выдавал свои, по сути дела, позитивистские воззрения за точку зрения Ленина, считая при этом, что для борьбы против идеализма достаточны сами по себе естествознание и стихийный материализм естествоиспытателей.

Позиция профессора Тимирязева шла вразрез с марксизмом, с тем, что писал Ленин, развивая марксизм в новых исторических условиях. Это была ставка на самотек, это был отказ от признания роли сознательно отстаиваемого материализма и вместе с тем подмена единственно верного критерия для отнесения того или иного естествоиспытателя, сторонника той или иной физической или вообще естественнонаучной

теории либо к лагерю материализма, либо к лагерю идеализма.

Поскольку в печати появилась такая путаная статья, да еще претендующая на изложение принципиальных установок по данному вопросу от имени марксизма («под знаменем марксизма»), Ленину потребовалось выступить с разъяснением своей позиции, а значит, и взглядов марксизма. Этому посвящена часть ленинской статьи «О значении воинствующего материализма», которая появилась в следующем номере того же журнала. В этой статье позиция Ленина противопоставлена позиции Тимирязева.

Прежде всего Ленин отвергает ставку на самотек, на стихийность в вопросах философской борьбы. Прямо отвечая Тимирязеву (хотя и не называя его здесь по имени), он разъясняет, что бессознательное (стихийное) отношение к тому, что идеалисты ухватились за теорию Эйнштейна, недопустимо, что нужно отдавать себе ясный отчет в том, что для борьбы против идеализма требуется солидное философское обоснование, а без него «никакие естественные науки» (в том числе, значит, и те, которые опираются на широкую экспериментальную базу), «никакой материализм» (и особенно, разумеется, стихийный, неосознанный, а значит, неизбежно колеблющийся, непоследовательный) «не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного мирозерцания» [45, 29—36].

Ленин отверг ошибочный критерий деления физических теорий на материалистические и идеалистические (в зависимости от того, насколько они крепко и полно связаны с экспериментом) и отстоял единственно верный критерий, обоснование которого дано в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин отмечает, что Эйнштейн, по свидетельству самого же А. Тимирязева, стремящегося причислить Эйнштейна и его теорию к лагерю идеализма, не выступает активно против материализма, но что за его теорию уцепились враги материализма из числа поклонников буржуазной моды. «Если Тимирязев в первом номере журнала должен был оговорить,— отмечает Ленин,— что за теорию Эйнштейна, который сам, по словам Тимирязева, никакого активного похода против основ материализма не ведет, ухватилась уже громадная масса представителей буржуазной интеллигенции всех стран, то это относится не к одному Эйнштейну, а к целому ряду, если не к большинству великих преобразователей естествознания, начиная с конца XIX века» [45, 29].

Но дело не только в том, что профессор Тимирязев был глубоко не прав в отношении оценки теории относительности,

которую он выдавал за идеалистическую, следовательно, ненаучную. Речь идет сейчас о *принципиальном подходе к определению того, где в естествознании проходит водораздел между идеалистическим и материалистическим направлениями*. Согласно Ленину, водоразделом тут, как и в области философии, служит то или иное решение основного гносеологического вопроса об отношении мышления к бытию. Согласно же Тимирязеву, водораздел проходит так, что одни физические и вообще естественнонаучные теории оказываются целиком по одну сторону этого водораздела, в стане материализма, другие — по другую, в стане идеализма. При этом первые — это те, которые сложились раньше, в те времена, когда идеализм еще не начал использовать в своих целях достижения естественных наук, а вторые — это те, которые складываются в самое последнее время, когда идеалистическая философия стала широко рекламировать свою «связь» с новой физикой и паразитировать на ее новейших открытиях.

Такой в корне неправильный подход привел бы к тому, что идеализму отдавались бы самые важные, самые последние достижения научного познания, тогда как материализм должен был бы довольствоваться уже устаревшими воззрениями, подвергшимися коренной ломке благодаря «*новейшей революции в естествознании*». Это означало бы на деле активное содействие нашему философскому противнику в его борьбе против материализма и прямое разоружение материализма перед лицом его врага.

Вопрос. Почему В. И. Ленин квалифицировал как «сплошной обскурантизм» выступление некоторых реакционных философов против атомистики? Какое значение имеют для современной науки эти ленинские замечания? (к с. 368—369).

Ответ. В 1904 г. философ-позитивист Петцольдт заявил, что «механическое (здесь в смысле материалистическое. — Б. К.) мирозерцание современного естествоиспытателя не лучше по существу, чем мирозерцание древних индийцев». И далее: «Совершенно все равно, держится ли мир на сказочном слоне или на молекулах и атомах, если мыслить их себе в гносеологическом отношении реальными, а не только для метафоры...» (368).

В. И. Ленин с возмущением разоблачил антинаучную суть этого рассуждения: «Ведь это все — *сплошной обскурантизм*, самая отъявленная реакционность, — писал он. — Считать атомы, молекулы, электроны и т. д. приблизительно верным отражением в нашей голове объективно реального дви-

жения матери, это все равно, что верить в слона, который держит на себе мир!» (368—369).

Обскурантизм Петцольдта и ему подобных, вскрытый и заклеянный Лениным, состоял в том, что новейшие успехи науки, благодаря которым совершалась величайшая революция в естествознании, ставились на одну доску с детски наивными мифами далекого прошлого, давно уже опровергнутыми в ходе развития научного познания. Чтобы опорочить *достижения* человеческого познания, обскурант умышленно смешивает эти достижения с очевидными *заблуждениями* наших отдаленных предков, веривших в чудеса и сказки.

В известный период нечто сходное случилось и в попытках некоторых биологов опорочить достижения современной генетической науки и всей молекулярной биологии посредством приема, в принципе совпадающего с тем, каким воспользовался в свое время Петцольдт в борьбе против атомистики. Так, утверждалось, что признать существование материального, вещественного носителя у свойства наследственности — это все равно что повторить старые, неправильные взгляды ученых XVIII в., будто различные свойства и явления (например, теплота и горение) обладают какими-то особыми вещественными «носителями», вроде мифических теплорода и флогистона. А так как теория теплорода и теория флогистона изображали действительность как бы в перевернутом виде, то этим они были похожи на гегелевскую диалектику, которая отражала действительный мир именно в таком перевернутом виде, а потому нуждалась в том, чтобы ее поставили с головы на ноги. Но поскольку в философии подобное «перевертывание» означало, что Гегель идеалист, то, значит, и названные теории физики и химии (теплорода и флогистона) тоже идеалистичны, а потому и современная генетика тоже, видите ли, должна быть объявлена идеалистической!

В этом рассуждении все от начала и до конца построено либо на софизмах и подмене понятий, либо на невероятной путанице и недоразумениях. Начнем с того, что ни теория теплорода, ни теория флогистона не были идеалистическими: это был метафизический материализм, а вовсе не идеализм! Но главное даже не это; главное — то, что из существования в истории науки каких-либо заблуждений, исправленных позднее в процессе развития науки, отнюдь не вытекает, что позволительно ставить на одну доску *величайшие достижения современной науки*, в том числе генетики и молекулярной биологии, с отвергнутыми концепциями о невесомых

«жидкостях» («флюидах»). А ведь *единственный* довод в пользу этого состоит в том, что как те, так и другие допускают, что у изучаемых свойств (физических, химических, биологических) имеются свои вещественные, материальные носители.

Разумеется, обскуранту известно, что установленные наукой реальные носители свойства наследственности — ДНК, гены, хромосомы являются материальными, вещественными, а потому объявлять их фикциями, продуктами чисто духовного порядка теперь уже нельзя. Значит, отпадает обвинение генетики в идеализме и мистике? Ничуть не бывало. Обскурант и тут находит лазейку для своей борьбы против современной науки: он объявляет, что это материальность того же рода, как и поклонение дикарей материализованным (в виде каменных идолов) божкам. Здесь в точности повторяются старые аргументы тех обскурантов, против которых боролся Ленин и которые утверждали, что признание дискретных частиц материи равносильно вере в сказочного слона. Тут только вместо слона выдвинуты каменные идолы.

Изучение книги Ленина с целью лучше разобраться в сложных процессах развития современной науки и с помощью ленинской аргументации отметить ложные воззрения и приемы представляется весьма важным и своевременным делом.

7. Непримируемость как признак враждебности, антагонистичности

Вопрос. Почему иногда считается, что нельзя противоречия между в корне враждебными сторонами именовать *непримируемыми*? Разве можно считать все вообще противоречия *одинаково* непримируемыми? (к с. 124 и 371).

Ответ. Действительно, иногда дело представляется в таком свете, что будто бы признание, что антагонистические противоречия являются *непримируемыми* и что эта их характеристика служит их существенным, отличительным признаком, автоматически, дескать, влечет за собой признание всех неантагонистических противоречий *примируемыми*. Но так как никакие противоречия вообще не разрешаются путем их примирения, то отсюда делается ложный вывод, что непримируемость противоречий не может служить характеристикой их враждебности, их антагонистичности. Например, согласно ошибочной точке зрения получается так, что признание непримируемости классовых противоречий означает отход от диалектики, поскольку это ведет, дескать, к утверждению о

примиримости нового и старого, т. е. к отрицанию самого закона единства и борьбы противоположностей.

С такими именно более чем странными доводами связана мысль вообще отказаться от критерия непримиримости в применении к характеристике борьбы между противоположными воззрениями или концепциями. Логика рассуждения этих философов такова.

Все противоречия разрешаются не путем примирения противоположностей, а путем преодоления противоречий между ними в борьбе противоположных сторон. Значит, никакие противоречия — как неантагонистические, так и антагонистические — не разрешаются посредством примирения, что, конечно, верно. Но отсюда, как из большой посылки школьного силлогизма, делается уже неверный вывод: если только одни какие-либо противоречия (например, антагонистические) называть непримиримыми, то отсюда автоматически, дескать, должно последовать наименование остальных противоречий (в данном случае неантагонистических) примиримыми. Но так как это противоречит большей посылке придуманного ими школьного силлогизма, то следует признать, что признак непримиримости следует применять ко всем без исключения противоречиям в равной степени.

Разумеется, если придерживаться азбучно-школьного способа рассуждений, все должно получиться именно так. Но если подойти к этому вопросу с научной, более серьезной точки зрения, которую разделяет марксистская диалектическая логика, то ничего похожего на преподносимый читателю школьный силлогизм мы не обнаружим. Напротив, мы обнаружим, что *непримиримость* как признак противоречий, носящих антагонистический характер, т. е. противоречий между в корне враждебными направлениями, составляет *самую суть* этих противоречий. Таковы именно материализм и идеализм как основные противоположные, антагонистически враждебные течения в философии. Они, как показывает В. И. Ленин всем содержанием книги, действительно *непримиримы* между собой, и только «примиренческое шарлатанство» может искать между ними нечто среднее, соединять кусочки того и другого направления в некую эклектическую систему, подобную махизму, позитивизму и т. д.

Разумеется, как показывает В. И. Ленин, представителей этой презренной партии середины не устраивает партийная принципиальность марксистского учения. Против него они выдвигают довод, который В. И. Ленин формулирует так: «...партийность, пристрастность теории Маркса, предвзятость его решения. Эмпириокритицизм *весь*... претендует на беспар-

тийность и в философии и в общественной науке. Ни социализм, ни либерализм. Не разграничение коренных и непримиримых направлений в философии, материализма и идеализма, а стремление подняться *выше* их» (338).

Как видим, Ленин ставит в упрек махистам отказ от разграничения «коренных и непримиримых направлений в философии». Значит, ошибочно утверждение о том, что признак непримиримости противоречий не может служить специфическим признаком для таких антагонистических направлений, как материализм и идеализм!

Характеризуя книгу Геккеля «Мировые загадки», Ленин подчеркивает *общий* дух ее: «...неискоренимость естественно-исторического материализма, непримиримость его со *всей* казенной профессорской философией и теологией» (371).

Непримиримость враждебных философских направлений Ленин подчеркивает и по следующему поводу: «Утверждение естествознания, что земля существовала до человечества, есть объективная истина. С философией махистов и с их учением об истине непримиримо это положение естествознания: если истина есть организующая форма человеческого опыта, то не может быть истинным утверждение о существовании земли *вне* всякого человеческого опыта» (124—125).

Вся ленинская книга, вся ленинская критика махизма, а также энергетизма, прагматизма и т. п., построена от начала и до конца именно на том, что Ленин выделяет действительно *непримиримые* между собой течения в философии и показывает на каждом шагу вздорность, реакционность, эклектичность всех и всяческих попыток обойти, игнорировать, «устранить» это коренное и главное — непримиримость материализма и идеализма, попыток выскочить из этой их непримиримой противоположности, встать, подняться выше нее.

Вот почему Ленин, говоря о противоположных течениях в философии, постоянно подчеркивает именно их *непримиримость*, выражая этим их коренную и неустранимую враждебность. Так, он отмечает, что содержание материалистических взглядов Геккеля «абсолютно не мирится ни с какими оттенками господствующего философского идеализма» (371), что положения естествознания непримиримы с философией махизма и т. д.

Все это Ленин подчеркнул с особой силой в той связи, что никакие попытки замаскировать, завуалировать, затушевать наличие непримиримых, следовательно, враждебных, антагонистических противоречий посредством различных вывесок и терминологических выкрутасов, не в состоянии достичь

цели и разоблачают себя полностью, как только дело доходит до открытой борьбы между враждебными силами и течениями. Так, Ленин приводит пример с Фридлендером, который пытался перекрестить *материализм* в метафизику и трансцендентальный реализм, но обнаружил свое истинное лицо врага материализма, как только речь зашла о существе дела. И Ленин по этому поводу сказал: «Здесь же важно отметить опять-таки, как *на деле* улетучивается пустая геллертерская претензия превзойти идеализм и материализм, как вопрос ставится с неумолимой непримиримостью. «Предоставить независимость противочленам», это значит (если перевести с вычурного языка кривляющегося Авенариуса на простой человеческий язык) считать природу, внешний мир независимым от сознания и ощущения человека, а это есть материализм. Строить теорию познания на посылке неразрывной связи объекта с ощущением человека («комплексы ощущений» = тела; «элементы мира» тождественные в психическом и физическом; координация Авенариуса и т. п.) значит неизбежно скатиться в идеализм. Такова простая и неизбежная истина, которую при некотором внимании легко открыть под ворохами самой вымученной, умышленно затемняющей дело и отбивающей широкую публику от философии, квазиученой терминологии Авенариуса, Шуппе, Эвальда и других» (70).

Но легко это раскрыть лишь при обязательном условии, что отдаешь себе ясный отчет в том, что в подобных случаях «примиренческим» мусором *прикрывается непримиримость* реальных противоречий между враждебными, антагонистическими силами и течениями.

Вопрос. Распространяет ли В. И. Ленин признак непримиримости *на все антагонистические противоречия вообще* или же только на те, которые существуют в философии?

Ответ. Ленин высказывал оценку противоречий, существующих между враждебными сторонами, как непримиримых во всех случаях, когда речь шла о социальных антагонизмах. Именно такая оценка лежит в основе его трудов, посвященных анализу современного общества и его истории. Так, работу «Государство и революция» он начал с рассмотрения основного вопроса, которому и посвятил параграф 1: «Государство — продукт непримиримости классовых противоречий» [33, 5]. Здесь Ленин приводит рассуждение Энгельса по поводу того, что в эксплуататорском обществе государство есть признание, что общество запуталось в неразрешимом противоречии с самим собой, что оно раскололось на не-

примиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, и нужно было государство.

Отсюда Ленин делает вывод: «Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий. Государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены. И наоборот: существование государства доказывает, что классовые противоречия *непримиримы*» [33, 7].

Разумеется, что речь идет все время о государстве в эксплуататорском обществе. Далее Ленин показывает, что буржуазные, и особенно мелкобуржуазные, идеологи «подправляют» Маркса таким образом, что государство выходит органом *примирения* классов. «По Марксу, государство не могло бы ни возникнуть, ни держаться, если бы возможно было примирение классов... По Марксу, государство есть орган классового *господства*, орган *угнетения* одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов. По мнению мелкобуржуазных политиков, порядок есть именно примирение классов, а не угнетение одного класса другим; умерять столкновение — значит примирять, а не отнимать у угнетенных классов определенные средства и способы борьбы за свержение угнетателей... Что государство есть орган господства определенного класса, который *не может* быть примирен со своим антиподом (с противоположным ему классом), этого мелкобуржуазная демократия никогда не в состоянии понять» [33, 7—8].

Итак, за исходный пункт своей работы о государстве и революции, написанной в канун Октября 1917 г., Ленин принял положение о непримиримости противоречий между классовыми антиподами в эксплуататорском обществе, и прежде всего «о непримиримости противоположных интересов пролетариата и буржуазии» [33, 86].

Позиция Ленина абсолютно ясна: когда речь идет об антагонистических противоречиях, т. е. о тех, которые существуют между враждебными сторонами, то такие противоречия характеризуются как *непримиримые*.

Когда же речь заходит о противоречиях неантагонистических, то к ним *такая* характеристика совершенно неприменима. Их нельзя назвать непримиримыми именно потому, что отношения противоположных сторон здесь нельзя уподобить

«пожиранию друг друга», как это имеет место в случае отношений антагонистических классов в эксплуататорском обществе.

Так, говоря о противоречивых в диалектическом смысле этого слова отношениях между рабочим классом и средним крестьянством, Ленин никогда и нигде не называет эти противоречия непримиримыми. В прямую противоположность тому, как он характеризует отношение революционного пролетариата к своему антиподу — буржуазии, он подчеркивает, что *таким же* способом поступить с крестьянством нельзя: «Уничтожить классы — значит не только прогнать помещиков и капиталистов — это мы сравнительно легко сделали — это значит также *уничтожить мелких товаропроизводителей*, а их *нельзя прогнать*, их нельзя подавить, с ними *надо уживаться*, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой» [41, 27].

Разве мог бы Ленин выдвинуть требование *ужиться* с теми классами, противоречия с которыми являются непримиримыми? Если противоречия непримиримы, то они разрешаются одними способами — когда противника прогоняют и подавляют. Если же противоречия не являются непримиримыми, т. е. если стороны не враждебны друг другу, то такие противоречия разрешаются перевоспитанием, переделкой соответствующей стороны данного неантагонистического противоречия, что и достигается в результате огромной и умной работы.

Как отмечал В. И. Ленин, такая работа есть «тоже = борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление»¹.

Эта особого рода «борьба» между близкими, дружественными сторонами неантагонистического противоречия принимает у Ленина конкретную форму *союза* между сторонами данного противоречия. Так, применительно к социальным явлениям (например, в случае взаимоотношения между рабочим классом и трудящимся крестьянством нашей страны) Ленин выдвинул идею теснейшего союза с середняком. В целях борьбы против философской реакции он же обосновал идею *союза* между философами-марксистами и естествоиспытателями, которые склоняются к материализму.

Идея союза в том и другом случае могла родиться только потому, что противоречия здесь носят неантагонистический характер и не являются ни в коем случае непримиримыми.

¹ Ленинский сборник III, с. 494.

Напротив, как хорошо известно, люди, враждебные ленинизму, ставили на одну доску противоречия рабочего класса и с крупной буржуазией, и с крестьянством в целом (включая середняка), трактуя их в равной степени как непримиримые. История доказала порочность и вредность таких воззрений и полностью разоблачила их реакционный, антимарксистский характер.

Вопрос. Означает ли сказанное выше (хотя бы в какой-то степени) то, что все *неантагонистические* противоречия тем самым автоматически надо относить к числу *примиримых*?

Ответ. Ни в коем случае! Разумеется, они отличаются коренным образом от антагонистических, непримиримых между собой, поскольку они носят существенно иной, неантагонистический характер. Например, между сознательным, последовательным материализмом философа-марксиста и стихийным материализмом естествоиспытателя есть существенное различие и даже противоречие, как между всякой сознательностью и стихийностью вообще. Но в прямую противоположность тому противоречию (непримиримому!), какое имеется между материализмом и идеализмом, в данном случае это противоречие исключает враждебное, а предполагает дружеское отношение между философом-марксистом и стихийным материалистом-естествоиспытателем. Такое противоречие нельзя ставить на одну доску с тем, что имеет место в случае борьбы материализма и идеализма, так как в этом последнем случае налицо враждебность и непримиримость воззрений; в случае же материалистов — философов и естествоиспытателей имеет место союз, содружество, взаимная помощь, о чем и писал так хорошо В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма».

Вот почему попытка подвести все вообще противоречия под одну общую категорию непримиримых есть попытка фальшивая, предпринятая с неверных позиций. Логика (диалектическая) требует выделения тех противоречий, которые, будучи антагонистическими, существуют между враждебными силами или воззрениями, а потому являются действительно непримиримыми. Никакая казуистика, никакое оперирование школьными силлогизмами не могут устранить этого требования, которое красной нитью проходит через книгу В. И. Ленина.

Но значит ли это, что, признав одни противоречия непримиримыми в качестве основной и специфической их характеристики, мы тем самым должны признать другие противоречия примиримыми? Конечно, нет. Откуда это следует? Ведь

возможно и такое решение, что к неантагонистическим противоречиям вообще не применим ни в какой форме признак или примиримости, или непримиримости. Другими словами, говоря о том противоречии, о том существенном различии, которое существует между философом-марксистом и стихийным материалистом-ученым, мы не можем сказать, что между ними наступит какое-то примирение: первый согласится (примирится) со стихийным характером воззрений второго, а второй простит первому его открыто по-партийному выраженный характер его философских взглядов. Не об этом писал Ленин, требуя от философов-марксистов борьбы за то, чтобы естествоиспытатели становились сознательно на позиции диалектического материализма, а от естествоиспытателей — того, чтобы они поняли недостаточность и уязвимость стихийного материализма. Однако такая борьба за правильное мировоззрение ничем не похожа на борьбу с нашими открытыми *врагами* — идеалистами и теологами; для этой последней борьбы ее признаком служит именно непримиримость борющихся сторон.

Когда же речь идет о *друзьях*, которым надо помочь стать на более правильные позиции, то о какой непримиримости (враждебности) здесь можно говорить? Как же можно такие отношения подвести под категорию непримиримых, т. е. в корне враждебных?

Значит, признак «непримиримость» в данном случае не годится. Но, разумеется, не годится и признак «примиримость», о чем только что шла речь. Значит, вообще с тех позиций, с каких мы подходим к характеристике антагонистических, непримиримых, в корне враждебных отношений между борющимися сторонами, нельзя подходить к характеристике неантагонистических отношений.

Важно помнить, что непримиримые противоречия приводят к резкому конфликту, к открытому столкновению враждебных сил или взглядов, и без таких столкновений они разрешаться не могут; неантагонистические же противоречия при нормальном ходе их развития не ведут с необходимостью к таким обострениям и конфликтам, а разрешаются принципиально иначе, в ходе упорной и целенаправленной борьбы нового со старым.

Короче говоря, во всех таких случаях, как учит ленинская книга, нужно придерживаться жизненной, творческой диалектики, но не формализма и казуистики.

Вопрос. Встречаются ли непримиримые противоречия в *природе* или же они свойственны *только отношениям между людьми*, т. е. обществу? (ж с. 264).

Ответ. В общем случае непримиримость, антагонистичность противоречий типична для социальной жизни, где есть вражда между определенного рода противоположными силами или сторонами общественных процессов. Что же касается природы, то в развитом виде такие противоречия в ней отсутствуют: диалектика явлений природы сближается с диалектикой любых процессов, протекающих там, где нет антагонизмов.

Доказывая диалектический характер явлений природы, Энгельс писал в «Анти-Дюринге» (и Ленин в своей книге приводит его высказывания в изложении Динэ-Дэнеса), что в природе «нет никаких непримиримых противоположностей, никаких насильственно фиксированных разграничительных линий и различий» и что если встречаются в природе противоположности и различия, то их неподвижность, абсолютность вносятся в природу исключительно нами» (264—265).

Непримиримость противоположностей в данном случае отождествляется с их метафизической трактовкой, с их абсолютизацией.

Вопрос. Почему в своей книге Ленин, как правило, подвергает критике отдельных философов, называя при этом их имена и цитируя их сочинения, а в отдельных случаях ведет *безыменную* или *обобщенную критику целых школ и направлений* в области философии? (к с. 108).

Ответ. Это зависит от конкретных обстоятельств, в частности от тех целей, которые ставит перед собой Ленин в том или ином случае. Если он подвергает критическому анализу взгляды отдельного автора (как это сделал, например, Энгельс в отношении Дюринга), то, разумеется, совершенно необходимы приведение точных его высказываний, их строгий разбор, с тем чтобы сделать аргументированный вывод, доказывающий правильность итоговой оценки и квалификации, которую Ленин дает критикуемым воззрениям.

Но возможен и такой случай, когда нет необходимости разбирать индивидуальные взгляды отдельного философа или отдельных философов, так как уже достаточно четко выявлена общая линия (тенденция, концепция), характеризующая определенное философское *направление*. В таком случае критика, естественно, ведется в обобщенной форме, иногда даже вообще как *безыменная, направленная* лишь на то, чтобы подвергнуть критическому анализу все данное *направление* в целом, а не пороэнь его отдельных представителей.

С этой точки зрения понятно сделанное Лениным предупреждение в адрес П. Дауге: «...путь от Маркса к «дицгениз-

му» и «махизму» есть *путь в болото*, не для лиц, конечно, *по* для Ивана, Сидора, Павла, а для направления» (263).

Теперь обратим внимание на то, что ленинская критика махизма сугубо персонифицирована: Ленин разоблачает каждого отдельного махиста; он критикует и учителей (заграничных), и их незадачливых учеников — русских махистов, слепо повторяющих реакционную философскую моду. Раскрыть философское лицо отдельных махистов и показать то *общее*, что присуще всем махистам, т. е. махизму вообще, — такова цель, которую ставит книга Ленина.

Но такой способ критики он отнюдь не считает единственно возможным. Например, он ссылается на критику Энгельсом современных ему агностиков: «Энгельс умышленно не приводит имен в своем изложении, критикуя не отдельных представителей юмизма (философы по профессии очень склонны называть оригинальными системами крошечные видоизменения, вносимые тем или другим из них в терминологию или в аргументацию), — а *всю* линию юмизма. Энгельс критикует не частности, а *суть*, он берет *то основное*, в чем *отходя* от материализма *все* юмисты, и поэтому под критику Энгельса подпадают и Милль, и Гексли, и Мах» (108).

В другом месте своей книги Ленин подчеркивает ту же мысль: «О плохих материалистах Маркс, Энгельс и Дидцен разговаривали, считаясь с ними и желая исправить их ошибки, а о юмистах и берклианцах, Махе и Авенариусе, они и разговаривать не стали бы, ограничившись одним еще более презрительным замечанием по адресу *всего* их направления» (252).

С таких позиций Ленин в предисловии ко второму изданию своей книги рекомендует и читателям знакомиться с ее содержанием, надеясь, что оно будет небесполезно, независимо от полемики с русскими «махистами». Значит, В. И. Ленин видел возможность такого чтения его книги, когда главное внимание отнюдь не будет сосредоточено на критике отдельных представителей махистской ревизии марксизма, а на изучении самой марксистской философии. Объясняется это тем, что общая историческая обстановка круто изменилась в период между выходом в свет первого издания книги (весна 1909 г.) и второго ее издания (осень 1920 г.). Если в 1908—1909 гг. борьба специально против махистского поветрия (под знаком которого развернулась тогда открытая ревизия марксистской философии) стояла на первом месте, то в 1920 г. перед Коммунистической партией и ее вождем — Лениным встали новые задачи в области идеологической работы, решению которых была призвана помочь ленинская

книга независимо от содержащейся в ней полемики с русскими «махистами».

Таким образом, в каждом конкретном случае нужно решать, должен ли критик развернуть борьбу против того или иного философского течения персонифицированно, т. е. называя имена авторов и цитируя критикуемые произведения, или же эту борьбу можно вести в обобщенной форме, подвергая критике в целом все данное направление. Давать же наперед однозначный ответ, пригодный на все случаи жизни, очевидно, не следует.

Бывает, обстоятельства сложатся так, что какой-нибудь путаник сам добивается того, чтобы его имя было названо в печати, стремясь этим создать себе рекламу. В таком случае иногда желательно вообще не называть его по имени, как это сделал Энгельс в предисловии к «Анти-Дюрингу». Здесь сказано, что некий «непризнанный великий математик» обиделся на Энгельса за то, что тот затронул честь $\sqrt{-1}$. В одном из своих писем Энгельс пояснил, что этому «непризнанному великому математику» очень хотелось, чтобы о нем говорили. Но Энгельс отнюдь не собирался удовлетворить это тщеславное желание своего оппонента. Во всяком случае, проведение безымянной критики никак не противоречит ленинскому пониманию принципа партийности в философии.

Глава XI

РАЗЛИЧНЫЕ ТОЛКОВАНИЯ МАТЕРИАЛИЗМА И ИДЕАЛИЗМА И ИХ НАИМЕНОВАНИЯ

1. Употребление терминов «реализм» и «метафизика»

Вопрос. В каком смысле употребляют термин «реализм» философы-немарксисты, когда они обозначают этим термином самые различные, а порой прямо противоположные философские направления? (к с. 56).

Ответ. Словом «реализм» в буржуазной философии называют такое учение, которое признает *реальность* чего-либо вообще, например внешнего мира, сознания, данных опыта и т. д., или же за *единственную реальность* принимает либо дух, ощущения и т. д., либо вещи, природу, материю и т. д. А так как любое философское учение принимает обязательно *что-либо* за реально существующее, даже если этим реально существующим является одно мое «Я», то при желании «реализмом» можно назвать любое философское уче-

ние. Очевидно, что такое словоупотребление широко открывает двери для смешения материализма и идеализма в целях маскировки идеалистических учений под материалистические, с тем чтобы сделать их более приемлемыми для естествоиспытателей.

С первых же страниц своей книги Ленин резко отмежевывается от названия «реализм», как путаного, смазывающего различие между материализмом и идеализмом. Приведя, например, высказывание одного автора по поводу «абсолютного реализма», он пишет: «Заметим, что термин реализм употребляется здесь в смысле противоположности идеализму. Я вслед за Энгельсом употребляю в этом смысле *только* слово: материализм, и считаю эту терминологию единственно правильной, особенно ввиду того, что слово «реализм» захватано позитивистами и прочими путаниками, колеблющимися между материализмом и идеализмом» (56).

В самом деле, как показано в ленинской книге, у махистов «новейший реализм» фигурирует как нечто однозначное с «новейшим позитивизмом» (360).

Иногда реалистами именуются даже имманенты, считающие бога «реальным понятием» (222). В связи с этим во избежание недоразумения в тех случаях, когда реализм противопоставляется идеализму, Ленин находит нужным оговариваться, что вместо «реалистические» надо было говорить «материалистические» (56).

Затасканность термина «реализм» позитивистами состоит в том, что они пытаются эксплуатировать в своих интересах философски не оформленное убеждение подавляющего большинства людей в реальном существовании внешнего мира. Такое убеждение обычно называют «наивным реализмом». Ленин поясняет, что под этим выражением подразумевают «ту стихийно, бессознательно материалистическую точку зрения, на которой стоит человечество, принимая существование внешнего мира независимо от нашего сознания» (56). На такой же стихийно-материалистической позиции стоит и большинство естествоиспытателей (61, 371—372). «Наивный реализм» всякого здорового человека, не побывавшего в сумасшедшем доме или в науке у философов идеалистов, — пишет Ленин, — состоит в том, что вещи, среда, мир существуют *независимо* от нашего ощущения, от нашего сознания, от нашего *Я* и от человека вообще... «Наивное» убеждение человечества *сознательно* кладется материализмом в основу его теории познания» (65—66). Поэтому, как признают даже некоторые махисты, единственная

теория познания, согласующаяся не фиктивно, а по-настоящему с «наивным реализмом», есть материализм (71). Вот почему идеалисты и агностики видели в допущении Кантом вещи в себе уступку материализму, «реализму» или «наивному реализму» (206).

Когда хотят сказать, что посылки науки или отдельного ее учения носят материалистический характер, их называют реалистическими (248, 302—303). Например, Менделеев называл свое материалистическое мировоззрение «реализмом». Напротив, желая принизить материализм, изобразить его теорию познания наивной, примитивной, отвечающей лишь философски не оформленному взгляду малообразованного человека, «верящего» (якобы вследствие своей слабой интеллектуальной развитости) в существование внешнего мира, идеалисты охотно именуют материализм «наивным реализмом». Ярый враг материализма Леклер называл материализм даже «вульгарным реализмом» — «чтобы покрепче было», — поясняет Ленин (208, 249). Для Леклера Дюринг был «воплощением зловредного реализма и материализма», а для имманента Шуппе — примером «бредового реализма» (255). Спиритуалист Уорд предлагал называть старую школу физиков-материалистов «физическими реалистами», «физическим реализмом», в противоположность школе махистов, которых он именовал «физическими символистами». При этом материалистов он характеризовал так, будто они считают факты жизни и духа «на одну степень менее реальными, чем материя и движение». Ленин показал, что «это, конечно, сплошной вздор, будто материализм утверждал «меньшую» реальность сознания...» (296).

Используя уже установившийся в философии и естествознании термин «наивный реализм», обозначающий стихийный материализм, махисты начали выдавать себя за истинных защитников «наивного реализма». Ленин показал, что «ссылка на «наивный реализм», якобы защищаемый подобной (т. е. махистской. — Б. К.) философией, есть софизм самого дешевого свойства» (65) и что софизмом же является «грубая мошенническая проделка, называемая защитой реализма имманентом Шуппе...» (224—225). Когда солипсист Шуберт-Зольдерн тоже уверяет, что он реалист, Ленин отмечает, что это — маневр, и объясняет причины такого маневра: «В наше время нельзя философу не объявлять себя «реалистом» и «врагом идеализма»» (344). Если в худших случаях термин «реализм» используется для прикрытия самой отъявленной философской реакционности, то, как показывает Ленин, Энгельс объявлял «реализм» «в л у ч-

шем случае филистерским приемом тайком протаскивать материализм, публично разнося его и отрекаясь от него!» (360).

С тем или иным видоизменением это наблюдается и в наше время. Термин «реализм» широко используется (по тем же соображениям, как и полвека назад) современными философскими и «физическими» идеалистами. В Англии существует даже особое идеалистическое течение — неореализм, возглавлявшееся Б. Расселом. В квантовую физику неомеханисты ввели понятие «физической реальности» для обозначения результатов физических опытов и измерений, причем в этом понятии снимается вопрос об объективном существовании микрочастиц, микроявлений, их подлинной, т. е. объективной, реальности, а по существу дело сводится к признанию комплекса ощущений, полученных наблюдателем при исследовании микроявлений.

Подлинно научное, материалистическое понимание реальности предметов физического мира, в том числе и микромира, состоит в том, чтобы признать их *объективную реальность*, как учил Ленин. В этом случае исключается всякая возможность при помощи неопределенного эпитета «физическая» толковать реальность в махистском смысле, как совокупность ощущений.

Вопрос. Почему субъективные идеалисты и агностики называют материалистов *метафизиками* и почему против этого надо решительно бороться? (к с. 59). Что означает обвинение материалистов в «*трансцендузе*»? (к с. 116).

Ответ. Приводя многочисленные высказывания философов различных направлений, одни из которых называют метафизикой идеализм, другие — материализм, сам Ленин употреблял термин «метафизический» только в строго научном, «в марксистском смысле слова», в смысле «антидиалектический» (41). Трактую метафизический материализм как антидиалектический (277, 285), он подчеркивал, что «метафизический» понимается здесь «в энгельсовском, а не в позитивистском, т. е. юмистском, смысле этого слова» (277).

Пользуясь неточностью термина «реализм», идеалисты иногда реалистами называют и материалистов, признающих объективную реальность внешнего мира, и субъективных идеалистов, считающих ощущение единственно реально существующим. Подобно этому они неправильно пользуются и термином «метафизика». Так, сторонники юмовского скептицизма называют метафизиками и материалистов, и объективных идеалистов, и даже фидеистов. Как подчеркивает Ленин,

точка зрения Юма такова, что устраняется «вопрос о том, есть ли что за моими ощущениями» (63). Идти дальше ощущений и считать ощущения продуктом действия тел на наши органы чувств есть (по мнению субъективного идеалиста) метафизика, правдное, излишнее допущение. Поэтому «Юм ничего знать не хочет о «вещи в себе», самую мысль о ней считает философски недопустимой, считает «метафизикой» (как говорят юмисты и кантианцы)» (104). Соответственно этому, с махистской, т. е. юмистско-берклианской, точки зрения, должна быть отвергнута всякая «метафизика», как материалистическая (признающая, что за ощущениями стоит материя, внешний мир), так и спиритуалистическая (признающая объективный дух и т. д.) (62—63). Как метафизику (в указанном смысле) трактует фидеизм идеалист Вундт (72—73). В свою очередь, многие материалисты именуют идеализм «метафизикой».

Э. Бехер указывает на близость Маха к «волюнтаристической метафизике». Примесь этой метафизики («т. е. идеализма», — поясняет В. И. Ленин) к «феноменологии» («т. е. агностицизму», — снова поясняет он) признают и другие авторы (201). Аналогично этому Дицген иногда противопоставлял материализм «метафизической тарабарщине», по поводу чего Ленин замечает: «И здесь неловкое, неточное выражение: вместо «метафизики» надо было сказать «идеалисты». И. Дицген сам противопоставляет в других местах метафизиков диалектикам» (361). Чернышевский характеризовал теорию Канта как метафизическую, смешивая, как отмечал Ленин, «противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому...» (382). Поясняя неточность терминологии Чернышевского, он указывает «к сведению путаников-махистов: Чернышевский называет метафизическим вздором *всякие* отступления от материализма и в сторону идеализма и в сторону агностицизма» (383).

Ленин показал, что хотя некоторые махисты, подобно всем юмистам, и готовы были иногда обругать метафизиками спиритуалистов и фидеистов, однако в первую очередь этот ярлык они наклеивали на материалистов: «Метафизиками, надо сказать, обзывают материалистов многие идеалисты и все агностики (кантианцы и юмисты в том числе), потому что им кажется, будто признание существования внешнего мира, независимого от сознания человека, есть выход за пределы опыта» (59). Например, махистская фальшь у Дюгема доходит до объявления *метафизикой* вопроса о том, соответствует ли чувственным явлениям «материальная

реальность» (330). «Для профессоров идеалистов, юмистов и кантианцев всякий материализм есть «метафизика», ибо он за феноменом (явлением, вещью для нас) видит реальное вне нас», — указывает Ленин (105—106). Поэтому представители названных философских течений «называют нас, материалистов, «метафизиками» за то, что мы признаем объективную реальность, данную нам в опыте, признаем объективный, независимый от человека, источник наших ощущений» (129).

Иногда такое признание идеалисты и агностики именуют догматизмом. «Юмисту материализм должен казаться метафизикой, догмой, выходом за пределы опыта и т. д.», — говорит В. И. Ленин (269). Воюя против естественноисторического материализма, идеалист заявляет, что он выступает якобы против «метафизики» естествознания, против «догматизма» (371).

В других местах своей книги В. И. Ленин не раз показывает, как агностики объявляют материализм «метафизикой», «незаконно» идущей дальше ощущений (217), как они кричат о «материалистической метафизике» (280, 337) или о «метафизике» материализма (301), как Леклер «с бешеным нападает на материализм», на его «грубейшую метафизику», «самообман» и т. д. и т. п. (254). И материю махисты объявляют «абсолютом» и «метафизикой» (147).

Воюя против материализма, идеалисты воюют и против неискоренимых материалистических основ естествознания. Например, как указывает Ленин, своим главным врагом идеалист Шуберт-Зольдерн считает «материализм естествознания», «метафизику» признания объективной реальности внешнего мира (226), «метафизику естествознания» (369). По поводу заявления Уорда, что материалист трактует физику как метафизику, Ленин замечает: «Знакомый довод! Метафизикой называется признание объективной реальности вне человека: спиритуалисты сходятся с кантианцами и юмистами в таких попреках материализму» (294).

Далее он показывает: «Нет ни одного имманента, который бы с пеной у рта не накидывался на «метафизику» естествознания, на «материализм» естествоиспытателей *именно за это признание* естествоиспытателями объективной реальности материи (и ее частиц), времени, пространства, закономерности природы и т. д. и т. п.» (369). Мах воюет с «метафизикой естествознания», махист Петцольдт провозглашает, что «естественные науки насквозь... пропитаны метафизикой» (368), Авенариус «воюет с метафизикой естествознания, т. е. с естественноисторическим материализмом...»

(368), и вообще махисты «провозгласили войну против «естественноисторической метафизики», называя этим именем ту стихийно-материалистическую теорию познания, которой держится... громадное большинство естествоиспытателей» (337).

Поскольку агностики, в том числе махисты, считают недопустимым всякий выход за пределы непосредственного опыта, от ощущений к объективным вещам, то, по их мнению, всякое признание объективной реальности, данной нам в опыте, есть незаконный «трансцензус». Поэтому агностик называет материалистическое воззрение «трансцендентальным» (169). В. И. Ленин поясняет, что «трансцензус» по-латыни значит «переход». Агностики отвергают в принципе возможность перехода из области явлений в другую, якобы принципиально отличную от них область. За совершение такого «незаконного», с их точки зрения, перехода агностики называют материалистов *трансцендентальными* реалистами, «метафизиками». Таким образом, обвинение материализма в «трансцензусе» прямо вытекает из обвинения его в «метафизичности» (116 и 70).

Все это показывает, как был прав Ленин, отстаивая единственно верное применение термина «метафизика» в его марксистском понимании — для обозначения антидиалектики. Это имеет большое значение и в наши дни, поскольку господствовавший еще недавно в современной буржуазной философии субъективный идеализм начинает заметно вытесняться объективным идеализмом, многие представители которого именуют свои учения «метафизикой» и пытаются с идеалистических позиций трактовать проблемы бытия (онтологии), происхождения и сущности мира и тому подобные вопросы. Было бы совершенно неправильно перенимать терминологию этих ныне становящихся модными идеалистических школ и направлений и называть их «метафизическими», следуя за их собственными, выбранными для самих себя названиями. Это привело бы к путанице, стерло бы грани между материализмом и объективным идеализмом, поскольку современные субъективные идеалисты и агностики — кантианцы и юмисты — по-прежнему именуют материалистов «метафизиками». Надо поэтому не следовать слепо за чуждой марксизму терминологией, а раскрывать истинное существо идеалистических течений, прячущихся за такой терминологией, как учил это делать Ленин.

То же касается термина «онтология». Разумеется, бытие, материя, природа, физическое и т. д. существуют сами по себе, вне и независимо от сознания, мышления, духа, пси-

хического и т. д. Однако это не значит, что *философия* должна это бытие рассматривать само по себе, но не через призму основного вопроса *всякой философии*, вопроса об отношении мышления к материи, сознания к бытию, о чем уже говорилось выше. Вне этого вопроса бытие изучается только частными науками, которые открывают законы природы и общества и указывают пути их практического использования человеком. Но это уже не онтология как часть философии, а именно частные науки. Их философской основой служит материализм, а сами они составляют его естественно-научный и общественнонаучный фундамент. Но в качестве *философской* области учение о бытии как таковом вне основного вопроса *всякой философии* не представляет собой научной значимости и философского смысла с точки зрения марксистско-ленинской философии именно потому, что оно предполагает возможность полного отвлечения от основного вопроса философии и даже его игнорирование. Вот почему никакая «онтология» не гарантирует от возможности дать идеалистический ответ на основной вопрос философии при формальном отказе от его рассмотрения, т. е. при отказе ставить и решать вопрос об отношении сознания к бытию, мышления к материи.

Не случайно, что в настоящее время в результате крушения откровенно субъективистских концепций в буржуазной философии все более модными становятся разновидности объективного идеализма, выступающего под флагом «метафизики» и «онтологизма».

Учитывая сказанное, не следует употреблять при характеристике марксистско-ленинских позиций чуждые марксизму понятия и термины во избежание возможных недоразумений и путаницы. Только в том случае, когда вместо верных положений предлагается неправильное, уводящее в сторону от диалектико-материалистической линии в философии, можно это отклонение (в зависимости от его характера) определять, например, как *онтологизацию диалектики*, когда последняя характеризуется только как диалектика внешнего мира, но не как одновременно и диалектика процесса познания, диалектика мышления. Но признавать какую-то «онтологическую» часть марксистской философии — значит отступать в очень серьезном пункте от самой марксистской философии, ибо никакой такой части в марксистской философии никогда не было и быть не может, если считать по-прежнему, что основным вопросом *всякой философии* является вопрос об отношении мышления к бытию.

2. Что понимается под «механицизмом» и под «сведением» высшего к низшему?

Вопрос. В каком смысле философы и естествоиспытатели употребляют термин «механизм» и почему идеалисты иногда называют материализм этим термином, так же как и термином «гилокинетика»? (к с. 322).

Ответ. Термин «механизм», «механический» употребляется в самых различных значениях. Во-первых, он может указывать на то, что данное свойство или явление относится к числу таких, которые изучает механика как отрасль естествознания. Во-вторых, он употребляется в смысле обозначения чего-то «слепо действующего», действующего как бы автоматически. В-третьих, под «механизмом» какого-либо предмета или процесса подразумевают детали его внутреннего устройства, как бы внутренний аппарат его действия. В-четвертых, «механицизм», «механический» или «механистический» указывает на определенную философскую концепцию, которая отрицает качественное своеобразие высших форм движения материи и сводит их к низшим, сводит целое к простой сумме его частей, качественные различия — к чисто количественным. Соответственно последнему значению термина старый материализм XVII—XVIII вв. именуется механическим (механистическим) (253 и 276). Этот материализм в принципе допускал «сведение» всех высших форм движения материи непосредственно к механическому движению.

Идеалисты издавна пытались придать понятию «механический взгляд» еще одно значение, отождествив его с «материалистическим взглядом». Этим они стремились принять материализм как философское учение, приписав ему все недостатки механического материализма. Когда махист Петцольдт заявлял, что «механическое миросозерцание современного естествоиспытателя не лучше по существу, чем миросозерцание древних индийцев» (368), то он под «механическим» имел в виду материалистическое миросозерцание. В. И. Ленин показал, что этот махист в своей борьбе против материализма скатился к обскурантизму.

Когда позитивист А. Рей называл «неомеханистским» одно из двух основных направлений в современной физике, противоположное другому направлению, которое он именовал «концептуалистским», то различия между ними, как показал Ленин, сводились к различию материалистической и идеалистической гносеологии (310). После того как Рей признал, что «неомеханистская» школа в физике *верит с*

реальность физической теории в том же смысле, в каком человечество *верит в реальность* внешнего мира, Ленин заключает: «И эта основная черта «неомеханистской» школы есть не что иное, как основа *материалистической гносеологии*» (313). Поэтому, когда Рей пытается смазать различие между материализмом и идеализмом, уверяя, будто неомеханисты тоже, в сущности, феноменалисты, Ленин показывает, в чем состоит «суть различия неомеханистов (материалистов более или менее стыдливых) и махистов...» (313).

Запутывая гносеологическую сторону различения материализма и идеализма в современной физике, Рей ставил вопрос о том, отличается ли резко идеалистическая теория Пуанкаре от «онтологического» истолкования механистской школы, «т. е. от признания этой школы, что теория есть снимок с объекта», — так раскрывает Ленин (314) материалистическое содержание взглядов так называемых «неомеханистов».

Вслед за этим он указывает, что Рей «пытается ослабить материализм неомеханистской школы, подводя под феноменализм взгляды физиков, считающих свою теорию снимком с объекта» (315).

Так же поступает Рей и в отношении физики XIX в., которую он именует «традиционным механизмом». «Ясно, что он рисует нам материалистическую философию традиционной физики, не желая назвать черта (т. е. материализм) по имени», — замечает по этому поводу В. И. Ленин (269). «Новая» терминология Рея не уясняет дела, а затемняет его, — продолжает он, — но мы не могли избежать ее, чтобы дать читателю представление о взгляде «позитивиста» на кризис физики» (272).

Итак, Рей называет «механистами» или «неомеханистами» физиков-материалистов. «Все они механисты, — подчеркивает он, — ибо они за исходный пункт берут *реальные движения*» (279). Уорд также именует материализм «механизмом», для которого все изменения суть движения материи (298—299). Гартман, по сути дела, называет материализм *гилокинетикой*, что означает признание физических явлений движением материи (303).

В противоположность попыткам идеалистов и полуйдеалистов из лагеря позитивизма спрятать материализм под не соответствующей ему вывеской механического мировоззрения, Ленин подчеркивает наличие «господствующего, *по общему признанию*, среди физиков *материализма* (неточно именуемого реализмом, неомеханизмом, гилокинетикой и по

развиваемого самими физиками сколько-нибудь сознательно)...)» (322).

Отказ от термина «механизм» для обозначения материализма был необходим, так как идеалисты придавали слову «механизм» двойное значение: во-первых, в их глазах это был материализм, а во-вторых, это был *механицизм* в смысле «сведения» всего естествознания к механике. Так как новая физика неоспоримо доказала несостоятельность и устарелость концепции сведения к механическому движению всех форм движения материи, то идеалисты этим пытались доказать «устарелость» материализма вообще. Вот для этого-то они и отождествляли умышленно материализм как философское учение с устаревшей концепцией механицизма.

Тот же позитивист Рей, отождествляя материализм в физике XIX в. с «традиционным механизмом», писал, что физики верили в чисто механическое объяснение природы, принимая, что физика есть лишь более сложная механика; расходились только по вопросу о приемах сведения физики к механике. Ленин поясняет по поводу выражения «традиционный механизм», что «Рей употребляет это слово в особом смысле системы взглядов, сводящих физику к механике» (269).

Механицизм есть определенная разновидность метафизики (в смысле антидиалектики). Поэтому марксистская философия борется против него, как против всякой метафизики вообще (в указанном смысле). Но, как отмечает Ленин, «физические» идеалисты, ведя борьбу против механицизма и метафизики, направляют свой главный удар против материализма. По его словам, некоторые из них «воюют всего энергичнее с атомистически-механическим пониманием природы. Они доказывают ограниченность такого понимания, невозможность признать его пределом наших знаний, законченность многих понятий у писателей, держащихся этого понимания. И такой недостаток *старого* материализма несомненен; непонимание относительности всех научных теорий, познание диалектики, преувеличение механической точки зрения...» (328—329). Далее Ленин приводит высказывание Сталло: «Механическая теория вместе со всеми метафизическими теориями гипостазировала частные, идеальные и, может быть, чисто условные группы атрибутов или отдельные атрибуты и трактует их, как разные виды объективной реальности» (329). «Это верно,— замечает Ленин,— если вы не отрекаетесь от признания объективной реальности и воюете с метафизикой, как антидиалектикой» (329).

О том, как идеалисты смешивают между собой материализм и механицизм с целью опровергнуть первый путем опровержения второго, можно судить по оценке махистами взглядов Герца, который, по их признанию, «держится все еще предрассудка насчет возможности механически объяснить всю физику» и вместе с тем «все еще держался за существование мира в себе», сохраняя понятие вещи в себе и «обычную точку зрения физиков» (301).

С другой стороны, были и такие идеалисты, которые пытались оторвать механицизм от материализма, соединить его с идеализмом. Так, Л. Лопатин хвалил русского физика-идеалиста Н. Шишкина за то, что Шишкин — «убежденный поборник механического объяснения явлений природы, но для него оно — только метод исследования... Он вовсе не думал, что механическая теория раскрывает самую сущность изучаемых феноменов, он видел в ней только наиболее удобный и плодотворный способ их объединения... Поэтому для него механическое понимание природы и материалистическое воззрение на нее далеко не совпадают между собою...» (319).

Наконец, нередко в книге Ленина слово «механический» (по отношению к физической картине мира или теории какого-либо конкретного физического явления) употребляется в смысле, производном от науки механики. Так, он отмечает неточности материалистической философии Риккера, которые вытекают, в частности, «из необязательной защиты «механической» (почему не электромагнитной?) теории движений эфира...» (293). Точно так же Ленин, возражая спиритуалисту Уорду, говорит о вздорности его заявления, будто материализм признает «обязательно «механическую», а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более сложную картину мира, как *движущейся материи*» (296).

Далее Ленин отмечает, что критик махизма Э. Бехер «недурно сопоставляет старую, механическую, и новую, электрическую, теорию материи и картину мира...» (308). Это лишний раз доказывает, насколько осмотрительно надо пользоваться термином, имеющим столь много значений.

В каждом отдельном случае необходимо конкретно выяснять, в каком смысле и в какой связи употреблен тем или иным автором данный термин, как это делает сам Ленин.

Вопрос. В каком смысле надо понимать встречающееся у В. И. Ленина выражение, касающееся *сведений* явлений природы, в частности химического сродства, к электрическим процессам? (к с. 305—306 и 265).

Ответ. Термин «сведение» имеет два существенно различных значения: одно — правильное, согласующееся с диалектическим взглядом на природу и выражающее генетическую связь высших форм движения материи с низшими его формами, другое — неправильное, которое вкладывают в него механисты, противоречащее диалектике и предполагающее возможность полного исчерпания высших форм движения низшими, исчерпания качественных различий чисто количественными. Механисты употребляли и употребляют до настоящего времени этот термин в смысле отрицания качественной специфики высших форм движения по сравнению с низшими формами и вообще отрицания объективности качественных различий, которые, по их мнению, целиком «сводятся» (в смысле исчерпываются) к чисто количественным различиям.

Ленин отвергал упрощенный, механистический взгляд на формы движения материи, подчеркивал объективность качества вещей и явлений, раскрывал взаимосвязь качественных и количественных изменений, их внутреннюю диалектику. Слово «сводится» он употреблял поэтому только в первом смысле, прямо противоположном тому, в каком употребляют его механисты. Излагая статью Динэ-Дэнеса, Ленин писал: «С каждым днем становится вероятнее, что химическое сродство сводится к электрическим процессам» (265). «Сводится» здесь означает *вызывается, обуславливается* электрическими процессами, т. е. движением наружных, или валентных, электронов, *возникает* из этих процессов. Ленин и, по-видимому, Динэ-Дэнес не говорили, что химическое действие исчерпывается движением электронов, что качество химического процесса полностью «растворяется» в физических процессах.

Следовательно, слово «свести» Ленин применяет исключительно в смысле «объяснить», указать *происхождение* того или иного явления, раскрыть лежащие в его основе физические процессы. Например, он разъясняет: «Когда физики говорят: «материя исчезает», они хотят этим сказать, что до сих пор естествознание приводило все свои исследования физического мира к трем последним понятиям — материя (в смысле весомого вещества.— Б. К.), электричество, эфир; теперь же остаются *только* два последние, ибо материю (опять же в смысле весомого вещества.— Б. К.) удастся свести к электричеству, атом удастся объяснить как подобие бесконечно малой солнечной системы...» (274—275).

Далее Ленин отмечает: «...выражение: «материя исчезает», «материя сводится к электричеству» и т. п., есть лишь

гносеологически-беспомощное выражение той истины, что удается открыть новые формы материи, новые формы материального движения, свести старые формы к этим новым и т. д.» (332). Здесь слово «свести» опять-таки употреблено в смысле «объяснить» старые формы движения материи, исходя из вновь открытых ее форм.

Теперь должно быть для нас ясным то, что по другому поводу заметил Ленин. «Когда весь мир сведут к движению электронов,— писал он,— из всех уравнений можно будет удалить электрон именно потому, что он везде будет подразумеваться, и соотношение групп или агрегатов электронов сведется к взаимному ускорению их,— если бы формы движения были так же просты, как в механике» (305—306).

Здесь «сведение» понимается, так же как и выше, в смысле того, что весь мир со временем может быть мысленно представлен как движение электронов, из которых образуются атомы, причем далее из атомов образуются молекулы, из молекул — макротела и т. д. Но Ленин специально оговаривается, во избежание неправильного перетолкования его мысли, что «сведение» к взаимному ускорению групп электронов могло бы иметь место только в том случае, *если бы сами формы движения были столь же просты, как в механике*. Но так как они гораздо сложнее, то, очевидно, отпадает возможность такого рода «сведения».

Таким образом, сделанные в свое время некоторыми механистами попытки ссылками на мнение В. И. Ленина оправдать свои ложные, антидиалектические взгляды абсолютно ни на чем не основаны. Механисты вкладывали в слово «сводится» совершенно *другой* смысл, соответствующий механистической концепции и противоречащий марксистско-ленинской диалектике.

Прямо противоположную по сравнению с механистами позицию занимают представители таких воззрений на природу, согласно которым между более сложными, высшими формами движения и их носителями, с одной стороны, и более простыми, низшими, с другой, вообще не существует закономерных связей. При такой постановке вопроса высшие, сложные формы *ни в каком смысле* не сводятся к низшим, простым, в том числе и в генетическом. С особой силой такая концепция уже издавна выдвигалась в области биологии, где она еще в XIX в. и раньше приводила к совершенно ложным, антинаучным выводам, к прямым отступлениям от материализма. Гносеологическими корнями таких отступлений оказывался в данном случае резкий, иногда абсолютный разрыв между сферой жизни и сферой неживой природы,

где действуют физические и химические «силы» (или формы движения). Как только причины биологических явлений, сущность и происхождение жизни трактовались вне их определяющей связи с химизмом материальных носителей этих явлений, составляющих физико-химическое обоснование самой жизни, так немедленно на место реальных причин, на место действительной сущности и генезиса жизни выдвигались всякого рода вымышленные надхимические, а по сути дела, сверхъестественные факторы, начиная с «жизненной силы» ранних виталистов и кончая «энтелехией» неовиталистов, мистифицированным понятием «целостности» холистов, и т. п.

Когда встает вопрос: сводится ли жизнь к физическим и химическим процессам? — нельзя дать однозначный ответ, не выяснив предварительно, *в каком смысле* здесь употреблено самое выражение «сводится». Если под «сведением» понимается (в духе механицизма), что жизнь (биологическая форма движения) во всех своих существенных проявлениях и отношениях *исчерпывается* физикой и химией, то ответ *в таком случае* должен быть отрицательным. Жизнь, как более высокая и сложная форма движения, представляет собой особый, качественно своеобразный круг явлений, который хотя и включает в себя более простые, низшие формы движения материи, более того, возникает из них в ходе развития природы, но не исчерпывается ими, не сводится к ним в качественном смысле. В самом деле, в области явлений жизни действуют качественно особые законы, например законы органической эволюции, законы возникновения, развития и превращения видов, открытые Дарвином и составляющие стержень всего дарвиновского учения. Ни химия, ни физика этими законами не занимаются, хотя и они изучают процессы эволюции *вещества*, законы возникновения и превращения *его* видов (молекул, атомов, атомных ядер, элементарных частиц). Совершенно очевидно, что законы органической эволюции качественно отличаются от законов неорганической эволюции вещества, хотя между теми и другими несомненно имеется теснейшая связь, игнорировать которую недопустимо.

Но в настоящее время в связи с гигантскими успехами новых, сравнительно недавно возникших наук, изучающих жизнь с новых ее сторон (биофизики, биоорганической химии, кибернетики, молекулярной биологии и др., не говоря уже о более старой науке — биохимии), вопрос о «сводимости» биологических явлений к физико-химическим встает в иной плоскости, а именно в той, в какой его рас-

сма­три­вал Ленин в своей книге: сводится ли жизнь к химии и физике в генетическом и структурном отношениях? На такой вопрос современная наука, полностью подтверждая ленинскую постановку вопроса, отвечает строго определенно: да, сводится! Потому что существенные проявления и свойства жизни, в том числе и наследственность, имеют своих материальных, вещественных носителей, химическую и физическую структуру которых можно и нужно изучать, что и делает современная наука, устанавливая закономерные связи между биологическими явлениями и свойствами, с одной стороны, и их физико-химическим субстратом — с другой. На такой именно основе современное естествознание вплотную подошло к практическому решению проблемы биосинтеза.

Хотя в книге Ленина непосредственно почти ничего не сказано относительно биологии, тем не менее эта книга при ее вдумчивом изучении вооружает современных ученых на борьбу против вульгаризаторских, неправильных концепций.

Тезис о том, что сущность жизни может быть только биологической, что жизнь ни в каком отношении не сводится к физике и химии, не нов. Все сторонники абсолютизации специфики живого, резкого отрыва биологического процесса от физических и химических факторов выдвигали в методологическом отношении именно такого рода «аргументы»: они делали вид, что борются против механицизма с его полным «сведением» высшего к низшему, качества к количеству, целого к сумме частей, а на деле боролись против прогресса науки, направленного на раскрытие генетических и структурных связей высшего с низшим, качества с количеством, целого с его частями. Если классический механицизм явился односторонней концепцией абсолютизации количественной стороны изучаемых явлений, то диаметрально противоположная ему абсолютизация высшей (биологической формы движения означает проявление столь же односторонней и ошибочной концепции абсолютизации качественной стороны тех же явлений. Очевидно, что обе концепции неправильны и должны быть преодолены на основе диалектического подхода, берущего в единстве, во взаимосвязи высшее с низшим, качество с количеством, целое с его частями.

Однако в современных условиях концепция абсолютизации качественной специфики биологических явлений является несравненно более опасной для прогресса естествознания; вместе с тем она может оказаться глупоологическим источником серьезных отступлений от материализма. В этой

связи книга Ленина приобретает в настоящее время особо важное значение, вооружая истинных ученых на борьбу против различного рода лжеучений.

3. Какой смысл вкладывается в термин «догматизм»?

Вопрос. В каком смысле *догматизм* можно трактовать как *метафизику*? (к с. 134 и 138).

Ответ. Догматизм всегда предполагает механическое повторение некоторых положений, принятых за верные при всех обстоятельствах, без учета конкретных условий, к которым они применяются. Подобная абсолютизация и есть типичное проявление метафизики. Вот почему Ленин, ссылаясь на критику Дюринга Энгельсом, ставил в один ряд, как совпадающие между собой, характеристики Дюринга как «догматического, метафизического материалиста... который не умел применить диалектики к вопросу об отношении между абсолютной и относительной истиной» (134).

Говоря об опасности превращения науки «в догму в худом смысле этого слова», Ленин понимал в данном случае под догмой «нечто мертвое, застывшее, закоренелое» (138).

Типичным догматизмом являются положения идеалистической философии и теологии. Идеалисты и теологи не доказывают своих исходных посылок, а принимают их как нечто непреложное, как непосредственно данное, в чем нельзя сомневаться и что следует так или иначе принимать на веру. Из философов-идеалистов это особенно наглядно проявляется у махистов.

В ленинской книге сказано, что о людях, «увлеченных новыми гносеологическими догмами» (речь идет о догмах субъективного идеализма), Больцман писал: «Недоверие к представлениям, которые мы можем лишь вывести из прямых чувственных восприятий, привело к крайности, прямо обратной прежней наивной вере (тут речь идет о воззрениях наивного реализма.— Б. К.). Говорят: нам даны только чувственные восприятия, дальше мы не вправе делать ни шагу» (95).

И Больцман показывает, что при последовательном проведении этой догмы и этой веры, неизбежно пришлось бы отрицать не только существование других людей, кроме моего «Я», но и всех представлений в прошлом.

Так «увлечению новыми гносеологическими догмами» Больцман противопоставил простое и ясное сведение махизма к солипсизму, раскрыв философскую суть, или основу, всего махистского поветрия (304).

Для догматизма характерно принятие тех или иных положений в качестве годных на все времена, без доказательства их истинности, без их обоснованности. В «Философских тетрадах» Ленин отметил: «Догматики выставляют бездоказательные предположения» [29, 275].

Вместо аргументации, доказательства и обоснования догматики требуют заранее считать их положения истинными независимо от того, когда, где и при каких условиях они высказываются.

Вопрос. Что противопоставляется догматизму в марксистском учении? (к с. 146).

Ответ. Марксизм противопоставляет мертвому, догматическому подходу живой, творческий подход, основанный на учете конкретной исторической обстановки, на обобщении всей общественно-исторической практики человека. В. И. Ленин часто ссылаясь на то, что Маркс и Энгельс говорили, что их учение *не догма, а руководство к действию*. А правильно действовать можно только при условии, если каждый раз строжайшим образом учитывается конкретная обстановка, в которой приходится действовать. Никакие шаблоны, стандарты, заранее выработанные приемы и т. д., т. е. все, с чем связан догматический подход, не могут правильно руководить практическими действиями человека, а способны лишь подсказать ему ложный путь, поскольку то, что было верно в одних условиях, может оказаться вопиющей нелепостью в изменившихся условиях.

В работе «Статистика и социология» Ленин подчеркивает как недостаток многих писаний отсутствие в них исторической точки зрения и конкретности. Он высмеивает тех, кто «словьем разливается по вопросу о величии «принципа национальности» в его разных значениях и соотношениях, причем применяется этот «принцип» по большей части столь же удачно, как удачны и уместны были восклицания известного героя народной сказки: «таскать вам не перетаскать» при виде похоронной процессии» [30, 349—350]. Здесь он имеет в виду героя-догматика, который затвердил на все случаи жизни то, что уместно было сказать, когда он встретил крестьян, везущих собранный хлеб с поля. Народная мудрость показывает, в каком нелепом, смешном положении может оказаться подобный герой в силу именно своего догматизма.

Живой иллюстрацией догматизма может служить *революционная фраза*. «Революционная фраза,— писал Ленин,— есть повторение революционных лозунгов без учета объективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном

положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие,— почвы под ними нет,— вот суть революционной фразы» [35, 343].

Ленин называл «левым доктринерством» именно такое заучивание революционных тезисов и лозунгов без умения конкретно их применять на основе конкретного анализа конкретной исторической обстановки. Вся его работа «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» направлена своим острием против этого «левого доктринерства» (догматизма в его псевдореволюционном, «левом» облачении).

Противопоставляя творческий дух марксистского учения, конкретность его анализа догматизму, педантизму и доктринерству, Ленин писал: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (а) исторически; (б) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» [49, 329].

Рассматривая практику как критерий истины, он подчеркивал его гибкость, его диалектический характер: «...критерий практики никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» (145—146).

Так, критерий практики, сокрушая всякий догматизм, в том числе догматизм идеалистов, в то же время исключает возможность самому превратиться в мертвую догму.

Частным, причем типичным случаем догматизма является цитатничество, начетничество, школярство. Все это имеет место тогда, когда те или иные положения марксизма берутся как заученные, зазубренные, без проникновения в их существо, без учета тех конкретных условий, в которых они были высказаны. Заучить, затвердить какое-либо положение — не значит его понять, уяснить его смысл. Необходимо увидеть его внутреннюю связь со всем данным учением в целом, с другими положениями того же учения.

Цепляние за *букву* учения при неспособности видеть его *дух*, видеть необходимость пересмотреть эту букву в соответствии с изменившейся обстановкой есть типичный догматизм. В ленинской книге такой догматизм критикуется в лице Плеханова. Отмечая, что новым фактом в развитии философии и естествознания в начале XX в. была связь между махизмом и новой физикой (т. е. то, что В. И. Ленин

назвал «физическим» идеализмом), Ленин писал: «...связь новой физики или, вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению. Разбирать махизм, игнорируя эту связь, — как делает Плеханов, — значит издеваться над духом диалектического материализма, т. е. жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса» (265).

Здесь Ленин четко определил самое существо догматизма: жертвовать духом, методом, диалектикой марксизма ради удержания устаревшей уже (в новых исторических условиях) буквы марксизма.

Догматический, цитатнический подход особенно наглядно выступает в тех случаях, когда из контекста того или иного произведения бездумно вырывается цитата или ее обрывок, и этот кусочек или обрывок мысли рассматривается как доказательство правильности того или иного положения, как его подтверждение или же как его опровержение. Такой бездумный подход может привести к печальным недоразумениям, когда вырванная из контекста цитата оказывается принадлежащей даже не автору того произведения, из которого она была вырвана, а совершенно другому лицу, которого данный автор к тому же и критикует за ошибочные взгляды.

Именно такая картина получается, если бездумно подходить к «Философским тетрадам»: выписанные Лениным гегелевские положения можно принять за взгляды самого Ленина, поскольку Ленин или не ставил их в кавычки, или записывал своими словами (в своем переложении).

Короче говоря, догматизм выступает всякий раз, когда бездумно повторяют заученную истину или столь же бездумно вырывают из контекста цитату и полагают, что можно ограничиться ее приведением без разбора по существу содержащейся в ней мысли.

Вопрос. *Кого и почему* враги марксизма ругают «догматиками»? (к с. 140 и 146).

Ответ. Противники марксизма обвиняют творческих марксистов в догматизме на том основании, что они признают объективную реальность, данную человеку в ощущениях и отражаемую в его сознании. Субъективные идеалисты и путанные их последователи — махисты объявляют «догматикой» признание чего-либо за пределами наших ощущений, вне и независимо от них. В. И. Ленин пишет: «Махисты презрительножимают плечами по поводу «устарелых» взглядов «догматиков» — материалистов, которые держатся за оп-

ровергнутое будто бы «новойшей наукой» и «новейшим позитивизмом» понятие *материи*» (131).

В связи с этим враги марксизма обвиняют Энгельса в «наивно-догматическом материализме», в «грубейшей материалистической догматике» (98).

Ясно, что «догматикой», «догматизмом» идеалисты имеют в данном случае основы материалистического мировоззрения, философские основы современного естествознания, доказанные и передоказанные тысячи раз всей историей науки и практики.

Когда Богданов пытался доказать, что, дескать, последовательный марксизм не допускает такой «догматики», как вечные истины, Ленин разъяснил, что в данном случае «термин «догматика» имеет особый характерный философский привкус: это излюбленное словечко идеалистов и агностиков *против* материалистов... Старый, престарелый хлам — вот чем оказываются все возражения против материализма, делаемые с точки зрения пресловутого «новейшего позитивизма» (140).

Точно так же, когда Богданов объявляет «догматизмом» признание, что марксова теория денежного обращения есть объективная истина не только «для нашего времени», но вообще, Ленин дает резкую отповедь махизму: «Это опять путаница. Соответствия этой теории с практикой не могут изменить никакие будущие обстоятельства... Но так как критерий практики, — т. е. ход развития *всех* капиталистических стран за последние десятилетия, — доказывает только объективную истину *всей* общественно-экономической теории Маркса вообще, а не той или иной части, формулировки и т. п., то ясно, что толковать здесь о «догматизме» марксистов, значит делать непростительную уступку буржуазной экономии. Единственный вывод из того, разделяемого марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: идя *по пути* марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи» (146).

Такой ложью является объявление марксизма и его философии, как и всего материализма, «догматикой», чем занимаются их противники. Ничего догматического, в подлинном смысле этого слова, в марксизме-ленинизме не было и нет.

Термины «догматизм» и «метафизика» (в кавычках) применяют враги материализма, когда хотят его унизить.

Они выступают против «*метафизики*» естествознания, против «догматизма», против «преувеличения ценности и значения естествознания», против «естественноисторического материализма» (371).

Как видим, «догматизм» и «метафизика» здесь ставятся в один ряд.

Вопрос. *Каким же образом догматики пытаются выступать под фальшивым флагом «антидогматизма»? (к с. 86).*

Ответ. Обвинять противников в своих собственных грехах — это излюбленный прием всех, у кого совесть нечиста и кто думает, что ему удастся замаскировать свои собственные провалы и нелепицы, если он будет действовать согласно принципу «держи вора!».

По аналогичному поводу В. И. Ленин писал: «Перед нами — та же *мистификация*, которую мы видели с пресловутой защитой «наивного реализма» эмпириокритиками и имманентами. Авенариус поступает по совету тургеневского пройдохи¹: больше всего надо кричать против тех пороков, которые за собой сознаешь» (86).

Именно так поступают идеалисты, воюя против основ материализма и объявляя их «догматикой», хотя на самом деле догматиками являются сами идеалисты, агностики и теологи. Были даже попытки найти нечто общее между догматами церкви и религии, с одной стороны, и краугольными положениями материализма и естествознания — с другой.

Однако в действительности между теми и другими имеется четкая и совершенно неустраняемая грань: догматы церкви должны приниматься на веру, и только на веру, так как никакими доказательствами и аргументами обосновать их невозможно и нельзя привести ни одного факта, который бы мог их подтвердить.

Напротив, фундаментальные положения материалистической философии и естествознания получили бесчисленное множество раз прямые и неоспоримые подтверждения — как теоретические, так и экспериментальные и вообще практические, а потому они принимаются как успешно прошедшие проверку через критерий практики и доказанные, следовательно, как возведенные в ранг объективных истин.

Поэтому у людей, не испорченных модной заумной реакционной философией, эти положения, как подлинно научные, вызывают полное к себе *доверие* и *уверенность* в их

¹ Речь идет о герое тургеневского стихотворения в прозе «Житейское правило». — Б. К.

истинности. Но это доверие и эта уверенность не имеют ничего общего со слепой верой католика в непогрешимость папы и другие религиозные догматы, которые церковь заставляет верующих принимать без размышления и критического анализа. Наука, напротив, требует критического анализа любых своих положений для того, чтобы убедиться в их истинности, чтобы уметь на деле, на практике их проверять и в результате этого вырабатывать уверенность в их обоснованности, в их соответствии объективной реальности.

Смещение подлинных догм с теми положениями, которые выгодно именовать «догмами» в целях борьбы против них, есть прием, который широко используют враги передовой науки для маскировки своих действительных целей. Правильно назвав догматиками настоящих догматиков для того, чтобы завоевать доверие читателя, такие авторы вслед за тем переносят огонь своих нападок на передовую науку, наклеивая на неугодные им ее положения ярлык «догматизма».

Подобное лицемерие требует разоблачения, и в этом помогает ленинская книга. Именно в ней решительно срывается маска с тех философских лицемеров, которые действуют в соответствии с советом тургеневского пройдохи.

В «Философских тетрадах» Ленин цитирует Ф. Паульсена, который писал, что «атеизм является теперь» (как прежде у буржуазии) «догматом социал-демократии»... «Это — катехизис наизнанку. И как старая догматика, так и эта новая, отрицательная догматика, враждебна науке, поскольку она в своих догмах налагает цепи на дух критики и сомнения» [29, 336].

Знакомый прием! Религия и атеизм сваливаются в одну кучу и объявляются догматикой, враждебной науке. Между тем очевидно, что то, что именуется «новой, отрицательной догматикой», есть на самом деле опровержение всякой догматики, и прежде всего церковно-религиозной.

Что же касается философии и борьбы партий внутри нее, то всякого рода примиренчество и потуги стать выше этой борьбы резко критиковали Маркс, Энгельс и Ленин. Примером идейного влияния могут служить любые «примирители» из самой гнусной партии середины. Так, Маркс писал, и Ленин приводит его слова, о том, что Шеллинг — пустой хвостун со своими претензиями обнять и превзойти все прежние философские направления. «Французским романтикам и мистикам Шеллинг говорит: я — соединение философии и теологии; французским материалистам: я — соединение плоти и идеи; французским скептикам: я — разрушитель догматики» (357).

В связи с этим Ленин замечает: «Что «скептики», называются ли они юмистами или кантианцами (или махистами, в XX веке), кричат против «догматики» и материализма и идеализма, Маркс видел уже тогда...» (357).

Позиция Маркса и Ленина по данному вопросу служит предостережением против всяких попыток изображать себя в качестве борца против всяких «догм» вообще, называя «новыми догмами» подлинную передовую науку.

Вопрос. Что имеется в виду под вопросом об «авторитетах» и «авторитарностью»? (к с. 263).

Ответ. Когда махисты, называвшие себя марксистами, выступили против основных положений диалектического мировоззрения как философии марксизма, они пытались представить дело так, будто они воюют не против марксизма и его философии, а против отдельных лиц (например, против Плеханова) и их последователей. Ход их рассуждений был очевиден: зачем по существу разбирать и «опровергать» марксистскую философию и ставить себя в уязвимое положение, когда гораздо проще изобразить свою позицию как войну против поклонения авторитетам, за «свободу» от слепого поклонения им? Ведь гораздо проще и удобнее обвинять представителей творческого марксизма в том, что они, дескать, подобно любым догматикам, поклоняются каким-то авторитетам и слепо принимают за догмы все, что писали и говорили эти авторитеты.

Ленин показал, что в данном случае философские ревизионисты прибегают к своим обычным, излюбленным приемам борьбы против марксизма. Они воюют против авторитетов марксизма потому, что эти его авторитеты четко выразили философские основы марксистского учения, обобщили и изложили их в стройном виде. Речь идет вовсе не о том, чтобы догматически повторять, как заученный урок, тезисы и формулировки, содержащиеся в трудах авторитетов марксистского учения, а о том, чтобы, отправляясь от изложенных ими принципов и основ данного учения, двигаться вперед, применять эти принципы при анализе новой исторической обстановки, новых данных, касающихся борьбы материализма и идеализма в новых исторических условиях, при обобщении новейших открытий естествознания.

Поскольку все принципы и основы марксистской философии и ее диалектики как логики и теории познания материализма полностью сохраняют свою силу, постольку сохраняют полное свое значение труды авторитетов марксистской философии. Не догматизм, а именно творческий подход к вопросу требует того, чтобы основные положения, высказан-

ные в свое время Марксом и Энгельсом и защищенные их последователями от противников, удерживались строго и последовательно, как удерживается дух прогрессивных учений, когда пересматривается та или иная устаревшая их буква, утратившая свое значение в новых условиях.

Ревизионисты и здесь, как показывает Ленин, валят с больной головы на здоровую. Это они догматически относятся к авторитетам реакционной философии, веря им на слово, принимая за истину весь тот несусветный вздор, какой нагромодили в невероятных масштабах современные эпигоны Беркли, Юма и Канта.

Здесь у махистов-ревизионистов Ленин вскрывает именно рабское следование за авторитетами реакционной моды. «Несчастье русских махистов, вздумавших «примирять» махизм с марксизмом,— писал он,— в том и состоит, что они доверились раз реакционным профессорам философии и, доверившись, покатались по наклонной плоскости. Приемы сочинения разных попыток развить и дополнить Маркса были очень нехитры. Прочтут Оствальда, поверят Оствальду, перескажут Оствальда, назовут это марксизмом. Прочтут Маха, поверят Маху, перескажут Маха, назовут это марксизмом. Прочтут Пуанкаре, поверят Пуанкаре, перескажут Пуанкаре, назовут это марксизмом!» (363).

В основе всех этих неприглядных приемов ревизионистов, как видим, лежит именно некритическое, апологетическое отношение к авторитетам реакционной философии, перенимание у них чуждых материализму положений, принимаемых на веру за истинные.

И вот для того, чтобы по возможности замаскировать свой беспросветный догматизм в этом отношении и отвлечь внимание от самих себя, ревизионисты кричат на всех перекрестках о том, что творческие марксисты, дескать, догматики, что они, дескать, слепо следуют за авторитетами марксистской философии.

Ленин и здесь сорвал маску с ревизионистов. Он писал: «И не кричите, гг. махисты, что я ссылаюсь на «авторитеты»: ваши крики против авторитетов — просто прикрытие того, что авторитеты социалистические (Маркс, Энгельс, Лафарг, Меринг, Каутский¹) вы подменяете *авторитетами буржуаз-*

¹ В те годы, несмотря на ряд существенных недостатков в своих работах, Каутский все же мог считаться пропагандистом марксистского учения. Позднее он перешел на позиции открытого ренегатства и был заклеен Лениным как отступник от марксизма и враг пролетарской революции.

ными (Махом, Петцольдтом, Авенариусом, имманентами). Лучше бы вам не поднимать вопроса об «авторитетах» и «авторитарности!» (263).

4. Ленинская критика терминологической схоластики

Вопрос. Почему современные противники материализма прибегают к нарочито *туманной, изоциренно вычурной терминологии*, когда излагают свои философские взгляды? (к с. 87 и 379—380).

Ответ. Так как основу их философских, гносеологических взглядов составляют давно известные положения старого-престарого идеализма и агностицизма, то сами по себе, в непосредственном, так сказать, обнаженном виде эти положения не могли бы сойти за нечто новое в философии. Будучи простым повторением, причем самого худшего, самого слабого и реакционного, что было в старой идеалистической философии, такое эпигонство не могло бы привлечь на свою сторону заметного числа последователей.

В связи с этим возникла необходимость прикрыть, замаскировать, завуалировать негодное, изношенное философское старье новыми словесными вывесками и терминологическими вывертами и выкрутасами. Цель такого прикрытия состояла и состоит в том, чтобы выдать за нечто новое, за великое открытие старый-престарый хлам философского идеализма, дабы уловить в его сети наивных, доверчивых читателей.

Понятно, что если перед реакционной философией стоит *такая* цель, то терминологическая сторона дела, играющая обычно подчиненную роль по отношению к существу дела, здесь приобретает непомерно большое значение: вся дутая «новизна» и «оригинальность» модных реакционных течений как раз и заключена в хитрой, заумной терминологии, в крикливых ярлыках и рекламных вывесках, которые навешивают на себя авторы и последователи этих течений.

Ленин вскрывает *«сплошную реакционность эмпириокритицизма, прикрывающего новыми вывертами, словечками и ухищрениями старые ошибки идеализма и агностицизма»* (379). Он показывает, что именно скрывается «за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма», что именно прикрывается «геллертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью» (380).

Это, в частности, Ленин прослеживает на примере словечка «элемент», с помощью которого махисты смешивали

кусочки материализма с кусочками идеализма, причем в итоге получали смесь, окрашенную в основе своей в субъективно-идеалистический цвет. Об этом уже говорилось выше, но вернемся к этому еще раз. Высмеивая как несусветный вздор «открытие элементов мира», широковещательно провозглашенное махистами, Ленин писал: «На деле, разумеется, проделка со словечком «элемент» есть самый жалкий софизм, ибо материалист, читая Маха и Авенариуса, сейчас же поставит вопрос: что такое «элементы»? Ребячеством было бы, в самом деле, думать, что выдумкой нового словечка можно отделаться от основных философских направлений. Либо «элемент» есть *ощущение*, как говорят все эмпириокритики, и Мах, и Авенариус, и Петцольдт... тогда ваша философия, господа, есть *идеализм*, тщетно пытающийся прикрыть наготу своего солипсизма нарядом более «объективной» терминологии. Либо «элемент» не есть ощущение,— и тогда с вашим «новым» словечком не связано *ровно никакой мысли*, тогда это просто важничанье пустышкой» (50—51).

Махизм, говорит в другом месте Ленин, «засоряет вопрос и отводит в сторону от правильного пути посредством пустого словесного выверта: «элемент»» (40).

Итак, терминологический мусор нужен махистам для прикрытия субъективно-идеалистического существа их учения, а крикливая вывеска служит как бы приманкой для доверчивых читателей, верящих на слово. Поэтому Ленин, чтобы показать подлинное существо махистских теорий, стремился устранить из них весь словесный сор и приводил высказывания тех философов-специалистов, которые давали «резкую оценку сути идей Авенариуса, раскрываемой по устранении вычурной терминологии» (87).

Придумывание «новой» заумной терминологии не имеет абсолютно никакого значения для развития философской мысли, ибо ни малейшего продвижения вперед игра в словечки никогда и нигде дать не может. «Всю борьбу с Дюрингом,— пишет Ленин,— Энгельс провел *целиком* под лозунгом последовательного проведения материализма, обвиняя материалиста Дюринга за словесное засорение сути дела, за фразу, за приемы рассуждения, выражающие собой уступку идеализму, переход на позицию идеализма» (359). В случае махистов результатом подобного вербализма является только засорение философии невероятным словесным мусором.

Следовательно, либо скат к идеализму, либо прикрытиe идеализма словесным сором — вот что несет с собой увлечение терминологическими вывертами. Пустая фраза, набор

слов — таковы приемы борьбы против материализма со стороны махистов. Топтание на месте и попятное движение к философскому старью, давно отвергнутому наукой и самой жизнью, — такова подлинная, неприкрашенная и неприглядная картина махистских концепций. Ленин так характеризует позицию Богданова по вопросу об истине: «Называть же возражением такие фразы, что истина есть «живая организующая форма опыта», — значит выдавать за философию простой набор слов» (134).

Это касается и общественных наук: «Как в гносеологии Мах и Авенариус не развивали идеализма, а загромождали старые идеалистические ошибки претенциозным и терминологическим вздором («элементы», «принципиальная координация», «интроекция» и т. д.), так и в социологии эмпириокритицизм ведет, даже при самом искреннем сочувствии к выводам марксизма, к искажению исторического материализма претенциозно-пустой энергетической и биологической словесностью» (349—350).

В связи с этим очень важен тот способ, с помощью которого можно разгадать истинную позицию того или иного философа, памятуя при этом, что всегда приходится обращаться к его сочинениям, а он, как автор, разумеется, всегда старается преподнести свои взгляды с лучшей стороны и, если нужно, приукрасить их.

Этот способ состоит в том, чтобы отделять *словесные формулировки*, которыми щеголяет тот или иной философ, от *подлинного смысла его утверждений*. Для этого постоянно следует задавать себе вопрос: а что может означать то или иное положение, если перевести его на обычный свободный от словесных выкрутасов язык?

Ленин писал: «О человеке судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по делам его. О философах надо судить не по тем вывескам, которые они сами на себя навешивают («позитивизм», философия «чистого опыта», «монизм» или «эмпириомонизм», «философия естествознания» и т. п.), а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы, с кем они идут рука об руку, чему они учат и чему они научили своих учеников и последователей» (228).

Для этого-то и необходимо всегда помнить о том, что требуется критическая работа по устранению вычурной терминологии, причем такая работа бывает порой весьма трудной и неприятной. Однако, не проделав ее, можно стать жертвой обманчивой словесной приманки, которая украшает какое-либо реакционное философское учение.

Вот почему Ленин жестоко бичует тех, кто, считая себя

марксистом, идет за Махом, Авенариусом и К^о, принимая за настоящие открытия их терминологические выкрутасы: «Богданов попался на удочку профессорской философии, поверив, что «интроекция» направлена против идеализма. Богданов поверил *на слово* той оценке интроекции, которая дана самим Авенариусом, не заметив *жала*, направленного против материализма» (87).

Весь анализ махизма В. И. Ленин провел под углом зрения доказательства того, что нельзя верить *на слово* реакционным философам и что надо уметь за этикеткой, которую они на себя наклеивают, отыскивать их подлинные взгляды. Как надо это делать, он демонстрирует на примере писаний «реалиста» С. Суворова. «Маркс дал,— пишет Ленин,— совершенно точное определение понятию рост производительных сил и изучал конкретный процесс этого роста. А Суворов придумал новое словечко для обозначения анализируемого Марксом понятия и придумал очень неудачно, только запутав дело. Ибо, что значит «экономия сил», как ее смотреть, как это понятие применять, какие точные и определенные факты сюда подходят — этого Суворов не объяснил, и нельзя этого объяснить, ибо это — путаница» (354).

Ленин в качестве образца подобной путаницы приводит рассуждение Суворова о том, что некий «закон социальной экономики» является «принципом внутреннего единства социальной науки», и в скобках ставит вопрос: «вы понимаете тут что-нибудь, читатель?» (354). И дальше по поводу того, что, согласно Суворову, «производительные силы людей образуют генетическую градацию», он ставит выразительное «уф!» (355).

«Это не изложение Маркса, а засорение марксизма невероятным словесным сором,— заключает Ленин.— Всего этого сора в статье Суворова не перечислить... Можно заполнить томы такими коллекциями плоскостей,— и заполняют ими томы представители буржуазной социологии, но выдавать это за философию марксизма — это уже чересчур» (355).

То же самое Ленин отмечает и у Богданова, который «хочет подтвердить и углубить выводы Маркса, но на деле он *разжижает* их невыносимо скучной, мертвой схоластикой. «Марксистского» тут только *повторение* заранее известного вывода, все же «новое» обоснование его, вся эта «*социальная энергетика*»... и «социальный подбор», это — простой набор слов, сплошная издевка над марксизмом. Богданов занимается вовсе не марксистским исследованием, а переодеванием уже раньше добытых этим исследованием результатов в на-

ряд биологической и энергетической терминологии. Вся эта попытка от начала до конца никуда не годится, ибо применение понятий «подбора», «ассимиляции и дезассимиляции» энергии, энергетического баланса и проч. и т. п. в применении к области общественных наук есть *пустая фраза*» (348).

Для Ленина главное всегда суть дела, содержание взглядов и учений. Если в нелепом словесном обороте выражена *правильная мысль*, он отмечает ее, отвергая при этом нелепый способ ее выражения. Так, он приводит слова Фейербаха, что ощущение «есть евангелие, извещение (Verkündigung) от объективного спасителя». По поводу этих слов Ленин замечает: «Как видите, странная, чудовищная терминология, но совершенно ясная философская линия: ощущение открывает человеку объективную истину» (132).

Значит, сама по себе терминология не может помешать обнаружить то, какую философскую позицию — материалистическую или идеалистическую — занимает данный философ.

Общее ленинское указание на расхождение у некоторых философов между словом и делом, между «вывеской» и сутью их взглядов касается не только реакционных философов, но и тех, кто именует себя марксистом.

Хорошо известно, что в течение некоторого времени от имени диалектического материализма осуждались и предавались анафеме многие передовые теории и целые направления в современном естествознании, как якобы «реакционные», «идеалистические», «буржуазные» и т. п. Среди них значились генетика, теория относительности, квантовая механика, кибернетика и даже ядерная физика.

На самом же деле эти достижения современной науки не только не противоречили диалектическому материализму, но прямо служили его подтверждением. Те же их противники, которые выдавали себя за диалектических материалистов, стояли фактически на позициях вульгарного или механистического материализма. Значит, и в данном случае о философях надо судить по их делам, а не по тому, что они сами о себе говорят или думают.

Вопрос. Разве не требуется *специальной философской терминологии* для того, чтобы с ее помощью выражать суть философских учений, как это и наблюдается в частных науках, например в математике или физике? (к с. 150).

Ответ. Разумеется, как и каждая наука, философия нуждается в своей специальной терминологии. Речь идет о подлинно научной терминологии, соответствующей содержа-

нию самой этой науки. Такая терминология в марксистско-ленинской философии давно уже выработана, и можно говорить лишь о том, чтобы она правильно применялась и не засорялась словесным мусором и туманными оборотами речи.

Против подобного засорения Ленин вел беспощадную борьбу. Ведь обсуждаемый вопрос не станет яснее от того, что будет применен «закрученный», непонятный для читателя термин. Как раз наоборот. «Гениальность Маркса и Энгельса и проявилась,— писал он,— между прочим, в том, что они презирали гелертерскую игру в новые словечки, мудреные термины, хитрые «измы», а просто и прямо говорили: есть материалистическая и идеалистическая линия в философии, а между ними разные оттенки агностицизма» (150).

Ленин осуждал и некритическое отношение к «чужим словам», терминам, заимствованным из сомнительных писаний по модной реакционной философии. Когда А. М. Деборин написал, что диалектический материализм «вносит свежую струю *теоретико-познавательного критицизма*», Ленин заметил на полях деборинской статьи: «не к чему «чужие» слова употреблять!» [29, 526].

Далее, по поводу деборинского выражения «сенсуалистический феноменализм», Ленин записал: «...эк его!» [29, 527]. И еще далее Ленин снабжает своими эпитетами те места статьи Деборина, где автор проявляет склонность к модным словечкам: «Неуклюжее и пелепое слово!»; «*Г л у п ы й т е р м и н !*» [29, 532, 533].

Вот еще пример. Деборин пишет, что «имманентное» становится «трансцендентным», поскольку оно приобретает *объективно-реальное* значение, и еще и еще все в том же стиле. Ленин констатирует: «Верные истины изложены в дьявольски-вычурном, *abstrus* (темном.— *Б. К.*) виде. Отчего Энгельс не писал таким тарабарским языком?» [29, 530].

Это указание Ленина следовало бы учитывать и тем из наших философов, чьи работы пестрят порой темными, вычурными терминами и туманными оборотами. Важно помнить об одном: если в сочинениях есть серьезные, глубокие мысли, то без вычурной терминологии они скорее дойдут до сознания читателей, а если таких мыслей нет, то, увы, не поможет никакая вымученная терминология.

В о п р о с. Если *терминологическая сторона* писаний махистов не имеет существенного значения, то зачем же ей уделено так много внимания в ленинской книге? (*к с. 336—337*).

О т в е т. Объясняется это тем, что Ленин всегда вел борь-

бу с враждебными марксизму учениями конкретно, т. е. глубоко и всесторонне изучив их, выяснив их слабые стороны, отыскивая верные средства для нанесения самых эффективных, сокрушительных ударов по критикуемым учениям. Без такого конкретного подхода сокрушить махистское поветрие было бы весьма затруднительно. Нельзя полагать, что только пустыми декларациями и навешиванием ярлыков на критикуемые взгляды можно хотя бы отчасти одержать над ними верх. Громким шумом и широковещательными заявлениями можно создать лишь *видимость борьбы*, сама же борьба требует глубокого изучения противника, его методов борьбы, его аргументации, какой бы несостоятельной по существу она ни была. Криком и призывами к идеологической борьбе делу помочь нельзя, так как требуется именно *реальная борьба*, а ее надо уметь вести так, как вел ее В. И. Ленин.

Яркой характеристикой ленинского подхода к критике махизма может служить следующее место в ленинской книге. Приведя очередные рассуждения махистов, переполненные словесным мусором и нелепицами, Ленин пишет: «Читатель, вероятно, негодует на нас за то, что мы так долго цитируем эту невероятно пошлую галиматью, это квазиученое шутство в костюме терминологии Авенариуса. Но — *weg den Feind will verstehen, muß im Feindes Lande gehen*¹: кто желает знать *врага*, тот должен побывать во *вражеской* стране. А философский журнал Р. Авенариуса — настоящая вражеская страна для марксистов. И мы приглашаем читателя преодолеть на минуту законное отвращение к клоунам буржуазной науки и проанализировать аргументацию ученика и сотрудника Авенариуса» (336—337). И далее он подвергает самому детальному критическому разбору очередное писание одного из махистов.

Так Ленин проникал во вражеский стан, чтобы знать противника досконально.

Выше мы подробно остановились на терминологической стороне разбираемого круга вопросов, стремясь показать, как В. И. Ленин боролся за научную строгость философской терминологии. Путаная терминология, особенно когда она затрагивает наименование главных философских направлений — материализма и идеализма, может быть на руку только идеалистам, прежде всего тем из них, которые сами пытаются запутать основные гносеологические вопросы.

¹ Перефразировка двустипшия Гёте.— *Ред.*

Отвечая на вопросы, возникающие по поводу отдельных мест ленинской книги и встречающихся в ней формулировок и терминов философского и естественнонаучного характера, нам пришлось охватить самые различные проблемы. При этом мы пытались в первую очередь разобрать те из них, которые имеют отношение одновременно и к философии и к естествознанию. Поскольку острое ленинской критики направлено против махизма (эмпириокритицизма), который по каждому вопросу эклектически смешивает принципиальные установки основных философских направлений, претенциозно заявляя о мнимом преодолении их противоположности друг другу, мы стремились особо выяснить те приемы, которые при этом использовали махисты. С этим связано выяснение вопроса о соотношении философских и физических (естественнонаучных) понятий, поскольку их смешение махисты использовали в первую очередь при проведении своей философской линии.

Далее, мы особо остановились на группе вопросов, затрагивающих соотношение между объектом и его отображением в науке, поскольку они касаются самого существа ленинской критики махизма, который выступает как путаная разновидность субъективного идеализма и агностицизма.

Мы рассмотрели также некоторые проблемы, касающиеся учения о строении материи, возникшего в начале XX в., а в связи с этим — вопросы, касающиеся таких общеметодологических проблем науки, как проблема сводимости (соответственно несводимости) одних качественно особых явлений к другим качественно отличным от них.

Во второй части пособия нами специально еще раз было затронуто ленинское определение марксистской философии как диалектического материализма, показано, что оно не может быть узким, неполным, а потому и недостаточным в современных условиях по сравнению с бытующими ныне другими определениями, согласно которым марксистская философия в качестве своих составных частей содержит кроме диалектического материализма другие философские дисциплины. Дело в том, что диалектический материализм призвал «сладить», по выражению Ленина, с любыми философскими вопросами, возникающими в любых без исключения областях научного знания и революционной практики. Вот почему Маркс, Энгельс, Ленин неизменно определяли марксистскую философию как диалектический материализм. И это определение, являющееся предельно широким, сохраняет все свое значение, действенность и силу.

При анализе вопросов терминологического характера мы считали необходимым внести некоторые уточнения в отдельные формулировки, касающиеся физических и химических явлений, чтобы не дать возможность противникам марксистской философии «опровергать» ее принципиальные положения, цепляясь за встречающиеся в книге В. И. Ленина те или иные частные формулировки, связанные с физикой или химией, которые в свете данных современной науки требуют уточнения. (Например, враг диалектического материализма мог бы попытаться «опровергать» ленинскую критику агностицизма ссылкой на то, что в каменноугольном дегте нет ализарина и т. п.). Мы старались разъяснить действительный смысл тех высказываний, которые даются иногда с применением устарелой (с точки зрения современной физики) терминологии.

Отвечая на эти вопросы, мы стремились показать, что разбор затрагиваемых Лениным философских и физических проблем и вообще всего содержания книги имеет прямое отношение к современности, помогает физикам и философам правильно решать возникающие перед ними новые задачи. В не меньшей степени это касается и других отраслей современной науки.

Конечно, вопросы, возникающие при изучении ленинской книги, не ограничиваются теми, которые приведены выше. По мере того как движется вперед человеческая история, как совершаются новые глубочайшие изменения во всех областях современного естествознания и общественных наук, возникают и новые философские вопросы. Уметь вовремя ответить на них в связи с глубоким и конкретным изучением ленинской книги — важная задача пропагандиста марксистско-ленинской философии.

Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» сохраняет и сегодня свою актуальность, свою удивительную злободневность, несмотря на истекшие после ее выхода в свет три четверти века.

Жизненность ленинской книги объясняется тем, что жизненны содержащиеся в ней идеи, в которых отражены самые основы марксистско-ленинского философского учения, жизненна и по-прежнему остра и сокрушительна ленинская критика, направленная не только против вчерашних врагов марксизма, но и против всех его нынешних философских противников.

Эта особенность ленинской книги — ее жизненность, актуальность и заостренность против противников марксизма-ленинизма — делает ее бессмертным произведением; в наши

дни, так же как и 75 лет назад, она остается грозным идейно-теоретическим оружием против врагов передовой науки, передового марксистско-ленинского мировоззрения.

Книга Ленина учит тому, как надо в современных исторических условиях творчески развивать диалектический материализм, разрабатывать на его основе вновь возникающие вопросы общественных и естественных наук и общественно-исторической практики.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Часть первая. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ КНИГИ В. И. ЛЕНИНА	8
Глава I. КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ КНИГИ	9
1. Историческая обстановка	—
2. Что нового внес Ленин	15
3. Связь с другими произведениями основоположников марксизма-ленинизма	19
4. С точки зрения современности	22
Глава II. ХАРАКТЕР ЛЕНИНСКОЙ КРИТИКИ. ИСТОРИКО-ФИЛО- СОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА	26
1. Аргументированность, содержательность и конкретность критики	27
2. Строгая логичность против алогичности и школярства ре- визионистов	32
3. Применение диалектического метода в критике. Принцип историзма	37
4. Конструктивность критики и ее партийный характер	46
Глава III. ПРЕДМЕТ И ХАРАКТЕР МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ В ЕЕ РАЗВИТИИ	51
1. Философия марксизма есть диалектический материализм	—
2. Каков предмет марксистской философии? Как он образо- вался исторически?	54
3. Целостность и монолитность марксистской философии	58
4. Как развивается марксистская философия?	64
Глава IV. ИЗУЧЕНИЕ ОСНОВНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ КНИГИ	69
1. Философская проблематика в связи с общей структурой книги	—
2. Философское понятие материи	71
3. Мир как предмет научного познания	77

4. Материалистический взгляд на мир в связи со сменой физических картин мира	80
5. В защиту ленинского определения материи	84
Глава V. ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ XX в.	94
1. Новейшая революция в естествознании	95
2. Кризис современной физики и «физический» идеализм	101
3. Значение ленинской книги для философской оценки естествознания наших дней	116
4. Три этапа революции и кризиса современного естествознания	123
Глава VI. ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК	130
1. Главный вопрос исторического материализма. Полное единство материализма исторического и диалектического	—
2. Различные концепции тождества бытия и мышления (сознания)	134
3. Возрастание роли субъективного (духовного) фактора в истории	140
4. Против смешения социального с биологическим и физическим	145
5. Принцип партийности в философии	148
6. Отношение к религии	152
Часть вторая. ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КНИГИ В. И. ЛЕНИНА	158
Глава VII. ПРОТИВ СМЕШЕНИЯ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ, ПРОТИВ ИХ МАХИСТСКОГО ТОЛКОВАНИЯ	159
1. Мнимое «физическое» понятие материи	—
2. Понятия научные и понятия махистские (элемент, гипотеза)	164
3. Допустимы ли ссылки на соображения удобства в науке?	170
4. Научное и махистское толкование «функциональности»	173
5. По поводу махистской «принципиальной координации»	176
Глава VIII. КРИТИКА ЭНЕРГЕТИЗМА. ВОПРОС О МАТЕРИАЛЬНОМ СУБСТРАТЕ ДВИЖЕНИЯ	182
1. «Энергетика» в физике и философии	—
2. Крушение энергетики Оствальда и ее рецидивов	185
3. Материя и ощущение	195
4. Материальный субстрат движения и свойств тел	198
Глава IX. НЕКОТОРЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ И СПЕЦИАЛЬНО ФИЗИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ	206
1. Соотношение между физическим объектом и его отражением в науке	—
2. Масса как физическое свойство материи. Понятие «эфир»	215
3. Ленинское предвидение неисчерпаемости электрона	220
4. Некоторые специально физические выражения и термины	224

Глава X. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ	229
1. По поводу ленинского определения философии марксизма как диалектического материализма	—
2. По поводу мнимого разделения марксистской философии на части	234
3. Термин «мировоззрение» и формула о мире в целом как предмете философии	238
4. Место и роль практики в теории отражения	246
5. Творческая активность сознания	250
6. Основные философские направления в естествознании XX в.	263
7. Непримиримость как признак враждебности, антагонистичности	271
Глава XI. РАЗЛИЧНЫЕ ТОЛКОВАНИЯ МАТЕРИАЛИЗМА И ИДЕАЛИЗМА И ИХ НАИМЕНОВАНИЯ	281
1. Употребление терминов «реализм» и «метафизика»	—
2. Что понимается под «механицизмом» и под «сведением» высшего к низшему?	289
3. Какой смысл вкладывается в термин «догматизм»?	297
4. Ленинская критика терминологической схоластики	306

Кедров Б. М.

К33 Как изучать книгу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». — 4-е изд., доп. — М.: Политиздат, 1983. — 318 с.

Книга академика Б. М. Кедрова представляет собой пособие, цель которого — помочь читателю при изучении важнейшего философского труда В. И. Ленина. Последнее издание книги выходило в 1972 г. Настоящее издание переработано и дополнено новым материалом. Оно включает «Ответы на вопросы», в которых разъясняются отдельные наиболее сложные положения и термины, содержащиеся в книге В. И. Ленина. Книга рассчитана на преподавателей, студентов, а также самостоятельно изучающих марксистско-ленинскую философию.

К $\frac{0102020000-427}{079(02)-83}$ 80-84

11.59
3К24

Бонифатий Михайлович Кедров
**КАК ИЗУЧАТЬ КНИГУ В. И. ЛЕНИНА
«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»**

Заведующая редакцией Р. К. Медведева
Редактор П. П. Апрышко
Младшие редакторы Ж. П. Крюкова и Е. С. Молчанова
Художник П. В. Меркулов
Художественный редактор В. А. Бондарев
Технический редактор Е. В. Васильевская

ИБ № 4352

Сдано в набор 28.07.83. Подписано в печать 14.11.83. Формат 84×108¹/₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 16,80. Условн. кр.-отт. 16,80. Учетно-изд. л. 19,38. Тираж 100 тыс. экз. Заказ 3670. Цена 95 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

**Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.**

